ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКАЯ РОССИЯ" МОСКВА—1970

Составитель
И. И. ШМЕЛЕВ

Оформление
Р. И. АБЕЛЯ

Чекисты рассказывают... М., «Сов. Россия», 1970.

Ч37 На обороте тит. л. составитель И. И. Шмелев.

Книга рассказывает о благородном, самоотверженном и опасном труде советских разведчиков и контрразведчиков. Время действия — канун Великой Отечественной войны, военное время и послевоенные годы. В качестве авторов выступают ветераны-чекисты полковники Р. Абель, А. Авдеев, А. Зубов, В. Егоров, А. Сергеев и другие. Авторы — непосредственные участники описываемых событий, это придает всей книге необычайную точность и достоверность.

Книга оформлена Р. И. Абелем.

1—12—2
87—70

Р 2

Мы победили потому, что лучшие люди всего рабочего класса и всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершали чудеса храбрости, переносили неслыханные лишения, жертвовали собой...

В. И. Ленин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Органы государственной безопасности нашей страны более пятидесяти лет стоят на страже интересов Советского государства. Вместе со всем советским народом они прошли славный и героический путь — от первого залпа «Авроры» до громовых раскатов стартующих космических ракет, вписав в летопись борьбы с врагами нашей Родины немало замечательных страниц. Они были и остаются карающим мечом социалистической революции, умело раскрывая замыслы многочисленных врагов Советской власти, и, говоря словами В. И. Ленина, «...репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян...» пресекали происки контрреволюции.

В борьбе с врагами нашего государства выросли и закалились замечательные кадры советских разведчиков и контрразведчиков, людей кристальной честности и огромного личного мужества, готовых к самопожертвованию ради народного дела.

Именно таких людей встречает читатель на страницах сборника «Чекисты рассказывают...», составленного И. И. Шмелевым. Рассказы сборника открывают перед читателями героику чекистских будней, где подвиг стал нормой поведения. Такой результат достигается в первую очередь тем, что авторы сборника — не профессиональные литераторы, они — чекисты и рассказывают часто о виденном и пережитом ими самими, о своих друзьях, товарищах по оружию. В их рассказах работники госбез-

опасности предстают не в романтическом ореоле «сверхчеловека», а обыкновенными советскими людьми, с которыми, возможно, читатель, не подозревая об этом, не раз сталкивался в повседневной обстановке. Но в этой обыкновенности кроется сила советских чекистов. Ничем, казалось, не отличаясь от многих людей, в обстоятельствах чрезвычайных, где требуется мужество, отвага, решимость и непоколебимая стойкость, они являли всему миру величие духа советского человека. Подвиги бойцов незримого фронта достойны восхищения и потому, что они совершают их часто вдали от Родины, во вражеском кольце, рассчитывая только на свои силы и выдержку.

Сборник охватывает большой отрезок времени — от предвоенных лет до сегодняшних дней. Начинается он с рассказов В. Листова «Операция «Янтарь» и В. Егорова «Чекист всегда чекист». Кто знает, сколько бы новых жертв понес наш народ, если бы не самоотверженная деятельность советских контрразведчиков по обезвреживанию фашистской шпионской сети в стране. Немецко-фашистское командование, используя опыт захваченных стран Европы, надеялось создать и в Советском Союзе «пятую колонну», которая, дезорганизуя и терроризируя тыл Советской Армии, помогала бы вторжению оккупантов. С этой целью немецкая разведка стремилась «нашпиговать» нашу страну шпионами, диверсантами и террористами. Но планы фашистских обершпионов успешно разрушались чекистами с помощью советских людей. Об операциях по выявлению и уничтожению вражеской шпионской сети в Прибалтике рассказывает В. Листов. Рассказ В. Егорова посвящен операции по ликвидации в Советском Азербайджане и на территории Ирана диверсионных групп, на которые возлагалось уничтожение нефтяных промыслов Баку.

В годы Великой Отечественной войны чекисты бдительно охраняли государственные и военные тайны, оперативные планы Советских Вооруженных Сил. Одновре-

менно они вели тонкую и сложную, крайне необходимую работу по выявлению военных замыслов врага и обеспечению командования Советской Армии разведывательными данными.

Бесстрашно, не щадя жизни, сражались с немецкими захватчиками в их тылу чекисты-разведчики. Об их героической борьбе рассказывает А. Авдеев. Сотни километров по лесам и болотам с боями прошла во вражеском тылу разведывательная группа, составленная из московских спортсменов, под командованием младшего лейтенанта Бориса Галушкина, впоследствии Героя Советского Союза («Друзья боевые»), выполняя задание командования партизанского разведывательно-диверсионного отряда. Она пробилась через линию фронта и доставила командованию Западного фронта Советской Армии важные сведения. Эту тяжелую и опасную одиссею разведчики проделали с раненым товарищем на руках.

Образцы мужества, верности долгу и стойкости являли советские разведчики, попав во вражеский застенок. Ни пытки, ни страшные мучения не могли заставить их изменить Родине. Они отказывались купить себе жизнь ценою предательства. Их героическое поведение бесило фашистских варваров, но в то же время вызывало невольное уважение. Именно таким несгибаемым коммунистом-чекистом предстает перед нами начальник оперативной группы старший лейтенант Назаров, попавший тяжелораненым в плен («Мужество»). Даже неимоверные мучения не помешали ему сообщить из вражеского застенка о предателе-радисте.

Многогранные, живые, глубоко человечные, близкие нам по духу встают со страниц образы чекистов. Это, обращаясь к ним, Ф. Э. Дзержинский говорил:

«Кто из вас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к терпящим бедствие, те уходите из этого учреждения. Тут больше, чем где бы то ни было, надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердце».

Слова эти огненными строчками выжжены в сердце настоящих чекистов, без них нет чекиста. Вероятно, их вспомнил разведчик Петр Головко в последние минуты перед гибелью, жертвуя собой ради спасения советских граждан, отправляемых в Германию («Песня о Соколе»). Он вечно будет живым примером отваги, мужества и самопожертвования.

Разнообразны, как сама жизнь, ситуации, обстоятельства, в которые попадали наши чекисты. Но всегда они сохраняли энергию, волю к жизни, к победе. Смерть только в бою! Гибель от безволия, слабости они считали худшим случаем духовной демобилизации. Трогательным и волнующим представляется в этой связи рассказ «Верность». Спасаясь от погони, пробирается безлюдными тропами советский пограничник, бежавший из плена. Он едва держится на ногах от усталости и голода. Как хорошо бы сейчас лечь и забыться, заснуть навсегда. Но он гонит прочь подобные мысли, ведь он боец, чекист, его место среди сражающихся товарищей. Все ближе преследователи, за спиной слышатся топот сапог и лай огромной овчарки. Нет, видно, не уйти. И он решает дать врагу свой последний бой. Сжимая ослабевшими пальцами камень, он поворачивается навстречу врагу. Бросив камень, он падает, не удержавшись на ногах. «Все, конец!» Но что это? Собака его не трогает, он узнает в ней своего четвероногого друга Абрека, с которым до войны нес службу на границе. Теперь он не один. Уничтожив фашиста, пограничник вместе с собакой возвращается к своим.

В годы войны советские разведчики не только боролись за освобождение своей Родины от захватчиков. Как воины-интернационалисты, они помогали в борьбе за свободу другим народам. Совместной деятельности советских разведчиков и партизан с польскими патриотами посвящен рассказ С. Стрельцова «В польском рейде».

В трудные для страны годы Великой Отечественной войны органы государственной безопасности наводили страх на фашистских прихвостней — предателей Родины,

трусов, дезертиров, спасавших свою шкуру. Даже в тылу фашистских войск, на временно оккупированных территориях не было спасения предателям.

Ловко прикрываясь личиной религиозности, действовала в советском тылу на территории Липецкой области секта «истинно православных христиан», руководимая бывшим кулаком, уголовником с большим стажем. Установив связь с немецкой разведкой, секта улавливала в свои сети отдельных неустойчивых советских граждан, представляя их затем для использования фашистской разведке. С помощью советской патриотки Дуни советские контрразведчики обезвредили и это шпионское гнездо («Дуня»).

Отгремели бои. Над логовом фашистского зверя взметнулся наш алый победный стяг. Страна перешла к залечиванию нанесенных войной ран. Но силы мировой реакции и империализма не могли спокойно смотреть на возрождение нашего народного хозяйства. Потерпев поражение в своей попытке задушить Страну Советов немецко-фашистскими войсками, агрессивные круги империализма не оставили надежд помешать мирному строительству нашего общества. Но теперь они, приспосабливаясь к изменившейся обстановке, к наличию многих стран, выбравших социалистический путь развития, применяют все более коварные и изощренные методы в своей подрывной деятельности против СССР. И вновь, как в годы войны, чекисты ведут бескомпромиссную борьбу на незримом фронте. Давно демобилизовались бойцы, принесшие на своих штыках свободу многим странам Европы, но по-прежнему в боевом строю остались бойцы незримого фронта — сотрудники органов государственной безопасности.

Перед разведками империалистических государств их хозяева сейчас ставят задачи по ослаблению могущества социалистических стран, их единства и сплоченности с силами рабочего и национально-освободительного движения. Главное острие атак империалистической разведки

направлено против нашей страны. Любой ценой вражеские разведки пытаются получить информацию о военно-экономическом потенциале Советского Союза, о Вооруженных Силах СССР, о внутреннем положении, о новейших достижениях науки и техники.

О грязных приемах и методах империалистической разведки и ее агентов рассказывают А. Зубов, Л. Леров, А. Сергеев в своих повестях «Тайна пятидесяти строк» и «Дело «Доб-1». Они ярко и убедительно показывают, как пытаются иностранные разведчики с помощью шантажа, провокаций и запугиваний склонить советских людей к измене Родине, выдаче государственной тайны. Под видом туристов, студентов, деловых людей, работников дипломатического корпуса и т. п. империалистические разведки засылают в нашу страну своих агентов, а те в свою очередь ищут неустойчивых людей среди советских граждан, стремятся завязать с ними переписку, выведать у них разведывательную информацию, однако чаще всего это лишь напрасные потуги. Коварству и изощренности шпионов противостоят бдительность советских людей, их патриотизм, а также — и это самое главное — щит и меч нашей страны: органы государственной безопасности. За каждой операцией по разоблачению и обезвреживанию деятельности империалистических разведок стоят советские чекисты, их мастерство и беззаветная преданность Родине, своему народу.

Сборник венчают рассказ Р. И. Абеля «Возвращение на Родину» и интервью с ним корреспондента журнала «Смена» А. Лаврова.

Имя Абеля широко известно у нас в стране и за рубежом: он выступал в кино, интервью с ним печатались в советских газетах и журналах. Но Рудольф Иванович очень скупо рассказывал о себе, о том, что довелось ему пережить в те годы вдали от Родины. Поэтому включенный в настоящий сборник его рассказ по существу является одним из первых. В нем он делится своими переживаниями и впечатлениями о времени пребывания в аме-

риканских тюрьмах. Заключенные федеральной исправительной тюрьмы в Атланте приняли его в свою среду. Абель с присущей ему увлеченностью осваивал новый для него вид прикладного искусства — шелкографию. Это была его работа по назначению тюремного начальства. А в свободное время Абель с не меньшим увлечением решал математические задачи. Несмотря на то что администрация тюрьмы все время боялась, что какой-нибудь уголовник, стремясь заработать дешевую популярность героя-«антикоммуниста», может попытаться убить его, Абель старался не думать о таких вещах и не уклонялся от встреч с заключенными. Он вспоминает в рассказе об этих встречах, очень точно подмечая, что наряду с «отпетыми» главарями бандитских шаек, грабителей банков, жуликов, фальшивомонетчиков и прочей уголовной накипи в тюрьме содержались и талантливые, умные люди, которые могли бы приносить пользу обществу. Но они были искалечены этим самым обществом, в котором все доступно богачам и ничего не достается беднякам.

Родина не оставила Абеля в беде. Морозным утром 10 февраля 1962 года, на мосту Глиникер-Брюкке, что соединяет столицу ГДР с Западным Берлином, был произведен обмен Абеля на осужденного Военной коллегией Верховного Суда СССР в 1960 году к 10 годам лишения свободы американского летчика-шпиона Гарри Пауэрса.

В своем интервью корреспонденту журнала «Смена» Рудольф Иванович делится с молодежью, читателями журнала мыслями о самовоспитании и самодисциплине, о работе чекиста-разведчика, в которой самым главным является неистребимая и безграничная любовь к своей Родине. Абель вспоминает, что все то время, пока он находился в американской тюрьме, его не покидала уверенность, что на Родине делается все возможное, чтобы помочь ему. Высказанные Рудольфом Ивановичем мысли и советы особенно полезны нашей молодежи, которая, по его характеристике, обладает настойчивостью в решении поставленных задач, целеустремленностью в работе,

высоким общеобразовательным и культурным уровнем и преданностью Родине, то есть всеми теми качествами, без которых немыслима работа чекистов.

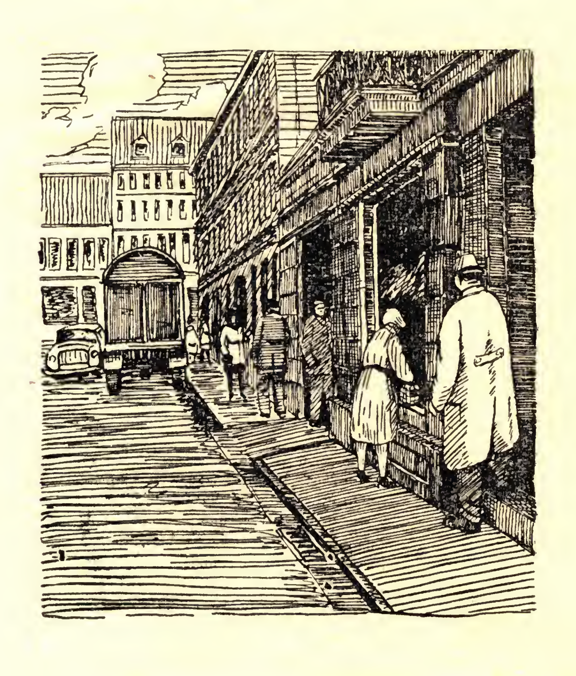
Этими замечательными качествами обладает и сам Р. И. Абель. Свои незаурядные способности художника Рудольф Иванович показал при иллюстрировании данного сборника.

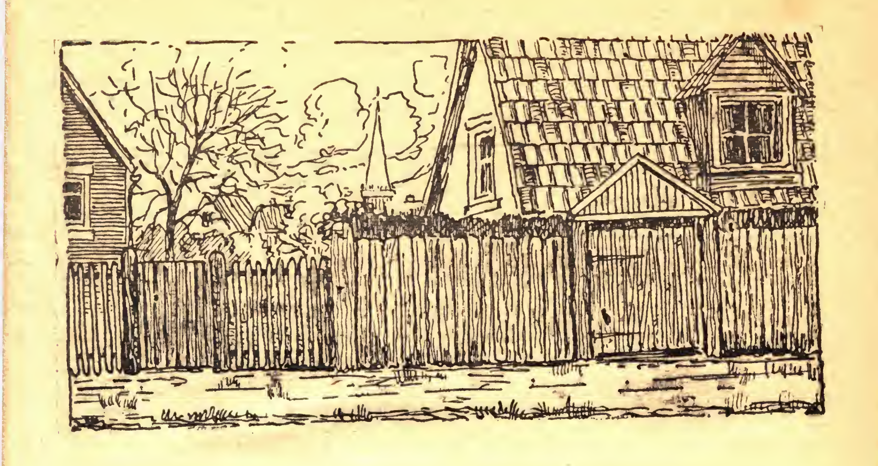
Прочитана последняя страница... Но можно с полной уверенностью сказать, что читатель еще долго будет мысленно возвращаться к образам славных героев-чекистов, преисполненный благодарности к авторам и составителю сборника, безыскусно и правдиво рассказавшим о делах и подвигах советских разведчиков и контрразведчиков.

Н. ЧИСТЯКОВ,
генерал-лейтенант юстиции,
кандидат юридических наук

В. ЛИСТОВ

ОПЕРАЦИЯ „ЯНТАРЬ“

I

Была ранняя весна 1941 года, вторая весна с начала моей работы в контрразведке. В середине дня меня неожиданно вызвал к себе начальник — майор государственной безопасности Крылов.

Пригласив сесть, Крылов опустил взгляд к столу, где лежала четвертушка бумаги с машинописным текстом. Он явно был чем-то озабочен.

Больше года работал я с Крыловым, говорил друзьям, что Крылов — мужик свойский, а к его насмешливому тону, к испытующим хитрым глазам привыкнуть не мог. Рядом с Крыловым чувствовал я себя мальчишкой.

Крылову было за пятьдесят. Он любил шутку, и по моему адресу их выпадало, пожалуй, больше всего. Виной тому была молодость, неопытность. Но его шутки не обижали. Они как-то скрашивали будни, делали служебную обстановку простой и непринужденной.

Сейчас я молча сидел перед Крыловым и чувствовал себя прескверно: в чем же я мог оплошать?

Вероятно заметив, что я начинаю краснеть, майор ткнул папиросу в пепельницу, тщательно примял ее, передвинул на столе бумагу и деловито сказал:

— Получен приказ. Завтра мы с вами выезжаем в Прибалтику. Вашу кандидатуру назвал я.

...И вот скорый поезд мчит нас на запад. Ехать около

суток. Двадцать часов раздумий. А поразмыслить есть о чем. «Каким будет задание? В чем оно состоит? И, самое главное, что будет поручено мне, сумею ли справиться?»

Приехали днем. Погода стояла еще зимняя, но в полдень снег подтаивал, и капли, падающие с крыш, протачивали в сугробах глубокие рытвины. Под вечер возвращалась зима. На крышах застывали прозрачные сосульки.

В городе все было необычно: и голубые фонари, вспыхивающие вечером на центральной улице, и перезвоны колоколов, и силуэты католических костелов.

Бродя по улицам, я рассматривал сияющие витрины маленьких магазинов, которые принадлежали частным лицам. Раньше об этом я знал только из книг.

На следующее утро, в связи с приездом «московской бригады», как начальник местного управления, майор государственной безопасности Дуйтис выразился о Крылове и обо мне, состоялось совещание.

Дуйтис, тучный краснолицый человек, говорил медленно, как бы превозмогая себя. Но речь его, несмотря на частые остановки, была собранной, логичной.

— Как вам известно из наших докладных, в городе активно действует бандитская, а точнее сказать, фашистская организация. Существует она давно. При буржуазном строе правительство боялось ее трогать, опасаясь высоких покровителей в Германии... К нам попали некоторые архивные материалы буржуазной контрразведки, из которых видно, что организация получала от фашистов поддержку.

— Эти материалы изучены? — спросил Крылов, когда Дуйтис сделал паузу.

— Мы использовали лишь некоторые сведения...

Крылов кивнул головой.

— После того как в городе установилась Советская власть, местные фашисты стали действовать более нагло. Они распространяют антисоветские листовки. Получены сведения о том, что банда готовит удар в спину Красной Армии в случае вооруженного конфликта с Германией. Они уверены, что война неизбежна, готовятся к ней, считая себя резервом фашистов в нашем тылу... Что касается состава организации, то нам известно, что ряд главарей живет в городе, несколько человек — на хуторах. Более точными сведениями не располагаем.

Дуйтис закончил.

— Никто из банды не арестован?

— Одного мы арестовали, но он молчит.

— Как его фамилия?

— Крюгер... Ганс Крюгер.

Совещание затянулось. Я молча сидел в углу, перебрасывая взгляд с одного незнакомого лица на другое.

Не терпелось взяться за дело. Теперь задача состояла в том, чтобы наиболее реально набросать план мероприятий, как можно скорее проникнуть в замыслы организации. А для этого требовалось множество дополнительных сведений. Поиски начались с первого же дня. Времени не жалели. «Упустишь свежий след — кусай потом локти!» — говорил Крылов.

Работали часов до двух, до трех ночи. Крылов задерживался еще дольше, и я возвращался в гостиницу один.

Трехэтажное здание управления выходило фасадом на большой пустырь. Летом на пустыре, вероятно, зеленел газон. Сейчас пустырь неуютно щетинился голым кустарником. Я решил использовать эти прогулки по незнакомому городу в своих целях: приучал себя к хладнокровию... Выходя из управления, неторопливо огибал пустырь по обтаявшей асфальтовой дорожке, поглядывал по сторонам, не поворачивая головы.

Минула первая неделя. Отбор сведений, сопоставление событий — задача нелегкая, но день ото дня справляться с ней становилось все легче, и я начинал верить в свои силы. Казавшиеся вначале незначительными факты начинали играть все более важную роль. К ним-то, к этим «пустякам», Крылов учил присматриваться как можно внимательнее. В справедливости наставлений шефа я убедился очень скоро.

II

В ту ночь я, как обычно, закончил работу поздно. Голова трещала. Глаза слипались, хотелось спать. Но стоило выйти на улицу, как морозный воздух сразу прогнал сон. Гостиница была недалеко, и, чтобы продлить прогулку, я шел не торопясь, всей грудью втягивая в себя сладковатый морозный воздух, не забывая внимательно вглядываться в темноту переулков. Было тихо, город спал. На середине пути к гостинице я заметил прилипшую к металлической ограде фигуру человека. Остановившись,

стал наблюдать. Фигура отделилась от ограды и, все так же согнувшись, стала продвигаться вперед. Издали казалось, что человек крадется. Я пошел следом. Человек вел себя странно. Он то припадал к ограде, подолгу стоял на месте, то отрывался от нее и неуверенно продолжал путь. Видимо, все-таки он был пьян. Я догнал его и некоторое время шел рядом.

— Что с вами?

Мужчина поднял голову.

— Н-нехорошо,— произнес он с сильным акцентом.

— Что нехорошо?

— Мне н-нехорошо,— повторил он и, схватившись за живот и скорчившись, припал к металлической решетке.

Я шагнул к мужчине, тронул его за плечо.

— Вы больны?

— Да, да... Помогьите... У меня язва...— с трудом подбирая слова, сказал он.

Левой рукой я подхватил мужчину за пояс. Он поднял голову, в слабом свете фонаря взглянул мне в лицо.

— Русский?

— Да...

— Чекист?

— Почему вы так решили?

— Рьешил... Ночью люди редко помогают... Боятся. А вы не испугались... Кто сейчас ходит ночью?

В темноте я не мог хорошенько рассмотреть его черты, но то, что увидел, запомнилось. Лицо крупное. Большой нос, глубокие впадины щек. И на всем этом усталость и печать внутренней боли. Но что же заставило его выйти на улицу ночью?..

Два квартала прошли молча.

— Этот дом,— кивнул мужчина головой,— я позвоню...

В коридоре зажегся свет, и женщина что-то спросила. Я плохо понимал по-литовски и не разобрал ее слов.

— Ты не бойса,— ответил мужчина по-русски,— меня привел русский. Ты поблагодари его...

Прощаясь с незнакомцем, я запомнил на всякий случай название улицы и номер дома. Город переживал трудные дни. С наступлением темноты жители отсиживались дома. А кое-кто выходил на промысел. Случайна или не случайна была встреча с этим человеком?

Спустя несколько дней поздно вечером я услышал на улице выстрелы. Еще не зная в чем дело, натянул пальто и выскочил из управления. Дежуривший у подъезда сол-

дат что-то объяснял окружившим его людям, указывая на пустырь. Я разобрал его слова:

— В том направлении...

Несколько человек побежали через пустырь к ближайшим домам. Я кинулся за ними, догнал и понял, что случилось самое неприятное: сбежал Крюгер. И оборвалась единственная нить, ведущая в логово организации.

Осмотрели подворотни и лестничные клетки ближайших домов. Преследовать не было смысла. Узкие улочки пересекались здесь и там, темнота работала на беглеца.

* * *

Когда я возвратился в управление, группа сотрудников обсуждала случившееся.

— Крюгера доставили на допрос из тюрьмы. Жольдас пытался вести с ним беседу на житейские темы, и Крюгер охотно поддерживал разговор о доме, о полевых работах... Когда Жольдас наклонился зачем-то к ящику стола, Крюгер метнулся, схватил мраморное пресс-папье и ударил следователя по затылку. Потом спокойно достал из ящика стола пистолет и был таков... Ногой вышиб раму и выпрыгнул,— рассказывал собравшимся незнакомый мне пожилой лейтенант государственной безопасности.

Дальнейшее я уже знал: дежуривший возле здания вооруженный солдат, заметив беглеца, выстрелил сначала вверх, затем в убегавшего. Промахнулся. Было уже довольно темно, и фигура быстро таяла в сумраке. Еще два выстрела прозвучали впустую. Я продолжал прислушиваться к разговору:

— Жольдас не новичок. Как он мог допустить? Непонятно...

— Понадеялся на свои силы.

— Но ведь это неумно: посадил его почти рядом!

— Он, бедняга, кажется, еще не пришел в себя.

— Не повезло парню! За это могут отдать под суд.

— Теперь Крюгер всех предупредит. Ищи-свищи!..

Я вошел в кабинет следователя. Жольдас с забинтованной головой лежал на диване. На полу — осколки стекла. Ветер дул в разбитое окно, наполняя комнату холодом.

На ноги было поднято все управление. Назначили секретные посты, усилили наблюдение за кварталами, где бы мог найти пристанище Крюгер. Подключили милицию. Все было тщетно...

Когда острота случившегося немного сгладилась, Крылов вызвал меня и поручил прочитать архивные материалы.

— Посмотрите еще раз,— сказал он, перелистывая бумаги, подшитые в три довольно потрепанные папки.— Вдруг удастся за что-нибудь зацепиться. Пусть Жольдас поможет вам как переводчик.

После бегства Крюгера Жольдаса отстранили от дел, и он слонялся из кабинета в кабинет. Лицо его осунулось, глаза потускнели. Это был крепкий тридцатилетний мужчина. Ростом он не вышел, зато в каждом движении собранного тела так и сквозила немалая сила, и поэтому было неловко видеть его униженным. Несколько грубоватое лицо, ясные голубые глаза. В глазах был весь Жольдас — честный и смелый, прошедший немалую школу борьбы. Товарищи сочувствовали ему, но ничем помочь не могли.

Получив задание, Жольдас оживился. Хоть и несложное, но все-таки дело...

Документов много. Пожелтевшие листы тонкой бумаги, кое-где пробитые машинкой насквозь. Жольдас читал и переводил страницу за страницей. Было утомительно и скучно. Подробные описания, где и когда состоялись сборища, какие вопросы обсуждались. Упоминались и руководители организации, но вместо фамилий были клички. Видимо, главарь организации фигурировал под кличкой Старик. И только-то!

Вскоре наше внимание привлек некий Лукас. Судя по донесениям, Лукас входил в руководящее ядро организации, но потом по неизвестным причинам взбунтовался... Имя Лукаса фигурировало все чаще. Распри росли. Лукас возмущался жестокостью главарей банды, а они обвиняли Лукаса в симпатиях к Советскому Союзу...

Чем закончилась ссора главарей, было неясно, никакого ответа о личности Лукаса материалы так и не дали.

А время шло. С юга потянул теплый весенний ветер. Пошел дождь и начисто растопил снег. Установилась теплая погода.

Однажды, дойдя до гостиницы и усомнившись, стоит ли идти в душную комнату, я повернул назад и долго шел по улице. Стояла глубокая ночь. Совершенно непреднамеренно я оказался вблизи переулка, куда однажды

провожал больного человека. Я повернул за угол и прошел мимо дома. Дом старый, выдержанный в традиционном стиле — с башенками и шпилями, которые тонули в черноте ночного неба. Окна темны. Я прошелся по улице дальше и, думая о своей тяжелой, вовсе не романтичной работе, вспомнил, с каким нетерпением ждал окончания спецшколы, чтобы как можно скорей приступить к делу и своими руками вылавливать всякую нечисть! На деле оказалось все гораздо обыденнее и суровее.

Я хотел было повернуть назад, как вдруг ясно расслышал женский голос. Казалось, женщина что-то крикнула. Я не понял, была ли это просьба о помощи. Скорее крик выражал досаду: «Отстанете от меня или нет!»... Я замер. Нет, теперь все тихо. Что же это такое? Не мог же я ошибиться... Вот, снова! Нет, теперь не крик. Стук по стеклу. Будто кто-то осторожно и настойчиво стучал в окошко во дворе дома с башенками.

Мягко ступая, пригнувшись, я подошел ближе. Стук повторился. Я припал к забору, напряг зрение, стараясь хоть что-нибудь разглядеть. Нет, ничего не видно. Омытые дождем стены черны...

Настойчивый стук по стеклу повторился. И сразу скрипнула форточка. Тот же высокий женский голос недовольно что-то спросил. С улицы ответил мужской, сдавленный, сиплый. Я уже знал некоторые слова, необходимые в обиходе, но тут различить ничего не мог... Долго слушал. Голоса то нарастали, то стихали. «Уходите! — крикнула женщина.— Уходите отсюда!» — и форточка захлопнулась.

Минуту спустя стук по стеклу повторился. Человек, стоявший на улице, казалось, был раздражен, стучал не опасаясь.

— Тебе что от меня надо?— услышал я вдруг мужской голос, как мне показалось, принадлежащий моему незнакомцу. Фраза была сказана так громко и четко, что я смог ее разделить на слова и уловить смысл.— Я не хочу тебя видеть! Мы — враги навсегда! Прощай! — форточка со звоном захлопнулась.

Я прижался к забору. Ждал. Вот скрипнула калитка. Шагов не было слышно, но угадывалось, что человек здесь, совсем рядом. Я сжался, готовый к прыжку... Но человек будто растаял. Его не было видно, исчезло и ощущение его присутствия. Может быть, он тоже что-то почувствовал и, затаившись, ждет меня?

Заморосил дождь. Набежал ветер, рванул вдоль забора, зашумел голыми ветвями деревьев. И хлынул настоящий ливень.

Я ударил ботинком по забору, метнулся на дорогу, лег. Руками уперся в грязь. Ждал... Слушал... Расчет был прост: заставить затаившегося человека выдать свое присутствие. Никакого эффекта. Я встал и, понимая, что делаю глупость, шаг за шагом исследовал тротуар, забор... Никого не было.

В гостиницу я вернулся промокший до нитки, грязный и злой. Крылов в соседней комнате спал. Я развесил одежду, лег в постель, надеясь понять исчезновение человека, но не успел положить голову на подушку, как сразу все исчезло: тревоги, подозрения.

Наутро, едва проснувшись, я торопливо рассказал Крылову о своем ночном приключении. Теперь я был убежден в причастности незнакомца к какой-то группе.

Крылов в белой рубашке с засученными рукавами, какой-то домашний, весь «гражданский», выслушал рассказ и рассмеялся:

— У тебя, Володя, как у Дон-Жуана, главные события происходят ночью!.. Ну, хорошо, хорошо, не обижайся. Надо будет за этим человеком понаблюдать. Слишком часто попадается он нам с тобой на глаза...

Прошла неделя. Человек, которого я провожал домой, регулярно, в одно и то же время посещал маленький, находящийся неподалеку кабачок. Бывал он там недолго, несколько минут. Заказывал рюмку полынной водки, закусывал сыром и возвращался домой. По всей вероятности, это была привычка «любителя абсента», как я прозвал своего незнакомца. Больше никаких сведений получить не удалось. Наблюдения за его домиком тоже оказались безрезультатными.

— Мне нужно еще раз с ним встретиться! — уговаривал я Крылова. Крылов прикинул все возможные, желательные и нежелательные последствия и разрешил.

Я мог бы вызвать этого человека и произвести допрос. Мог бы прийти к нему домой. Но гораздо уместней в создавшейся обстановке был другой вариант: склонить его на нашу сторону не силой власти, а силой человеческой благодарности. И Крылов согласился.

Вечером, около семи часов, я пришел к кабачку. На мне было серое демисезонное пальто, серая шляпа. Ничем особым от прохожих я не отличался, разве только они бы-

ли спокойны, а я взволнован. Самое трудное — неопределенность. Даже набросав десяток вариантов, нелегко решить, с какой фразы начнется разговор. Как этот разговор вести? Да и удастся ли вообще поговорить?

Наконец, уже знакомая, чуть сгорбленная фигура спустилась по лесенке в кабачок, расположенный в подвале двухэтажного дома. Это был он. Немного помедлив, я вошел в зал, постоял, как бы осматриваясь, и, дождавшись, когда «любитель абсента» выберет столик, направился туда же. Маленькая рюмка полынной водки была уже подана. Я попросил разрешения занять место и заказал кружку пива. Сосед встретился глазами со мной, кивнул головой, видимо не узнавая. Выпил, сильно сморщившись, подышал в сторону. Узнал ли он меня?

— Помогает от язвы? — спросил я.

Сосед уставился мне в лицо. Нет, не узнал! В глазах застыло недоумение.

— Я говорю: от болезни помогает?

— А вы-ы... доктор?

— Да как вам сказать...

— Льэчусь своим способ,— ответил сосед и, съев кусочек сыра, поднялся.

— Погодите, я вас провожу. И вообще, вы же знаете, по вечерам ходить в городе опасно. Тем более вам... С вашей болезнью...— Наскоро допив пиво, я поднялся вслед за ним.

— Теперь я узнал вас,— заговорил мужчина, как только мы оказались на улице.— Я вам благодарен... Большое спасиба... Не думайте, что я плохой человек. Я честный человек. Более того, я хотел к вам прийти. Да, да... Я вам хочу сказать одну вещь... Это как называется? Услуга, да?

— Я вас слушаю.

— Извините, я не могу с вами долго идти по улице. Это мне опасно. Слушайте внимательно. Я скажу и уйду...

— Да, да, говорите!

— Тот бандит, который убежал... где он скрывается — я не знаю. Но-о... может узнать одна женщина... Она вам расскажет. Она хорошо к вам отнесется. Ее зовут Грета Липски. Живет на улице Магдалены, дом четырнадцать. Застать ее можно утром... Больше я ничего не знаю, и вы меня ни о чем не спрашивайте. До свиданья.

III

В управлении как назло был обед. Странно это звучит: на улице вечер, люди готовятся спать, а здесь обеденный перерыв. В коридорах тишина. Кабинеты закрыты. «Что же делать? Идти в гостиницу, рассказать скорее Крылову...»

Я взбежал на третий этаж. Крылова в номере не было. А до конца обеда целых полчаса... Обедал ли я сегодня? Ах, разве тут до еды! Аппетит внезапно пропал.

Снова бегу в управление. Влетел в кабинет Дуйтиса и начал торопливо рассказывать. Дуйтис молчал и слушал. Лицо его оставалось равнодушным и как бы сердитым. Когда я кончил, он поднял бровь, спокойно сказал:

— Что ж, разберемся...

«Только и всего?!»... Я был в недоумении...

Однако Дуйтис тут же попросил зайти Жольдаса, и в его присутствии я повторил разговор с «любителем абсента».

Жольдас слушал, покусывая губы, согласно кивая головой. Руки его слегка подрагивали. Он, по-видимому, думал то же, что и я: «Нужно действовать, не мешкая ни минуты!»

Только из чувства реальности он не предложил отправиться к Грете тотчас же. Ему, как и мне, предстояла теперь ночная пытка: чтобы действовать, нужно дождаться утра.

Ночью в гостинице, вновь и вновь размышляя о событиях дня, я вдруг понял, почему так холодно выслушал Дуйтис мое сообщение. В сущности ничего пока еще нет. Одни гипотезы. Что скажет Грета? А если ничего не скажет? И почему именно она может знать? Кто она? Имеет какую-то связь с организацией? Тогда вряд ли чего добьешься...

Наутро вместе с Жольдасом я вошел в небольшой деревянный домик. Молоденькая красивая девушка в переднике, расшитом национальным орнаментом, хлопотала на кухне. На плите все жарилось, варилось и кипело одновременно.

Девушка была смущена. Но кто был смущен больше — она или двое молодых мужчин,— это следовало еще установить. Во всяком случае она нашлась первой. Как только мы представились, показав ей свои удостоверения, и я уже хотел приступить было к делу, Грета воскликнула:

— Нет, нет! Раздевайтесь, вешайте пальто и проходите в комнату. А я пока управлюсь с плитой, иначе все подгорит.

Мы вошли в опрятную комнатку, сели за стол. Не успели обменяться впечатлением, которое произвела на нас хозяйка дома, как она появилась в дверях. Теперь Грета была совсем другая. Без передника, в нарядном платье.

Расставила чашки, принесла чайник. Присела к столу.

— Мы пришли к вам за помощью,— начал я.

— Пожалуйста, если смогу...

Она говорила совсем без акцента.

— Вы, конечно, слышали, что недавно сбежал бандит. Не знаете ли вы, где он находится?

Грета удивленно выпрямилась. Внимательно посмотрела на меня, потом на Жольдаса. В глазах ее нетрудно было прочесть колебание.

— Можно задать вам вопрос?— голос ее подрагивал.

— Да, конечно.

— М-м... откуда вам известно, что я могу знать?

«Вот оно!» Я, конечно же, предполагал возможность такого вопроса и заранее приготовил ответ. Но, увидев Грету, понял, что он не годится: говорить правду нельзя, а врать — не хотелось. Услышав ее вопрос, я замялся, ожидая, что девушка догадается сама. Так и вышло.

— Хорошо, я вас понимаю. Это служебная тайна. Я расскажу все, что знаю. Позавчера ко мне подошел Варма и спросил, где находится Крюгер. Я очень испугалась. Я его мало знаю. Видела несколько раз. И он почему-то догадался, что я его знаю. Может быть потому, что я часто бываю у Рейтеров? Этого человека я тоже встречала там. Потом у него с Рейтером была ссора. И Рейтер с тех пор не хочет слышать о Лукасе.

— Простите, сначала вы сказали Варма, теперь Лукас, что это значит?— воскликнул Жольдас.

— Рейтер иногда называет Варму Лукасом. Я не знаю, что это значит...

— Как он выглядит?

— Высокий такой... слегка сутулый... худой...

Я взглянул на Жольдаса.

— Он не болен? Ни на что не жаловался?

— Да, выглядит он плохо. Болезненно...

— И о чем он вас спрашивал?

— Он подошел ко мне и сказал: «Ты знаешь, где

находится Крюгер?» Я испугалась и крикнула: «Нет, не знаю!» И пошла. А он крикнул вслед: «Ты знаешь, знаешь!..» Он был страшен...

— Хорошо... но вы не сказали нам самого главного: действительно ли вы знаете, где находится Крюгер? Нам это важно. Очень важно.

— Два дня назад он был у Рейтера. Это отсюда недалеко, во-он там, на возвышенности, большой деревянный дом.— Она подошла к окну и указала рукой.

— Дом бакалейщика?— удивился Жольдас.

— Да, он самый... Когда я была у Рейтеров, случайно увидела Крюгера, которого знаю в лицо...

— Один вопрос, Грета... если вам почему-либо не хочется отвечать, можно не отвечать...

— Да, пожалуйста.

Подперев голову кулачком, она смотрела выжидающе.

— Почему Рейтер не побоялся вас впустить к себе в дом, когда у него был Крюгер?

— Вы хотите спросить: почему мне доверяют такие люди?

— Не совсем так...

— Может быть. Но существо не меняется. Я хочу, чтобы все стало ясно. Семнадцать лет я и мои родители работали и жили у них в усадьбе. Я убирала, ухаживала за детьми. За это они платили нам деньги и постепенно перестали нас замечать. Мы для них перестали быть людьми. Слуги, и всё. Два года назад на их ферме умер отец. Мама и теперь помогает им в хозяйстве. Они не замечают меня и сейчас. Не хотят понять, что времена далеко не те.

— А не могли бы вы узнать, там ли Крюгер сейчас?— спросил я.— Не нашел ли он другое место?

Грета задумалась.

— Я не хочу об этом просить маму. Она испугается... Я сама попробую зайти к ним по какому-нибудь делу.

— И обязательно сообщите нам.

— Я позвоню по телефону...

Заметив происходящую в ней какую-то внутреннюю борьбу, я спросил, что ее тревожит.

— Хорошо, я буду откровенна. Если вы его арестуете, они заподозрят меня или маму. Это меня пугает...

Грета была права. Идти к Рейтерам ей не следовало. И без того так много дал разговор с ней: Рейтеры, Крю-

тер, Лукас... Мы оставили Грете на всякий случай телефон, поблагодарили за чай и вышли.

— Володя,— воскликнул Жольдас,— может, вернемся? Мы там ничего не забыли?

— Мы забыли ее пригласить на вечер танцев!.. Нет, нет, Витаутас, бойся женщин!..

В кабинете Дуйтиса сидел Крылов. По его лицу я понял, что майор мною доволен.

Я передал все подробности беседы с Гретой Липски о Рейтере, Крюгере и особенно о Лукасе. Жольдас стоял рядом со мной и согласно кивал головой. Потом я высказал предположение: не является ли он тем самым «любителем абсента», этот Лукас? Вот это была бы удача!

— Вы, молодой друг, кажется, близки к истине. Ваш «любитель абсента» действительно носит фамилию Варма. Карел Варма. Впрочем, уже сегодня это будет установлено. А пока...— он взглянул на часы:— По заслугам каждый награжден! Три часа отдыха достаточно? Ну, шагом марш!

— А как с Крюгером? — спросил Жольдас, кажется, не особенно обрадовавшийся отдыху.

— Крюгера, по-моему, пока тревожить не стоит,— Дуйтис вопросительно взглянул на Крылова.

— Да. И посещать дом Рейтера девушке не надо. Такой шаг может их насторожить. Когда она позвонит, попросите ее, чтобы была осторожна.

Жольдас удивленно взглянул на Дуйтиса, на Крылова. Конечно, ему хотелось как можно скорее разделаться с Крюгером.

— Ничего, ничего,— сказал Дуйтис.— Теперь он никуда не уйдет. Выставим наблюдение, узнаем, кто связан с Рейтером. Опасаться, что Крюгер покинет дом, вряд ли следует. Крюгер знает, что его ищут, и не захочет рисковать. Я думаю, Николай Федорович, вы согласны?

— Да, полностью,— сказал Крылов.— А вы еще тут?! — воскликнул он, глядя на нас.— Шагом марш на прогулку, в кино! И чтоб три часа я вас здесь не видел! Ясно?

— Ясно, товарищ майор!

Мы выскочили из кабинета.

Меня неудержимо тянул к себе злополучный дом Рейтера. «Какой он? Там ли еще Крюгер?» Я не мог ни

о чем другом ни думать, ни говорить. И, выйдя из клуба, предложил:

— Послушай, Витаутас, что если махнуть к этому проклятому дому? Хоть взглянуть на него!

— Ты же знаешь, Володя, нельзя мне там появляться. Увидят — все пропало.

— Мы сделаем так: ты проводишь меня до ближайшей улицы и подождешь. Я пройду мимо дома и вернусь другим путем. Посмотрю на ходу, не останавливаясь.

— А-а, поехали!..

Неожиданно пошел крупный снег. Трава уже зеленела, листья на деревьях готовились распуститься, и снег был совсем некстати. Но мне казалось, что лучшей погоды не может быть.

— Я буду тебя ждать здесь,— сказал Жольдас, когда мы вышли из автобуса, проехав на остановку дальше дома Рейтера.— Иди по параллельной улице. Пятый дом слева.

Я закурил и, попыхивая папиросой, неторопливо зашагал. Дом Рейтера стоял в глубине двора. Позади темнели какие-то пристройки, а еще дальше раскинулось поле с перелеском. Это была уже окраина. «Да, трудновато будет наблюдать за Рейтером. С улицы не подойдешь, а улизнуть из дому довольно просто».

«Так вот ты какой, Рейтер! Ну что ж, живи до времени. А там — посмотрим! Спишь, Крюгер? Дрожишь за свою шкуру? И в мыслях нет, что ты в наших руках?»

Спустя часа полтора в кабинете Крылова состоялся тяжелый разговор:

— Где вы были сегодня вечером? — спросил меня Крылов.

— Я? — вопрос удивил меня.

— Вы, лейтенант Листов?! — официальный тон неприятно резанул слух.

— Был в клубе, а потом гулял...

— А точнее! — резкий и решительный голос оглушил меня.— Точнее! — решительно потребовал Крылов.

— Я был там...

— Ага, значит, там! Моцион совершали?! Так вот, дорогой коллега Листов, что вы скажете,— Крылова душил гнев,— если я вам сообщу, что своим легкомысленным поступком — да, да, легкомысленным, несовместимым... вы едва не сорвали всю операцию!..

— Это неправда! Меня никто не видел!

— Откуда же стало известно мне?

Крылов долго молчал. Темные, обычно приветливые глаза были полны негодования. И, увидев эти глаза, я по-настоящему понял, какой глупостью была необдуманная поездка за город. Майор прав. Случиться могло любое...

— Прошу меня строго наказать.

— А кроме того,— сдерживая себя, продолжал Крылов,— знаете ли вы... Знаете ли вы, что сегодня вечером тяжело ранена Грета?

— Не может быть! — у меня под ногами качнулся пол.

IV

— Привезите ко мне Лукаса! — приказал Крылов мне и Жольдасу.— Настало время с ним поговорить. Сейчас он живет у брата жены на Озерной улице и почему-то скрывает от всех свой новый адрес.

— На Озерную! — ответил Жольдас на немой вопрос шофера, усаживаясь рядом со мной на заднее сиденье автомашины.

Небольшие домики на окраине города появлялись тут и там среди начинающих кудрявиться деревьев. За ними виднелись рыхлые, местами покрытые зеленым налетом огороды. Вдали мелькнула и скрылась за бугром блестящая, как лист новой жести, гладь воды.

Вот и нужный адрес. Приземистый, нескладный деревенский дом. Громко хлопнула дверца автомашины, которую с силой толкнул Жольдас. Во дворе пусто. В одном из окон метнулась тень и пропала. И снова все замерло... Постучали. Немного выждали и опять постучали. Никакого ответа. Жольдас что-то крикнул. И вдруг послышался слабый стон. Жольдас слушал, прижавшись ухом к двери.

— Там кто-то есть! Я посмотрю в окно,— сказал я и побежал за угол дома. Одно окно было слегка приоткрыто, и я направился к нему. Только хотел заглянуть в комнату, как услышал резкий скрежет и удар доски. «Дверь! — промелькнуло в голове.— Назад к Жольдасу!» Я рванулся обратно, но голос Жольдаса уже раздался из комнаты и тут же ударил пистолетный выстрел. Я заметался, обернулся и увидел в проеме окна массивную фигуру. «Схватить за сапоги. Дернуть на себя!» Размыш-

лять было некогда. Я подбежал, ухватился руками за шероховатые, покрытые грязью голенища.

Сильный удар в грудь бросил меня на землю...

Когда я опомнился, Жольдас далеко по огороду гнался за неизвестным. Тяжело ступая по вскопанной земле, мужчина бежал к озеру, Жольдас его догонял. Я поднялся и, прихрамывая, побежал вдогонку. На какое-то мгновение неизвестный приостановился, не целясь, выстрелил. Жольдас слегка наклонился и присел. Когда я подбежал к Жольдасу, неизвестный был далеко.

— Ранен?

— В доме кто-то есть,— вместо ответа крикнул Жольдас.

Вместе с подоспевшим шофером я отвел Жольдаса к машине.

На выстрелы прибежали соседи. Они занялись Жольдасом, а я направился к дому.

— Я с вами,— сказал шофер и взял большой гаечный ключ.

В комнате стоял запах пороха. В углу на кровати кто-то лежал. Осторожно приблизившись, я невольно вздрогнул: человек лежал на связанных за спиной руках. Лицо его было похоже на печеное яблоко, покрытое толстой багрово-коричневой коркой. Глаза заплыли и потускнели. Рот заткнут кляпом. Неизвестный со свистом втягивал воздух через большой распухший нос.

Когда неизвестного освободили и усадили на кровати, он пошевелил руками, медленно поднес руки к лицу и непослушными, затекшими пальцами притронулся к щекам. Громко застонал. «Неужели он? Как его отделали! За что?» — промелькнуло у меня в голове.

Когда он пришел в себя, я спросил:

— Вы Варма?

Варма с трудом поднял голову, и в его измученном взгляде промелькнуло удивление:

— Опять вы?— сказал он тихо.

— Вы можете встать?

Варма попытался приподняться, но ноги не выдержали, и он ударился спиной о стену. Вместе с шофером мы взяли его под руки и повели к машине.

— Как вы сюда попали?— спросил Варма.

— Искали вас...

Отправив Жольдаса и Варму в больницу, я доложил обо всем Крылову. Вскоре после того, как Варме была

оказана медицинская помощь, Крылов допросил его.

— Кто это вас? — Крылов глазами показал на лицо Вармы, где незабинтованными оставался лишь распухший, блестящий от какой-то мази нос.

— Н-не знаю...

— Не знаете или не хотите говорить?

— Если бы знал, после этого,— Варма показал на лицо,— сказал бы.

— Резонно... Вы из организации вышли?

— Да.

— Так за что же они вас били?

— Его прислал Старик. Хотели заставить меня участвовать в операции.

— В какой операции?

— Он не сказал, я не спросил.

— Вы отказались?

— Да.

— Понятно. Кто такой Старик?

— Как это будет по-русски? Главный!

— Главарь?

— Да, да.

— Как его фамилия?

— Я не знаю. Все это прячут.

— Скрывают?

— Да.

— Где он живет?

— Это тоже скрывают. Я слышал, где-то на улице Франко. Точно не знаю.

— Как он выглядит?

— Старика я ни разу не видел.

— А кого видели?

— Ярелса и Скрипача.

Получив от Вармы все, что было можно, Крылов сказал на прощанье:

— Я думаю, что вам пока лучше домой не возвращаться, а полежать в больнице.

Жизнь в городе постепенно налаживалась. Все больше улыбок можно было увидеть на лицах людей, все веселее звучал смех. Весна шла неудержимо. Проснулись сады. И однажды утром, выглянув в окошко, я не узнал города. Куда исчезли черные заборы и облупившиеся стены домов? Как преобразился пустырь перед здани-

ем управления: не пустырь, а широкий зеленый луг.

Город готовился к Первому мая. На витринах магазинов заалели маленькие флажки. Маляры и штукатуры подновляли фасады зданий. Город принимал праздничный вид.

Но не дремала и фашистская организация. Она готовилась к празднику по-своему.

Рано утром, часа в четыре, в дверь гостиничного номера постучали.

— Меня прислал к вам майор Дуйтис,— услышал я взволнованный голос посыльного.— Он просит вас срочно приехать в управление.

— В чем дело?— спросил Крылов.

— Кажется, нападение на военный склад.

Через двадцать минут мы были у Дуйтиса.

— День ото дня не легче. Как это произошло?

— Подробности пока неизвестны,— ответил Дуйтис.— Я послал на склад следователя. Выехали криминалисты... Похищены гранаты, тол...

— Какой марки гранаты? Сколько ящиков?

— Полторы сотни гранат системы Миллса. Килограммов двести толу.

— Ого! Значит, готовится бой.

Я знал, что такое гранаты системы Миллса. Маленькая изящная лимонка с оболочкой, напоминающей черепаший панцирь. Это мощная ручная граната.

Во дворе склада было много народу. Сначала не было видно того, вокруг чего все молчаливо столпились. Когда же вслед за Крыловым я протиснулся вперед, то внезапно словно ножом полоснуло по сердцу. В луже крови, раскинув руки, лежит молодой солдат. Полуоткрытые глаза тускло смотрят в серое небо. Совсем молоденький, почти мальчишка...

Криминалисты приступили к делу. Сфотографировали убитого, шаг за шагом обследовали место происшествия.

Я плохо следил за тем, что происходило. Все было как в тумане. Кружилась голова. Тошнило.

— Удар ножом под лопатку. Прямо в сердце! — все время мне слышался приглушенный голос врача.

«Как просто убить человека!» И сразу представил себе: ничего не подозревающий солдат ходит взад-вперед.

На посту он уже не впервые. И всегда тихо. За все время ни одного ЧП. Ходит, о чем-то думает. Может быть, мечтает о доме. И вдруг кто-то сзади! Удар! Боль... Темнота...

— Что удалось выяснить?— резко спросил Крылов.

— Очень мало, товарищ майор государственной безопасности. Вот через это отверстие похищены ящики с толом.

Криминалист посветил фонариком, и я увидел разрытую землю, развороченные обломки бревен.

— На почве следы калош, покрытые пленкой нефти. В переулке — отпечатки шин грузовика. Преступники опытные. Собака следы взять не может...— и криминалист беспомощно развел руками.

По дороге в гостиницу я спросил у Крылова, кого подозревают в налете на склад.

— Ничего пока мы не знаем,— озабоченно отвечал майор,— ясно лишь одно — фашисты перешли в наступление. Уголовники на такое не пойдут.— И, помолчав, добавил: — Единственное, что известно,— несколько дней подряд часов в девять вечера напротив склада появлялся дворник в белом переднике и начинал мести улицу... Будем искать. Наше дело с вами, дорогой Володя, такое: искать, находить и вновь приниматься за поиски!

V

В самом начале рабочего дня неожиданно позвонил Крылов:

— Отложите все и спускайтесь вниз. Поедете со мной.

Когда я сбежал по лестнице, Крылов сидел в машине. Проехали через весь город. Машина остановилась возле мрачного здания городской тюрьмы. Прошли длинными коридорами, пока не оказались в кабинете следователя. Два окна, выходящие во двор, закрыты металлическими сетками. В кабинете ничего лишнего. Письменный стол, несколько стульев.

— Будете вести протокол,— обратился Крылов к переводчику,— а вы, Володя, обратите внимание на внешний вид этого человека, постарайтесь хорошенько запомнить его приметы. А лучше всего — запишите их.

— Ваше имя?— спросил Крылов.

Переводчик повторил арестованному по-немецки.

— Ганс Виндлер. Я немец.

— Ганс Виндлер... Вас арестовали при переходе пограничной линии.

— Да...

— У вас были отобраны деньги — пятьдесят тысяч рублей и инструкция к диверсионным действиям. Для кого они были предназначены?

— Не знаю...

— Кому вы должны их передать?

Не поднимая головы, Виндлер ответил:

— Я ничего не знаю.

— Странно. Не для себя же вы несли инструкцию, в которой даются наставления для бандитских действий?

— Нет, не для себя.

— Для кого же?

— Этого я не знаю...

Крылов глубоко затянулся папиросой.

— Такой ответ нас не устраивает. Вы имеете право отказаться от показаний, но отвечать «не знаю»... это смешно. Ведь для кого-то инструкция предназначена?

Виндлер молчал.

— Ну, так что же?

Виндлер сидел в той же позе. Плечи опущены. Волосы на лбу взмокли.

Крылов ждал. Немец должен был заговорить. Все улики налицо. Посидит, подумает и выложит все, что надо. Но в том-то и дело, что заговорить он должен не завтра и не послезавтра, а сегодня. Дорога каждая минута. Виндлер имеет прямое отношение к фашистской организации — в этом нет сомнений. Поэтому и нужно как можно скорее вытянуть из него все сведения.

— Значит, не хотите говорить? Тогда не будем терять время и прекратим допрос! — бросил Крылов.

Он встал, всем своим видом показывая, что допрос окончен.

— Объясните ему, что, отказываясь от дачи показаний, он усугубляет свою вину, тогда как откровенное признание будет принято во внимание советским судом и поможет облегчить его участь...»

Переводчик объяснил. Глаза Виндлера растерянно заметались. Он смотрел то на Крылова, то на переводчика.

— Вы говорите правду? Я получу снисхождение?

— Я вас не обманываю.

Виндлер снова опустил голову. Еще больше сгорбился. Наступило томительное молчание. Все понимали, что происходит в душе этого человека.

— Хорошо. Я верю. Деньги и инструкцию я должен вручить руководителю организации Мергелису.

— Где вы должны вручить?

— У него на квартире.

— Адрес?

— Улица Франко, девять.

— Имеет ли условное название операция?

— Да, имеет. Операция называется «Фейерверк».

— Почему она получила такое название?

— Я точно не знаю. За границей стало известно, что организация раздобыла оружие. Она будет действовать.

— Так,— Крылов нахмурился. Подошел к столу, о чем-то размышляя. Положил недокуренную папиросу на край пепельницы и, подойдя почти вплотную к арестованному, спросил:

— Как вы встретитесь с Мергелисом? Знаете ли его в лицо?

— Нет.

— А он вас?

— Тоже не знает.

Крылов почему-то посмотрел в мою сторону. Чуть-чуть усмехнулся.

— Значит, должен быть пароль?

— У меня нет пароля.

— Послушайте, мы с вами условились говорить начистоту. Пароль должен быть.

Виндлер растерянно моргал. Пот катился по его лицу.

— Они меня уничтожат...

— Вот оно что! — рассмеялся Крылов...— Пока вы у нас, бояться вам нечего.

Виндлер усмехнулся.

— Был пароль?

— Да...

— Назовите!

— «Вам привет из Мюнхена».

— Что должен ответить Мергелис?

— «В Мюнхене я знаю только Вернера».

— Где вы должны жить?

— Это решит Мергелис.

— Сколько дней здесь пробудете?

— Девять или десять. С 29 апреля меня будут ждать на границе.

— Что вы должны доставить туда от Мергелиса?

— Пакет с образцами советских документов.

— Когда вам его вручат?

— В день моего ухода...

Крылов бегло просмотрел протокол допроса.

— Я думаю, на сегодня достаточно.— И обратился к Виндлеру: — Как вас кормят?

Немец сначала не понял. Потом вдруг расцвел в смущенной улыбке, забормотал слова благодарности, закивал головой:

— Гут, гут...

— Ну гут, так гут. Кстати, есть в этом городе у вас знакомые?

— Я здесь впервые. Никого не знаю.

— Хорошо.

Крылов вызвал конвоиров. Увидев их, Виндлер вдруг торопливо заговорил. Крылов дал знак конвоирам выйти.

— Он говорит, что имеет для вас еще некоторые ценные сведения,—сказал переводчик,— только это большой секрет. Очень большой секрет. Он хочет говорить с вами наедине.

— Скажите ему, пусть не опасается.

— Скоро будет война...— сказал Виндлер.

— Война?

— Гитлер стягивает войска. У нас в штабе говорят, что летом начнется война...

— Вы военный?

— Да, я окончил специальную школу.

— Рано оборвалась ваша карьера,— усмехнулся Крылов.

Виндлер в знак согласия уныло покачал головой.

Когда Виндлера увели, Крылов долго ходил по кабинету. По временам стягивал к переносице брови. Так он делал всегда, когда обдумывал решающий шаг... Я начал смутно догадываться о его планах, когда он попросил пригласить коменданта тюрьмы.

— Где одежда Виндлера?— спросил он коменданта.

— На складе. Мы оприходовали все его вещи.

— Распорядитесь, чтобы ее хорошенько продезинфицировали и почистили. Завтра все должно быть готово.

— Будет сделано.— Комендант откозырял и вышел.

Крылов остановился рядом со мной. Прикурил от зажигалки потухшую папиросу.

— Значит, операция «Фейерверк»? Отлично. А мы назовем ее по-своему. Как, Володя, подойдет название «Операция «Янтарь»?

— Пошлем к Мергелису «курьера»... Посмотрим, как он примет гостя...

VI

Я проснулся, как от толчка. Взглянул на часы и разозлился. Спал, оказывается, всего три часа. Закрыл глаза. Принялся ровно дышать по системе йогов, но все напрасно — заснуть больше не мог.

Вчерашний день прошел в мучительных поисках. Вместе с «курьером» перебрали десятки вариантов. Отбрасывали один, придумывали другой, снова отбрасывали.

Для начала предположили, что «курьер» останется жить у Мергелиса. Как должен он вести себя в такой обстановке? Во-первых, его могут изолировать. Тогда придется искать сложные пути связи. Это был наихудший вариант, и его обсудили во всех подробностях. Расчет, однако, строился на том, что «курьер» будет чувствовать себя свободным и сможет совершать кратковременные прогулки по городу. Значит, с ним можно встретиться. Лучшее место встречи — магазин. Съездили в район проживания Мергелиса, не выходя из автомобиля, облюбовали две бакалейные лавки. Договорились о месте нескольких тайников.

Дом Мергелиса взяли под наблюдение, чтобы в случае перевода «курьера» на ночлег в другое место, наши работники знали, где он находится.

— Дальше ждать нельзя,— сказал Крылов, осматривая «курьера» со всех сторон.— Сегодня ночью отправитесь к Мергелису. Ну-ка, покажитесь!.. Да-а... Усы все же придется немного покрасить...

К двум часам ночи все было готово. «Курьер» получил толстую пачку денег и инструкцию. Крылов давал последние указания:

— Встречаться будете накоротке, три-четыре минуты. Много рассказать не сможете, поэтому информацию передавайте в письменном виде. Вот вам блокнот и ручка. Они заграничной фирмы... Если заметите хоть малейшее недоверие — бросайте все и приходите сюда.

Крылов стиснул руку «курьера»:

— Желаю удачи!

И вот рассвет! Что с «курьером»? Сегодня в 11.00 с ним встреча. Состоится ли? А вдруг провал? Вдруг нет его в живых?

В десять утра поступило первое сообщение: «курьер» ночевал у Мергелиса. В половине девятого он выходил на улицу. Несколько минут сидел на лавочке в саду. Был спокоен. Папиросу курил медленно...

У меня отлегло на душе. Все идет нормально. По договоренности «курьер» должен был выйти в сад, закурить папиросу. Если дела обстоят плохо — тут же ее бросить.

Без двадцати одиннадцать я сел в машину. Прибыть на место надо точно в условленное время. Ехать минут семь-восемь. Значит, еще рано. Но сидеть в бездействии не было сил. Попросил шофера доехать до набережной. Когда приехали, все еще оставалось десять минут. Я вышел из машины, пошел вдоль берега.

Покачивались травинки. На берегу сидел одинокий рыбак и сонно смотрел на поплавок. Рыба не клевала.

Все казалось странным: и неяркое, в облачном тумане, солнце, и сонный рыбак, и даже вялая рыба, не желающая брать наживку. Все было спокойно. И только я не мог найти себе места. И оттого, что никто вместе со мной не волновался, никто не знал, что творится у меня на душе,— было обидно.

Не доезжая одного квартала до бакалейной лавки, машина свернула в переулок, за углом притормозила, и я выпрыгнул. Машина тут же скрылась.

Было ровно одиннадцать. С другой стороны к магазину неторопливо шел высокий человек со щегольскими усиками. Он замедлил шаг, пропуская меня вперед.

Бакалейно-гастрономический магазин невелик. Застекленные полки наполнены снедью: крупа, колбаса, сахар.

Молодая продавщица взвешивала какие-то продукты двум женщинам. Они оживленно болтали. Я подошел к прилавку. Возле большого окна, служившего витриной, лежали папиросы и спички. Через окно просматривалась вся улица. Я взглянул, не следит ли кто за «курьером». Улица безлюдна.

Человек с усиками подошел ко мне и тихо, вполголоса, проговорил:

— Здравствуйте!

Я крепко пожал протянутую мне руку и тотчас же ощутил в своей руке свернутую бумагу.

— Живу у Мергелиса,— продолжал «курьер»,— принял, как своего. О приходе курьера был предупрежден условным письмом... Узнал пока немного. Но Мергелис мне доверяет. Завтра увидимся снова здесь. Теперь я должен спешить.

Повернулся и вышел из магазина. А через несколько минут Дуйтис читал вслух сообщение «курьера»:

«Позвонил Мергелису. Долго ждал. Он спросил: «Кто?» Я сказал: «От Вернера». Он ответил: «Ждите». Открыл дверь. Стоял, держа руку в кармане. Спросил: «Что нужно?»—«Вам привет из Мюнхена»,— сказал я. Подвел меня к свету, посмотрел в лицо. «В Мюнхене я знаю только Вернера». Затем ушел. Позвал меня. В комнате горел свет. Окно было завешено. «Как добрались?» Я сказал, что сидел несколько дней на границе. Русские усилили охрану. Мергелис взял деньги. Инструкцию долго читал. Оставил жить у себя».

— Устно ничего не добавил? — спросил Крылов.

— Он очень торопился.

— Что ж, будем ждать до завтра...

На другой день «курьер» докладывал:

«Мергелис сказал, что в банде 100 человек. На вооружении винтовки, гранаты, взрывчатка. Уверяет, что скоро будет война. Спрашивал у меня. Я подтвердил. Где находится оружие — не выяснил. Спрашивать опасно».

Сообщение от 26 апреля:

«Каждый день приходят свои. Прячет меня в соседнюю комнату. Оттуда все слышно. Решили сорвать первомайскую демонстрацию. Операция «Фейерверк». В разных частях города будут взрывы. Бросят гранаты в демонстрантов. Взорвут электростанцию. Ночью нападут на горсовет».

Наконец утром 28 апреля «курьер» передал самое ценное и самое тревожное сообщение:

«Завтра у Мергелиса совещание. Составят план, уточнят задания. Начало сбора в 20 часов. Семь человек придут с интервалом 15—20 минут.

Сегодня ночью ухожу за границу. Документы готовы. Будут сопровождать до границы два проводника. Оба вооружены. Переход границы в том же месте. Жду указаний. Назначаю дополнительное свидание с 15 до 17».

VII

Последнее сообщение «курьера» всех взбудоражило. Как быть? Уйти сегодня же от Мергелиса. Но это — срыв совещания главарей.

А что произойдет, если «курьера» не удастся вырвать из рук проводников?

Крылов и Дуйтис, запершись в кабинете, срочно вырабатывали план действий.

В три часа я уже дежурил в знакомом переулке, неподалеку от бакалейной лавки. Время идет, а «курьера» нет. Вот прошел час. Стрелка медленно ползет дальше и дальше. Ходить по переулку неудобно. Кажется, что все прохожие обращают внимание. Что же делать? Неужели что-то случилось?

Наконец в половине пятого «курьер» показался.

— Ровно в полночь выходим,— заговорил он, поравнявшись со мной.— Сопровождают двое, я их видел. Ребята крепкие, мне с ними не справиться... Завтра собрание. Это точно. Разойдутся поздно ночью. Будет помогать дворник Тампель.

Он закончил и вопросительно посмотрел на меня. Я передал, как было приказано:

— Получите у Мергелиса документы и следуйте с проводниками. Никакого волнения. Никаких вопросов. Постарайтесь идти между ними в середине. Неподалеку от границы будете освобождены. Если возникнет перестрелка, старайтесь себя не выдать, ни малейшего повода для подозрений. Это необходимо для дела.

«Курьер» выслушал. Губы его чуть подрагивали.

— Все понял,— сказал он твердо.— Выполню, как приказано.

Вечером Крылов и Дуйтис куда-то уехали.

Около двенадцати ночи я хотел было идти в гостиницу, но неожиданно позвонил дежурный и сказал, что внизу меня ждет машина, за мной прислал Крылов.

Миновали центральную часть города, освещенную иллюминацией. Замелькали загородные дачи. Поля. Лес. Лучи фар осторожно обшаривали заросшую травой грунтовую дорогу.

Часа через полтора путь преградил человек в форме пограничника. Потребовал документы, потом попросил следовать за ним. В полной темноте мы шли несколько

минут по тропинке. Только что прошел дождь, с деревьев капало. Тропинка была скользкой.

Наконец засветился огонек, и вскоре мы оказались в низкой бревенчатой избушке. На столе ярко горела керосиновая лампа, рядом стоял телефонный аппарат. Над картой склонились Крылов, Дуйтис и комбат в пограничной форме. Накурено и сильно пахнет керосином.

По сосредоточенному, хмурому лицу Крылова я вижу, что дела идут неважно. Дуйтис что-то объясняет ему, доказывает. Крылов молча слушает и бросает в банку с водой недокуренные папиросы. Комбат-пограничник внимательно следит за их разговором, изредка вставляет свои замечания.

— Да ты не волнуйся, Николай Федорович, мои ребята сделают все как надо. Мы их с Дударевым,— Дуйтис указал на комбата,— чуть не под каждым кустом распихали.

Зазвонил телефон. Сообщили, что на контрольном пункте пока тихо. Крылов прикрутил лампу и открыл дверь.

Через полчаса позвонили еще. Крылов выслушал, лицо его посветлело. Специальная группа докладывала:

— Трое неизвестных проследовали в контрольную зону. Ведем наблюдение.

Оставалось ждать. Молчали. Курили. Слышно было, как с крыши падают дождевые капли. Я не выдержал и вышел на улицу. В ночной тишине вершилось великое таинство рождения жизни. Теплый дождь перемешал все запахи цветущей земли, воздух загустел, стал упругим, вдыхать его было трудно, и от пьянящего его духа кружилась голова.

И снова подумал: «Как все же земля и все на ней цветущее безразличны к тому, что делают сейчас люди».

В избушке затрезвонил, заголосил телефон.

— Отлично! — кричал в трубку Крылов.— Доставьте его сюда!

Крылов положил трубку и некоторое время молчал, улыбаясь. Затем встал, развернул плечи и шутливо толкнул меня:

— Молодцы!

Вскоре раздался топот многих сапог, голоса. Пограничники ввели связанного человека. Весь он был в грязи. Рукав пиджака оторван. Крепкий мужик лет сорока.

— Товарищ майор государственной безопасности,

трое неизвестных пытались перейти границу. Один убит. Одному удалось уйти и... как показал осмотр пограничной полосы, он перешел границу...— голос пограничника упал.— Этот задержан. Сопротивлялся, пришлось связать.

— Один все-таки ушел? — спросил недовольно Дуйтис.

Пограничник виновато развел руками.

— По-русски говоришь? — обратился Дуйтис к проводнику.

Тот поднял ненавидящие глаза:

— От меня ничего не добьетесь!

— Ладно...— махнул рукой Дуйтис и кивнул пограничникам:— Доставьте этого «героя» в город.

Проводника увели. А минут через десять снова послышался топот сапог и те же пограничники ввалились в избушку. Впереди всех шел сияющий «курьер». Пограничники втолкнули его в избушку и вышли. «Курьера» обступили.

Крылов, оглядывая его со всех сторон, смеялся:

— Зачем вы его задержали? Ему же смело можно идти на ту сторону! Вы только вглядитесь: от Виндлера не отличишь. А усы-то, усы-то! Не-ет, вы теперь их не сбривайте. Поглядите, какой красавец наш курьер Миша Скляревский!

Когда шум умолк, мы со Скляревским вышли на воздух и, закурив, долго молчали. Раньше, до операции, мы не были знакомы. И знали-то друг друга несколько дней. А так много уже было у нас общего, столько вместе пережили, что теперь, наконец, встретившись и имея право говорить сколько хочешь, мы как бы медлили, наслаждаясь обретенной свободой. Потом рассмеялись, начали вспоминать.

— Как усы твои пригодились! Хоть подкрашивать все же пришлось. Рыжеватые они у тебя.

— Сбрею. Ну их к дьяволу! — смеялся Скляревский.

Когда уже под утро все мы — Крылов, Дуйтис, Скляревский и я — вернулись в город, дежуривший по управлению лейтенант государственной безопасности, смущаясь и робея, доложил Дуйтису, что нарушитель, задержанный пограничниками, по дороге сбежал.

Везли его в грузовике. Ему удалось развязать руки и при въезде в город он выпрыгнул из фургона.

Дежурный, вероятно, как и я, ожидал, что будет раз-

гон. Но вместо этого Дуйтис переглянулся с Крыловым и беззлобно сказал:

— Ах, раззявы, упустили!

На лице дежурного застыло недоумение.

В это же время на другом конце города, как и предполагали Крылов и Дуйтис, происходило следующее.

Мергелис, спавший на диване, услышал стук в дверь. Быстро встал, спросил кто и, узнав голос, открыл. В комнату ввалился тяжело дышавший Ярелс. Пройдя несколько шагов и натолкнувшись на диван, Ярелс, ни слова не говоря, повалился на него, с хрипом глотая воздух.

— Ну что? Как дела? Удачно? — кинулся к нему Мергелис.

— А-а...— хрипел Ярелс.

— Да говори же ты! Что с Виндлером?

— Все нормально. Виндлер там. Он-то перешел. А вот Скрипач! Погиб парень...

— Да что же случилось?

— Что, что... Нарвались на засаду. Виндлер побежал. Мы стали отбиваться. Отстреливались... Что мы вдвоем-то? Меня скрутили. Скрипача в перестрелке — в голову...

— Насмерть?

— Даже не вскрикнул...

— Ай-яй-яй! А ты-то как?

— Повезло мне. И сам не верю. Считал, что кончено... Посадили в машину. Я веревки потихоньку развязал и выпрыгнул... Уже перед самым городом. О, матерь божья!

Мергелис вздохнул. Посидели молча.

— Значит, Виндлера переправили? Это точно? Его не поймали?

— Точно! Сам слышал, как пограничник докладывал: одному, говорит, удалось уйти. И следы на пограничной полосе, говорит, видели.

— Ну и слава богу. Ну и хорошо... Все, значит, в порядке. Упокой, боже, душу Скрипача! Хороший был парень!

VIII

Солнце медленно перевалило за полдень. В управлении спокойно, как в самый обычный день. Ни суматохи, ни толкотни. Все, что можно продумать, было продумано.

Ждали вечера. Операция «Янтарь» вступала в кульминационную фазу.

В 22 часа было установлено: к Мергелису прошли все семь человек. Воинское подразделение оцепило квартал. Перед бойцами стояла нелегкая задача — ни единого выстрела не должно прозвучать.

И снова помог «курьер» — Скляревский. Находясь у Мергелиса, он краем уха услышал о дворнике Тампеле, который, как и прежде, должен был охранять покой собравшихся главарей.

— Начинать надо именно с этого типа, — говорил Крылов. — Обратите внимание — при хищении гранат и взрывчатки тоже был замечен дворник. Совпадение вряд ли случайно.

Совещание могло окончиться быстро. Не теряя времени, Жольдас с двумя работниками незаметно подошел к двери дворника, жившего по соседству с Мергелисом. Постучали. Тот, предполагая, что пришли свои, открыл. Его скрутили, заткнули рот.

Ждали около часа. На улице стемнело. Дворник лежал на полу и тяжело дышал. Жольдас и его помощники заняли позицию возле дверей. Наконец послышался условный стук в дверь. Жольдас открыл. Неизвестный вошел смело. Сразу видно: он здесь не впервые. Его схватили, надели наручники.

Из окон Мергелиса было видно, что все в порядке: появился в белом переднике дворник, рядом с ним фигура в сером. Это член совещания. Вышли на улицу. Осмотрелись. Дворник сел на скамейку, а его спутник быстро пошел налево. На массивной фигуре Тампеля при слабом свете уличного фонаря отчетливо был виден белый передник.

Минуты через две дворник поднял руку. От Мергелиса вышел следующий участник совещания. Дворник указал ему направо. Человек пошел, не оглядываясь. На перекрестке его ждали. Он не успел даже вскрикнуть.

Неподалеку в переулке стоял крытый автомобиль. Задержанных увозили и передавали следователям. У каждого были обнаружены списки членов фашистских отрядов.

Проводив гостей, Мергелис лег спать. Свет погас. Теперь оставалось лишь потревожить сон фюрера банды. Но как? Вдруг откроет стрельбу? Крылов решил исполь-

зовать все того же дворника Тампеля, только теперь уже настоящего. Жольдас снял с себя передник, теплое пальто. Роль дворника он сыграл отлично. Правда, для массивности под пальто пришлось надеть телогрейку и, пока Жольдас распределял участников совещания налево и направо, он здорово взмок.

Тампеля развязали, велели одеться.

— Все члены совещания видели вас на скамейке,— переводил слова Крылова Жольдас.— Они будут считать вас предателем.

— Я был здесь...

— Нет, вы были на скамейке.

Дворник сердито сопел.

— Мы давно вами интересуемся. Нам хорошо известно ваше участие в ограблении склада. Где находится взрывчатка?..

— У Рейтера...

— Где именно?

— Этого я не знаю.

— Ладно. А сейчас одевайтесь. Пойдете к Мергелису.

Подошли к дверям. Тампель позвонил. Было тихо. Мергелис, казалось, действительно спал. Позвонили еще.

— Вильмар, ты? — послышался вдруг голос.

— Я,— ответил дворник.

Дверь приоткрылась. Ее распахнули, схватили Мергелиса за руки. Это был пожилой человек, почти старик. Его даже не стали связывать.

Итак, с гнездом покончено. Но оставались еще Рейтер с Крюгером, не найдено было оружие. Все пойманные утверждали, что взрывчатка находится у Рейтера, но где — никто не говорил.

К Рейтеру отправился небольшой вооруженный отряд во главе с неутомимым Жольдасом, действовавшим сегодня особенно отважно и находчиво. Взять Крюгера он считал своим прямым долгом.

Начинало светать. Легкие тучки бежали по небу. Вот и дом Рейтера. Рейтер оказался сговорчивее, чем предполагали. Увидев вооруженных людей и смекнув, что, может быть, удастся скрыть Крюгера и местонахождение оружия, он сразу же открыл дверь.

— Где Крюгер? — спросил сурово Жольдас.

Хозяин удивленно округлил глаза.

— Никакого Крюгера я не знаю. Не верите — ищите сами.

— Поищем,— сказал Жольдас.

Обшарили чердак, погреб, все пристройки. Крюгера нигде не было.

Жольдас отодвинул кухонный стол. Посветил фонариком. Поперек половиц виднелась едва заметная черточка. Крышка подполья!

С помощью топора бойцы подняли крышку. Боязливо отошли в сторону.

— Он здесь! — сказал Жольдас.— Я его по запаху чую.

И в тот же миг ударил выстрел. Пуля врезалась в печь, брызнув глиняной крошкой, отскочила в стену. Все кинулись на пол.

— А-а, собака, ты так!

Жольдас прыгнул в подполье. Навстречу ему треснул выстрел. Послышался чей-то сдавленный крик. Глухой удар... Еще удар... Я ринулся в подполье. Но моя помощь была уже не нужна. Жольдас справился сам. Дюжий мужчина, едва ли не вдвое здоровее Жольдаса, лежал вниз лицом.

А на дворе и в перелеске пограничники с собаками, натренированными на поисках тайников, уже исследовали метр за метром.

Всходило солнце, когда один из пограничников, сдерживая рвущуюся овчарку, вернулся из перелеска и сообщил:

— Аракс знает свое дело. В лесу погребок. Там и есть оружие. Так ведь, дед? — обратился с улыбкой он к Рейтеру...

Рейтер встал. Дверь в комнаты, где находилась жена и внуки Рейтера, была приоткрыта. Он мог с ними проститься, но не захотел. Ненависть к противнику и недовольство собой подавили все остальные чувства. Молча шагнул через порог.

* * *

К середине дня 30 апреля операция «Янтарь» была закончена. Сотрудники валились с ног. Но что усталость рядом с победой над врагом! Банда перестала существовать. И это накануне такого дня. Завтра — Первое мая! Выходите, люди, смело на улицу, пойте, веселитесь. Ничто вам отныне не угрожает.

Вечером 1 мая, укладывая чемодан, я подошел к окну. В открытую форточку доносились песни, нестройный шум

веселой уличной толпы. И вдруг оттуда, где высились готические шпили соборов, взлетела ракета, другая — целый сноп разноцветных огней.

— Смотрите! — невольно воскликнул я.

Крылов подошел к окну.

— Вот он, фейерверк-то. Красиво, черт побери, а!

Когда погасли цветастые фонтаны, я подумал: «Вот и все. Завтра домой!» Чем больше я думал, тем яснее представлялось мне искусство Крылова. «Ну, а я, какова моя роль? Зачем он взял меня с собой? Научить! Развеять романтику, приобщить к большому делу!»

Теперь неважен был вопрос о собственной роли: что бы я ни сделал, все в интересах Родины!

А романтика? Была и романтика, как смотреть. Кропотливый упорный труд на благо народа — в этом главное!

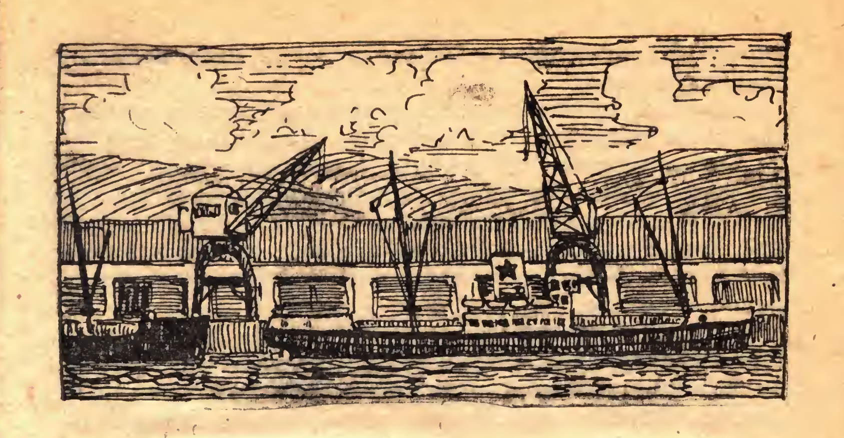

3 Заказ 1066

В. ЕГОРОВ

ЧЕКИСТ ВСЕГДА ЧЕКИСТ

I

Пароход «Фомин» приближался к иранскому порту Пехлеви. Берега уже вырисовывались сквозь пелену дождя. Еще несколько километров в сторону синевших гор, и «Фомин» остановился. Здесь надо было ждать иранского лоцмана. Пароход, словно прокашливаясь, издал несколько отрывистых хрипов и протяжно загудел.

Начинало штормить, море посерело, мимо с тревожным криком пронеслась стая чаек. Капитан опасался, что надвигающаяся непогода может помешать выезду лоцмана. Но вот донесся ответный гудок. Ветхая моторная лодка то поднималась на гребнях волн, то стремительно опускалась вниз. Казалось, что утлая посудина вот-вот зачерпнет воды и пойдет ко дну. Однако этого не случилось. Моторка целой и невредимой подошла к правому борту. Лоцман — высокий сухопарый старик ловко поднялся по трапу и прошел на капитанский мостик.

Через несколько минут судно двинулось к порту.

На правом берегу Пехлевийского залива раскинулся городок с невысокими домами среди вечнозеленых апельсиновых садов. Кое-где, словно оборванцы среди праздничной толпы, виднелись по-осеннему оголенные тутовые деревья, яблони.

На противоположной, Казьянской стороне тянулись приземистые здания складов и служб порта. За ними жилые дома, гостиницы, лавки, составляющие несколько

улочек. Их соединял с городом широкий мост, перекинутый через залив.

«Фомин» пришвартовался к каменной стенке причала. На судно поднялись полицейские, таможенные чиновники. После досмотра пассажиры столпились внизу у трапа. В толпе резко выделялась группа белокурых молодых людей в штатских костюмах, но с явно военной выправкой. Они громко говорили по-немецки, делились впечатлениями о морском путешествии — ночью пароход изрядно покачало.

Среди пассажиров было много деловых людей из разных стран, ехавших в Иран транзитом через СССР. К трапу подошел иранский чиновник и пригласил всех в таможню. Один из пассажиров, голубоглазый блондин лет тридцати пяти, с продолговатым лицом, чуть отстал. Он с интересом рассматривал толпу грузчиков в одежде из мешковины, напоминавших репинских бурлаков.

В таможенном зале вдоль длинной стойки, на которой лентой уложили чемоданы, выстроилась очередь. Таможенники просматривали багаж. Очень скоро эта процедура была закончена. Последняя задержка перед выходом в город — просмотр документов.

Взяв из рук пассажира, заинтересовавшегося грузчиками, паспорт с выдавленным на обложке гербом Советского Союза, полицейский офицер прочел вполголоса:

— Сергеев Яков Васильевич, счетный работник Торгового представительства СССР в Иране,— и, помедлив, как бы нехотя, вернул паспорт Сергееву. Если бы его власть — полицейский отправлял бы любого прибывшего из большевистской страны обратно на пароход.

Выйдя в город, Сергеев пошел в сторону гостиницы: как сказали в таможне, там обычно стоят такси.

Небольшой портовый городок был очень оживлен. Бродячие торговцы, заполнившие улицы, громко предлагали купить диких уток, рыбу, апельсины. Казалось, к прибытию парохода все немногочисленное население городка вынесло продавать, что имело.

Не успел Сергеев подойти к гостинице, как из толпы вынырнул вихрастый мальчишка, схватил чемодан и потащил его к такси, стоявшему неподалеку.

— Куда вам, арбаб?[1] — спросил по-персидски мальчишка постарше, сидевший за рулем изрядно потрепанного «ситроена».

[1] Хозяин (*перс.*).

— В Тегеран.

— Садитесь. Машина как раз оттуда. Домчимся со скоростью «мессершмитта».

Второй парнишка уже укладывал чемодан в багажник.

Сергеев с недоверчивой улыбкой посмотрел на ветхий «ситроен». Но что-то в задорной похвальбе таксиста подкупало его, и, дав несколько кран[1] бойкому посреднику, Сергеев сел в машину.

«Война началась только несколько месяцев назад, далеко в Европе, а слава «мессершмиттов» уже дошла сюда»,— подумал он, устраиваясь на сиденье.

«Ситроен» сорвался с места и быстро помчался к шоссе.

Лишь только машина очутилась на асфальтовой полосе, мокрой от дождя, как таксист залился веселой песенкой. Видимо, он был доволен, что не пришлось возвращаться домой порожняком. Скоро миновали город Решт. Незаметно очутились на перевале. Дорога вилась в ущелье вокруг покрытых лесом гор. С одного края горы поднимались к облакам, а с другого почти отвесно обрывались глубоко вниз. Со дна ущелья доносился рокот бурной реки. У первой же попавшейся чайханы пришлось остановиться, требовалось долить воды в радиатор. Сергеев с интересом рассматривал стоявший рядом автобус оранжевого цвета. На его крыше торчал огромный горб из чемоданов, мешков, ящиков с крякающими утками и кудахтающими курами. Но внимание Сергеева отвлек заунывный звон колоколов. Показался караван «кораблей пустыни». На макушке головного верблюда было нечто вроде султана из разноцветной шерстяной пряжи, а на шее — ожерелье из колокольчиков: меньший внутри большего. Цепь состояла из семи колоколов, самый большой из которых был с игрушечное ведерко. Не успел караван пройти, как мальчуган, управившись с радиатором, нажал на акселератор, и машина, дребезжа старым кузовом, помчалась дальше.

К концу дня «ситроен» въезжал в северную часть Тегерана, отстроенную на европейский лад. Трех-четырехэтажные дома с большими окнами, широкие асфальтированные улицы, площади, памятники. По улицам рядом с машинами последних марок ползли фаэтоны, тянулись

[1] Иранская монета *(перс.)*.

вереницы груженых ослов, караваны верблюдов. Двугорбые великаны угрюмо и сосредоточенно вышагивали, словно раздумывая, зачем это их стародавние дороги покрыли твердым, неудобным асфальтом.

«Ситроен» остановился у гостиницы «Надери». Идти в торгпредство было уже поздно, и Сергеев, сняв номер, с удовольствием растянулся на диване.

Утром, дойдя до самого оживленного перекрестка Тегерана, где сходятся торговый Лалезар и фешенебельный Истамбули, Сергеев свернул на Лалезар (Луг тюльпанов). Несмотря на такое поэтическое название, на улице не было ни цветов, ни зелени, но выглядела она весело. Бесчисленные витрины, заполненные всевозможными товарами, начиная от тканей и кончая драгоценностями, отливали всеми цветами радуги. Но вот яркая, красочная полоска Лалезара пройдена. Сергеев вышел в район Паминара, где помещалось торгпредство. Искать долго не пришлось. Через несколько минут он поднимался на второй этаж. Занятия уже начались. В коридоре было много посетителей — все больше местные купцы.

Сергеев остановился у дверей кабинета с табличкой: «Главный бухгалтер Л. А. Загоруйко» и постучал.

— Войдите,— звонким голосом отозвались из кабинета.

Сергеев вошел и в нерешительности остановился у дверей. Он ожидал увидеть маститого финансиста. Каково же было его удивление, когда ему навстречу встала из-за стола миловидная девушка лет двадцати пяти. Сергеев сказал, что ему нужен главный бухгалтер, девушка шагнула в его сторону и, протянув руку, представилась:

— Главный бухгалтер, Загоруйко Лидия Александровна. Присаживайтесь, чем могу быть полезна?— официальным тоном закончила она, уловив во взгляде вошедшего удивление.

— Сергеев Яков Васильевич, прибыл в ваше распоряжение, работать бухгалтером.

Лицо Лидии Александровны моментально преобразилось.

— Вы из Москвы? Из наркомата?

— Нет, я бакинец,— сказал Сергеев и тяжело опустился на стул.

— Да-а? — разочарованно протянула девушка.

Наступила небольшая пауза.

— Что нового в Баку? — поспешила Лидия Алексан-

дровна заполнить брешь в разговоре.— Так приятно встретить человека, только что приехавшего с Родины. Я пробыла в Баку всего несколько часов по пути сюда полгода назад, но город успел мне понравиться.

— Баку хорошеет, благоустраивается.

Он считал, что такого ответа вполне достаточно. Не будешь же рассказывать, что с тех пор, как она была в Баку, недалеко от Сабунчинского вокзала возвели несколько красивых домов, что благоустроен городской парк и прочее и прочее. Ведь она не знает города.

— А я сразу узнала, что вы из Союза. Наши мужчины, как правило, приезжают в синих костюмах из бостона,— улыбнулась Лидия Александровна.

— Там, где экипируют, это самые приличные костюмы,— пробурчал Сергеев, окинув взглядом свою синюю тройку.

Разговора не получалось.

— Где вы остановились... Яков Васильевич?

— В гостинице «Надери».

— Я сегодня же представлю вас нашему завхозу. У него много знакомых среди местных, он найдет вам удобную квартиру. Вы один или с семьей?

— У меня нет семьи.

— На первое время для общей ориентировки вам придется ознакомиться с конъюнктурой местного рынка, с заключенными договорами. Просмотрите потом отчет за прошлый, 1939 год. Затем уже перейдете к конкретным вопросам, которыми придется заниматься вам.

Лидия Александровна довольно подробно объяснила, из чего будут складываться его обязанности. Сергеев с удовлетворением отметил, что дело Лидия Александровна знает отлично. Закончив, она встала из-за стола. Поднялся с места и Сергеев.

— Пойдемте, я представлю вас руководству представительства, а потом познакомлю с коллективом бухгалтерии.

Они вышли из кабинета.

II

— Вот, Ганс, полюбуйся, до чего обнаглели местные писаки,— громоздкий длинноволосый блондин, уже переступивший сорокалетний рубеж, встал из-за журнально-

го столика и протянул своему собеседнику иранскую газету.

— Макс, ты от волнения забыл даже, что я не читаю по-персидски.

— Давай прочту,— и Макс, как назвал его собеседник, германский посланник в Иране фон Эттель, стал медленно, с трудом, переводить газетную заметку на немецкий язык:

> «Наша родина словно оккупирована немецкими войсками, переодетыми в штатское. Видит аллах, нет ни одной отрасли политической и экономической жизни страны, где не сидели бы немецкие советники, консультанты. Вряд ли осталась хоть одна немецкая фирма, которая не имела бы у нас представительства со штатом, не уступающим своим главным конторам. Секрет полишинеля то, что большинство этих советников и доверенных фирм ведут здесь политическую работу, будоражат нашу жизнь...»

— Ну, хватит,— и фон Эттель со злостью смял газету и бросил ее в корзинку.— Ты понимаешь, Ганс, как мешает подобная писанина расширению нашего влияния в Иране.

Фон Эттель замолчал, задумчиво двигая по столу коробку с сигарами.

— Макс, ты позвал меня только для того, чтобы прочесть эту заметку?

— Я начал с нее потому, что целый день нахожусь под впечатлением утреннего неприятного разговора в министерстве иностранных дел Ирана по поводу распущенности местной прессы. А полчаса тому назад получил неприятную радиограмму из Берлина. Винклер опять требует ускорить подготовку агентуры для вывода в Закавказье, Среднюю Азию. Это уже упрек тебе, Ганс.

Собеседник фон Эттеля, тучный старик лет шестидесяти с совершенно лысой головой, довольно проворно для его комплекции поднялся с низкого кресла и отошел к окну. Облокотившись на подоконник, он разразился гневной тирадой:

— Этот нажим генерала Винклера — результат личной неприязни ко мне. Говорят, он как-то за бутылкой шотландского виски сказал: «Старикашку фон Шёнгаузена сотру в порошок». По милости Винклера я очутился в роли секретаря посольства в этой дыре.

— Но, Ганс, я думал — ты доволен, что работаешь со мной. Разве можно придавать значение должности, которая тебя прикрывает? Для меня ты — старый опытный разведчик, выполняющий очень важную миссию.

— Только наша дружба удерживает меня здесь,— проворчал Шёнгаузен.

— Ты мне никогда не рассказывал, что у вас произошло с Винклером.

— Он пытался подмять меня, сделать слепым исполнителем своих бредовых идей, а я дал ему понять, что он выскочка, солдафон и ни черта не понимает в разведывательном деле.

— Ты несносен. Зачем портить отношения с человеком, от которого в какой-то мере зависишь! К тому же, прости, но на правах друга скажу откровенно, ты не объективен. Винклер, конечно, недостаточно опытен, но не дурак. Думаю, все дело в том, что он занял должность, на которую претендовал ты.

— Безотносительно к этому он глуп как пробка. Подумай только, этот кретин взялся инструктировать меня, когда я ехал сюда. Он битый час весьма туманными намеками давал понять, что все наши операции завершатся походом на Восток. Как будто я не с ним вместе работал над одним из разделов плана Барбаросса. Зная, что я прекрасно ориентируюсь в нашей политике на Ближнем и Среднем Востоке, он нудно растолковывал мне, что основная цель — склонить Иран на военный союз с нами, а затем использовать его территорию для захвата Индии, иракской нефти и для военных действий против России. Особенно долго и путано он распространялся о том, как я должен организовать диверсии в Баку. Я не выдержал и дал ему понять, что не нуждаюсь в разъяснениях прописных истин.

— Лучше было бы промолчать. Он будет теперь все более и более требователен.

— Мы сделали достаточно. У нас уже есть школы с опытными инструкторами для подготовки агентуры, есть агентура. В ближайшие дни начнем ее переброску в Россию.

— Да, но Винклер беспокоится о резиденте в Баку.

— Я представил кандидатуры из русских эмигрантов, но Винклер требует, чтобы это были советские люди, пользующиеся доверием у себя на родине. Что же мне — ехать в Россию и подбирать там человека?

— Ты не прав, Ганс. Это можно сделать, не выезжая отсюда. Тебя не надо учить — как.

— Макс, ты просто сегодня не в духе. У меня в кабинете Геккерт. Пойду закончу с ним, а потом вернусь. Я тебя подробно проинформирую о наших перспективах, а потом, как всегда, сыграем партию на бильярде.

III

Сергеев свернул на Шахреза. Широкая асфальтовая полоса проспекта делила на два ряда каменные коробки домов, творчество архитекторов третьего рейха, наводнивших Иран. Видневшиеся позади купола мечетей, стройные минареты резко контрастировали с этими казенного вида строениями.

Время приближалось к полудню, солнце пекло немилосердно.

У магазина с зеленой вывеской, на которой красивой арабской вязью было написано, что торгуют здесь галантереей и что это заведение принадлежит купцу Мусе Амири, Сергеев остановился. Из магазина вышел невысокого роста иранец лет пятидесяти, полный, румяный, с большим мясистым носом. Редкие волосы, крашенные хной, отливали на солнце багрянцем.

— Агаи[1] Сергеев, очень рад. Дом, который мы должны посетить,— здесь недалеко, а это магазин моего двоюродного брата,— выпалил скороговоркой толстяк и поспешно увлек Якова Васильевича от магазина, словно боясь, что он зайдет туда.

— Очень благодарен, агаи Ходжа Али, за ваши хлопоты.

— Я много обязан господину Демидову. Раз он попросил помочь вам, я рад тем самым услужить и ему.— Ходжа Али начал распространяться о своем уважении к управляющему хозяйством представительства.

Сергеев вспомнил, что Демидов назвал Ходжа Али захудалым купчишкой и рассказал, как он подвизается среди иранских предпринимателей, имеющих дела с торгпредством. Ходжа Али выступал в роли посредника, но иногда и сам был непрочь приобрести небольшую партию товара. Он долго жил в Советском Союзе, имел в Баку

[1] Господин *(перс.)*.

в период нэпа контору по сбыту сухофруктов, импортируемых из Ирана. Был он очень ловок и предприимчив, отлично владел русским языком и слыл образованным человеком. Он действительно был довольно начитан. Хорошо знал поэзию Хайяма, Саади, Хафиза. На память цитировал большие отрывки из их произведений, помнил массу пословиц, афоризмов. Сергеев улыбнулся, вспомнив, что Демидов, много читавший об Иране, рассказывая о Ходжа Али, даже привел на память слова дальнего родственника А. С. Пушкина — Ганнибала, долго жившего в Тегеране. Ганнибал писал: «Поэзия в Иране неразрывно связана с повседневной жизнью народа, слита с нею воедино, на каждый случай жизни у перса всегда готова любимая цитата. Существует некий цикл излюбленных персидским народом цитат. Они известны в стране каждому: повторяют их с любовью старики и юноши, бедняки и богачи, ученые мудрецы и погонщики верблюдов». По словам Демидова, Ходжа Али превосходил самых запасливых. Недаром он получил к своему имени приставку Ходжа, дававшуюся обычно потомкам халифов. Он никакого отношения к главам мусульманских государств не имел, тем не менее его называли Ходжа, видимо, потому, что начитанность на Востоке издавна считалась привилегией знатных.

— Я думаю, вы будете довольны, агаи Сергеев. Хозяин дома очень приличный человек.

Ходжа Али остановился.

— Вот сюда, за угол,— махнул он рукой направо.

Они свернули на боковую улочку. Сразу за первым домом, выходящим на проспект, пошли убогие жилища с высокими глинобитными заборами. У двухэтажного здания с застекленным балконом Ходжа Али остановился.

— Вот этот дом. Недалеко от проспекта и довольно приличный, его, как видите, не спрятали за забор,— сказал он и дернул за кусок проволоки, висевшей на калитке. Где-то далеко во дворе зазвенел колокольчик.

Не прошло и минуты, как подросток лет четырнадцати открыл калитку. За это время Ходжа Али успел перечислить все достоинства предлагаемой квартиры. Вошли во двор. Густые кроны платанов прикрывали дворик от знойных лучей солнца.

Квартира из двух небольших комнат была недавно отремонтирована. Ей принадлежал балкон, выходящий на

улицу. Мебель состояла из кровати, стола и нескольких стульев. Остальное заменяли многочисленные ниши в стенах, где в восточных домах хранится все, что кладут в шкафы, серванты, на этажерки.

Хозяин — тощий почтовый чиновник, в засаленном костюме и гиве[1] на босу ногу, низко кланялся гостям.

После того как Сергеев осмотрел комнаты, Ходжа Али назвал цену, совершенно игнорируя хозяина, безмолвно стоявшего рядом. Плата была невысокой, квартира понравилась, и Сергеев дал согласие.

— Да приму я на себя твои горести,— сказал хозяин Сергееву.

— Смотри, Дадаш, чтобы не получилось, как говорят у нас: «Показываешь пшеницу, а продаешь ячмень».

— Клянусь твоей головой, Ходжа Али, все будет в порядке,— низко поклонился ему хозяин.

Сергеев не стал затягивать переезд из гостиницы на квартиру. Это заняло у него не больше часа. Вслед за новоселом появился Ходжа Али в сопровождении двух носильщиков. Они принесли радиоприемник и одеяло в шелковом чехле. Ходжа Али подошел к кровати, сбросил с нее хозяйское одеяло, постелил свое. Появился владелец дома со столиком, поставил его в простенке, на него установил приемник.

— Как я должен оплатить эту услугу, агаи Ходжа Али? — спросил Сергеев.

— Какая услуга? Через несколько месяцев приобретете все эти вещи сами, а мои вернете. Ваша благодарность будет для меня наградой.

— Нет, агаи Ходжа Али, я не могу принять это безвозмездно. Вы поставили меня в затруднительное положение.

— За добро, сделанное людям, аллах воздаст во много раз больше,— улыбнулся Ходжа Али.— Вы гость. По нашим обычаям, я обязан помочь. Откажетесь — обидете. Когда-нибудь вы тоже сделаете мне одолжение. Эти вещи лишние у меня в доме. Я не причинил себе никаких неудобств. Идя к вам, мысленно даже сравнил себя с купцом, который «пролитое масло пожертвовал на лампаду в гробницу Имам-заде»,— и Ходжа Али звонко рассмеялся.

---

[1] Матерчатая обувь без задников *(перс.)*.

* * *

В торгпредстве шел ремонт, и Сергееву пришлось работать в большой комнате, сплошь заставленной столами. Там разместилась бухгалтерия и часть планового сектора. Стоял стрекот арифмометров, стук костяшек счет, а в одном из углов, словно вперегонки, трещали две пишущие машинки. Даже в кабинет Лидии Александровны поставили стол заведующего плановым сектором, но он был в командировке и на его месте сидела одна из экономистов — Оля Кузина, веснушчатая и курносая девушка лет двадцати двух. Она вместе с Лидией Александровной снимала в городе квартиру.

Оля неожиданно перестала щелкать на счетах и сказала:

— Лида, а новый бухгалтер — интересный мужчина. Орлиный нос и точеные черты лица, он похож на патриция. Такой важный, сосредоточенный, мало с кем говорит...

Лидия Александровна рассмеялась:

— Что это тебе пришло в голову такое историческое сравнение?

— Я вчера только закончила «Спартака».

— Ну, тогда понятно. Патриций не патриций, а лицо у него интеллигентное, умные и печальные глаза. А вообще мне кажется, не такой уж он важный и молчаливый, может быть, еще стесняется, кругом новые люди. Кстати, Оля, если тебе не трудно, попроси его зайти ко мне. Надо узнать, как он устроился.

Оля отодвинула счеты.

— Лида, я зайду к Наташе, хочу договориться о завтрашней поездке на посольскую дачу в Заргянде.

Лидия Александровна молча кивнула головой. Оля вышла.

— Как вы устроились, Яков Васильевич? — спросила Лидия Александровна вошедшего Сергеева.— Садитесь.

— Сносно, хотя есть большое «но»,— сказал Сергеев.— По вечерам в течение часа или двух из соседней комнаты несется детский визг и плач, словно туда собрали всех мальчишек и девчонок с ближайших улиц и лупят их. Затем все стихает и дом погружается в полнейшее безмолвие.

— Вы спрашивали у хозяина, в чем дело?

— Конечно. Он разводит руками: «Спать детей укла-

дываем»,— говорит. Я уж не спросил, сколько же у него детей.

— Надо менять квартиру.

— Я думаю об этом. И далековато от торгпредства.

— Успели посмотреть город?

— Никак не соберусь. Да и трудно пока ориентируюсь.

— Если хотите, покажу вам музей,— как-то торопливо сказала Лидия Александровна и смутилась.—Я уже была в Этнографическом, в Музее изящных искусств и драгоценностей. Но я с удовольствием побываю там еще раз.

— Буду благодарен,— сухо ответил Сергеев.

Лидия Александровна поспешила заговорить о делах. Украдкой она рассматривала Сергеева.

О нем мало было известно. В кабинете заместителя торгпреда он рассказывал, что служил в армии, но после тяжелого ранения на финском фронте принужден был демобилизоваться. Был ли он женат? Какое ранение ему пришлось перенести? И много еще других вопросов хотелось задать Лидии Александровне. Почему, собственно, она так заинтересовалась этим человеком? Обычное женское любопытство? Но однажды она поймала себя на том, что подсчитывает, сколько дней осталось до воскресенья, когда они условились пойти в Музей изящных искусств.

IV

Когда начальник отдела НКГБ Азербайджана Кулиев, смуглый курчавый сорокалетний крепыш, вошел в кабинет заместителя наркома Румянцева, тот стоял у окна и смотрел на улицу, привлеченный редким для Баку явлением — в ноябре шел дождь со снегом.

— Это вы, Мехти Джафарович, садитесь. Я как раз хотел обсудить с вами один вопрос.— Румянцев направился к своему столу:— Обратили внимание на погоду?

— Что-то невероятное.

— А не чувствуете по фактам, с которыми мы сталкиваемся, что ближайшее время принесет нам еще более невероятное, только не из области погоды.

— Да, Сергей Владимирович, время тревожное.

Мехти Джафарович вынул из папки и разложил небольшую схему, вычерченную карандашом.

— Вижу, догадались, какой именно вопрос меня интересует,— улыбнулся Румянцев.

— Для наглядности я решил по всем нашим данным составить схему. Так быстрее можно разобраться в деятельности немецкой разведки в Иране.

— Добро, добро,— приговаривал Румянцев, рассматривая схему.

— Все коричневые нити тянутся к посланнику фон Эттелю. Его ближайший подручный — фон Шёнгаузен, прячущийся за скромной должностью секретаря. А это школы подготовки шпионов, которых собираются забросить к нам,— указал Кулиев на несколько кружочков на схеме. Школы расположены в провинциальных городах Ирана.

— А что мы знаем о людях?

— Прочту несколько ориентировок из Москвы об основных фигурах,— и Кулиев вынул из папки документ.

Ганс Эрих фон Шёнгаузен,— читал Кулиев,— происходит из родовитой дворянской семьи. Еще до первой империалистической войны служил в германской разведке под руководством полковника Николаи, попал туда по протекции последнего, которому приходится дальним родственником. Считался одним из перспективных офицеров разведки. Принимал участие во многих крупных делах. В начале тридцатых годов претендовал на пост заместителя руководителя разведки. После прихода к власти Гитлера шансы Шёнгаузена занять эту должность значительно снизились. Соответственно спала и его активность в делах. Адмирал Канарис, назначенный начальником разведки в 1935 году, невзлюбил Шёнгаузена и поспешил упрятать его в одно из арабских княжеств на побережье Персидского залива. Используя родственные связи среди лиц, близких к нацистским верхам, Шёнгаузену удалось перебраться в Тегеран, но путь в Берлин ему закрыт. Тяготится своим пребыванием в Иране, часто говорит об отставке, но не предпринимает никаких шагов в этом отношении, опасаясь, что отставку не примут, а пошлют в действующую армию. Любит прикидываться простаком, но хитер и жесток. Дружит с германским посланником в Иране фон Эттелем,

под руководством которого работает. Их дружба началась в Париже в тридцатых годах. Сблизило их увлечение злачными местами Монмартра.

— Видно, Шёнгаузен старый волк,— заметил Сергей Владимирович.

Геккерт Отто — ближайший помощник фон Шёнгаузена — сын мюнхенского заводчика. Отец Геккерта имел до 1933 года небольшое пивоваренное заведение. После прихода к власти фашистов стал быстро богатеть и превратил свое заведение в большой завод. Во многом помогала ему сестра жены Лия Кугель, сожительница Гимлера. Она устраивала выгодные государственные подряды, прибыль от которых Геккерт-отец использовал для расширения своего предприятия. Отто Геккерт, воспитанник штурмовых отрядов, проявлял особую жестокость в еврейских погромах, чем обратил на себя внимание главарей штурмовиков. Направлен на работу в аппарат Канариса в порядке укрепления его молодыми, подающими надежды кадрами, однако недостаточно подготовлен для этой работы, хотя отказать ему в сообразительности и энергии нельзя.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел молодой человек с объемистой папкой.

— Срочная телеграмма, товарищ заместитель наркома,— сказал он, положив на стол отпечатанный на машинке лист бумаги.

— Хорошо, оставьте,— сказал Румянцев.

Сотрудник вышел. Сергей Владимирович внимательно прочел телеграмму.

— Мехти Джафарович, из Ашхабада сообщают, что там задержан нарушитель границы. При нем оказался портативный радиопередатчик. Задержанный показал, что рацию он должен передать старому немецкому агенту в Баку, некому Серебрякову, и сам поступить в его распоряжение.

— Неужели это Леон Аркадьевич Серебряков, наш почтенный режиссер театра? Он — бывший царский офицер. В первую мировую войну попал в плен к немцам. Возвратился из Германии в двадцатых годах с женой-немкой.

— Очень может быть, Мехти Джафарович, что и он. Надо попросить Ашхабад направить нарушителя к нам и срочно заняться выяснением, о каком именно Серебря-

кове идет речь в показаниях задержанного. Поручаю это вам.

— Продолжать доклад, Сергей Владимирович?

— Пожалуй, отложим,— Румянцев взглянул на часы,— сейчас совещание у наркома начнется. Оставьте документы, я разберусь сам. Есть здесь ваши предложения по пресечению деятельности германской разведки?

— В папке детальный план,— сказал Кулиев, поднимаясь с места.

— Добро,— и Румянцев тоже встал из-за стола.— Я слышал, Мехти Джафарович, у вас коллекция персидских миниатюр. Мне бы очень хотелось посмотреть их.

— Коллекция — слишком громко, всего пятнадцать миниатюр, правда довольно старинных.

— Не удивляйтесь. Я ведь искусствовед по образованию. Но вот лет десять назад,— Румянцев улыбнулся,— меня пригласили в ОГПУ в качестве эксперта по делу группы иностранных дипломатов, которые скупали у нас в стране и вывозили за границу произведения больших художников. Вел это дело чекист, оказавшийся моим однокашником. По ходу дела меня посвятили в некоторые детали того, как были разоблачены преступники. Увлекла меня чекистская работа. Да еще приятель подогревал. Вот я и принял решение пойти на работу в органы. И не жалею. Нахожу время и для того, чему учился. В свободное время пишу труд по истории живописи Азербайджана. Посмотреть миниатюры — один из видов восточной живописи — мне полезно.

— Пожалуйста, Сергей Владимирович. В любое удобное для вас время.

— Вот получим небольшую передышку от особо срочных дел,— и Румянцев пожал руку Кулиеву.

V

С утра хлестал свирепый дождь, и Сергееву пришлось отложить встречу с Лидой. Яков Васильевич ходил по комнате, то и дело поглядывая в окно. В комнатах у хозяина был неимоверный гвалт. По случаю дождя вся детвора собралась под крышу и затеяла шумные игры.

Вдруг все затихло: к хозяину пришел гость. Сергеев сел в кресло, развернул газету, но почитать ему не уда-

лось. Раздался стук в дверь, и, не дожидаясь приглашения, в комнату вошел Ходжа Али. Сергеев швырнул газету на кровать и хотел прикрыть ее подушкой, но подушка была слишком мала, края газеты предательски торчали.

Ходжа Али бесцеремонно откинул подушку и развернул свежий номер «Фёлькишер беобахтер» — берлинской фашистской газеты.

— Ай-ай-ай, а убеждали меня, что не знаете европейских языков. Понимаю, скромничали.

Сергеев встал, взял из рук Ходжи Али газету, скомкал ее и сунул под матрац.

— Пусть все это останется между нами,— взволнованно проговорил он.

— Что же тут особенного, агаи Сергеев?

— Ничего, конечно. Просто не хочу, чтобы знали.

— Немецкая нация — великая нация, зачем скрывать знание ее языка. Вообще любой человек, владеющий по милости аллаха иностранными языками, поднимается во мнении окружающих.

— Возможно, что и так, но в данном случае есть некоторые обстоятельства...

— Не понимаю. Глубоко убежден, если господин Демидов узнает, что вы владеете немецким языком, или, скажем, Лидия-ханум, они будут приятно удивлены, и всё.

— Уверяю, далеко не так. Наоборот, в этом случае мне грозит большая неприятность. Я принужден обманывать сослуживцев.

— Спасительная ложь лучше правды, поднимающей смуту, говорят у нас,— не удержался от замечания Ходжа Али.

— Вы так хорошо ко мне отнеслись, прямо по-родственному. Я надеюсь на вашу скромность.

— Зачем же я должен кому-то рассказывать, раз вы просите не делать этого. Видит аллах, не хочу приносить вам никаких огорчений.

Сергеев молчал, выглядел он очень расстроенным, и Ходжа Али решил переменить тему разговора.

— Нравится ли вам квартира?

— Квартира как таковая меня устраивает, но вот шум часто беспокоит. Уж очень много детей.

— У хозяина, как у каждого бедного иранца, полно детей. Пять девочек и шесть мальчиков, старшему один-

надцать лет. Утихомирить такую мелкоту не так легко. Агаи Сергеев, я подыщу вам другую квартиру.

Ходжа Али попрощался и ушел, еще раз пообещав быстро подыскать квартиру.

На следующий вечер Ходжа Али появился снова. Он предложил квартиру в своем доме. Сергеев согласился. Дом Ходжи Али на улице Фирдоуси был европейского типа, двухэтажный. Первый этаж занимал хозяин, а второй сдавался квартирантам. Ходжа Али отвел Сергееву двухкомнатную квартиру на левой половине. В ней было все необходимое, начиная от постельного белья и кончая щеткой для платья.

Сергееву понравилась новая квартира, но взгляд его случайно остановился на двери, ведущей в соседнее помещение. Он вопросительно посмотрел на Ходжу Али. Тот сразу сообразил в чем дело, и, улыбаясь, сказал:

— Укушенный змеей боится веревки. Агаи Сергеев, не беспокойтесь, детей там нет. Квартира пустая. Сдам ее только одинокому.

Сергеев успокоился. Он понимал, что Ходже Али невыгодно нарушать свое слово.

VI

От проспекта Шахреза начинается шоссе. Оно ведет к предгорьям Эльбурсского хребта, к горам, вершины которых покрыты снегом даже в жаркое время года. У подножья отрогов среди густой зелени разбросаны дачные поселки.

Почти на углу Шахреза и загородного шоссе стоял одноэтажный особняк, окруженный высоким забором. Это был дом новой постройки из серого кирпича с «аб амбаром»[1] и жилым подвалом, где коротали знойные дни обитатели дома. К северной части особняка примыкала открытая терраса, по сторонам ее сбегали лесенки из нескольких ступенек. В середине двора — бассейн.

Судя по табличке, особняк этот принадлежал немецкому коммерсанту Отто Геккерту. Хозяин — высокий стройный блондин в легком костюме, белоснежной ру-

---

[1] Водяной амбар *(перс.)*.

башке с ярким галстуком — прохаживался по террасе, нетерпеливо теребя сорванный с ветки платана листочек. Раздался звонок. Слуга-иранец стремительно выскочил из кухни и бросился отпирать калитку. Низко поклонившись, он отошел в сторону, пропуская фон Шёнгаузена. Старик шел, шумно отдуваясь. В свободном костюме из чесучи он казался еще толще.

Геккерт спустился навстречу.

— Рад видеть вас у себя, экселенц.

— Проклятая машина так накалилась, что ехать в ней невозможно, дышать нечем,— сказал фон Шёнгаузен, обмахивая лицо соломенной шляпой.

Геккерт помог подняться на террасу. Один из слуг подвинул плетеные кресла, другой подкатил столик с фруктами и прохладительными напитками.

— Садитесь, экселенц,— пригласил хозяин дома.

Шёнгаузен топтался на месте и поглядывал на стоящих поодаль слуг.

— Может быть, пройдем в кабинет? — предложил Геккерт, видя, что шеф почему-то не хочет остаться на террасе.

На пороге кабинета Шёнгаузен остановился. Его ослепило множество красок, которыми пестрели стены кабинета.

— Я коллекционирую коньяки,— улыбнулся Геккерт, поняв, чем удивлен шеф.

Вдоль всех стен были устроены стеллажи, на которых стояли бутылки с коньяками, ярко пестревшие разноцветными наклейками. Бутылки заполняли не только стеллажи: целая батарея выстроилась на письменном столе, на подоконниках. Продолговатые, пузатые, круглые, плоские, иногда больше похожие на фигурный флакон с одеколоном, чем на сосуд со спиртным,— эти коньяки были собраны из разных стран.

Шёнгаузен принялся рассматривать коллекцию. Но не сами напитки поразили его. Он никак не мог найти объяснения тому, как человек, весьма неравнодушный к спиртному, мог собрать и сохранить такое количество соблазнительных бутылок.

Геккерт молча шагал за Шёнгаузеном. Коль скоро шеф осматривал полки, то, следовательно, заинтересовался коллекцией. Геккерт был бы очень удивлен, если бы мог знать, что шеф хоть и ходит вдоль полок, но не видит бутылок. Шёнгаузен думал о Геккерте. Он не любил это-

го молодчика, готового ради карьеры на любую подлость. В тридцать лет он уже имел чин майора и занимал довольно видное положение в абвере. Старик совершенно забывал, что в его годы действовал так же.

Шёнгаузен побаивался своего подручного. Было известно, что сестра жены Геккерта, популярная артистка Лия Кугель,— любовница Гимлера и что Гимлер протежирует Геккерту. Шёнгаузен в былые времена тоже был близок к сильным мира сего и знал, как может иногда навредить ничтожество вроде Геккерта. Сегодня Геккерт позвонил Шёнгаузену и доложил, что есть срочное дело. Шёнгаузен как раз собирался на дачу и решил заехать к Геккерту, это было по дороге. Особенно часто ходить в посольство Геккерту, жившему под видом коммерсанта, было незачем.

Не успел Шёнгаузен обойти всю коллекцию, как слуги вкатили в кабинет столик с фруктами. Шёнгаузен резко обернулся.

— Давайте, герр Геккерт, пойдем лучше во двор к бассейну. Там прохладнее.

«Опять старческие причуды»,— подумал Геккерт, но с готовностью поспешил открыть дверь и сказал слугам, чтобы они отнесли к бассейну кресла и столик.

Когда слуги ушли, Шёнгаузен облегченно вздохнул.

— Терпеть не могу слуг — это уши и глаза контрразведок. Вы же знаете, нами здесь интересуются многие. Да и местная контрразведка не прочь полюбопытствовать, о чем мы беседуем,— сказал он.

— Мой генерал, мы не стали бы говорить о делах в их присутствии.

Шёнгаузен махнул рукой.

— Подслушают из другой комнаты, а вот сейчас они это сделать не сумеют, слишком велико расстояние от бассейна до их ушей.

— Я хотел доложить вам о результатах работы Тильки[1] с тем русским, который прибыл недавно на работу в советское торгпредство,— и Геккерт стал рассказывать о том, как Ходжа Али застал Сергеева за чтением немецкой газеты.

— Очень интересный случай, очень интересный. У него безусловно какие-то серьезные причины скрывать

[1] Лисы *(перс.)*.

знание немецкого языка. Вот этим и надо воспользоваться.— Шёнгаузен обернулся в сторону бассейна, зачерпнул горстью воду и медленно слил ее обратно.— А вы вполне верите вашему агенту?

— Безусловно, мой генерал.

— Давайте без этих официальностей,— недовольно проворчал Шёнгаузен.— А не приходила ли вам в голову мысль, что старая лиса не прочь посплетничать и о нас русским, когда ему достается у них выгодная партия товаров.

— Это исключается,— возбужденно начал Геккерт,— Ходжа Али слишком много потерял в России от произвола большевиков, когда ему пришлось там закрыть контору. Он ненавидит их. И нельзя же не доверять всем, мы так ничего не сделаем.

— К сожалению, элементарные правила нашей работы запрещают верить даже вполне проверенным. И их надо время от времени перепроверять. Вот на этом деле мы его и испытаем. Вам надо познакомиться с Сергеевым самому на какой-нибудь нейтральной почве.

— На это требуется время.

— Не страшно. Поспешность всегда приводит к ошибке. Посмотрю на теперешнюю молодежь — какие вы нетерпеливые, а знаете, каково приходилось нам после первой мировой войны! Не могли же мы ликвидировать разведку, как этого требовал мирный договор. Работы навалилось много, надо было готовиться, чтобы встать на ноги. Без достаточных средств, прикрываясь у себя в стране чуть ли не фирмой по скупке пушнины, мы осторожно, шаг за шагом, продвигались к своей цели. Отлично понимали, что такими темпами не скоро добьемся результатов, но, если поторопиться, можно провалить всё.— Спохватившись, что отклонился в область воспоминаний и что хозяин дома не слушает его, Шёнгаузен поднялся с места, взялся за шляпу.— Ищите знакомства с Сергеевым.

Не успел Шёнгаузен встать, как слуги бросились открывать калитку.

Фон Шёнгаузен еще до первой мировой войны начал работать в разведке.

Он побывал во многих странах, хорошо владел несколькими европейскими языками. А главное — накопил

колоссальный опыт разведывательной работы. Его слабостью были воспоминания. Он очень любил молодым сослуживцам-разведчикам рассказать истории из своей практики. Никогда не скажешь, что этому на вид безобидному старику приходилось убивать людей. С особенным смаком и под большим секретом он делился с подчиненными историей о том, как еще во времена первой мировой войны, будучи в нейтральной стране, он зарезал в купе поезда бельгийского дипкурьера и завладел его сумкой с важными документами. Но об этом он рассказывал только в редкие приливы откровенности. Фон Шёнгаузен предпочитал выставлять себя сторонником гуманных методов работы. Его помощники, пришедшие в разведку из отрядов штурмовиков, старались перенять у него многое, прислушивались к его советам, но считали шефа слишком несовременным. А старый аристократ считал, что эти выходцы из буржуазных семей недостойны общения с ним, но терпел их как явление времени. Точно так же он рассматривал и Геккерта — сына баварского пивовара. Отто Геккерт был почти наполовину моложе своего шефа, но по опыту в заплечных делах почти не уступал ему.

VII

Через несколько дней после того как Сергеев переселился в дом Ходжи Али, он услышал шаги за дверью в соседней квартире. Следовательно, появился сосед или соседка.

Поздно вечером, когда Сергеев уже готовился ко сну, раздался стук в эту дверь.

— Войдите,— отозвался Сергеев.

Порог перешагнул Геккерт. Театрально размахивая руками, он шагнул в сторону сидящего в кресле Сергеева.

— Отто Геккерт, майор германской разведывательной службы,— представился неожиданный гость.

Сергеев встал с места, не зная что сказать.

— Сидите, герр Сергеев, сидите, нам предстоит длинный разговор.

Сергеев опустился в кресло. Геккерт плюхнулся в соседнее.

— Вы, наверное, удивлены столь бесцеремонным вторжением и откровенностью, с которой я назвал себя. Мне незачем скромничать. Через несколько минут вы

все равно поймете, что я нахожусь в Иране не для торговли горшками.

Сергеев с интересом рассматривал Геккерта. Тот отметил, что руки Сергеева, лежавшие на подлокотниках, слегка дрожали. «Волнуется... Моего прихода, конечно, не ожидал»,— подумал Геккерт.

— Буду говорить прямо. Нас очень заинтриговало то, что вы скрываете от своих соотечественников знание немецкого языка.

— Откуда вам известно это? Ходжа Али? — взволнованно перебил его Сергеев.

— Да, этот старик проболтался нашему человеку.

Сергеев вскочил с кресла.

— Он, значит, разболтал об этом и в торгпредстве.

— Сядьте, герр Сергеев, успокойтесь. Это исключено. Наш человек тут же приказал Ходже Али держать язык за зубами, пригрозив возможностью потерять льготы при покупке германских товаров. А вы знаете, каждый иранец, несмотря на свою страсть посплетничать, становится безмолвным камнем, если ему угрожает убыток.

Сергеев вынул платок и вытер лоб.

— Вернемся к теме нашего разговора. Каковы же причины, заставляющие вас скрывать, что знаете немецкий язык?

— Вряд ли эти обстоятельства могут быть интересными для германской разведывательной службы.

— Разрешите об этом судить нам.

— Я все же не вижу необходимости давать объяснения по этому поводу.

— Герр Сергеев, вы разговариваете не с Ходжой Али. Мы отлично понимаем, чем чреваты последствия, если то, что вы скрываете, станет достоянием ваших шефов. Прошу не толкать нас на крайние меры.

Сергеев задумался.

Геккерт не спускал с него глаз. Вынул портсигар, вытащил оттуда сигарету, закурил.

Сигарета Геккерта уже подходила к концу, когда Сергеев повернулся к гостю.

— Я немец, но родился в России. Имею родственников в Германии. Отец умер, когда мне было три года. Мать вышла замуж за русского. Он усыновил меня. Я принял его фамилию, изменил отчество. Когда поступал в военное училище, отчим посоветовал мне скрыть национальность, выдать себя за русского, не писать в анкетах о

родственниках за границей. Он считал, что все это может помешать моей карьере. Я послушался его. Скрывал и знание немецкого языка, на котором говорил с детства. Сейчас отчима и матери нет в живых. Сам я был тяжело ранен на финском фронте. Принужден был демобилизоваться из армии. Вот прислали сюда, но если выяснится, что я умышленно скрыл национальность матери и наличие родственников за границей, у меня будут неприятности. Обмана у нас не прощают.

— Я отлично это знаю, герр Сергеев. Мы примерно так и предполагали. Значит, вы наш соотечественник, волей судьбы заброшенный на чужбину. Очень приятно. То, что отчим у вас был русским, не имеет значения. Мы отлично понимаем, какую роль в воспитании детей играет мать.

— Надеюсь, что теперь, когда все выяснилось, вы не причините мне неприятностей.

— Безусловно нет. Как соотечественнику скажу о цели своего визита совершенно откровенно. История поставила перед родиной ваших родителей великие задачи и возложила их осуществление на фюрера.

Геккерт поднял голову вверх и закатил глаза, словно фюрер обитал на потолке.

— Особенно серьезные дела предстоят в России, и поэтому нам нужны там преданные люди. Мы рассчитываем на вашу помощь.

— За откровенность заплачу тем же, герр майор. В душе я, конечно, немец. Я офицер и отлично понимаю, чего вы от меня ждете. Я не трус, много раз смотрел смерти в глаза и не боюсь ваших поручений, но я... калека. Я физически не в состоянии работать для вас.

— О, герр Сергеев, мы дадим вам такое поручение, что его выполнение никак не отразится на вашем здоровье,— поспешил заверить его Геккерт, считая, что Сергеев уже согласился работать.

— Нет, нет, не настаивайте,— решительным тоном заявил Сергеев.

— Ну, тогда разрешите, по крайней мере, я познакомлю вас с нашим шефом. Он занимает здесь официальное положение в посольстве. Шеф поговорит с вами более конкретно.

— Но не могу же я ехать в посольство. Да и этот разговор будет бесполезен.

— Все будет сделано так, что об этом никто не узна-

ет. Ему просто доставит удовольствие поговорить с соотечественником, которого постигла такая тяжелая судьба.

Сергеев молча пожал плечами.

— А сейчас небольшая формальность. Расскажите мне о своих родителях, о родственниках в Германии, о себе. Вам, наверное, понятно, что я должен составить необходимый документ.

На следующее утро Геккерт докладывал шефу о разговоре с Сергеевым.

Выслушав его, Шёнгаузен вытянул ноги и совсем утонул в огромном кожаном кресле.

— Как же так, герр Геккерт, без всякой подготовки, так прямо и выпалили ему все? Вы знаете, когда-то, во времена еще кайзера, у меня был начальник полковник Гагельберг. Если бы он узнал, что я так вербую людей, то лишил бы меня права работать с агентурой не менее как на год. У нас однажды стряслось такое...

Воспользовавшись, что Шёнгаузен замолчал, что-то припоминая, Геккерт, боясь, что шеф пустится в пространные воспоминания, поторопился оправдаться.

— Экселенц, Сергеев — офицер, человек с изрядным жизненным опытом, и после первых же моих слов понял бы, почему я им интересуюсь. Топтание на месте выглядело бы просто смешно.

— А не кажется ли вам эта история бесперспективной,— проворчал Шёнгаузен, видимо недовольный тем, что ему не дали поделиться воспоминаниями.

— Я уверен, что он примет в конце концов наше предложение. Здесь в помещении посольства — в официальном германском учреждении он безусловно будет держать себя иначе. Обстановка произведет должное впечатление. Мне кажется, он патриот. Разве вы не допускаете проявление таких чувств со стороны людей, хоть и родившихся за границей, но воспитанных настоящими немками? Его мать происходит из порядочной прусской семьи. Ее брат еще жив. У него недалеко от Кенигсберга поместье.

— Вы записали о нем все нужные сведения?

— Конечно, герр фон Шёнгаузен. И уже запросил Берлин.

— Все-таки Сергеева нужно тщательно проверить.

— Согласен. Когда он будет у нас в посольстве, я на часок спущу его с нашим Фрицем в подвал, и, если Сергеев держит что-то на душе, он все выложит. Еще не было случая, чтобы от Фрица утаивали что-нибудь.

— Вы с ума сошли, Геккерт! Сергеев — больной человек и умрет при первых же ударах этого гориллы. А если и выживет, как он будет относиться к нам после такой проверки!

— Ерунда, объясню, что это было необходимо в интересах родины. Он не дурак, поймет.

— Нет, нет, Геккерт...

— Не считаете ли нужным, экселенц, сообщить о Сергееве в Берлин? — опять перебил Геккерт шефа, боясь, что тот начнет воспоминания.

Шёнгаузен покраснел от удовольствия, подумав, какой фурор произведет в Берлине, в абвере сообщение о вербовке советского служащего. Было очень соблазнительно послать докладную, но чувство осмотрительности взяло верх.

— Не надо торопиться. Получим из Берлина сведения о его родственниках, поговорю с ним я, а тогда составим докладную.

Как-то вечером, коротая свой досуг за чтением немецких газет, Сергеев услышал стук в дверь из соседней квартиры.

— Герр Сергеев, сегодня поедем в посольство, подготовьтесь. Я загляну к вам через полчаса,— сказал Геккерт.

— Есть ли в этом необходимость, герр Геккерт? Я скажу там то же, что и вам.

— Надо ехать обязательно.

Когда Геккерт зашел к Сергееву вторично, тот был одет, словно на прием по торжественному случаю.

Они вышли из дома. Улицы были безлюдны. Тегеранцы не любят задерживаться поздно вне дома. К десяти часам вечера почти весь город погружается в сон.

За углом стоял светло-серый «оппель». Геккерт сел за руль и, бросив под ноги Сергееву, устроившемуся на заднем сиденье, коврик, сказал:

— Герр Сергеев, вам придется сесть ниже сиденья, чтобы вас не было видно с улицы. Вы меня простите, что причиняю вам такое неудобство, но это в целях вашей же безопасности.

Сергеев опустился и пригнул голову. Через десять минут машина была уже на Аля од Доуле, или «Бульваре посланников», как называют эту тенистую зеленую улицу. Большая часть дипломатических представительств была сосредоточена на ней. Поравнявшись со зданием гер-

манского посольства, Геккерт нажал сигнал. Что-то вроде протяжного писка прозвучало в ночной тишине, и ворота посольства бесшумно распахнулись, словно этим сигналом Геккерт привел в действие механизм, открывающий их. Машина въехала в парк, окружающий здание, и остановилась у бокового подъезда.

Геккерт вышел из машины, открыл своим ключом дверь и пригласил Сергеева.

Когда поздние гости переступили порог кабинета, Шёнгаузен поднялся из-за огромного письменного стола.

Мрачно выглядел этот кабинет. Старинная добротная мебель загромождала небольшую комнату. Стоявшие вдоль стен шкафы с томами в темных кожаных переплетах, кресла с черной обивкой и высокими спинками когда-то украшали кабинет посла. Время потребовало обставить кабинет представителя третьего рейха более современной мебелью, а эту в силу немецкой бережливости презентовали одному из секретарей. Шёнгаузен, не называя себя, пожал руку Сергееву, пригласил сесть. Геккерт развалился рядом на диване. Он считал, что играет в этом деле основную роль, и беседу с Шёнгаузеном рассматривал как необходимую формальность.

— Рад познакомиться с вами, герр Сергеев. О вашем патриотизме мне рассказывал майор Геккерт. Это очень похвально. Мы, немцы, где бы ни находились, должны всячески помогать родине. Она выполняет сейчас великую историческую миссию. Под руководством фюрера Германия преобразит весь мир.— Шёнгаузен полуобернулся к висевшему за его спиной портрету Гитлера. Геккерт вскочил с места и, вскинув руку, гаркнул: «Хайль Гитлер!»

Сергеев в замешательстве поднялся с места.

Шёнгаузен сделал какой-то неопределенный жест рукой и сказал:

— Сидите, сидите, герр Сергеев.

Фон Шёнгаузен хотел было продолжить разговор, но из-за выходки Геккерта потерял нить заранее продуманной речи. Он не терпел официальных выступлений, но в данном случае считал такую речь обязательной. По его мнению, она должна была повлиять на Сергеева. Наступила пауза. Шёнгаузен никак не мог собраться с мыслями.

«Старая рухлядь, потерял конец мотка» — как сказал бы Ходжа Али»,— зло подумал Геккерт.

— Герр... герр...— пытался заговорить Сергеев, но не знал, как назвать Шёнгаузена.

— Фон Шёнгаузен,— подсказал тот, обрадовавшись, что разговор принимает как будто другой оборот.

— Герр фон Шёнгаузен, дело в том, что я очень болен и не смогу поэтому выполнять ваши поручения.

— О, это не может служить препятствием, уважаемый герр Сергеев. Кроме того, пока вы в Иране, я поручу поддерживать ваше здоровье опытному врачу. Он применяет новейшие методы лечения.

— Но это практически невозможно.

— Почему? Врач будет приезжать к герру Геккерту, а вы, не привлекая постороннего внимания, всегда можете зайти на квартиру к соседу. У вас смежные двери, насколько мне известно.

— О посещении доктора не будет знать никто в доме,— вставил слово Геккерт.

— Кстати, герр Геккерт, позвоните доктору, пусть зайдет и, пользуясь пребыванием герра Сергеева у нас, осмотрит его, наметит план лечения.

Майор поднял телефонную трубку, набрал номер и пригласил герра Зейца, как он назвал врача.

— Пусть наш терапевт обследует вас, а потом мы поговорим о деле, герр Сергеев,— сказал Шёнгаузен.

Вошел врач без халата. Окладистая рыжая борода, усы, густая взъерошенная шевелюра чуть не до бровей закрывали лицо.

Казалось, что из пиджака вместо головы торчал конец метлы.

— Герр Зейц, внимательно обследуйте господина,— указал Шёнгаузен на Сергеева,— и наметьте план восстановления его сил. Когда закончите, позвоните. Герр Геккерт зайдет, чтобы проводить господина сюда.

Зейц и Сергеев вышли.

— Вы проинструктировали доктора?

— Да, экселенц, если слова Сергеева о его болезни подтвердятся, это тоже можно считать одним из элементов общей проверки. Плюс подтверждение наличия у него родственников в Германии, которых он назвал мне.

— Но это еще не доказательство его искренности. Они не знают сына своей сестры даже в лицо, а сестра давно умерла.

— Но, экселенц,— в душе Геккерт назвал его старой клячей,— так мы не приобретем ни одного человека. Я

немедленно телеграфировал бы в Берлин о вербовке Сергеева и о наших планах его использования. Он готовый резидент в Баку. Вы представляете, какое впечатление произведет это в центре?

Последние слова Геккерта убедили Шёнгаузена.

— Конечно, данных о том, что Сергеев ведет с нами игру, пока нет. Пожалуй, сообщить в Берлин уже можно, а проверку Сергеева мы продолжим. Будем испытывать его на практической работе.

Раздался телефонный звонок. Шёнгаузен поднял трубку. Выслушал говорившего и, бросив лаконическое «спасибо, доктор», положил ее.

— Врач говорит, что Сергеев перенес серьезную операцию после ранения. Состояние его таково, что вряд ли он может состоять на военной службе и являться сейчас работником чьих-либо разведывательных или контрразведывательных органов.

Шёнгаузен помолчал несколько секунд, постукивая костяшками пальцев по столу, а потом продолжал:

— Состояние Сергеева имеет одну положительную для нас сторону. Во время войны его не возьмут в армию, и он останется на нужном нам месте.

— Вот видите, экселенц, все за то, что Сергеев искренен с нами.

— Готовьте сообщение в Берлин, а сейчас спуститесь в кабинет врача и приведите Сергеева. Готт мит унс[1].

Геккерт вышел. Шёнгаузен, не вставая, потянулся к совку и ведру с брикетами угля. Он захватил совком несколько брикетов и, подбросив их в камин, проворчал:

— Черт побери, днем жара, вечером холод.

Он не любил капризов тегеранской осени. И вообще последнее время старый разведчик все отчетливее чувствовал, что начинает дряхлеть. Он все чаще и чаще вспоминал о своем уютном особняке в Груневальде — аристократическом районе Берлина — или о вилле на берегу озера Мюгельзе под Берлином. Там так спокойно, комфортабельно. А здесь дела не давали покоя. Шёнгаузен задумался. Проблема, висевшая над ним как домоклов меч, решена. Ему удалось также по указанию Берлина организовать в Иране подготовку нескольких групп террористов, диверсантов, которых предстояло заслать в советское Закавказье. Подбор людей для этого особых трудностей не составлял.

[1] С нами бог (*нем.*).

В Иране существовали филиалы таких белоэмигрантских организаций, как Российский общевоинский союз, младороссы, русские национал-социалисты, комитеты мусаватистов, дашнаков. Среди участников этих антисоветских союзов и партий всегда можно было найти нужных людей. Но приобрести в Закавказье советского человека, занимающего там известное положение и пользующегося доверием властей, сумеющего объединить и направлять заброшенных шпионов и диверсантов, было нелегко. В каждом письме, касающемся подготовки людей, Берлин напоминал Шёнгаузену о таком человеке, требовал конкретных предложений. Но ничего ответить на это матерый шпион не мог. Он понимал, что его ожидают большие неприятности, и вдруг — такая удача. Небольшая подготовка, затем будет найден благоприятный предлог для возвращения Сергеева в Баку — и резидент готов. Этот успех несомненно будет отмечен в Берлине. С удовольствием Шёнгаузен думал сейчас о том, что с основной задачей покончено.

Когда вошел Сергеев, Шёнгаузен смотрел на него, как на избавителя. От профессионального недоверия к этому еще недостаточно изученному человеку почти не осталось и следа.

Шёнгаузен привстал.

— Садитесь, герр Сергеев, прошу вас,— он старался вложить как можно больше тепла в это приглашение.

Сергеев молча опустился в кресло. Чувствовалось, что беседа с врачом была не из приятных. Вошедший с ним Геккерт сел рядом на стул.

— Герр Сергеев, наш врач считает, что после нескольких месяцев лечения от вашего недомогания не останется следа. Но тем не менее мы и потом будем всячески щадить ваше здоровье.

— Может быть, герр Шёнгаузен, вы дадите мне время обдумать ваше предложение?

— Это исключается. Мне надо сегодня же услышать ваш окончательный ответ.

Сергеев, немного помолчав, сказал:

— Я немец и буду стараться как можно лучше выполнить ваши поручения. Лишь бы мое здоровье не было помехой.

— Думаю, подобного не случится, герр Сергеев. Мы станем усиленно лечить вас и в то же время готовить для выполнения наших поручений. Все будет обставлено так,

что не вызовет никаких подозрений со стороны ваших советских шефов. Готовить вас будут на квартире, так же как и лечить. Герру Геккерту придется пожить там некоторое время, хотя эта квартира его не особенно устраивает.— Шёнгаузен улыбнулся, посмотрев на своего помощника. Тот промолчал.— Выполнять наши поручения вам придется в Баку. Надо придумать предлог, чтобы через полгода-год возвратиться туда.

— Я всегда могу сослаться на болезнь.

— Вот видите, иногда она может сослужить службу,— улыбнулся Шёнгаузен.

— Сложной ли будет подготовка?

— Не особенно. Вы человек военный и в какой-то мере уже подготовлены. Мы обучим вас работе на рации, с шифрами, проведем несколько бесед о задачах, которые будут стоять перед вами. Обсудим, как их лучше выполнять. Вот основное.

Сергеев понимающе кивнул головой.

— А пока вы напишите нам небольшую докладную, в которой подробно охарактеризуйте всех ваших знакомых в России и здесь, укажите, кого из них, на ваш взгляд, можно привлечь к сотрудничеству с нами. Опишите вашу квартиру в Баку с точки зрения безопасности.

— Квартира у меня совершенно изолирована и имеет два входа.

— Очень хорошо. И наконец, нам бы хотелось получить от вас обзор политического и экономического положения Советского Союза.

— Гер фон Шёнгаузен, я не политический деятель и не экономист. Боюсь, что мой обзор вас мало устроит.

— Даже если в нем не будет глубокого анализа, а только фактические материалы, то и это уже хорошо,— заметил Геккерт.

Шёнгаузен утвердительно кивнул головой.

— Видите ли, герр фон Шёнгаузен, большевики говорят, что в результате выполнения второго пятилетнего плана в основном построен социализм. Несмотря на сложную международную обстановку, борьбу внутри страны с правыми и левыми, им действительно удалось сделать многое. А сейчас уже второй год третьей пятилетки, и она выполняется не менее успешно. В таком духе, объективно, я и буду строить свой обзор.

— Хорошо, по больше фактического материала. По-

дробнее о благосостоянии советских людей,— попросил Шёнгаузен.

— Здесь много недостатков, хотя по сравнению с прошлым жизненный уровень в России поднялся. Плохо с жилищем, но основные продукты есть в продаже в достаточном количестве.

— Пишите об этом подробнее. Главное, дайте недовольных. Много ли их, в каких слоях общества, организованы ли они?

— Это очень сложно. Я далек от такой категории лиц.

— Подумайте. Ведь не может же быть, чтобы не было недовольных.

— Хорошо, герр фон Шёнгаузен.

— Думаю, на этом закончим. Доставьте герра Сергеева домой,— обратился Шёнгаузен к Геккерту,— и возвращайтесь сюда.

Сергеев пожал протянутую ему руку и вместе с Геккертом вышел из кабинета.

VIII

Почти каждое воскресенье Лидия Александровна и Сергеев бывали в музеях, кинотеатрах, осмотрели тегеранский базар с его знаменитыми персидскими коврами, полюбовались изделиями из меди и серебра исфаганской чеканки, поделками умельцев, украшенными бирюзой, из-под Мешхеда. Лиду больше всего поразило, что дорогие красивые ковры были постелены на дороге и по ним шагали посетители базара. Она не удержалась и спросила хозяина одного из магазинов, чем это объяснить. Тот объяснил, что таким образом с ковров удаляется лишний ворс, после чего они делаются еще красивее.

За несколько месяцев пребывания Сергеева в Иране Яков Васильевич и Лида подружились, они часто встречались по вечерам в советском клубе или гуляли по ночному городу.

В одно из ненастных январских воскресений Лида и Сергеев решили еще раз пойти в «Музей Иране бастан»[1]. Они были однажды в этом музее, но не успели осмотреть все экспонаты. Здесь были собраны исторические памятники от сасанидов до мусульманского периода, найден-

[1] Музей древностей Ирана.

ные при археологических раскопках: клинопись, фрески, коллекции монет, домашняя утварь.

Молодые люди остановились у старинного зеркала в золотой, искусной работы раме, и вдруг прямо перед ними неожиданно замаячила физиономия Ходжи Али, внимательно наблюдавшего из соседнего зала.

Старик заметил, что они стоят у зеркала и могут его увидеть, и заспешил в их сторону. Сергеев обернулся.

— Мир и счастье да пошлет вам аллах! — льстиво проворковал улыбающийся Ходжа Али и учтиво поклонился Лиде.— Здравствуйте, Лидия-ханум.

Ходжа Али, словно оправдываясь, стал объяснять Сергееву свое присутствие в музее. Здесь работает его племянник, который потребовался ему по срочному делу.

Пока Ходжа Али говорил с Сергеевым, внимание Лиды привлек замысловатый фонарь, стоявший на одной из полок.

— Что это за фонарь, как вы думаете, Яков Васильевич? — спросила она.

— Это фаное — фонарик для раскуривания ширэ[1]. Того самого яда, от которого иранцы пускают на ветер свою энергию и мужество, превращая их в опиумный дым,— поспешил разъяснить Ходжа Али.

— Интересно, есть ли разница в ощущениях после ширэ и других наркотиков? — спросила Лида, обращаясь к Сергееву.

Но тот не успел ответить. Его опять опередил Ходжа Али.

— Расскажу одну историю, и вы будете знать,— сказал он.

— Три друга зашли в чайхану, и каждый угостился тем, к чему имел пристрастие. Один выпил водки, другой накурился гашиша, а третий — ширэ. Вышли они из чайной поздно ночью. Время было зимнее, завывал холодный ветер. Друзья решили переночевать у того, который жил поближе. Дойдя до его дома, гуляки долго стучались, но их никто не услышал. Тогда пивший водку хотел разломать калитку.

— Зачем это делать,— остановил его куривший гашиш и, показав на щель в двери, через которую едва просунешь палец, сказал: — Мы отлично пролезем через это

[1] Нагар, остающийся в трубке после курения опиума и многократно переваренный.

отверстие, ведь наши тела стали такими эластичными.

— Зря болтаете,— заметил накурившийся ширэ.— Что делать в доме,— превосходно проведем время и здесь. Смотрите, в каком мы прекрасном саду, сколько кругом цветов, солнца.

Ходжа Али расхохотался, словно рассказал смешную историю. Увидев, что собеседники не разделяют его веселья, он, сославшись на срочность дела к племяннику, поклонился и, сказав обязательное «Хода-хафиз», ушел.

— Неприятный человек,— заметила Лида.— Он не надоедает вам дома?

— Да нет, я его почти не вижу.

— Он определенно следил за нами. Эта бестия хочет знать все о работниках торгпредства, вплоть до того, кто с кем в каких отношениях.

— Не думаю, просто его привели сюда дела.

— А я уверена, что никакого племянника у него здесь нет и в помине.

Когда Лида и Сергеев вышли из музея, солнце заливало улицы и только лужи напоминали о дожде.

— А у нас в Москве сейчас мороз. Вы очень скучаете по Баку?

— Тоскливо стало уже на пароходе. Тяжело было видеть, как очертания Баку исчезают за горизонтом.

Лидия подумала о том, что о Москве она загрустила значительно позже, только после того, как улеглись волнения, связанные с впечатлениями о новых местах.

— Знаете, Лида... Все никак не привыкну называть вас так.

Лида улыбнулась.

— В ближайшие дни я собираюсь подавать заявление о возвращении на Родину. Раны мои не дают покоя, видимо климат не совсем подходит.

Лида удивленно посмотрела на Сергеева.

— Нет и полугода, как вы здесь...

— Я с каждым днем чувствую себя все хуже и хуже.

— Через неделю-другую потеплеет, и ваше недомогание пройдет. Я уверена в этом.

Лиде хотелось, чтобы ее слова прозвучали как можно убедительнее, хотя в то же время она готова была обвинить себя в эгоизме. Девушка так привязалась к этому немного странному, но, в общем, как ей казалось, очень простому и хорошему человеку, что не хотела разлуки

с ним. Два дня на прошлой неделе, когда Сергеев болел и не был на работе, Лида не находила себе места.

— А почему бы вам не заняться серьезно своим лечением здесь?

— В Тегеране нет подходящих для этого условий. Мне надо, пожалуй, лечь в больницу. Не хочется на чужбине.

— Не успели подружиться и надо расставаться,— печально произнесла она.— Но здоровьем рисковать нельзя. Мне так хотелось бы помочь вам, но я, к сожалению, бессильна.

Тугой клубок подкатился к горлу. Ей до слез стало жалко этого человека...

— Лида, дорогая,— и он взял ее под руку,— не позже как через год вам возвращаться домой. Вот и встретимся тогда. Год пролетит незаметно. А я за это время подлечусь.

— Да, вы правы, Яков.

— Но вот и ваш дом,— сказал Сергеев, останавливаясь у подъезда трехэтажного здания.

— Пойдем вечером в клуб? Заходить за вами?

— Ну, конечно, — и Лида быстро юркнула в подъезд, словно боялась расплакаться.

Двухкомнатная квартира, которую она занимала с Олей, была обставлена скудно. Две старые металлические кровати и небольшой столик с кривым зеркалом, платяной шкаф — это спальня, а в другой комнате стоял какой-то затейливый, давно отживший свой век диван, круглый стол и несколько ветхих стульев. Но зато платили недорого.

Оля была дома. Она гладила платье.

— Что с тобой, Лида? На тебе лица нет! — воскликнула она, встретив подругу.

Лида опустилась на диван.

— Яков собирается возвращаться в Союз... У него плохо со здоровьем,— сказала она.

Оля оставила утюг, подошла и села на диван рядом с ней.

— Лидусь, я давно хотела поговорить с тобой о Якове. Может быть, не мое дело. Но ты для меня больше, чем подруга. Разберись лучше в этом человеке.

— Я достаточно хорошо его изучила.

— Нет, ты его совершенно не знаешь. А он какой-то загадочный. Мне кажется, он женат. Ведь ему под сорок. Сухарь, из него улыбки не выдавишь. Очень часто го-

ворит о своем здоровье, а может быть, он настолько болен, что ему нечего морочить голову девушкам?

— Оленька, ты не права.— Лида моментально взяла себя в руки.— Яков порядочный человек. Ничего нет удивительного, что он до сих пор не женат. Был на военной службе, приходилось много разъезжать, и просто не встретил девушку, которую мог полюбить. Потом попал на финский фронт, там его тяжело ранили. Он, видимо, не совсем еще оправился после этого. Да и не сухарь он, как ты говоришь, Яков — душевный и приятный человек.

— Может быть, он и хороший, но ты-то о нем ничего не знаешь, а с моей точки зрения, он себе на уме.

— Оля, не говори так, а то мы поссоримся.

Оля махнула рукой и взялась за утюг.

IX

Кулиев читал показания арестованного нарушителя границы, поступившие из Ашхабада.

Ввели шатена лет тридцати, невысокого, коренастого.

— Садитесь, Казанцев,— сказал Кулиев.

— Все в ваших показаниях правда? — спросил он, положив ладонь на папку со следственными материалами.

— Конечно. Меня задержали на границе с рацией, другого выхода, как говорить правду, у меня не было. Кто поверил бы, если бы я сказал, что шел искать в СССР работу радиста и прихватил на всякий случай передатчик,— горько усмехнулся Казанцев.

— Вы не лишены чувства юмора. Это хорошо.

— Я понимал, что мои показания вы проверите и малейшая ложь в них будет выявлена. Да и вообще я решил, как только перейду границу, явиться с повинной. У меня нет никаких причин относиться к Советской власти враждебно.

— Что же заставило вас стать немецким шпионом?

— Сейчас объясню. Может быть, вы поймете меня. Родился и воспитывался я в Баку, сын рабочего Федора Казанцева. В 1927 году отец умер. Через год мать вышла замуж за иранского подданного, и мы выехали с ним в Иран. Там он бросил мать. Она сошлась с русским эмигрантом Шуваловым, который усыновил меня, чтобы я смог получить документы и поступить на работу. Вско-

ре мать заболела воспалением легких и умерла. Я остался с Шуваловым один. Он совсем одряхлел к тому времени. Больше пяти лет пришлось ухаживать за ним, как за маленьким, выслушивать его бредовые планы борьбы с большевиками или бесконечные диспуты собиравшихся у него эмигрантов о том, сколько еще может продержаться Советская власть. Предложение пойти в немецкую разведывательную школу, которое мне сделал один из знакомых Шувалова, я принял с радостью. Другого пути избавления от старика я не видел, а найти работу, чтобы зажить самостоятельно, было невозможно. Коробило, конечно, что иду на службу к немцам. Но я решил, что всегда могу быть двойником, вернее — работать честно на своих, а немцев обманывать. Самым важным для меня было тогда вырваться из дома старика.

— Хорошо. Об этом мы еще поговорим. А сейчас подробнее расскажите о немецких инструкторах, которые преподавали вам, где и как велась учеба.

Казанцев стал вспоминать, стараясь не упустить ни малейшей детали. Кулиев чувствовал, что Казанцев хочет быть искренним.

Вечером в тот же день Кулиев докладывал Румянцеву результаты допроса Казанцева.

— Какое впечатление осталось у вас о Казанцеве?

— Мне кажется, что он действительно пришел бы с повинной, если бы его не задержали на границе. Пограничники сообщили, что он был не особенно осторожен при переходе границы, а когда его задержали, тут же все откровенно рассказал.

— Что же вы предлагаете?

— Можно начать с немцами игру, используя Казанцева. Встретиться с Серебряковым он должен в течение следующего месяца. Времени мы не упустили. Освободим Казанцева и попробуем обвести фон Шёнгаузена.

— Что выяснили о Серебрякове?

— Это оказался тот самый Серебряков, которого я знаю. Ведет он скромный образ жизни. Ничего подозрительного за ним не замечено. Судя по показаниям Казанцева, Серебряков много лет не был связан с немцами. После встречи Казанцева с ним будем решать, какую роль отвести в этой комбинации Серебрякову.

— Добро. Я согласен. Действуйте. Показаниями Казанцева довольны?

— Теперь я могу существенно уточнить схему, кото-

рую докладывал вам. А главное — в пустые кружки, обозначавшие немецкие разведывательные школы, могу внести сведения о инструкторах и обучающихся там диверсантах. Казанцев оказался на редкость наблюдательным человеком.

X

В марте 1941 года весна в Баку была в разгаре. Сергеев, неделю назад возвратившийся из Ирана, медленно, словно наслаждаясь приятным вечером, шел по Армянской улице. Не дойдя до сквера, который бакинцы называли почему-то Парапетом, он остановился у трехэтажного дома. Прямо у ворот на тротуаре расположился продавец гороха. Тут же около него пылала жарким огнем круглая жестяная жаровня с противнем, на котором, потрескивая и распространяя аппетитный запах, жарился горох. Вокруг собрались ребятишки изо всех ближайших домов. Продавец мешал специальным совком лопавшийся горох и гордо поглядывал на жаждущих. Он негромко, больше по привычке, приговаривал: «Горох, жареный горох». Зазывать покупателей не было никакой нужды. Они и так толпились вокруг. Сергеев, взглянув еще раз на номер дома и убедившись, что это дом 24, вошел во двор. В маленький дворик, похожий на четырехугольную шахту, выходили стеклянные галереи, тянувшиеся по сторонам каждого этажа, двор был пуст, вся детвора собралась около торговца с горохом. Сергеев направился к квартире в правом углу первого этажа, у колодца. Дверь открыл румяный сероглазый старик лет шестидесяти с косматыми, пепельного цвета бровями и лысой головой.

— Я к вам по делу. Вы один? — спросил Сергеев.

— Да.

— Я пришел за вещью, которую оставил вам на хранение пастор Швантес,— сказал Сергеев, войдя в комнату.

— А квитанция у вас есть?

— Вот возьмите,— Сергеев протянул червонец первого выпуска.

Старик долго держал его в руках и о чем-то сосредоточенно думал, словно забыв о госте. Видимо, это посещение было неожиданным и он хотел собраться с мыслями. Старик много лет был сторожем лютеранской кирки в Баку, в которой служил пастор Швантес, высланный из

СССР за антисоветскую деятельность. За время своей работы в кирке старику не раз приходилось выполнять конспиративные поручения лютеранских духовных наставников, и он привык к осторожности. Подойдя ближе к лампе, он долго недоверчиво разглядывал червонец, несколько раз посмотрел его на свет, видимо хотел проверить, не фальшивый ли он, затем полез в ящик комода, вынул оттуда книгу, нашел там записанные серию и номер червонца и, убедившись, что представленный банкнот именно этот, сказал:

— Садитесь, я сейчас передам вам то, что оставил пастор.

Несколько минут старик кряхтя двигал в соседней комнате какие-то вещи, что-то у него с грохотом упало. Наконец он вышел с небольшим чемоданом, тряпкой стер с него пыль и поставил чемодан у стула, на котором сидел Сергеев.

— Вот, можете взять. Я даже не заглядывал в него. Ключ мне не оставляли. Вам придется ломать замок.

— Ничего, с этой задачей я справлюсь,— Сергеев пожал руку старику, взял чемодан и вышел. Быстро миновал двор, толпу покупателей жареного гороха, остановил на улице свободный фаэтон и поехал домой.

Жил Сергеев на одной из оживленных улиц города — Торговой, в четырехэтажном доме. Квартира его была на втором этаже и имела два входа: с Торговой улицы и с Красноводской через двор.

Дома он вскрыл чемодан. В нем был тщательно упакованный радиопередатчик. Сергеев улыбнулся, словно увидел старого знакомого. Точно на таком же его обучали в Тегеране, и он успел изрядно надоесть ему. Передатчик был очень прост в обращении, портативен и надежен в работе. Он питался от городской электрической сети, но мог работать и на батареях.

Сергеев задвинул чемодан с рацией под кровать и, сев в кресло, окинул взглядом комнату. Стены в полках с книгами, письменный стол, тахта, покрытая ковром, несколько стульев составляли всю обстановку. За занавеской в просторной нише была спальня.

Сергеев подошел к одной из полок с книгами и любовно стал перебирать томики Чехова. Книги помогали ему коротать время, когда он после тяжелой операции был обречен на вынужденное бездействие.

XI

По-весеннему широко разлился пограничный Аракс. Река глухо рокотала, нарушая тишину лунной ночи.

На иранской стороне какой-то человек неторопливо опустился в воду и поплыл к советскому берегу. Немало труда и ловкости требовалось, чтобы преодолеть быстрое течение, но человек упорно плыл, рассекая ударами рук волны.

Перебираться через границу в лунную ночь было делом особенно рискованным. Через несколько минут пловец достиг берега и ползком выбрался на сушу. Не поднимаясь, нарушитель внимательно осмотрелся и, успокоенный царившей тишиной, пополз к черневшей полосе кустов. Там он снял со спины резиновый мешок, вынул из него хурджин[1] и сухую одежду. Лежа переоделся, сложил в резиновый мешок мокрое платье и сунул его в хурджин. Встав с земли, он перекинул суму через плечо и, согнувшись, чтобы не возвышаться над кустами, пошел к лесу.

Нарушителю и в голову не могло прийти, что за его переправой через Аркас, за всеми сложными манипуляциями с переодеванцем и путешествием через кусты зорко следили. Укрывшись в нескольких шагах от нарушителя, два советских пограничника не спускали с него глаз. Он так близко прошел мимо затаившихся дозорных, что они даже почувствовали легкое дуновение ветерка, поднятое движением его плаща. Но они не задержали нарушителя и не пошли вслед за ним. Когда он удалился на достаточное расстояние, один из пограничников, покрутив ручку полевого телефона, поднял трубку.

— Докладывает помощник коменданта Володин. Нарушитель пошел в сторону леса. Похоже, рассчитывает выбраться к линии железной дороги лесными тропами. Средних лет, худой, быстр в движениях. В серой папахе, рубаха и брюки военного летнего обмундирования, кирзовые сапоги, брезентовый плащ цвета хаки...

— Скажите, левая пола плаща прожжена?

— Вот начальник отделения Карцев говорит, что левая пола плаща нарушителя имеет дыру величиною с пятак... Слушаюсь, понятно, продолжаем наблюдение, — Володин повесил трубку и дал отбой.

— Я еще никогда такого не видел. Нарушитель идет

[1] Переметная сума.

мимо носа, а задерживать его нельзя,— сказал Карцев.

— Мало ли что может быть. Известный, значит, человек. Приказано продолжать наблюдение. Не зря это поручили нам, а не обычному дозору.

Яков плохо спал эту ночь. Волновался. Его беспокоило, как все сложится. Кто будет первым посланцем Шёнгаузена и Геккерта. Не исключено, что шефы попытаются проверить его. Поднялся Яков с больной головой.

По расчетам Сергеева, первый диверсант должен был появиться сегодня.

Часов в двенадцать в дверь осторожно постучали. «Почему стучит? Там же на видном месте звонок»,— подумал Яков и пошел открывать дверь. Стучал гость. Внешне он отвечал описаниям, которые сообщил из Тегерана радиограммой Шёнгаузен. Сергеев сразу заметил примету: в плаще дыра.

— Мне нужен Яков Васильевич Сергеев,— сказал человек. Взгляд его беспокойно бегал по комнате.

— Я — Сергеев.

— Наш шеф говорил, что вы можете помочь мне найти пристанище.

— Кого вы имеете в виду?

— Нашего генерала. Я — Семен Николаевич Безруков.— Он не вынимал руки из кармана, где у него, видимо, был пистолет.

Пароль был точным. Кроме того, в радиограмме Шёнгаузен сообщил, что кличка Безрукова Потомок. Он в действительности был Монташев, родственник бывших бакинских нефтепромышленников.

— Раздевайтесь, садитесь. Поживете у меня, пока я вас не пристрою.

Гость вынул руку из кармана, осторожно положил в угол комнаты хурджин, вышел в переднюю и снял там плащ. Возвратившись, вынул из хурджина сверток и протянул Якову Васильевичу.

— Здесь мины. Шеф просил вас укрыть их до надобности.

Сверток с тщательно упакованными в непромокаемый материал минами Сергеев спрятал в ящик письменного стола.

— Это временно, потом перепрячу в более надежное место,— сказал он, заметив удивленный взгляд Безрукова.

Успокоившись, пришелец сел к столу.

— Сейчас мы что-нибудь перекусим. Как переходили границу?

— Человек, который меня провожал, отлично знает этот участок, и не только на той стороне, а и на советской. По его указаниям я шел словно по хорошо известной местности.

— Это очень важная часть нашего дела.

— Он безусловно переправляет не первого, и на него можно положиться вполне. Видно, он из местных жителей, но по-русски говорит свободно.

— Хорошо, Семен. Буду называть вас так. Не возражаете?

— Конечно, Яков Васильевич.

— Какие у вас документы?

Безруков вынул из кармана советский паспорт на имя Семена Николаевича Безрукова. Прописка в нем была тбилисская.

— А вы бывали в Тбилиси?

— Да.

— Долго вы жили в Баку? Имеете здесь знакомых?

— Выехал я отсюда пятнадцатилетним мальчиком, город знаю, но знакомых, которые бы помнили меня, здесь нет. Да и узнать меня трудно теперь.

— Вы понимаете, для чего я расспрашиваю?

— Конечно. Мне в Тегеране говорили, чтобы я от вас ничего не скрывал: зная правду, вам легче придумать что-либо для меня.

— Вот именно.

Через час Безруков пошел побродить, «вспомнить город». Вернулся он поздним вечером. Наскоро поев, лег спать. Он порядочно устал и, почувствовав себя в безопасности, заснул как убитый.

Рано утром Семен был уже на ногах, опередив хозяина квартиры. Когда Сергеев встал, Безруков предложил приготовить завтрак.

Яков показал, где лежат продукты, и через несколько минут Безруков со сноровкой заправского официанта накрыл стол.

Во время завтрака в прихожей раздался звонок, гость вскочил из-за стола и бросился к кровати, где под подушкой лежал пистолет.

— Спокойно, это принесли молоко,— сказал Яков и пошел открывать дверь.

Действительно, пришла молочница. Яков отнес молоко в кухню и вернулся в комнату. Безруков все это время стоял у кровати. Садясь за стол, он сконфуженно сказал:

— Вроде на родине, а на самом деле в стране врага.

— Это так, Семен, но нельзя распускать себя. Я не в лучшем положении, однако не хватаюсь каждый раз за пистолет. Как же вы будете вести себя в деле?

Замечание Сергеева, в котором Семен не мог не почувствовать упрека в трусости, произвело на диверсанта удручающее впечатление; ему было стыдно, и в то же время злоба душила его. Но ссориться с Сергеевым было не в его интересах.

— Я впервые в таком положении, может, немного и переборщил,— проворчал он.

— После завтрака пойдем посмотрим квартиру. Я подыскал ее. Если понравится, можете сегодня же поселиться там, а я займусь устройством вас на работу.

XII

Румянцев шел к Кулиеву в гости,— наконец-то он собрался посмотреть миниатюры. Вряд ли кто мог дать этому высокому сероглазому шатену пятьдесят лет. В волосах ни единого седого волоса. Особенно молодил его румянец. А ведь Румянцев систематически недосыпал, и сегодня десять часов без перерыва пробыл в наркомате. Час тому назад он подписал представление Кулиева к очередному званию и все еще находился под впечатлением документа, который прочел в личном деле Кулиева. Он касался отца Мехти Джафаровича. Джафар Кулиев работал желонщиком на романинском нефтяном промысле в Баку. В 1902 году он примкнул к рабочему движению и за короткий срок из неграмотного малоквалифицированного рабочего превратился в активного общественного деятеля, читающего Маркса, Ленина. За свою энергию, принципиальность Джафар Кулиев пользовался большим уважением бакинских рабочих. Но ему не пришлось дожить до торжества дела социализма. Он был убит подкупленными мусаватской полицией бандитами. Трудно пришлось матери Мехти с тремя малолетними детьми, но товарищи мужа помогли ей материально, а вскоре в Баку установилась Советская власть. Мехти окончил среднюю школу, затем институт. Поработал по специальности несколько

лет, а потом по комсомольской мобилизации пошел на службу в органы ОГПУ.

Румянцев думал о том, что многое Кулиеву дано от отца. Мехти Джафарович всегда брался за самые тяжелые дела и с успехом их заканчивал. Интересно, как у него дома.

Незаметно Румянцев подошел к дому Кулиева. Дверь открыл сам Мехти Джафарович.

— О, это вы,— Мехти с радостной улыбкой пожал протянутую ему руку.

Через открытую дверь, ведущую в комнаты, Румянцев видел, что просторная квартира обставлена по-европейски, но, несмотря на это, чувствовалось, что здесь живут кавказцы. Для того чтобы убедиться, достаточно было взглянуть на мангал[1] в углу и большой глиняный кувшин, в котором обычно хранят в азербайджанских домах воду для питья. С кухни доносился еле уловимый аромат восточного печенья, приготовляемого на бараньем сале.

Румянцев и Кулиев расположились в гостиной за круглым столом, покрытым узорчатой скатертью. Румянцев обратил внимание на стоявшую на столе керосиновую лампу из хрусталя. Это был очень красивый старинный осветительный прибор, и хотя теперь в него была вделана электрическая лампочка, оставалось впечатление, что свет излучает горелка.

Мехти достал из шкафа и любовно разложил на столе миниатюры.

— Достались нам от деда жены. Он был образованным человеком, любил живопись.

Неожиданно распахнулась дверь и в комнату вошла девочка лет пяти, с карими глазенками и большой копкой курчавых волос, черных и блестящих, точно таких, как у отца.

— Папа, мама говорит, что я непослушная. Разве это верно? — прижалась она к коленям отца, с интересом рассматривая гостя. Чувствовалось, что привела ее сюда, конечно, не столько обида на замечание матери, сколько любопытство, что это за гость, для которого так заботливо готовился чай с ее любимым печеньем.

— Сурья, мама права, вот и сюда ты вошла без разрешения. Иди помоги маме,— Кулиев слегка подтолкнул девчушку к выходу. Пятясь к двери, она продолжала рассматривать папиного гостя.

---

[1] Жаровня *(азерб.)*.

Сергей Владимирович и Кулиев склонились над миниатюрами.

Это были пейзажи. Долины в обрамлении гор, покрытых лесом. Привычные глазу самшит, акации, фиалки, ромашки перемежались с фантастическими деревьями, цветами, животными. Все это было исполнено яркими красками и заключено в тончайший орнамент.

— Какое мастерство! Посмотрите на серебряные облака. А как искусно вырисованы на стройном стебле тончайшие, словно прозрачные листья и нежные цветы, а этот полутигр-полугазель, как красиво сочетаются в нем основные признаки свирепого хищника и мирного грациозного животного,— восхищался Румянцев, рассматривая одну из миниатюр.

— Эти миниатюры, Сергей Владимирович, приносят мне много радости. Придешь иногда с работы усталый, расстроенный, сядешь за них и сразу все забываешь. Я каждый раз нахожу в них все новые и новые удивительные линии и краски.

— Торопитесь, Мехти Джафарович, наслаждаться искусством. Скоро мы не будем иметь для этого времени,— сказал Румянцев, бережно укладывая миниатюры.

— Сергей Владимирович, вы имеете в виду надвигающуюся войну?

— Активность фон Шёнгаузена — дурное предзнаменование. Мы встали лицом к лицу с абвером. Они торопятся здесь, как и на западных границах. Взрыв не за горами.

— Мы первыми чувствуем всегда приближающуюся войну.

— И это обязывает нас быть не менее активными, чем противник. Как дела с Казанцевым?

Кулиев посмотрел на часы.

— Час тому назад Казанцев должен был познакомиться с Серебряковым, установить с ним деловой контакт. Это будет неожиданностью для режиссера. Его немцы не использовали с времен первой мировой войны.

Раздался телефонный звонок. Мехти Джафарович поднял трубку и после первых же слов тревожно взглянул на Румянцева. Тот сразу понял — случилось что-то неприятное.

— Серебряков после посещения его Казанцевым застрелился.

— Не захотел изменять Родине,— Румянцев встал с места и заходил по комнате.— Когда вы должны встретиться с Казанцевым?

— Завтра в десять утра.

— Надо найти возможность повидать его сегодня. Интересно узнать, как вел себя с ним Серебряков. Пусть Казанцев сообщит о случившемся Шёнгаузену по рации. Обеспечьте появление в газетах извещения театра о смерти Серебрякова. Надо, чтобы немцы не усомнились в сообщении Казанцева.

— Сейчас же дам знать Казанцеву о необходимости увидеться сегодня.

— Добро. Действуйте, Мехти Джафарович, а я буду ждать вас в наркомате.

XIII

Летом в Тегеране нестерпимо жарко. К часу дня замирает жизнь на улицах, закрываются учреждения, магазины, горожане прячутся в подвалы, где значительно прохладнее, чем в комнатах, а более состоятельные выезжают на дачи. Только после заката солнца город оживает и жизнь продолжает идти своим чередом. Ничего не изменилось как будто и летом 1941 года. Но это только казалось. Политическая обстановка в городе была накалена до предела. Фашисты, готовясь к нападению на Советский Союз, использовали все возможности, чтобы повлиять на правящие круги Ирана, заставить правительство заключить с нацистской Германией военный союз. Наци рассчитывали напасть на СССР со стороны его южных границ. Но многие депутаты меджлиса, некоторые члены кабинета министров, сенаторы противились немецким домогательствам. Наряду с этими происками внутри страны наци развернули лихорадочную деятельность по заброске агентуры в Советский Союз. У фон Шёнгаузена, имевшего непосредственное отношение к этому, было много работы.

Вот и в этот душный вечер Шёнгаузен ждал Геккерта с очередным диверсантом, которого надо было нелегально переправить через границу в Баку. Генерал сильно изменился с тех пор, как беседовал с Сергеевым. Он похудел, щеки висели у него, как у старого бульдога. Прогуливаясь по своему кабинету, генерал то и дело злобно погля-

дывал на гудящий под потолком фен, его шум действовал на нервы, но остановить пропеллер он не мог. Тогда духота не даст думать, двигаться. Шёнгаузен готов был запустить чем попало в мелькающие крылья и бежать в темноту тегеранской ночи.

Раздался стук в дверь, и вслед за этим ее осторожно приоткрыл Геккерт. Просунув голову в образовавшуюся щель, он спросил:

— Можно, мой генерал?

— Входите, черт возьми, вы уже опаздываете на целых пятнадцать минут,— раздраженно сказал Шёнгаузен. Он подошел к креслу и хотел сесть, но спохватился, сидеть в нем так жарко, как спать на пуховой перине,— и остался стоять за спинкой этого громоздкого сооружения.

За Геккертом вошел низкорослый коренастый молодчик с широкими бровями, сросшимися на переносице. Он вытянулся перед Шёнгаузеном по-военному.

— Вы говорите по-немецки?— спросил его Шёнгаузен.

Молодчик не понял и вопросительно посмотрел на Геккерта.

— Герр Годжаев не говорит по-немецки,— сказал Геккерт.

— Этому герру место в кацете[1], настоящий бандюга,— проворчал Шёнгаузен. Он все никак не мог справиться со своим раздражением.

— Он действительно уголовник в прошлом, но это как раз то, что требуется нам в данном случае,— сказал Геккерт по-немецки и, повернувшись к Годжаеву, перевел ему слова Шёнгаузена.

— Герр спрашивает, готовы ли выполнить ту миссию, которая возлагается на вас?

Годжаев улыбнулся, растянув до ушей свой огромный рот, и утвердительно закивал головой в сторону Шёнгаузена, приговаривая: «Яволь, яволь».

— Да он говорит по-немецки!— вст[illegible]
узен.

— Это единственное н[illegible]
учился произносить.

— Как же можно[illegible]

— Он далеко н[illegible]

---

[1] Так сокраще[illegible]
цистской Германи[illegible]

дцать лет взломал до двадцати сейфов и отправил к предкам больше людей, чем у него пальцев на руках. Всю сознательную жизнь он на нелегальном положении, скрывается от властей и ни разу не попался. Он чертовски изворотлив и хитер. С нашими заданиями справляется отлично.

— Скажите ему что-либо приятное, проводите отсюда и вернитесь. Я не в состоянии сейчас с ним разговаривать.

— Наш шеф очень рад познакомиться с вами и надеется, что вы приложите все силы для выполнения наших поручений на той стороне,— сказал Геккерт Годжаеву.

Тот осклабился во весь рот и поклонился Шёнгаузену.

Когда Геккерт и Годжаев вышли, Шёнгаузен выключил фен. Но стоило пропеллеру остановиться, как в комнате стало почти невозможно дышать. Генерал снял пиджак и расстегнул галстук, но и это не помогло. Пришлось снова включать фен. Возня с феном и пиджаком несколько отвлекла его от неприятных мыслей. Он сегодня получил из Берлина очередное письмо, в котором его упрекали в медлительности.

— Скажите, Геккерт, вы будете переправлять через границу Бывалого — такая, кажется, кличка у уголовника, с которым вы меня только что познакомили,— по тому же маршруту, что и Безрукова?— спросил генерал.

— Да.

— Но это не совсем разумно.

— Мой генерал, на переправе работает надежный человек. В тех местах наиболее слабо охраняемый участок на русской стороне. Это гарантирует известную безопасность. И потом, у нас уже нет времени искать другие возможности.

— Времени действительно осталось мало. Берлин торопит. Кого бы послать в Тавриз для ускорения подготов-
[illegible] партии агентов?

[illegible] Густава Бека. Вы же знаете — это
[illegible] из альте кэмпферт[1].
[illegible] нашего дела.
[illegible] енц.
[illegible] волос.
[illegible] идатуры я не могу

[illegible] упивших в нацист-

— Хорошо. Пошлите вашего Бека,— безнадежно махнул рукой Шёнгаузен.— Чуть не забыл. Вы проверяли сообщение Казанцева о самоубийстве Серебрякова?

— Да, экселенц. Есть объявление в бакинской газете о кончине Серебрякова. Естественно, о самоубийстве не пишут.

— Я ничего другого от этого мягкотелого интеллигента и не ожидал. Хоть и не был с ним знаком лично, но чувствовал по характеристикам в его деле. Мне кажется, что группу, которую мы прочили поручить Серебрякову, должен возглавить Казанцев. Он произвел на меня хорошее впечатление и обосновался в Баку не плохо.

— Совершенно верно, экселенц. Казанцев, конечно, менее эрудирован, чем Серебряков, но с нашими поручениями справится. Его хорошо готовили. Сообщим ему о нашем решении.

XIV

Сергеев писал Лиде. Они давно условились, что Лида будет хлопотать о досрочном возвращении на Родину. Вот и сейчас Сергеев старался как можно убедительнее написать, чтобы она поторопила кого следует с решением этого вопроса, хотя и чувствовал, что Лида сама не медлит.

Раздался звонок. Сергеев встал, недоумевая, кто в этот полуденный час мог навестить его. Первой мыслью было: телеграмма от Лиды. Он открыл дверь. Вошел Кулиев.

Сергеев отступил в переднюю. Только когда захлопнулась дверь, Сергеев бросился к Кулиеву и обнял его.

— Мехти, дорогой, ты ли это?! А я уж думал, долго не увижу тебя.

— Яков, друг, мне не меньше хотелось повидаться, поговорить, но ты понимаешь, мы не хотели рисковать. Надо было выждать: немцы могли на первых порах организовать слежку за тобой. Но вот в связи с событиями решил встретиться и кое о чем договориться.

— Какие события?

— Ты ничего не слышал? Радио у тебя молчит?

— Я не включал его сегодня и никуда не выходил. Плохо себя чувствовал, а потом писал письмо.

— Фашисты напали на нас. Война началась.

Несмотря на то что Яков знал о близости войны, это известие ошеломило его. Пока Кулиев рассказывал о подробностях, он не сводил с него взгляда.

— Как только мы оправились после этого страшного известия, Румянцев отправил меня к тебе. Сейчас посыплются задания фон Шёнгаузена.

— Я хоть и чувствовал приближение войны, но не верил в то, что она будет, как не верят обычно в большое несчастье.

— Яков, я зайду к тебе завтра, и мы поговорим обстоятельнее, а сейчас для докладной в Москву с нашими предложениями по локализации деятельности абвера из Ирана мне надо уточнить некоторые подробности. Как возникли подозрения в отношении Ходжи Али?

— Один купец, конкурирующий с Ходжой Али, под строжайшим секретом сказал завхозу торгпредства, что Ходжи Али близок к немцам и пользуется у них большим доверием. Мы понимали, что в этом сообщении купца немалую роль сыграло желание оттеснить Ходжу Али от советского торгпредства, но в какой-то мере его слова, видимо, соответствовали действительности. У меня возникла мысль проверить его. Было важно убедиться, насколько купец был прав. К услугам Ходжи Али советские люди прибегали довольно часто. Я сообщил тогда вам в наркомат и получил «добро» на это. Вот и все. В дальнейшем уже действовал строго по вашим инструкциям. Так явились у меня родители-немцы и родственники в Германии.

Кулиев стал расспрашивать о других деталях. Когда он закончил, Яков спросил:

— Как ты думаешь, Мехти, я хочу подать рапорт о возвращении в органы.

— Но ты же нездоров?

— Я думаю, сейчас не время считаться с этим.

— Что ж, я поддержу твою просьбу.

Как только Кулиев ушел, Яков сел писать рапорт Румянцеву. И за скромными строками официальной бумаги встала вся жизнь.

...В 1925 году, когда он готовился в институте к научной деятельности, был убит его старший брат — Владимир. Он работал в ОГПУ и погиб в схватке со шпионом, засланным иностранной разведкой. Яков Васильевич тяжело перенес смерть единственного брата, который по существу воспитал его после смерти родителей в 1915 го-

ду. Под впечатлением потери брата Яков Васильевич принял решение посвятить себя делу борьбы с врагами Родины. Верный своему решению, по окончании университета он пошел работать в органы государственной безопасности. Последнее время он занимал оперативную должность в Наркомате внутренних дел Таджикистана. Проработал там несколько лет, полюбил таджикский народ, изучил язык, который очень схож с персидским. Но вспыхнула война с Финляндией, и Сергеев подал заявление об отправке на фронт, где возглавил разведку одного подразделения. Он принимал участие в разведывательных вылазках, был тяжело ранен. После госпиталя Якова демобилизовали. Потеряв по состоянию здоровья возможность работать в органах НКВД, Сергеев поехал в Баку. Браться за научную работу, к которой он когда-то готовился, врачи не советовали, он устроился бухгалтером в Союзпушнину. Все сложилось как будто удачно, работа была не особенно обременительной, он получил хорошую квартиру. Очень помог ему в этом Кулиев. К нему он привез письмо из Москвы. Мехти Кулиев встретил его как близкого знакомого, отнесся к нему с большой теплотой, глубоко сочувствуя его несчастью. Вскоре Якову предложили поехать на работу в Иран. Сергеев дал согласие...

Оторвавшись от воспоминаний, Яков набросал коротко и сухо просьбу о восстановлении в органах, поскольку его здоровье значительно улучшилось.

Только к вечеру Яков вспомнил о Лиде. Как она встретила известие о войне? Как ей и другим бывшим его сослуживцам тяжело сейчас вдали от Родины! Яков взял неоконченное письмо и еще раз написал, чтобы она скорей возвращалась. Он подумал о том, что за прожитые годы не пришлось встретить девушки, к которой бы появилось серьезное чувство, словно знал, что там на чужбине его ждет Лида. Он всегда тепло вспоминал о коллективе, в котором проработал более полугода. Много среди них хороших, симпатичных людей. Правда, смотрел на них как-то со стороны. В глазах немцев он предстал человеком, ненавидящим все советское, но скрывающим это от окружающих за своей необщительностью, мрачным характером, порожденным тяжелой болезнью. Таким он должен был быть везде, где могли его увидеть немцы, а ему так хотелось по-свойски поговорить со своими сослуживцами. Он чувствовал, что его многие не любят.

Отложив письмо, Яков решил позвонить Кулиеву, что

рапорт готов. Был час, когда в наркомате собирались на работу после дневного перерыва, но телефон упорно молчал.

«Закружился со всякими срочными делами»,— с завистью подумал Яков. Как ему хотелось сейчас быть среди чекистов.

Сидеть одному стало невмоготу. Яков вышел из дома. Торговая улица с прямыми рядами красивых уютных домов, на первый взгляд жила обычной для этого позднего часа жизнью. Но стоило присмотреться внимательнее, как чувствовалось, что волнение, поднятое страшным известием, еще не улеглось. С улицы исчезла фланирующая молодежь. Редко где можно было увидеть неосвещенное окно. Во всех квартирах обсуждалась ошеломляющая весть. На лицах прохожих была видна озабоченность. У каждого в связи с войной появились новые, неотложные дела. Яков понимал, что резко изменится и его положение. Не успел он подумать об этом, как перед ним вырос Безруков.

— Яков Васильевич, поздравляю. Ну, теперь мы скоро тоже будем людьми,— прошептал он, сжимая локоть Якова.

Сергеев вздрогнул, будто к нему прикоснулась холодная жаба. Он еле удержался, чтобы не закатить этому выродку по физиономии.

— Да, большое событие в нашей жизни,— с трудом выдавил он. Сейчас было, конечно, самое неподходящее время для беседы с Безруковым.

— Только сменился. Никак не мог дождаться. Сразу поспешил к вам. Ну, теперь, Яков Васильевич, посыплются задания — только успевай выполнять.

— Конечно. На нас ложится большая ответственность.

— А не возьмут меня в армию?

— Не станут же так сразу всех призывать. У меня есть знакомые в военкомате. Постараюсь что-нибудь сделать.

— Пожалуйста, Яков Васильевич, а то заберут, и все пропало.

— Не волнуйтесь. Готовьтесь к выполнению поручений наших шефов. Заходить ко мне теперь без особой нужды не следует. Давайте расстанемся. Когда понадобитесь, я вас разыщу.

Безруков ушел. Яков вернулся домой. Ночью он с особым волнением ожидал радиосеанса с Тегераном. На-

конец принял шифровку. Она была необычно длинной. Было ясно, что для немцев наступило время активных дел и телеграмма содержит конкретные указания о диверсии или терроре.

> Поздравляем с началом великого похода, предначертанного гением фюрера. Мы с вами должны внести свою лепту для быстрой победы. Основное — это деморализовать тылы противника. Конкретно вам надо найти возможность вывести из строя один из бакинских нефтеперерабатывающих заводов. Поручите операцию Потомку. Он имеет подходящего для этого человека. Результаты и какое впечатление произведет на население эта акция — сообщите. Арбаб.

Яков прочел телеграмму еще раз и бросил ее на стол. «Что придумали! Разве можно допустить, чтобы в такое время остановился хотя бы на день завод. Но как выйти из положения? Не провалить себя и не дать осуществиться задуманной немцами диверсии? Главное, поручили организацию взрыва такому головорезу, как Потомок, который органически ненавидел все советское и готов был на любое преступление, лишь бы навредить».

XV

Война наложила на все свой тяжелый отпечаток. Даже в квартире Кулиевых Сергеев почувствовал это. Он часто бывал здесь до отъезда в Иран. Веселые комнаты выглядели мрачно. Окна со шторами из черной бумаги казались темными впадинами, лампочки не такие яркие, как прежде. В квартире стояла тишина, не было слышно звонкого голоса Сурьи, ее отвезли в Закаталы к бабушке.

Сергеев прошел в гостиную. Румянцев с Кулиевым рассматривали новую миниатюру, которую приобрел Мехти Джафарович.

— Это Яков Васильевич,— представил Якова Кулиев.

Румянцев, отложив миниатюру, встал.

— Много слышал о вас, Яков Васильевич. Садитесь, поговорим, познакомимся поближе. Рад сообщить, что Москва одобрила наше предложение восстановить вас на работе в органах. Но, разумеется, приступить к работе в аппарате вам придется только после окончания дела, которым вы занимаетесь сейчас. Согласны?

— Конечно, Сергей Владимирович. Благодарю вас. Передайте мою благодарность и народному комиссару.

Сергеев крепко пожал локоть Кулиеву. Он понимал, что Мехти сыграл в восстановлении не последнюю роль.

Раздался стук в дверь, и жена Кулиева, миловидная молодая женщина, внесла поднос с чаем. Она молча поклонилась гостям, поставила поднос на стол и поспешно удалилась, чтобы не мешать деловому разговору. Кулиев расставил стаканы с чаем и розетки с изюмом, виновато улыбнулся.

— Сахара нет.

— Сейчас транспорт занят военными перевозками, не до сахара,— заметил Румянцев и подвинул к себе одну из розеток.

— Давайте сначала решим, как быть с выполнением задания Шёнгаузена.

Больше часа они обсуждали этот вопрос. Много было всяких вариантов, но остановились все же на том, который предложил Яков.

— Добро, пожалуй, надо идти,— заключил Сергей Владимирович,— меня уже ждут в наркомате.

Мехти вышел проводить Румянцева. Когда он вернулся, Яков сидел задумавшись.

— Что такой грустный, Яков?

— Меня расстраивает, Мехти, что, несмотря на просьбы Лиды, ее не отправляют домой.

— Все будет в порядке. Месяц-два, и она приедет. Правда, я знаю, как долго тянутся эти месяцы. Ведь вскоре после свадьбы нам с Наргиз пришлось расстаться. Она училась здесь в педагогическом институте, а мне надо было ехать в Москву в институт востоковедения. Мы оба очень тосковали и считали дни до каникул. Теперь это в прошлом.

— Вот и мне хочется, чтобы мои ожидания тоже скорее канули в прошлое,— улыбнулся Яков.— Я пойду, через час у меня радиосеанс с Тегераном.

XVI

Яков вместе с Потомком разработал план операции. На нефтеперерабатывающем заводе заведовал клубом бывший приближенный нефтепромышленника Манташева—Песцов Нил Тимофеевич. Манташев имел на Песцо-

ва какие-то виды, не порывал с ним связи и щедро задабривал посылками. Потомок считал, что Песцов поможет ему проникнуть на завод. Было решено, что Потомок свяжется с Песцовым в клубе.

В клуб диверсант попал как раз в день, когда там должен был состояться заводской актив. Потомок прошелся по вестибюлю, разглядывая окружающих пристальным настороженным взглядом желтых, как у борзой, глаз, словно боялся встретить среди присутствующих людей, с которыми не хотел бы сталкиваться.

В вестибюле уже прогуливались участники собрания. Здесь были седоголовые мастера, отдавшие перегонке нефти не один десяток лет своей жизни, совсем молодые еще инженеры, получившие образование при Советской власти, молодые рабочие-передовики. Вопрос, который предстояло обсудить на активе, для всех был одинаково важным. Для обороны страны потребуется теперь много нефти. Надо найти способы значительно увеличить ее добычу.

Потомок со злобой смотрел вокруг. Ведь это могли быть люди, которые перерабатывали нефть, добытую на его участках земли. Да, тех самых, которые он должен был получить по завещанию своего дядьки, но так и не успел получить. Помешала революция. И вот он теперь должен смотреть в руку одному из Монташевых, который предусмотрительно перевел часть своего капитала за границу и жил там сейчас припеваючи.

Проходя мимо дивана, Потомок замедлил шаг. На диване сидели молодой белокурый парень и смуглая девушка-азербайджанка. Развернув чертеж, они оживленно о чем-то говорили. Вслушиваясь в их разговор, Потомок понял, что беседующие — инженеры. Он с горечью вспомнил свои студенческие годы, когда дядька, проча его себе в преемники, хотел, чтобы племянник получил специальность инженера-нефтяника, рассчитывая, что тогда он лучше будет управлять своими промыслами. Но время решило иначе. Потомок даже не успел окончить институт, пришлось убираться за границу. Казалось, вся накопившаяся за эти годы злоба всколыхнулась в нем.

Раздался звонок. Собравшимся было пора заходить в зал. Потомок мотнул головой, словно хотел откинуть волосы, спадавшие на лоб, хотя при его огромной лысине вряд ли это могло случиться. Но тем не менее от этой старой привычки он избавиться никак не мог. Диверсант

заторопился. Надо было найти кабинет Песцова. Это не составило особого труда. Помещение было небольшим, и стоило Потомку пройти немного по коридору, как он увидел дверь с табличкой «Заведующий клубом». Приоткрыв незапертую дверь, он увидел, что кабинет пуст.

Потомок чертыхнулся. Теперь засядет этот Песцов на собрании и не дождешься его. Обдумывая как быть, Потомок остановился. Послышался еще один звонок. Говор в вестибюле стих, участники собрания зашли в зал, и в это время в коридоре послышались неторопливые шаги. Потомок внимательно всматривался в подходившего худощавого мужчину лет пятидесяти с редкими седыми волосами и продолговатым смуглым лицом.

«Нил Тимофеевич, конечно, он». Потомок запомнил его еще с юношеских лет. Нил Тимофеевич часто бывал тогда у них в доме. Он был доверенным человеком Монташевых, наушничал о поведении рабочих, служащих. Он каждый раз приносил молодому Монташеву, или, как его звали, Рачику, гостинец — связку сушек. Эти сушки казались Рачику вкуснее самых лакомых пирожных, которые подавали дома.

— Нил Тимофеевич! — выступил Потомок из полумрака навстречу Песцову.

Тот вздрогнул от неожиданности и остановился.

— Чем могу служить?

— Не узнаете, дядя Нил?

Песцов подошел ближе.

— Нет, не имею чести знать,— решительно заявил он.

— Я Рачик Монташев. Помните, как дарили мне всегда сушки?

— Не может быть. Рачик, как ты вырос,— и Песцов, обняв племянника своего бывшего патрона, увлек его в кабинет.

— Садись, рассказывай, как живет дядя.

— Он просил передать вам привет, Нил Тимофеевич.

— Много лет прошло, много воды утекло, а я по-прежнему предан ему, Рачик. Никогда не забуду добра, которое он мне сделал. Ну, а как ты? Закончил образование за границей?

— Да, Нил Тимофеевич,— соврал монташевский отпрыск и пустился в описание «привольной» жизни в Париже, умолчав, конечно, о своем увлечении картами и о том, что богатые родственники отказались оплачивать его бесконечные карточные долги и расходы на бесшабашные

кутежи. И как он в поисках других источников наткнулся на немецкую агентуру, как его прибрали к рукам. Не рассказал он и о том, что по заданию немецкой разведки отравил видного французского генерала и выполнял много других грязных поручений, чуть не попался. Пришлось бежать из Франции в Иран.

— А как вы жили здесь, Нил Тимофеевич?

— С промысла пришлось уйти. Многие знали там о хорошем отношении ко мне твоего дяди. Поступил на завод. Вот он, через дорогу,— Песцов махнул рукой в сторону окна.

— Как же вы стали заведующим клубом?

— Была у меня, Рачик, одна страстишка — увлекался пением еще в прежние времена. Не раз твой дядя подшучивал по этому поводу. Вот и на заводе стал частым посетителем клуба, пел в хоре, а потом мне предложили должность заведующего. Зарплата лучше, подумал, подумал и взялся за это дело. Но это не важно. Расскажи, что привело тебя в Баку?

— Дела, Нил Тимофеевич, дела.

— Конечно, сейчас самый раз. Возвращается старое доброе времечко. Немцы не за горами. Бои уже под Смоленском и Одессой. Ждать не долго.

— Вот и надо помочь им двигаться быстрее.

— Это как помочь? Что-то не соображу.

— Мне дядя говорил, что с вами можно быть вполне откровенным.

— На меня можешь положиться.

— Надо одну деликатную вещицу подложить на завод, чтобы вывести его из строя. Меньше бензина у красных, быстрее будут двигаться немцы.

— Это что же — адскую машину? — прошептал Песцов.

— Да, дядя Нил. Вы должны помочь мне устроиться работать на ваш завод.

Песцов задумался. Потомок тоже молчал, ожидая его ответа.

— Так... так...— протянул наконец Песцов.— Дело, прямо скажем, серьезное. Но, значит, нужно. Не стал бы ты иначе, я думаю, ехать сюда рисковать жизнью. Только устраивать тебя на завод не стоит. Сейчас это трудно и нужды особой нет. Твой подарочек красным я положу сам. Знаю куда, часто бываю на заводе. Никому и в голову не придет, что это моя работа. А вот на тебя как на нового

человека могут пасть подозрения. Начнут выяснять, кто тебя устроил? Песцов? Ну и пошла писать губерния.

— Вы, пожалуй, правы, Нил Тимофеевич.

— Дай мне срок. Все надо обмозговать как следует. Никогда бы не взялся, если бы не чувствовал: скорый конец красным.

Донесся шум из вестибюля.

— Перерыв. Не надо, Рачик, чтобы тебя видели здесь. Правда, у меня много бывает разного народа по хозяйственным делам, но осторожность не мешает.

— Вы правы, дядя Нил.

— Заходи ко мне через два-три дня. Я все обдумаю за это время.

Прошла неделя. Потомок шел в клуб к Песцову. В портфеле диверсанта лежала мина, которую он должен был передать. Еле уловимая дрожь не оставляла Потомка, одолевали недобрые предчувствия. Он шел, боязливо озираясь. Перед самым клубом из-за угла вышли два человека и взяли его под руки. Потомок бросил портфель и рванулся, в руке у него появился пистолет. Диверсант понял, что это провал, и выстрелил в лежавший под ногами портфель. Потомка тут же обезоружили. Пока у него отбирали пистолет, он с недоумением смотрел на портфель. Мина почему-то не взорвалась. Тяжелый комок подкатил к горлу. Он понял — мина обезврежена, его провели как мальчишку.

Вечером Яков в присутствии Кулиева отстукивал точки и тире на своем радиопередатчике. В эфир неслись зашифрованные слова сообщения о неудавшейся диверсии.

> ...Знакомый Потомка на заводе оказался предателем. Потомка сегодня по пути к нему задержали с миной. В порядке страховки я на расстоянии сопровождал Потомка и видел, как чекисты вели его к машине. Воспользовавшись заминкой, когда усаживались в машину, Потомок вынул ампулу с ядом и на моих глазах принял его.
>
> Аллаверды.

— Аллаверды — богом данный. Для немцев вы действительно были посланы самим богом. Этот псевдоним придуман не случайно,— заметил Кулиев, когда Яков передал последние строки сообщения,— они возлагали на вас большие надежды.

— Немцы могут заподозрить неладное. Уж очень недоверчив генерал фон Шёнгаузен.

— Возможно, попытаются проверить. Если станут делать это через Казанцева, о котором я тебе рассказывал, мы будем знать и обернем дело в нужном нам направлении. Хуже, если они найдут другие пути проверки. Но будем осторожны.

XVII

Шел август 1941 года. Над городом, амфитеатром спускавшимся к морю, воздух был тусклым от зноя. Вот уже несколько дней Каспий не приносил спасительных бризов. Яков раскрыл все окна в квартире, но дышать было трудно. Он тяжело переносил эти дни. Настроение было неважное, угнетали вести с фронтов. Да и в делах наступила какая-то пауза. Шёнгаузен молчал после провала Потомка. Никаких поручений. Что это — недоверие? Придется прекратить игру? Стало сдавать здоровье. Он плохо себя чувствовал и сегодня ожидал врача.

Пришел почтальон. Письмо от Лиды. Яков удобно расположился в кресле и стал читать. Теплое, хорошее письмо. Лида разделяла его нетерпение и буквально считала дни, оставшиеся до встречи. Обещали отправить на Родину в сентябре этого года. Лида писала, что ее семья эвакуировалась из Москвы в Новосибирск. Туда выехала мать с больным отцом, с ними поехала сестра Лиды, студентка университета. Все они тоже советуют Лиде возвращаться домой поскорее. Прочтя письмо, Яков задумался. Какой-нибудь месяц остался до встречи. Он окинул внимательным взглядом комнату. Надо подготовиться к приезду Лиды. Нужна уборка. Из-за событий последних месяцев он запустил квартиру.

Неожиданно раздался звонок в прихожей. Яков подумал о том, что вернулся почтальон, который забыл отдать газеты. Каково же было его удивление, когда в открытую дверь юркнул краснолицый тип с наголо обритой головой и в очках. Яков внимательно всматривался в лицо вошедшего, не узнавая.

— Не узнаете? — спросил тот.

Услышав этот вкрадчивый голос, Яков сразу узнал нежданного гостя.

— Ходжа Али, откуда вы взялись?

— Аллах привел увидеться опять, агаи Сергеев. Дела случились, вот и послали сюда.

— Кто же вас послал?

— Те, что и вас.

— Садитесь, Ходжи Али, рассказывайте. Побрили голову, надели очки — и вас не узнать.

— Есть кое-какие друзья здесь. Не хочу, чтобы они проведали о моем приезде.

Якову было все ясно: Ходжа Али явился для проверки, Шёнгаузен решил убедиться, так ли все обстояло, как сообщил Сергеев.

— Что рассказывать? Самое страшное миновало,— сказал Ходжа Али, располагаясь на диване.— На старости лет заставили прыгать с парашютом. Через границу перейти сейчас трудно. Показали парашют, как обращаться с ним, а через несколько дней говорят: «Сегодня ночью сбросим тебя на русскую землю. Пробных прыжков делать нет возможности». Я умолял майора Геккерта разрешить перейти границу по земле, обещал так пройти, что ни один шайтан не заметит. «Нет,— говорит,— не можем рисковать».

— Так и пришлось прыгать? — улыбнулся Сергеев. Но мысли его работали в другом направлении. Что скажет эта лиса?

Ходжа Али даже закрыл глаза при воспоминании о перенесенном страхе.

— Подвели к двери самолета, открыли, образовалась темная дыра, и говорят: «Прыгай». Что делать? Прыгнул, словно в объятия дьявола. Будто во сне, падаю в пропасть. Думал, сейчас потеряю сознание. Хорошо, раскрылся парашют. Сразу стало лучше, но боязнь, что парашют испортится и я полечу как камень, не давала покоя, пока ноги не коснулись земли. После того как избавился от парашюта, лежал, наверное, больше часа, пока не пришел в себя окончательно.

— Теперь вас можно считать парашютистом.

— Нет, никакая сила больше не заставит меня прыгать с неба. Не хотелось умирать таким же голым, как родился. Вот и согласился. Торговля в наше время дело ненадежное.

— Как там поживает герр Геккерт?

— Хорошо, посылает вам большой салам.

— Давно вы в Баку?

— Здесь я уже больше недели. Побывал у Годжаева, передал ему по поручению майора Геккерта привет от родных, друзей. Думал сначала к вам зайти, но не ре-

шился беспокоить. Жаль Монташева. Хороший был парень, умный. Как попал в такой просак? А Песцов не арестован. Я проверил это. Ясно — его рук дело. Может быть, убрать шайтана?

— Нет, Ходжа Али, нельзя сейчас. Рисковать не стоит. Уберем потом, при более благоприятных условиях.

— Это верно,— согласился старик.— А вы уверены, что Монташёв отравился?

— Своими глазами видел. Он сделал это так быстро, что никто не обратил внимания, но я-то знал, яд у него был в пуговице пиджака, он сорвал ее и сунул в рот.

Ходжа Али сокрушенно покачал головой.

— У вас есть где жить? А то можете остановиться у меня.

— Спасибо, агаи Сергеев. Здесь есть мои старые знакомые. Они приютили.

— Может быть, какая-нибудь помощь нужна?

— Нет, агаи Сергеев. Вот майор Геккерт просил передать одно поручение. Речь идет о том, чтобы послать Годжаева в Москву и поручить ему убрать иранского дипломата Мирзу Ашрафи.

Ходжа Али вынул из кармана и передал Сергееву фотокарточку Ашрафи. Яков внимательно рассмотрел ее. Это был пожилой уже человек. Яков спрятал карточку во внутренний карман пиджака.

— По словам Геккерта, Ашрафи вечерами любит прогуливаться в районе посольства. Улицы в это время пустынны. Надо этим воспользоваться. Работа Годжаева ни в коем случае не должна быть похожа на убийство с целью ограбления. Все должно выглядеть как политическое дело. Аллах даст, это вызовет натянутость в отношениях Ирана с Россией. Вы, конечно, понимаете, как это важно для наших немецких друзей. Как покончить с Ашрафи, чтобы это принесло пользу друзьям, слава аллаху, вас учить не надо.

— Конечно, Ходжа Али. Я проинструктирую Годжаева. Он поймет серьезность поручаемого ему дела и, надеюсь, поведет себя так, как надо.

— Как живете здесь. Не болеете?

— Неважно чувствую себя, Ходжа Али. Вот и сейчас жду доктора.

— Бывал в торгпредстве, часто видел Лидию-ханум. Все хорошеет. Собирается возвращаться на родину,— лукаво улыбаясь, посмотрел Ходжа Али на Якова. И тут же

спохватился.— Я пойду, агаи Сергеев. У меня много дел. Очень трудных, как обернутся — еще не знаю. «Ночь забеременела, что-то родится на заре»,— говорят у нас.

— Так давно не виделись. Посидите, поговорим.

— Нет, нет, тем более — придет доктор. Зайду к вам как-нибудь.

Церемонно поклонившись, Ходжа Али чуть приоткрыл дверь, будто она не открывалась дальше, и проскользнул в образовавшуюся щель.

На улице он встретился с худощавым, высоким, совершенно лысым стариком лет шестидесяти. Он привлек внимание Ходжи Али. Немецкий шпик обернулся и увидел, что встретившийся ему вошел в дом, в котором жил Сергеев.

«Нет, сомнений быть не могло, лысый старик — это тот самый доктор, который изобличил Ходжу Али в 1925 году в арестном помещении Чека, когда Ходжа Али пытался симулировать болезнь, чтобы вырваться на свободу. Тот же нос, свернутый вправо, словно кто-то взял да и пригнул его в сторону. Конечно, это он».

Пока Ходжа Али шел по улице, в его сознании возникали картины прошлого. Он имел контору в Баку, она солидно называлась: «Оптовая торговля сухофруктами Али Рахим-заде из Решта». Тогда он не имел еще приставки Ходжа. Попал Ходжа Али в Чека за попытку отправить в Иран нелегально на парусных лодках, доставляющих сухофрукты, партию золотых изделий и валюту, скупленные в Баку. Он вспомнил ту темную ночь, когда сумел обмануть охрану и пробраться на пристань, у которой стояли лодки, доставившие ему фрукты. Ходжа Али благодарил аллаха. Самое трудное позади. Он на лодке. Осталось передать сверток с золотом владельцу парусника. Выйти с пристани потом уже не проблема. Но в тот момент, когда он вытащил из-за пазухи заветный сверток, на лодке появились чекисты. Первая мысль: расстреляют. Другого выхода, как симуляция болезни, он не нашел, но врач разоблачил его. Такое забыть нельзя, и этот человек запомнился ему надолго. Правда, счастье неожиданно обернулось к Ходже Али лицом. Он назвал всех людей, через которых скупал золото, и его не стали судить, а как иностранца выдворили из СССР.

Доктор, конечно, не узнал его. Да и где ему вспомнить одного из многих тысяч людей, которых за эти годы приходилось осматривать, лечить.

Ходжа Али подумал и о том, что прошло почти восемнадцать лет, врач давно мог уйти из Чека. Надо проверить. Если он еще работает там, тогда ясно, что из себя представляет Сергеев. Ходжа Али был поглощен этими думами. И ему не пришло в голову, что он и на сей раз попал в поле зрения своих старых знакомых. От самого дома Сергеева за ним осторожно шли два человека.

Ходжа Али свернул на набережную. Вот там, чуть дальше, в одноэтажном здании была его контора, сейчас на ее дверях висит табличка: «Домоуправление». Опять нахлынули воспоминания, как он был счастлив тогда. А какая шла торговля! От покупателей не было отбоя. Страна нуждалась в продовольствии. Единственно, что удручало Ходжу Али тогда,— что он не может организовать доставку из Ирана в несколько раз больше фруктов. Не хватало транспорта. Лодки приходили загруженными до предела. Это были приятные минуты. Ему представилась пристань с ее шумом, сутолокой. Там пришвартовывались лодки с фруктами, овощами из приморских районов Азербайджана, из Ирана, из Туркмении. Настолько он ушел в воспоминания, что ему даже почувствовался терпкий запах, стоявший там,— смесь запаха дыни и лука. Да что говорить, жизнь тогда была интересной. Ходжа Али каждый раз на пристани предвкушал, как он эти ящики с иранским изюмом, финиками моментально обратит в советские деньги, а на них купит золото, доллары. Его сундучок уже был почти полон. Этих ценностей хватит на то, чтобы открыть в Тегеране хороший магазин, какой — он еще не решил, и тогда, слава аллаху, он заживет в свое удовольствие. И вдруг все надежды рухнули. Его богатства попали в руки чекистов. И что он сделал? Подумаешь, нарушал советские законы. Скупал валюту и золотые десятки царской чеканки и хотел отправить их за границу. Какое же это преступление — просто торговля. И много лет не проходившая злоба с новой силой охватила купца.

Сергеев встретил врача очень взволнованный. Он еще не успел доложить Кулиеву по телефону о появлении Ходжи Али. Наконец врач закончил обследование.

— Нужен отдых, полный покой, хотя бы на неделю,— сказал он.

Яков усмехнулся.

— Сейчас нет такой возможности.

— Отдыхать будем в могиле, сказал бы Сергей Владимирович, которому я так настойчиво рекомендую отдых.

С сердцем не все в порядке у него,— сказал врач, собираясь уходить.

Только он вышел, Яков позвонил Кулиеву. Они условились встретиться на квартире Мехти Джафаровича.

Кулиев был удивлен рассказом о появлении Ходжи Али и о задании, которое он привез.

— Я слышал о Мирзе Ашрафи,— сказал Кулиев,— это антифашист, противник сближения Ирана с гитлеровской Германией. Наверно, он крепко мешает немцам, поэтому они решили убрать его.

— Это с одной стороны; с другой — такое убийство может отразиться на отношениях Ирана с СССР, что очень нужно сейчас немцам. И наконец, это хорошая проверка меня. Здесь уж Шёнгаузен и Геккерт наверняка будут знать, выполнил я их задание или нет.

— Верно,— задумчиво произнес Кулиев.

— Кандидатура Бывалого для этого им представляется самой подходящей. Он крупный громила, имеет связи среди московских уголовников, часто бывал в Москве, хорошо знает город.

XVIII

Сергей Владимирович и Кулиев выбрали один из выходных дней, чтобы спокойно, без помех, обсудить, как быть с Ходжой Али и с заданием Шёнгаузена, которое привез старик. Когда Мехти вошел в кабинет Сергея Владимировича, тот переодевался в комнате для отдыха. В Баку в связи с жаркой погодой было принято переодеваться на службе в блузы из сатина, так как пробыть целый день в сорочке с галстуком или в кителе было очень трудно.

Проговорили два часа, но так и не пришли к окончательному решению.

— Добро. Давайте, Мехти Джафарович, остановимся пока на том, что предлагаете вы и Сергеев. Но это еще не самый лучший вариант. Шёнгаузен не глуп, это надо иметь в виду. Хотя англичане и говорят: «У каждого в рукаве сидит дурак», рассчитывать на это не стоит. А как чувствует себя Яков Васильевич?

— Неважно, Сергей Владимирович.

— А не пробовали ли вы прощупать Сергеева насчет нашей наметки ввести к немцам вместо него другого человека, а его отправить лечиться? Не можем же мы созна-

тельно ставить на карту здоровье, а может быть, жизнь Сергеева.

— Пробовал, но говорить на эту тему с ним бесполезно, только напрасно будем расстраивать его.

— Тогда надо хоть обеспечить хорошее лечение.

— Мы это делаем. Мне кажется, что улучшению состояния Якова Васильевича значительно способствовал бы приезд сюда девушки, работающей в торгпредстве в Тегеране, которую он любит. Помните, я рассказывал о ней.

— Надо помочь в этом деле.

— Я предпринял кое-что.

— Ну что ж, тогда до завтра.

Мехти собрал документы в папку и, попрощавшись, вышел из кабинета.

XIX

Вечером на следующий день Кулиев позвонил по телефону Сергееву:

— Яков, наш план одобрен. Выявилось новое обстоятельство. Твой старый знакомый живет у крупного валютчика и принимает участие в скупке долларов и золотых изделий. Я думаю это использовать. Сейчас арестуем его.

— Я дам телеграмму.

> ...От Бывалого стало известно, что в Баку появился купец Ходжа Али и что за участие в скупке золота он арестован милицией. Что известно Ходже Али обо мне? Не может ли это привести к провалу?
>
> Аллаверды.

Яков надеялся, что версии об аресте Ходжи Али за скупку золота немцы поверят, зная жадность своего подручного. Они поймут, что Ходжа Али еще не был у Сергеева и не передал ему задания.

Был поздний вечер. Спрятав рацию в тайнике, Яков уже собрался лечь спать. В это время резко затрещал звонок. Только он повернул ключ, как дверь распахнулась и, оттолкнув его, в прихожую ворвался Ходжа Али. Его нельзя было узнать. Всегда такой вежливый, с льстивой улыбкой на лице, теперь он был разъярен, как зверь. Румянец исчез, лицо бледное, глаза метали искры.

— Исчадие ада, наконец я разобрался в тебе. Хотел меня отправить в свое НКВД. Не бывать этому!

Яков вошел в комнату, а вслед за ним Ходжа Али с пистолетом в руке.

— Аллах помог мне. Выходя от тебя, я встретил док-

тора. Он мой старый знакомый, работник НКВД. Чекист лечит чекиста. Но аллах опять не оставил своего нукера. Я был во дворе, когда твои друзья пришли арестовать меня. Я сумел уйти от злодеев. Теперь уж нет сомнений, кто ты. Так умри же!

Яков кинулся на Ходжу Али, раздался выстрел, Яков зажал руку Ходжи Али, как в тисках. Тот выронил револьвер и, взвыв от боли, опустился на корточки.

Вдруг Яков почувствовал, что его охватывает слабость, вот-вот он выпустит руку Ходжи Али и упадет на пол. «Ранен», — мелькнуло в голове. Но в этот момент его кто-то поддержал. Он обернулся и узнал Мехти Кулиева. Двое его сотрудников скрутили Ходжу Али. Но тот и не думал сопротивляться. Вся его прыть моментально исчезла.

Как сквозь сон, слышал Яков рассказ о том, что Ходжа Али, случайно заметив чекистов, опередил их и успел ускользнуть. Яков улыбнулся через силу и впал в беспамятство.

На следующий день на его квартире Кулиев принял ответную телеграмму Шёнгаузена:

> Поручите Бывалому, используя свои связи среди уголовников, ликвидировать Ходжу Али в тюрьме. Не медлите. Перед расходами не останавливайтесь. Дайте Бывалому одну ампулу. Разбить ее в пищу Ходжи Али самый лучший способ. Бывалый и его друзья имеют такой опыт. Исполнение доложите.
>
> Арбаб.

— Обязательно доложим,— прошептал Кулиев, пряча рацию.

Очнулся Яков в больнице. Как сказали врачи, рана была не опасной, но для того чтобы она зажила, потребуется не мало хлопот и времени. Перспектива была довольно мрачной: приедет Лида, а он лежит в больнице.

В середине дня в палату заглянула сестра.

— Послушайте радио. Интересное сообщение,— сказала она. Яков приложил к уху наушник радиотрансляционной сети. Донеслись четкие слова диктора. Передавали ноту Иранскому правительству.

> ...Советское Правительство, руководствуясь чувством дружбы к иранскому народу и уважением к суверенитету Ирана, всегда и неизменно осуществляло политику укрепления дружественных отношений между СССР и Ираном и всемерного содействия процветанию иранского государства...

Яков с интересом вслушивался в слова ноты.

...Однако, за последнее время и, особенно, с начала вероломного нападения на СССР гитлеровской Германии,— читал диктор,— враждебная СССР и Ирану деятельность фашистско-германских заговорщических групп на территории Ирана приняла угрожающий характер. Пробравшиеся на важные официальные посты более чем в 50 иранских учреждениях германские агенты всячески стараются вызвать в Иране беспорядки и смуту, нарушить мирную жизнь иранского народа, восстановить Иран против СССР, вовлечь его в войну с СССР.

Агенты германского фашизма вроде фон Радановича, Гамотта, Майера, Вильгельма Сапова, Густава Бора, Генриха Келингера, Траппе и других, прикрываясь своей службой в разных германских фирмах (АЕГ, Феррошталь, Гарбер, Ортель, Лей, Шихау), в настоящее время дошли до крайних пределов в своей подрывной работе по организации диверсионных и террористических групп для переброски в Советский Азербайджан, и раньше всего в главный советский нефтяной район — Баку, и в Советский Туркменистан, с одной стороны, и по подготовке военного переворота в Иране,— с другой...

За время после нападения Германии на СССР Советское правительство трижды — 26 июня, 19 июля и 16 августа сего года обращало внимание Иранского правительства на опасность, которую представляет собой подрывная и шпионско-диверсионная деятельность в Иране германских агентов...

Иранское правительство отказалось, к сожалению, принять меры... Вследствие этого Советское правительство оказалось вынужденным принять необходимые меры и немедленно же осуществить принадлежащее Советскому Союзу, в силу статьи 6-й Договора 1921 года, право — ввести временно в целях самообороны на территорию Ирана свои войска...

«Как просто все решилось»,— радостно подумал Яков.— Сейчас все эти фон шёнгаузены, геккерты побегут из Ирана, как крысы с тонущего корабля.

Здоровье Якова восстанавливалось вопреки предсказаниям врачей быстро.

Через несколько дней он встречал своих посетителей уже сидя. Зашли к нему Румянцев и Кулиев.

— Все гитлеровские дипломаты, в том числе и разведчики, прикрывавшиеся дипломатической неприкосновенностью,— рассказывал Сергей Владимирович,— высланы из Ирана. Среди них и ваш старый знакомый генерал фон Шёнгаузен. Майор Геккерт интернирован английскими военными властями. Чтобы не попасть в наши руки, он после вступления в Иран союзных войск выехал в Шираз и там был взят англичанами. На севере Ирана советские военные власти интернировали почти всех известных нам немецких инструкторов, обучавших шпионов и диверсантов, переброшенных на нашу землю.

— Никто не пострадал из советских служащих в Иране? — спросил Яков.

— Нет.

— Ходжа Али дает интересные показания,— заметил Кулиев.— Он назвал нам группу, которая готовит диверсии на нефтяных промыслах. На днях будем брать этих молодчиков.

— Может быть, я к этому времени выпишусь из больницы? Успею принять участие.

— Должен вас огорчить,— сказал Сергей Владимирович,— даже если поправитесь к этому времени, мы не станем привлекать вас к подобным делам и раскрывать вашу работу в органах. Когда генерал фон Шёнгаузен появится в Берлине и придет в себя, он может вспомнить о вас. Ведь, строго говоря, у них не было достаточно убедительных данных о вашей неверности. Да и майор Геккерт может рассказать о вас англичанам. Давайте повременим с водворением вас на работу в аппарат.

А. АВДЕЕВ

ДРУЗЬЯ БОЕВЫЕ. ВЕРНОСТЬ. МУЖЕСТВО

ДРУЗЬЯ БОЕВЫЕ

В мае 1942 года наш разведывательно-диверсионный отряд № 7 Отдельной мотострелковой бригады особого назначения, которым командовал старший лейтенант Михаил Константинович Бажанов, сражался в треугольнике железных дорог Смоленск — Витебск — Орша. На Смоленщине в то время действовали многие местные партизанские отряды, с одним из них у нас была связь. Командовал им лейтенант государственной безопасности Тоборко, а комиссаром был Н. Н. Мельников, председатель Руднянского райсовета Смоленской области. Недалеко от нас находился специальный отряд 2-го полка нашей бригады. Этим отрядом командовал лейтенант-пограничник Ф. Ф. Озмитель.

Местный партизанский отряд тогда насчитывал всего двадцать семь человек, да и вооружены они были плохо. Больших боевых операций против немцев они проводить не могли, но зато партизаны хорошо знали условия своего района. Они успешно боролись с предателями и мелкими группами оккупантов, которые рыскали по окрестным деревням, грабили, убивали советских людей и многих уводили в неволю.

Наш отряд на вооружении имел бесшумное стрелковое оружие, мощную диверсионную технику и располагал достаточным количеством взрывчатки. У нас была

постоянная радиосвязь с Москвой. Вместе с местными партизанами и отрядом лейтенанта Озмителя мы успешно совершали диверсии на важных коммуникациях врага и вели разведку.

В середине мая 1942 года нам удалось собрать немало ценных сведений о дислокации важных объектов противника и о деятельности его войск. Но передать их в Москву мы не смогли. Наша маленькая радиостанция «Белка» была вынуждена ежедневно менять место работы, длину волн и выходить в эфир лишь на считанные минуты, чтобы не быть запеленгованной. Запросили у Москвы разрешения выслать группу с этими сведениями. Москва дала согласие. Но выход задерживался из-за отсутствия в отряде продовольствия. Его вот-вот должен был доставить самолет с Большой земли. В это время в отряде произошло событие, которое изменило первоначальный план доставки разведывательных материалов.

I

Медленно угасал майский день. Тени удлинялись и густели. Становилось прохладнее. Из леса, наполненного птичьими голосами, вышел человек. Он внимательно осмотрелся по сторонам, глянул в сторону железнодорожной насыпи, что прямой линией перечеркнула болотистую низину, и тихо свистнул. Вскоре к нему присоединились еще семеро. Посоветовались, разошлись в разные стороны. Над низиной дымился туман, остро пахло болотом.

Промокнув до нитки, двое партизан выбрались из болота, зашли в кусты, росшие недалеко от железнодорожной насыпи, притаились.

— Андрей, не пора ли? — спустя некоторое время тихо спросил Николай Рыжов, поеживаясь и стуча зубами от сырости.

— Погоди, Николай, давай выйдем отсюда, а то ничего не видно. У насыпи подождем еще немного, осмотримся. Пускай ребята подтянутся. Возьми-ка тол, он тяжелее мины, быстро согреешься.

Николай взял у Андрея Сосульникова тяжелый, как камень, пакет, а ему передал мину. Они выползли из зарослей кустарника на бугорок. Встретив на пути неглубокую воронку, залегли в нее, прижались спинами друг к

другу, стали внимательно всматриваться в темноту и вслушиваться в звуки, которыми была полна ночь.

— Ну? — снова нарушил молчание нетерпеливый Рыжов, толкая Сосульникова локтем.

— Да. Теперь пора... Пошли.

Маскируясь кустами и складками местности, они приблизились к линии железной дороги Смоленск — Орша. Уже хорошо видна стала высокая насыпь, а на ней вражеские патрульные. Парный патруль проходил метров сто пятьдесят — двести, встречался с другим патрулем и шагал обратно. «Значит, у каждого патруля свой участок. Это хорошо», — подумал Сосульников, продолжая наблюдать.

С болотистой низины потянул ветерок. Через насыпь поползли жидкие космы тумана.

Выждав, когда немцы отошли подальше от места, где они затаились, партизаны начали подниматься по откосу, стараясь не шуметь гравием, который предательски выскальзывал из-под ног и катился по склону. Забравшись на насыпь, подрывники принялись долбить слежавшийся балласт, готовя яму для мины. В спешке партизаны не заметили, как один патруль почему-то с полпути повернул обратно.

— Хальт! Хенде хох! Файер! — испуганно заорали немцы, заметив посторонних.

Оглушительно зазвучали выстрелы. Пули просвистели над головами Сосульникова и Рыжова, прижавшихся к земле.

— Коля, прикрой! — крикнул Сосульников.

Рыжов откатился подальше от рельса, открыл огонь. Немцы упали, Сосульников, ломая ногти о щебенку, быстро засыпал яму с миной, отполз к краю насыпи и тоже включился в перестрелку.

На шум стрельбы бежали охранники с других участков, стреляя на ходу. Минут десять длилась неравная схватка двух партизан с десятками охранников. Сосульников и Рыжов переползали с места на место. Дав одну-две короткие очереди, меняли позицию. Маневры партизан дезориентировали гитлеровцев: им было трудно определить, сколько человек ведут бой, и они наугад обрушивали огонь то в одну, то в другую сторону. Ночь надежно скрывала партизан, и пули фашистов пока миновали их.

Старший группы минеров — Андрей Сосульников — не торопился выходить из боя, ждал, пока под шум стрельбы

установят мины на других участках и уйдут. Наконец он условно свистнул. Рыжов отозвался. Сосульников прекратил огонь, скатился с насыпи и быстро пополз прочь от железной дороги. Он отполз метров на двести, встал на ноги. С минуту он прислушивался. Не заметив ничего подозрительного, лег и свистнул, подражая голосу болотной птицы. Это означало: «Все ко мне!»

К Сосульникову подходили минеры. В лесу было тихо, а от железной дороги доносился треск очередей немецких автоматов, гулкие выстрелы винтовок, взрывы гранат. Видимо, немцы все еще не разобрались, с кем ведут бой.

— Все пришли? — спросил Сосульников.

Ребята зашевелились, оглядывая друг друга.

— Кого-то еще нет. Кажется, Рыжова,— сказал Саша Назаров, высокий восемнадцатилетний паренек.

Сосульников встал, подошел к каждому и заглянул в лицо.

Назаров был прав: не было Николая Рыжова. Андрей помнил, что от мины они расползлись в разные стороны. Рыжов ответил на его условный свист. Но куда потом он делся, Андрей не уследил.

— Ребята, надо вернуться и узнать, что с ним,— сказал Сосульников.

Иван Домашнев, Георгий Иванов и Василий Широков вернулись к тому месту, где вспыхнула перестрелка Сосульникова и Рыжова с охраной дороги, и тщательно осмотрели каждую ямку, обшарили каждый куст. Сосульников и Саша Назаров со снайперской винтовкой подползли поближе к железнодорожной насыпи, залегли, готовясь огнем прикрыть товарищей.

Николая Рыжова нашли метрах в пятидесяти от железной дороги. Он полз к месту сбора, держа в зубах ремень автомата.

— Пить! — чуть слышно попросил Рыжов, как только увидел товарищей.

Он истекал кровью. Ребята подняли его и перенесли в безопасное место. Перевязали, положили на плащ-палатку и двинулись к лесу. Не было слышно ни шуток, ни смеха, только предупреждения о неровностях пути да стоны раненого, когда носильщики оступались.

— Смотрите, ребята... Смотрите. Идет! — вдруг крикнул Георгий Иванов.

— Стой! — приказал Сосульников.— Опустите носилки.

Вдали волчьим глазом светился фонарь. Быстро нара-

стал гул приближающегося поезда. Длинная нечеткая тень двигалась на фоне неба. Немецкие охранники усилили огонь. Партизаны не спускали глаз с состава. Сосульников прильнул к биноклю. Ему хорошо было видно; что-то огромное горбилось на платформах, в небо уставились стволы орудий, а у счетверенных зенитных пулеметов застыли солдаты.

— А-а, гады! — ликующе закричал Андрей.— Вот почему они так усердствуют! Видать, специально ждали этот эшелон! Хорошо!

Ребята заговорили. Кто-то нервно засмеялся и нетерпеливо крикнул:

— Ну?!

— Андрей, чего же он?! Неужели отказ?

Сосульников и сам уже дрожал от напряжения. Нетерпеливо кусая губы, ответил:

— Нет. Отказа не может быть! На той колее мы с Николаем закладывали. Сам маскировал. Все сделали на мгновенный взрыв.

Молния, блеснувшая из-под колес, ослепила партизан. Дрогнула земля. Перекатистое эхо побежало над лесом. Было слышно, как трещали налезавшие друг на друга вагоны. Громко и противно скрежетало железо. Шипел пар, вырывавшийся из поврежденного котла паровоза, который свалился под откос и увлек за собой многие вагоны. Вдруг снова что-то ярко вспыхнуло. Глухой взрыв швырнул в небо багровое клубящееся пламя.

Буйная радость охватила партизан. Им даже стало теплее, и усталость, валившая с ног, исчезла.

Но радость сразу прошла, когда они услышали стоны Николая. Да, слишком дорогой ценой достался им этот вражеский эшелон.

Из двух жердей и плащ-палатки соорудили носилки, уложили на них раненого и тронулись к лагерю отряда.

Когда были уже далеко от места диверсии, до них донесся грохот мощного взрыва.

— Не наша ли рванула? — спросил Саша Назаров. Может быть, действительно взорвалась вторая мина на параллельной колее железной дороги, а возможно — боеприпасы.

— Может, и наша,— как-то безучастно отозвался Андрей и добавил:— Давайте-ка, ребята, побыстрее, а то Николай кровью изойдет.

II

Утром 14 мая 1942 года в радиограмме в Москву радист Валя Ковров передал: «12 мая в бою с охраной дороги у Рыжова осколками гранаты сильно повреждена промежность, задеты тазовые кости, три пулевых ранения. Ему необходима серьезная операция. Просим разрешения увеличить группу курьеров. Они доставят то, о чем мы сообщали предыдущей шифровкой, и эвакуируют раненого через линию фронта».

К этому времени мы уже потеряли в боях коммуниста Владимира Крылова, комсомольцев Владимира Кунина и Михаила Лобова. 10 апреля при минировании железной дороги погиб чемпион Москвы по штыковому бою Сергей Корнилов. Было много раненых и больных. Но такого тяжелого ранения, как у Николая Рыжова, еще не случалось. Для его спасения требовалась серьезная операция. Наш двадцатидвухлетний лекарь, военфельдшер Александр Вергун, помочь ему не мог: у него не было ни опыта, ни инструментов. Нужно было вынести раненого за линию фронта, которая находилась от нас в ста сорока — ста пятидесяти километрах.

Мы не сомневались, что командование разрешит нам вынести тяжело раненного партизана на Большую землю. Поэтому, не дожидаясь ответа из Москвы, группу курьеров увеличили с двух до шести человек. В нее вошли Павел Маркин, Виктор Правдин, Алексей Андреев, Сергей Щербаков, Иван Головенков. Возглавил группу двадцатитрехлетний заместитель командира отряда младший лейтенант Борис Лаврентьевич Галушкин. Выбор пал на Бориса Галушкина не случайно. Война застала его студентом последнего курса Московского института физической культуры, где он одновременно руководил комитетом комсомола. 29 июня 1941 года по первому призыву ЦК ВКП(б) Галушкин добровольно ушел в Красную Армию. Комсоргом первого московского добровольческого коммунистического полка Борис Галушкин три месяца сражался на Ленинградском фронте.

Не жалея жизни, бились с оккупантами посланцы Москвы, отстаивая город Ленина: каждый метр вынужденно оставленной родной земли был полит их кровью.

Все короче становились дни и длиннее ночи. Все ожесточеннее были бои, и все меньше оставалось людей в подразделениях добровольческого полка. Москвичи стояли

упорно и сражались насмерть. За мужество и личный героизм, проявленные под стенами Ленинграда, Борис Галушкин был награжден орденом Красного Знамени.

Под Ленинградом Галушкин был ранен, но из строя не ушел. Однажды ему пришлось вести бой на болоте. Восемь часов Галушкин и его бойцы не выходили из ледяной воды, сдерживая противника. Они устояли, но Галушкин простудился, сильно заболел. Его эвакуировали из Ленинграда. Последствия ранения и простуды привели к тяжелой болезни.

...В Москву Галушкин возвратился, когда фашисты были почти под стенами столицы.

В институте Борис узнал, что большая часть ребят, с которыми он учился, находятся в разведывательном отряде.

— Послушай, младший лейтенант, с туберкулезом шутить нельзя,— сказал ему подполковник, к которому обратился Галушкин с просьбой о зачислении в отряд разведчиков.

— Товарищ подполковник, я прошу... Немцы под Москвой, а мне в тыл? Да лучше...

— Нет, нет,— перебил его командир полка,— тебе действительно надо в тыл. Там ты еще сможешь стать на ноги, а в тяжелых фронтовых условиях... Да что там говорить. Сам понимаешь. Не могу!

Но Галушкин не сдался. Он не уехал в тыл, куда его пытались отправить врачи. Снова и снова приходил он к подполковнику, командиру первого полка мотострелковой бригады особого назначения Вячеславу Васильевичу Гридневу. От ребят Галушкин узнал, что Гриднев только с виду суровый, а вообще-то он мужик добрый. Он с первых дней Советской власти сражался на фронтах гражданской войны. Старый чекист, пограничник. Ребята говорили Галушкину, что надо как следует «поднажать», и комполка не устоит.

В очередной раз с Галушкиным к командиру полка пришли почти все бойцы разведывательного отряда. Они толпились в коридоре, шумно напутствуя Галушкина.

— Ну? Ты опять здесь?

— Товарищ подполковник, я очень прошу, я...— сказал Галушкин и замолчал.

Командир полка прислушался к гомону, доносившемуся из-за двери, вопросительно глянул на Галушкина и не торопясь стал перебирать какие-то бумаги на столе.

Галушкин молчал. Пауза затянулась.

— Так! — подполковник глянул на Галушкина, который, понурив голову, стоял посреди кабинета.— Ну, хорошо. Давай документы. Только смотри, младший лейтенант, потом не хныкать, ясно?

И младший лейтенант Борис Лаврентьевич Галушкин был назначен заместителем командира отряда разведчиков, которым командовал опытный пограничник Михаил Константинович Бажанов. Теперь группа Галушкина готовилась к походу на Большую землю.

15 мая Валя Ковров получил из Москвы радиограмму: «Бажанову, Авдееву. Эвакуацию через линию фронта раненого Рыжова разрешаю. Подтверждаю исключительную важность собранных вами материалов и обязательную доставку их нам».

Еще три дня группа Галушкина не могла отправиться к линии фронта: в отряде не было ни медикаментов, ни продовольствия. С нетерпением ждали самолет. Летчикам мешала весенняя непогода. А когда они наконец вылетели, то на линии фронта их обнаружили вражеские истребители. Они вынуждены были маневрировать, терять драгоценное время и в конце концов возвращаться на свою базу, так как за короткую майскую ночь могли успеть прилететь к нам, сбросить груз и вернуться домой лишь по наиболее короткому пути.

Несколько раз самолет пытался пробиться к нам, но вынужден был возвращаться. И только на рассвете 18 мая наконец сбросили нам семнадцать мест. Но мы нашли лишь пятнадцать грузовых парашютов. В тюках не оказалось ни медикаментов, ни бинтов. Зато было продовольствие и даже бочонок спирта. Пришлось собрать и старательно прокипятить старые бинты, нарезать полосы из парашютного шелка. Андрееву, который должен был в пути перевязывать раненого, выдали немного марганцовки и лишнюю флягу спирта.

III

Наконец все было готово.

Партизаны суетились вокруг уходивших ребят, помогали со сборами. Хотя собирать-то особенно было нечего: у каждого вещмешок за спиной, в руках автомат.

— Ну, товарищи, пора! — наконец сказал командир

отряда, поднимаясь с бревна.— Я надеюсь, Борис Лаврентьевич, что поход будет удачным. Смотри, деревья уже почти в листве, они укроют вас.

Бажанов говорил успокоительные слова, а с лица его не сходила озабоченность. Галушкин молча кивал, глаза его казались спокойными, но стоило внимательно присмотреться, как можно было понять, что взволнован он не меньше нас.

Партизаны теснее окружили шестерку. Совали им кто сухарь, кто горсть табаку. Крепко жали руки.

— Пора, Борис Лаврентьевич,— снова сказал Бажанов, посмотрев на часы.

Он обнял Галушкина. Тепло простился командир отряда и с остальными членами группы. Потом подошел к носилкам. Раненый сжал челюсти, пот струился по его лицу. Видимо, он лучше всех представлял себе, каким изнурительным будет этот переход, если даже в спокойном состоянии невыносимая боль разрывала ему сердце. Командир улыбнулся, протянул пистолет.

— Возьми, Николай, в пути пригодится.

Николай побледнел, четче обрисовались его темные густые брови, прямой нос заострился. Он прижал пистолет к груди.

— Спасибо, товарищ командир.

— Только лучше выбирай цель.

— Ясно, товарищ командир. Не подведу! — сказал Николай и скрипнул зубами от боли и волнения.

Я подошел к Галушкину. Мне хотелось сказать ему что-нибудь хорошее и нужное в пути. Ведь мы были с ним не только боевыми товарищами, но и земляками. Только слов таких не было. Тогда я снял с руки компас.

— Держи, земляк. На счастье!

Борис улыбнулся и отдал мне свой компас. Мы обнялись.

— О трудностях пути я говорить не стану. Тебе и так все ясно. Только одно скажу: будь осторожен, береги людей.

— Не волнуйся, Алексей Иванович. Я верю, что нам удастся пройти.— Галушкин поднял голову, обвел взглядом собравшихся.— Я обещаю, товарищ комиссар, и вам, товарищи, обещаю, что мы вынесем Николая.

Галушкин ничего не сказал о специальной цели их похода. Это была тайна, о которой знали только командир отряда, я и Галушкин. В отряде все думали, что целью

похода было спасение тяжело раненного товарища.

Почти полтора месяца в отряде не было продовольствия. Его можно было достать в окружающих деревнях, но, выполняя специальное задание, мы до определенного времени не могли показываться на глаза местным жителям, чтобы не обратить внимания немцев на то, что в районе станции Красное появился новый диверсионный отряд. Все это время мы вынуждены были питаться то кониной, то вареной рожью, которой с нами по-братски делились местные партизаны. Люди ослабели. У многих опухли ноги, начались желудочные заболевания. Шестеро из них должны были нести раненого много километров по тылам врага и по пути вести разведку, а при необходимости и бой.

Пока мы разговаривали, к носилкам подошли Андрей Сосульников и Николай Голохматов. Оба блондины, оба рослые. Только Сосульников поплотнее. Попробовав вес носилок, нахмурились.

— Да-а. Тяжелы. Не донесут. Как думаешь, Андрей? — тихо спросил Голохматов.

Сосульников вздохнул, пристально посмотрел на раненого.

— Боюсь, что не донесут. В пути от ран умрет.

Их услышал Павел Маркин:

— Чего вы каркаете?!. Затянули Лазаря! Хватит тут канителиться. Пошли!

Он закинул вещмешок за спину, повесил автомат на грудь, позвал Правдина:

— Эй, Витька, берем!

Он подняли носилки и без команды зашагали по вязкой тропе. Мы двинулись следом.

Уже через двадцать-тридцать метров ноги носильщиков стали заплетаться.

— Давай быстрей! — крикнул Маркин, сжав зубы и ускоряя шаг.

Ему надоела затянувшаяся процедура прощания. А теперь он не хотел, чтобы мы видели, как им тяжело. Правдин послушно прибавил шагу, но тут же тихо сказал:

— Паша, я с тобой вполне солидарен... Только ты не рви со старта, а то с дистанции сойдем.

Маркин согнул широкую спину, на которой уже выступили темные пятна пота, пробормотал какое-то ругательство, но шаг не убавил.

Вокруг был не очень густой лес, но нести носилки можно было только двоим, и то лавируя между деревьями. Но-

ги по щиколотку вязли в разбухшей почве. Я шел рядом с Галушкиным.

Остановились на полянке. Еще раз попрощались. Группа Галушкина ушла к линии фронта, держа путь между деревнями Панки и Жерв. С ними пошли шесть бойцов сопровождения во главе с Андреем Сосульниковым и проводник из местных партизан. Вскоре Маркина и Правдина сменили. Они чуть приотстали. Маркин расстегнул ворот гимнастерки. Успокоив дыхание, он вытер дрожавшей рукой пот со лба, глянул на Правдина:

— Витька, как ты думаешь, сколько человек может прожить в летнее время с такими тяжелыми ранами, как у Николая?

Правдин повернулся к нему, вытер шапкой смуглое лицо:

— А почем я знаю. Я не Саша Вергун. Ты, Паша, лучше скажи: что мы будем делать с ним, когда с фрицами встретимся?

Маркин устало улыбнулся. Он сам не раз думал об этом же.

— А зачем, Витя, нам с ними встречаться?.. В данной ситуации я предпочитаю обходиться без них.

Правдин улыбнулся:

— Ты прав. Ну их к черту!

— Закурим?

— Давай.

Они закурили и дальше шли молча, пряча цигарки в кулаках.

Носильщики, выделенные отрядом для помощи на первую ночь пути, сменялись у носилок. Члены основной группы отдыхали. Они несли службу охраны: впереди примерно метрах в пятидесяти от носилок шел дозорный, чуть сзади — еще двое. За носилками шагал автоматчик — тыловое охранение. Так двигались до опушки, за которой, как было видно по карте, лежала открытая местность.

IV

Правдин, Маркин и Сосульников шли за Галушкиным, зорко всматриваясь во мрак ночи, а из голов их не выходила мысль: что будем делать, если за ночь не успеем дойти до леса и на открытой местности нас обнаружат немцы?

Видимо догадываясь, о чем они думают, Галушкин сказал:

— Ничего, ребята, все будет хорошо. Я счастливый. Если полсотни карателей да двадцать полицаев не сумели семерых нас взять тогда на Березине, то тут мы что-нибудь придумаем.

— Какое же это, Боря, счастье? Из семи вас отбилось только четверо,— спросил Сосульников.

— Да. Это верно, Андрей. Я подумал только о себе. Ну ничего. Главное — не падать духом и всегда быть наготове.

Стемнело. Над низиной поползли отяжелевшие от влаги облака. Где-то громыхнул гром. Молния зигзагами расшила низкое небо. Потянуло холодным ветром. Пошел дождь. Идти становилось все труднее. Онемевшие руки разжимались. Кто-то предложил приспособить к носилкам ремни от грузовых парашютов. Ремни надели через плечи. Нести носилки стало немного легче.

Когда впереди показалась долгожданная стена деревьев, невольно ускорили шаг. Вошли в густой лес, остановились. С удовольствием растянулись под деревьями. Лежали, пока через промокшую одежду не почувствовали холод.

Пора было идти дальше. Нашли просеку, осторожно пошли по ней. Вдруг короткий свист заставил партизан вздрогнуть и остановиться. Это был сигнал опасности, поданный головным дозором. Быстро собрались вместе, сошли с просеки. Носилки унесли подальше в лес и приготовились к бою. Затаив дыхание, всматривались туда, откуда подан сигнал. Ждать пришлось долго. А может быть, так показалось. Наконец на просеке замаячили три силуэта. Галушкин в бинокль увидел, как неизвестные с оружием в руках медленно шагали в их сторону. «Может, пропустить их и идти своей дорогой? — подумал он.— А чего нам бояться? Их только трое. Остановим, расспросим о дороге и разойдемся». И он крикнул:

— Эй, кто идет?!

Тени метнулись с просеки в лес.

Что делать?.. Кто это: свои или чужие? Прошли всего пять-шесть километров, и вдруг эта встреча. Сергей Щербаков высказал предположение, что эти трое — дозор какого-нибудь большого отряда. Не исключено, что это немцы или полицаи. Он предложил, пока не поздно, возвратиться в отряд. Его поддержал кто-то из темноты.

— Ты что? Вернуться — значит убить Николая! Об этом ты подумал? — возразил Правдин.

Андреев поддержал Правдина. И тут все заговорили, заспорили.

— Тихо! О возвращении в отряд не может быть и речи. Дело не только в Николае, но и...— Галушкин спохватился, замолчал.— В общем, в отряд нам путь закрыт. Ясно?!

После этого замечания командира о возвращении в отряд уже никто не говорил. Решили выяснить, кто эти трое. А вдруг Сергей прав, и это действительно дозор большого вражеского отряда? Надо было действовать быстро, чтобы те, если их много, не успели бы окружить группу.

Галушкин подошел к Маркину, положил ему руку на плечо:

— Паша, давай-ка, друг, выручай. Иди к ним. Выясни. Нам время терять нельзя. Может, за ними еще идут, понимаешь? Иди по теневой стороне. Мы будем следить за ними. Если заметишь что-нибудь подозрительное, не стреляй, крикни «Стой!» и падай, а мы через тебя встретим их огнем.

— Ясно, Борис.

— Ну, иди.

Галушкин легонько толкнул Маркина в спину. Он бросил под дерево вещмешок и пошагал туда, где спрятались вооруженные люди. Остальные подтянулись к краю просеки, впились глазами в чуть заметный просвет между деревьями, взяли под прицел место, куда метнулись неизвестные.

Маркин медленно двигался по просеке, стараясь держаться ближе к кустам. Мурашки бегали по мокрой спине. Черт его знает, а вдруг они без предупреждения полоснут прямо в грудь — и лечь не успеешь.

Маркин взял автомат на изготовку.

Не доходя примерно метров тридцать до того места, где спрятались неизвестные, Маркин присел и крикнул:

— Эй, там за деревьями! Что вы за люди?!

Лес молчал, только приглушенно шумел дождь, да откуда-то издалека доносился тревожный лай собак.

— Эй! Заснули вы там, что ли?..

— Мы русские! А вы кто будете? — наконец услышал Маркин.

— Слышу, что не фрицы!.. Откуда и куда идете?!

— Ищем друзей! А вы кто, не полицаи?

Услышав это, Маркин осмелел, встал.

— С этой сволочью не водимся!

— Это еще не доказательство!

— Эх, вы! Плохо вы их знаете! Разве в такую погоду да еще ночью их в лес загонишь?

— А черт их знает, всякое бывает!

— Ну, ладно, ребята, не будем терять время! Свои мы. Давайте оружие за спину, руки вверх и шагом марш ко мне! Все равно вы на прицеле у моих ребят, а нас много!

— Не пугай! Стрелять и мы умеем!

— Не сомневаюсь, только зря! Вы окружены! Выходите, говорю!

Наверно, у незнакомцев мнения разошлись, и они все еще решали — выходить им или нет.

Маркин повесил автомат за спину, вышел на середину просеки, поднял руки. Оттуда его было видно и своим и тем, что спрятались за деревьями. Он крикнул:

— Что ж вы, ребята? Выходи, не бойся!

Небольшая пауза, потом:

— Ладно, идем!

Один за другим на просеку вышли три человека с поднятыми руками. Их окружили партизаны.

— Документы есть? — спросил Галушкин.

Ему сунули в темноте какие-то бумажки. Он накрылся плащ-палаткой, включил фонарь. Прочитал удостоверения, отпечатанные на плотной тонкой бумаге. Примерно такие же документы были и у каждого из нас. В них говорилось, что такой-то командир или красноармеец командируется в глубокий тыл противника для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Подписавшие документ начальники обращались ко всем органам Советской власти и командирам Красной Армии с просьбой оказывать всяческую помощь владельцу данного удостоверения.

Это были армейские разведчики. Оборванные и изнуренные, они бродили по лесу, искали партизан. Дней двенадцать назад пятнадцать человек их перешло линию фронта. Новички в условиях вражеского тыла, они двигались днем, заходили в деревни за продуктами. И вот жестоко поплатились за свою беспечность: двенадцать из них, в том числе командир группы и радист, погибли в неравном бою с карателями. Они рассказали, что все ближайшие деревни и хутора по предстоящему пути следова-

ния группы Галушкина заняты гитлеровцами или полицейскими.

— Идите, ребята, в сторону железнодорожной станции Красное. Там, возможно, встретите местных партизан,— посоветовал им Галушкин, не указывая точно района расположения наших отрядов.

Он надеялся, что этих ребят непременно встретит кто-нибудь из партизан или из местных жителей, связанных с партизанами.

Разведчикам дали немного галет. Они тут же их съели. Потом посидели, покурили.

— Не завидуем мы вам, хлопцы,— сказал один из них простуженным голосом.— Если будем живы, то хотелось бы узнать, как вы перешли линию фронта и все ли обошлось благополучно. Мы дважды пытались перейти к своим, но... Осторожнее переходите железную дорогу. Она сильно охраняется.

— Да-а, с такой ношей шагать по тылам трудно, а через линию фронта... Ну, раз так случилось, ничего не сделаешь,— надо. Желаем вам на дорогу того, чего и себе,— добавил второй.

— Ничего, ребята, бог не выдаст, свинья не съест,— бодро ответил Галушкин.— А за доброе пожелание спасибо.

— Это, конечно. Дай бог. Ну, прощайте,— сказал первый, вставая.

Третий разведчик крепко спал, прислонившись к дереву.

Армейские разведчики ушли. Партизаны молча сидели вокруг носилок.

— Ну, чего вы замолкли? — спросил Галушкин, поднимаясь.— Испугались?

К нему подошел Правдин.

— Лаврентьич, если этим ребятам верить, то в деревни нам теперь и носа показывать нельзя.

— А ты что, Витька, на теплую печку захотел?

— Видать, под бочок какой-нибудь милашке мечтает привалиться,— послышалось из темноты.

Правдин не отозвался на эти замечания, только когда услышал смех Маркина, сказал:

— Паша, не щекочи нервы своим скрипом. Ведь ничего смешного в этом нет.

— Точно, Витька. Чего тут ржать? А вот Николая б погреть не мешало,— пробасил Андреев.

Ребята заговорили: одни, что можно рискнуть и пойти в деревню, другие опасались.

— Заманчиво, конечно. Но Виктор прав. Будем благоразумней. В деревне нам пока делать нечего,— заключил Галушкин.— Отдохнем еще немного и двинем.

Устроились под деревьями. Вокруг по-прежнему тихо шумел дождь. Крупные капли срывались с веток, звонко шлепались на спины, булькали в свежие лужи.

Несмотря на усталость, Галушкину не сразу удалось задремать. В памяти его возникла деревня Могильная, в которой месяц назад они пытались добыть продовольствие и подводы, чтобы перевезти в отряд триста пятьдесят килограммов взрывчатки и мин, оставленных нами в лесу еще по пути следования в тыл врага. Владимир Крылов предлагал тогда расстрелять старосту той деревни, но Борис и ребята возразили. Старосту они отпустили, а наутро он их выдал. В бою с карателями на переправе через Березину погибли Крылов, Лобов и Кунин.

...Ребята еле плелись, спотыкались, не раз падали, роняя носилки.

Дождь перестал, но от этого не стало легче — началась низина, залитая водой. Шли не останавливаясь, вода поднималась все выше и выше. Вскоре она дошла до груди. Носилки пришлось нести вчетвером, подняв над головой... Из воды вышли, когда небо на востоке стало светлеть.

Для днёвки выбрали холмик, поросший курчавыми березками да низкорослыми кустами.

Дружный рассвет разогнал тучи, небо очистилось. Первые лучи продирались сквозь чащу, слепили партизан, вызывали слезы. Назойливо липли к мокрым лицам комары. Партизаны разбросались вокруг носилок. Тела, налитые усталостью, словно окаменели. Не хватало сил, чтобы разуться, сбросить с себя мокрую одежду. Только когда солнце поднялось выше леса и немного пригрело, они зашевелились. Андреев раздел Николая. Головенков пучком березовых веток отгонял от раненого мух, комаров, а их было столько, что не видно было ни раненого, ни Андреева. Казалось, что они скрыты легким дымком. Рваные раны кровоточили. Спекшаяся кровь перемешалась с грязью. Андреев старательно обрабатывал раны, не обращая внимания на комаров. Он промывал раны слабым раствором марганца, потом заливал их спиртом. Николай стонал,

скрипел зубами, не раз терял сознание. Но Андреев не прекращал перевязки. Только желваки мышц на его грязном лице с редкими веснушками каменели, да капли пота на лбу стали крупнее. Преодолевая усталость и с трудом борясь со сном, Андреев торопился закончить перевязку. Он строго последовательно делал все то, что ему рекомендовал военфельдшер Саша Вергун: «Чтобы спасти Николая, надо не допустить заражения крови. Каждое утро обязательно обрабатывай раны до чистоты»,— говорил он.

Когда солнце поднялось к зениту и ребята немного отдохнули, провожающие стали прощаться. Каждый из них подошел к носилкам, поцеловал раненого. Николай заплакал.

— Спасибо, товарищи! — сказал Галушкин.— Скажите в отряде, что Николая донесем и боевое задание выполним. Пусть не волнуются!

— Хорошо, Лаврентьич... Вот, возьми,— сказал Сосульников.

Он вынул из мешка десяток галет, полпачки махорки, положил все это перед Галушкиным на траву. Другие провожавшие тоже вытряхнули кое-что из своих мешков.

— Зачем это, ребята?

— Бери, Лаврентьич, бери. Мы и так дойдем, а вам пригодится.

— Ну ладно. Спасибо. Уходите! — глухо сказал Галушкин и отвернулся.

Сосульников хотел было что-то сказать, но только махнул рукой, крякнул, повернулся и пошел в ту сторону, откуда они пришли на рассвете.

V

Галушкин сидел на полусгнившем стволе и рассматривал карту. На его усталом лице темнели мазки болотной грязи, краснели следы от раздавленных комаров. Вот он улыбнулся, присвистнул. Да-а, это была удача: за первую ночь они прошли около пятнадцати километров. Конечно, им здорово помогли провожающие. «Почин сделан хороший. Труднее будет немцам нас найти, если они узнают о походе и начнут преследовать».

Партизаны находились в двух-трех километрах от железной дороги Смоленск—Витебск, между станциями

Плоская и Рудня. Они часто слышали гудки паровозов, видели, как над лесом вился дым от проходивших поездов. Проводник из местных партизан рассказал, что по этой железнодорожной магистрали шло снабжение гитлеровского фронта. Поэтому немцы усиленно охраняли ее: на каждом километре особо уязвимого участка дороги оккупанты держали не менее шести своих солдат и по десятку сторожей из местных жителей. Переход через железную дорогу Смоленск — Витебск был довольно сложной и опасной операцией. Об этом им говорили и армейские разведчики. Партизаны призадумались. К переходу надо было тщательно подготовиться. Павлу Маркину и Сергею Щербакову Галушкин приказал по очереди дежурить на вершине высокого дерева и внимательно наблюдать за окрестностями. Боясь привлечь к себе внимание, костра не разводили.

Погода в этот день была изменчивая: то ярко светило солнце, то вдруг наплывала тучка, моросил дождик, холодало.

Пока визуально разведывали местность и готовились к ночному походу, стоянку стало заливать водой. Видимо, где-то в верховьях речки, питавшей болото, прошел обильный дождь. Носилки с раненым пришлось поднять на вбитые в землю колья.

Еще засветло тронулись в путь.

Подходы к железной дороге оказались открытыми. На месте леса, который значился на карте,— свежие пни. По совету проводника несколько уклонились от намеченного маршрута, чтобы быстрее выйти из болотистой низины. Шли долго, но под ногами по-прежнему хлюпала вода, хотя границы болота давно остались позади. Выбившись из сил, остановились.

— Зачем петлять?.. Пошли напрямик! — крикнул кто-то из ребят.

— Ты что? По такой дороге прямо пойдешь — семь верст пройдешь, а в обход — одна верста,— возразил Щербаков.

Идти все же пришлось напрямик, по воде, чтобы выиграть время. Да и путь этот был безопасней — вода не сохраняет следов.

Вздохнули с облегчением, когда под ногами почувствовали твердую землю. Прилегли в молодом сосняке. Двое поползли в разведку. Вскоре возвратились. Доложили, что подходы к железной дороге и здесь открыты. Разведчики

хорошо видели вражеских патрульных на высокой железнодорожной насыпи.

Решили переждать, надеясь, что во второй половине ночи похолодает, облачность увеличится и сгустит темноту. А может, туман скроет их от зорких глаз врагов.

Договорились о порядке следования и прилегли отдохнуть перед броском. Кто-то сразу уснул, и его свистящий храп разбудил вечернюю тишину.

— Кто это? — строгим шепотом спросил Галушкин, отбрасывая плащ-палатку.

— Известно кто. Эй, гражданин, приехали! — сказал Щербаков и бесцеремонно пнул Андреева в спину.

— Что? А? — подскочил тот.

Галушкин подполз к Андрееву:

— Может, тебе еще подушку дать?

Андреев лежал рядом с носилками, укрыв раненого своей плащ-палаткой. Он был мокрый от росы и дрожал, но холод не помешал ему крепко уснуть.

— Лаврентьич, ты его на бочок переверни, — посоветовал Правдин. — Моя бабушка так всегда с дедушкой поступала, когда он во сне храпеть начинал.

Ребята прыснули, ткнулись головами в плащ-палатки.

— Тихо, вы! — оборвал их Галушкин.

А вокруг звонко заливались какие-то птицы, словно старались перекричать друг друга. Но партизанам было не до них. Они чутко прислушивались к звукам на железной дороге, зорко всматривались в ночь. Неожиданный гудок паровоза заставил их вздрогнуть. От насыпи послышались трели свистков. Задрожала земля. Из-за поворота дороги выскочил паровоз. Луч от его фонаря, похожего на огромный прищуренный кошачий глаз, ударил партизанам в лицо. Они ткнулись носами в землю. Через секунду луч изменил направление, и их снова окутала сырая темнота. Бросая из трубы пучки ярких искр, с грохотом пронесся поезд. Сразу за тендером, в середине поезда и в хвосте были открытые платформы. На них виднелись зенитные пулеметы, обложенные мешками.

— Ишь, сволочи! С охраной путешествуют!

— Эх, ребята, вот такой бы подвалить!

— А потом бросай носилки и в разные стороны, по кустам, как зайцы, да? — отозвался Маркин.

Время шло медленно. Птицы смолкли. К двенадцати часам ночи заметно похолодало, стало темнее. Из-за насыпи железной дороги, где проходило шоссе, слышался

шум моторов. Прошло еще по два поезда в ту и в другую сторону.

— Ну, ребята, кажется, время. Приготовиться! — приказал Галушкин.

Партизаны зашевелились. Маркину, Правдину и Щербакову Галушкин приказал прикрывать переход. Он предупредил ребят, чтобы огонь открыли только после перехода дороги, а если перейти не удастся, то отходить молча.

Беззвучными призраками ползли партизаны в дымке редкого тумана. Кончились ряды молодой лесопосадки. Путь преградила широкая канава, полная воды. Перешли ее, погрузившись в воду до пояса. Вода была теплее сырого воздуха. Дальше лежала открытая полоса отчуждения шириной метров пятьдесят. Плотнее прильнули к земле, поползли. Носилки с раненым медленно передвигали по шуршащей траве. Николай, не в силах сдержаться, тихо стонал. Он лежал на животе и старался руками опираться о землю, чтобы уменьшить вес носилок. Партизаны не отрывали глаз от высокой насыпи, на которой каждую секунду могли появиться вражеские патрули. Вокруг было тихо. Только над головой шелестели крылья. Это пернатые ночные хищники вертелись вокруг партизан, видимо, заметив что-то для них любопытное.

Ребятам казалось, что железную дорогу они перейдут благополучно. Ведь осталось лишь перевалить через высокую насыпь, а там — ищи ветра в поле. Но что это? Слева послышался шорох. Потом звук скатившегося с насыпи камня. Похоже было, что кто-то спускался с насыпи или вползал на нее. Партизаны замерли, напрягли слух и зрение. И тут их оглушила трескучая автоматная очередь. Затрещали отдельные выстрелы. Эхо покатилось над лесом.

— Замри!

Вжались в землю, словно хотели слиться с ней. На насыпи замелькали темные фигуры. И вдруг стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Стала слышна чужая отрывистая речь. Слух полоснул отчаянный вопль. Лучи электрофонарей зашарили по насыпи. Стоны, громкие женские рыдания, крик о помощи послышались ближе.

— Отползай! — приказал Галушкин.

Когда собрались в молодом ельнике, достаточно далеко от железной дороги, увидели, что с ними нет проводника. Где он? Что с ним? Проводника могли убить или ранить. Ребята забеспокоились. Маркин и Головенков поползли к

насыпи, но проводника не нашли. А он должен был проводить группу Галушкина до этой железной дороги, подождать, пока они пересекут ее, и только тогда возвратиться в отряд.

— Может, струсил и убежал? — спросил Галушкин.

Ребята молчали.

— Чего молчите? — спросил Галушкин.

— Если он попал к фрицам, — заговорил Маркин, — то нам надо отсюда смываться и побыстрее.

— Пашка прав, — отозвался Щербаков.

— Ясно. Вижу, что еще не разучились соображать. Боялся, что совсем раскиснете. Особенно Алексей... Что за люди! Каждую минуту могут накрыть, а он? Тьфу! — дальше послышалось что-то нецензурное. — И как это можно в такую минуту заснуть?

Ребята загомонили. Первый с обидой отозвался Правдин.

— Напрасно ты, Лаврентьич. Заснул. Это ж он не по злому умыслу, а по рассеянности. Леха, скажи... Чего ж ты молчишь? Дубина. Подожди, Лаврентьич, скоро у нас второе дыхание появится, тогда мы...

— А тогда что? — перебил его Маркин.

Правдин удивленно глянул на него, пожал плечами. Но, поняв, что в темноте Маркин не увидит выражения его лица, он поучительно сказал:

— Ох, не пойму я тебя, Пашка. То ты самый умный среди нас, а то тебе каждую мелочь надо разжевать... Не торопись, придет время, и даже тебе все станет ясно и понятно.

— Философ ты, Виктор, — уже мягче сказал Галушкин. — Только я боюсь, ребята, пока появится второе дыхание, фрицы нас переколошматят, если на каждой остановке мы будем храпеть.

— Нет, Лаврентьич! Подавятся они! — вдруг гневно забасил Андреев и встал.

— Во! Видали? А я что вам говорил. Леха ожил. Ну, теперь все в порядке будет. Главное, чтобы человек осознал, — сказал Правдин обрадованно.

Ребята зашевелились. Напряжение спадало. Николай попросил пить. Он не участвовал в их разговоре, но хорошо понимал, в каком тяжелом положении они оказались. Он вздохнул и заскрипел зубами.

— Ты чего? — склонился над ним Андреев, поправляя полушубок.

Николай промолчал.

— Не волнуйся, Коля. Все будет хорошо, — успокоил его Андреев.

Передохнув, они двинулись прочь от железной дороги, через ту же залитую низину.

В полукилометре от железной дороги остановились на днёвку. Уже рассветало. Грелись под лучами яркого солнца. Томились в молчаливой борьбе с комарами, думали о пропавшем проводнике.

День прошел спокойно, если не считать самолетов, которые часто пролетали над лесом. Один вражеский бомбардировщик проревел так низко над их стоянкой, что вершины деревьев закачались, зашумела молодая листва, посыпалась хвоя, будто над лесом промчался вихрь.

— Ух, гады, — не выдержал Маркин.

Когда издали снова послышался гул приближающегося самолета, Щербаков схватил автомат, щелкнул затвором, готовясь стрелять.

— Отставить! — остановил его Галушкин. — Не спеши на тот свет. Все равно в рай не попадешь.

Щербаков плюнул и сконфуженно залез под плащ-палатку.

Высоко над ними прошла группа самолетов. По тому, как на них стремительно кинулись две чуть заметные точки, ребята догадались, что это были советские бомбардировщики. Им удалось без потерь отбить атаку немецких истребителей и благополучно продолжить свой путь. Партизаны долго провожали самолеты повлажневшими глазами, пока те не стали похожими на чуть заметные блестки, а потом не растаяли в безбрежности неба.

Тронулись в путь, когда солнце село и только слабые отсветы заката золотили редкие облачка, плывшие над лесом.

В двухстах метрах до железнодорожной насыпи залегли в кустах. Стали ждать темноты. Однако ночь наступила светлая, без единого облачка. Щедро светила ущербная луна. В такую ночь вряд ли можно было незаметно перейти железную дорогу, не рискуя напороться на охрану.

— Эх, была бы сейчас зима, — вздохнул Щербаков.

— Ты что, совсем хочешь замерзнуть? — спросил Правдин, — поплотнее закутываясь в плащ-палатку.

— Зато давно были бы дома.

— Ишь какой быстрый!

— А что? Во-первых, на лыжах ни болото тебе, ни грязь

нипочем. А помнишь, как зимой через железку махали? То-то. Не успеет состав пройти, а мы сразу на насыпь. Перемахнем, а тучи снега все еще вертятся, как дымовая завеса, помнишь? А сейчас — попробуй-ка, сунься — все кругом как на ладони.

Правдин не стал спорить, видимо не хотел зря тратить энергию. Но не выдержал Маркин:

— Ты бы, Сергей, что-нибудь другое рассказал, с учетом нашей обстановки. Сказки будешь дочке своей рассказывать.

— Вот народ, и помечтать не дадут...

Все молчали.

Ждали, а небо становилось все чище. Звезды горели ярко, словно лампы в московском парке. Трава покрылась инеем. Стало так холодно, что ноги и руки сводили судороги. Попытки согреться в движении сильно утомляли. Надежды на темноту не было. Пришлось снова уйти подальше от железной дороги и терпеливо ждать еще день, смотреть на вражеские самолеты, слышать, как проносятся шумные поезда, где-то сигналят автомобили, хлопают отдельные выстрелы, беспокойно лают собаки...

VI

К вечеру второго дня погода стала заметно меняться: подул сырой западный ветер. Небо словно прогнулось до самой земли, тучи медленно ползли, цепляясь за верхушки деревьев. Стал накрапывать дождь. Быстро стемнело. Партизаны заторопились. Раненого завернули в полушубок, сверху накрыли плащ-палаткой. По лесу шли быстро: надежда на успех прибавляла сил. Темнота и дождь позволили подойти близко к насыпи. Под ногами плескалась вода. Очень спешили: дорога была каждая секунда.

— Стой! — наконец поднял руку Галушкин.

Он ползком поднялся на насыпь. Вокруг — никого. Дождь с ветром ожесточенно хлестал в лицо. Вражеские патрули, видать, забрались в будку обходчика пути, что темнела невдалеке. Четыре рельса тускло серебрились в темноте. «Эх, подложить бы штучку!» — с сожалением подумал Галушкин, невольно подсовывая руку под холодный рельс и жадно вдыхая терпкий запах гудрона. Но надо было уходить без шума, иначе не избежать погони.

— Маркин — вправо! Правдин — влево! — приказал он следовавшим за ним ребятам и тихо свистнул.

Через пару минут на насыпи показались носилки. Носильщики тяжело дышали, Николай стонал.

— Давай, давай! Быстрей, ребята! Бегом! — подбадривал Галушкин товарищей, дрожа от возбуждения.

Скользя по грязи, шурша галькой, пригибаясь к самой земле, партизаны пробежали через насыпь. Еще несколько мгновений, и носилки с раненым были уже по ту сторону железнодорожной линии. Галушкин внимательно следил за ними: вот они спустились по восточному склону насыпи и скрылись в зарослях придорожного кустарника. Он выпрямился, огляделся. Ребята тоже поднялись. И в это время справа грянул выстрел, второй. «Партизаны-ы-ы... Партизаны-ы-ы!» — завопили по-русски во все горло почти рядом. Это орали сторожа из местных жителей. Их обязанностью было криком предупреждать охрану дороги о появлении чужих. Кто этого не делал, того немцы расстреливали на месте. Поэтому сторожа усердствовали.

Галушкин замер на секунду, потом повернулся и побежал навстречу стрельбе. Вот он увидел, как после третьего выстрела упал Маркин и как к нему приближались темные вражеские фигуры. Слева тоже захлопали выстрелы.

— Пашка-а-а! — закричал Галушкин.

Он хотел не только окликнуть друга, но и отвлечь от него внимание врагов. Маркин молчал. Галушкин бросился на землю, вскинул автомат, но кто-то опередил его: очередь рванула воздух. Темные фигуры, как подкошенные, повалились на землю.

— Пашка-а-а! Где ты? — снова закричал Борис.

— Я здесь!

— Павлуша-а-а! Держись, браток! — кричал Галушкин.

Охранники молчали: затаились они или были убиты? А вокруг испуганные голоса продолжали вопить: «Партизаны-ы-ы! Партизаны-ы-ы!» Издали послышалась стрельба, она быстро приближалась. Надо было спешить.

Правдин стрелял короткими очередями. Галушкин условно свистнул. Виктор поднялся и, пригибаясь к земле, побежал к нему. Вот он упал, обернулся и дал очередь. Еще короткая пробежка, и опять очередь. Охранники вели сильный огонь.

— Виктор! — приказал Галушкин, когда Правдин упал рядом с ним.— Веди группу по маршруту! Мы с Павлом

попытаемся задержать их, пока ребята с носилками не уйдут подальше от дороги. Если нам не удастся оторваться, тогда идите сами.

— Лаврентьич, может, лучше втроем?

— Нельзя рисковать.

— Втроем мы ж быстрее их расколошматим! — настаивал Правдин.

— Да исполняй же ты, черт! — крикнул Галушкин.

— Есть!

— О нас не думай, помни о задаче. Не теряй время,— голос Галушкина зазвучал мягче. — Вот, возьми. Он не должен попасть в руки немцев.

Галушкин сунул в руку Правдину объемистый пакет с документами, хлопнул его по плечу.

— Что это?

— Этот пакет ты даже мертвый не должен отдавать врагу. Ясно?

— Ясно, товарищ командир!

— Ну, иди!

— Эх, ребята! — с каким-то отчаянием вскрикнул Правдин, пряча пакет за пазуху, потом распластался на земле, пополз и вскоре исчез из глаз.

В короткой паузе между выстрелами Галушкин услышал, как зашуршала крупная галька, катившаяся под откос. У него отлегло от сердца.

Тем временем охранники все ближе подтягивались к месту стычки. Об этом можно было догадаться по часто мигавшим огонькам выстрелов, которые становились все ярче.

— Паша, я продвинусь левее. Как свистну, так ты давай по ним очередь. По ответным выстрелам я засеку, где они лежат, а потом накрою их гранатой, понял?

— Правильно, Лаврентьич, действуй!

Галушкин пополз по обочине, стараясь не греметь автоматом. Вскоре послышался его свист. Маркин нажал спуск. Очередь трассирующих пуль метнулась над землей. Пули рикошетили, со звоном отлетали от рельсов, чиркали по камням, высекали искры. Охранники отвечали. Вспышки их выстрелов были совсем рядом, но по другую сторону насыпи. Галушкин размахнулся и бросил гранату. Яркая вспышка взрыва вырвала из темноты часть насыпи, мокрый гравий, черные шпалы, верхушки деревьев на полосе отчуждения. Даже радужно хрустальные нити дождя запечатлелись в напряженном взгляде партизана. С того места,

где разорвалась граната, немцы больше не стреляли. Но с других сторон их огонь не ослабевал. Маркин короткими очередями прижимал немцев к земле. Прошло минут пять-шесть, как ушли ребята с носилками.

— Паша, давай смываться, а то снова окружат! — крикнул Галушкин. — Отходи первым, я прикрою!

Маркин на четвереньках пересек насыпь, залег на откосе и ударил из автомата. Вскоре к нему подполз Галушкин. Не открывая огня, они кубарем скатились с насыпи, побежали прочь от железной дороги. Шальные пули шлепались в грязь, булькали в воду, взвизгивали над головами убегавших партизан.

— Паша, слышишь, как беснуются? Значит, еще не заметили нашего отхода.

— Дай бог! Смотри, машина. Ложись!

С разбегу они упали в грязь, затаились.

Справа вспыхнули полузатемненные фары, но тут же погасли. Неизвестная автомашина, подстегнутая стрельбой, бешено промчалась по шоссе.

Подождав минутку, партизаны пересекли шоссе и кинулись догонять носилки. Через двести-триста метров они останавливались, условно свистели, внимательно прислушивались. Ответного сигнала не было, и они снова шли вперед. Под ногами плескалась вода, сверху моросил назойливый дождь. Не раз то тот, то другой проваливался в грязь. Но на душе у них было радостно: страшная железка была позади.

Услышав шаги, ребята подумали, что это погоня, но идти дальше сил уже не было. Быстро спрятали носилки в кустарник, залегли, приготовились к бою. Правдин невольно прижал пакет с документами к груди. Сердце забилось сильнее. Щербаков отполз вправо. «Молодец Серега», — подумал Правдин и сам пополз влево от носилок. Андреев и Головенков остались у носилок...

К счастью, тревога оказалась ложной: скоро они услышали условный свист.

— Лаврентьич, это вы? Вот черти! — кинулся навстречу им Правдин.

— Все живы? — спросил Галушкин.

— Все!

— Раненых нет?

— Без единой царапины! — доложил Правдин.

Только часа через два, когда партизаны валились с ног, Галушкин разрешил остановиться. Носилки устроили под

густой кроной трехстволой березы. Упали на траву. Несколько минут не могли отдышаться, как бегуны, только что преодолевшие длинную дистанцию...

VII

На шестой день похода кончились продукты. Тяжелые ночные переходы и тревожные дневки в залитом весенними паводками и дождевыми водами лесу вконец измотали партизан, а прошли они по прямой не более пятидесяти километров.

Галушкин все чаще и чаще останавливался, поглядывал на тяжело шагавших ребят. Он хорошо понимал, что без еды далеко не уйдешь, а ее можно было достать только в деревне. Наконец, он достал карту и обвел карандашом название деревни, стоявшей далеко от большака и от других деревень. Ребята окружили его.

— Пойдем к этой деревне.

Ребята молча поглядели на командира, потом друг на друга, взяли носилки и двинулись дальше. Через полчаса они остановились на опушке, огляделись. Между деревьями виднелись избы. Вечерело. На улице — никого. Сели, стали ждать, не спуская глаз с деревни.

Вот из трубы крайней избы потянулся дымок. На дворе показалась женщина. За ней мужчина. Галушкин поднял бинокль: седобородый старик с двумя ведрами шел к сараю. Послышалось мычание коровы, где-то завизжал поросенок, закудахтали куры, лениво залаяла собака. По улице промчался босоногий мальчишка, пытаясь поймать теленка, выбежавшего со двора. На дальнем конце деревни замаячило еще несколько человеческих фигур.

Солнце ушло за грозовую тучу. Быстро темнело. Галушкин оглядел ребят, спросил:

— Ну как, рискнем?

Партизаны переглянулись, пожали плечами.

— А что ж делать? Без жратвы дальше не пойдешь, — ответил Щербаков.

Его дружно поддержали, Галушкин вздохнул:

— Верно, ребята, ничего другого не остается. Сегодня или завтра, а в какую-то деревню заходить все равно придется. Лучше раньше, пока совсем не ослабли.

— Правильно, Лаврентьич, а то ноги вытянем, — поддержал командира Головенков.

— Значит, решено. Николая пока оставим здесь. За старшего — Сергей. В случае тревоги — нас не ждать. Двигаться по главному маршруту, оставлять ориентиры. Мы догоним. Понятно?

— Лаврентьич, а почему я? — недовольно забурчал Щербаков.

Галушкин не ответил, а только строго на него глянул.

— Видать, за смекалку тебя Борис в начальники выдвигает,— шепотом поддел Щербакова Маркин.— Станешь шишкой, не забывай нас, сирот.

— Давай, давай, иди, а то как бы я тебе сейчас шишек не наставил! — огрызнулся Щербаков.

— Довольно вам! — прервал спорщиков Галушкин. — Пошли!

Три тени перебежали узкую улицу. Перемахнули через изгородь, подкрались к избе. Правдин и Маркин пошли осматривать двор. Галушкин приблизился к окну. Через щели в занавеске он увидел за столом под висячей лампой старика, что ходил по двору. Там же была женщина и мальчишка, которых он видел. Женщина сидела лицом к окну. На ней было синее, по-городскому сшитое платье. Светлые волосы собраны в пучок. На бледном лице застыло выражение усталости и печали. Темные глаза с синими кругами настороженно глядели то в пространство, то на мальчишку, и тогда губы ее складывались в болезненную улыбку. «Эта не здешняя», — подумал Галушкин и перевел взгляд на других женщин, которые сидели сутулыми спинами к окну. Старик внимательно следил, как домочадцы черпали деревянными ложками из большой глиняной миски. При виде еды у Галушкина засосало под ложечкой.

— Ну, что там? — шепнул подошедший к Галушкину Правдин.

— Похоже, что свои.

К ним подошел и Маркин. Все смотрели в окно.

— Виктор, иди, постучи. А ты, Паша, в оба смотри за двором, — приказал Галушкин.

— Кого бог послал? — послышался из-за двери хрипловатый голос в ответ на осторожный стук партизан.

— Не бойся, хозяин! Свои мы, русские. Не слышишь, что ли?

— Как не бояться, мил человек! Ночь на дворе, время военное.

Зашаркали шаги. Скрипнула дверь. Не торопясь, на

крыльцо вышел старик. Он был высок и чуть сутулился. Седые волосы свисали на глаза.

— Кто такие будете, добрые люди?

Не отвечая старику, Галушкин спросил:

— Оккупанты в деревне есть?

— Нету, сынок, у нас германцев.

— А сволочей из местных у вас много?

— Каких это сволочей?

— Не знаешь, папаша? Тех, кто с оккупантами якшается.

— А бог их знает, сынок. Мы люди мирные, — смущенно забормотал старик и переступил с ноги на ногу.

— Мы партизаны. Нам нужны продукты. Помоги нам, отец.

Старик недоверчиво посмотрел на него, кашлянул, чуть отступил.

— Да вы заходите в избу. Там и поговорим. Милости просим.

Блеснула молния. Громыхнул гром. Зашумела листвой береза, наклонившая огромную крону над домом. Крупные капли гулко забарабанили по дощатой крыше крыльца. Старик торопливо перекрестился, забормотал что-то. Пошел в избу. Галушкин последовал за ним.

— Послушай, отец, мы не одни. С нами раненый товарищ.

— Ишь ты? — удивился старик, оборачиваясь, но тут же добавил: — Ничего, ничего, сынок. Всем места хватит, изба у меня просторная.

— Спасибо, папаша! — поблагодарили и другие партизаны.

После хорошего приема у всех как-то легко и радостно стало на сердце. Тревога улеглась, уступив место благодарности.

В переднем углу, где было много икон, мерцал огонек лампадки, вырывая из полумрака выпученные глаза какого-то святого угодника с хилой бородкой. Пучки засушенных трав лежали на божнице.

— Ну ты, нехристь, шапку сними! Видишь, боженька сердится! — зашептал Правдин и толкнул Маркина в бок.

Маркин зашептал что-то в ответ, но шапку все же снял. Галушкин глянул на них строго, сунул Маркину кулак в бок. Потом послал Правдина за остальными.

В комнате вкусно пахло едой. Женщины поднялись из-за стола, поклонились. Та, что была в городском платье,

как-то испуганно посмотрела на партизан, шагнула им навстречу, протянула руку, хотела что-то сказать. Но хозяин грубо оборвал ее и тут же выпроводил ее и остальных в другую комнату. «Да, она не здешняя. Ишь, дед не дает ей хозяйничать»,— снова мелькнула у Галушкина мысль.

Вскоре принесли Николая. Старик сам убрал со стола, потом пригласил за него партизан. Но они не сели за стол, пока не перевязали и не обмыли раненого.

Когда закончили перевязку, поужинали и закурили хозяйского самосаду, всем захотелось спать. Ребята молча посматривали друг на друга. Они еще не знали, где им придется спать, но это их мало смущало. Главное — они были сыты и в тепле, а на дворе шумела гроза, в окна барабанил дождь.

— Вот тут, товарищи, располагайтесь. Я сейчас сенца принесу,— предложил старик, заметив, что они разомлели и стали клевать носами.

Борис подошел к окну, отодвинул мешковину, глянул через запотевшее стекло. «Хорошо, тепло в избе, но как в ловушке — ничего не видно и не слышно».

Со двора доносился шум дождя, ветер хлопал неприкрытой дверью.

Действительно, как ни хорошо было под крышей, но чувство тревоги не покидало Галушкина. Оно шевелилось у него где-то под ложечкой и заставляло еще и еще раз изучающе поглядывать на хозяина.

— Ну, папаша, спасибо тебе еще раз. А спать, я думаю, нам лучше пойти на сеновал, если разрешишь. Зачем вас тут стеснять.

— На сеновал, говоришь? Так ведь, пожалуйста! Оно и правда, там будет вольготней!— с нескрываемой радостью согласился хозяин.

Он надел треух, снял с гвоздя «летучую мышь», взял на загнетке спички.

Ребята стали собираться.

— Ну, пойдемте, товарищи. Дождик, видать, поубавился.

Хозяин поднял фонарь, стал у двери и услужливо светил партизанам, пока они выносили Николая.

В просторном бревенчатом сарае опьяняюще пахло залежалым сеном. В отгороженном углу шумно вздыхала корова, неторопливо, с хрустом пережевывая жвачку. За дощатой перегородкой в другом конце сарая похрапы-

вала лошадь, тихо позванивая цепью. «Да, удалось старику кое-что утаить от фрицев. Богато батя живет. Видать, побаиваются фрицы совать нос в отдаленные лесные деревни»,— подумал Галушкин, вспоминая сытный ужин и оглядываясь по сторонам. Он хотел было напомнить старику о продуктах, чтобы завтра не беспокоить его. Но старик заговорил:

— Вот тут, товарищи, и устраивайтесь. Отдыхайте на здоровье. Харчишек я вам приготовлю и принесу, как в дорогу станете собираться,— он помолчал, потрогал бороду.— Бывалоча в молодости я сам любил на воздухе поспать, благодать божья.

Повеселевшие ребята стали устраиваться на ночлег.

— Вот это да-а!.. Слышь, Пашка, никогда в жизни, поверишь, я не видал такой роскоши!— заговорил Щербаков, сбрасывая с сеновала сено.— Эх, братва, ну и храпанем же назло врагам!

— А где ж тебе можно было ее увидеть? В своей несчастной жизни ты, наверное, дальше Сокольников и не путешествовал. Верно?— спросил Маркин.

Но Щербаков уже не слышал его, он старательно ворошил сено, громко чихал от пыли, смеялся.

— Ребята, что вы делаете? Зачем вам столько сена?— остановил Галушкин товарищей.— Это же корм, а вы...

— Ничего, ничего. Оно и опосля этого пойдет скотине. Нехай уж поспят хорошенько. Разве ж для вас чего жалко?

— Правильно, папаша. Ничего с ним не случится. Эй, Коля, видал, какую я тебе царскую спальню устроил?— говорил Щербаков.— Поспишь на ней ночку, так сразу легче станет. Это же бальзам, а не сено!

Обмытый и перевязанный свежими бинтами, Николай благодарно улыбался. Ребята шутили, толкались. Хозяин ухмылялся в бороду, светил им «летучей мышью». Только Галушкин почему-то хмурился. Когда старик ушел, он, прикрыв ворота, сказал:

— Довольно резвиться. Укладывайтесь. Завтра подъем до солнца! Послушай, Паша, бородач этот... Что-то в нем есть такое, понимаешь. Глаза мне его не понравились. Смотрит он как-то... Будто из-за угла за тобой подсматривает.

— Ты так думаешь?— насторожился Маркин, вспомнив глубоко запавшие глаза старика.

— Может, я и не прав, но какое-то предчувствие, понимаешь?

— Да-а. Возможно, ты прав. И добрый он не в меру по нонешним временам. Живет богато. В такое время не у многих здесь увидишь свежее сало, как он нас угощал,— Маркин помолчал, потом добавил:—Лаврентьич, а давай-ка мы его, черта старого, за бороду тряхнем как следует?

Галушкин задумался. Потом махнул рукой:

— Да ну его к дьяволу. Провозишься с ним. А вдруг — ошибка. Напрасно обидим человека. Отдохнем и уйдем пораньше, а там ищи нас.

— И это правильно.

Помолчали немного. Галушкин включил карманный фонарь, светя им, стал внимательно осматривать сарай. В углу, где шумно вздыхала корова, он увидел люк с дверцей. Галушкин присел, окликнул Андреева, самого рослого из всех.

— А ну-ка, Леха, полезай!—сказал Галушкин, освещая квадрат дверцы.

Андреев удивленно посмотрел на командира.

— Вопросы после, а сейчас — лезь, ну?!

Андреев пожал плечами, потом только опустился на колени, толкнул дверцу. Но, прежде чем полезть в люк, повернул к Галушкину свое веснушчатое лицо, на котором было написано: «Неужели он меня разыгрывает?» Галушкин улыбнулся, дружески хлопнул Андреева по плечу. А тот пошлепал толстыми губами, но, ничего не сказав, полез в дыру. Вскоре Андреев появился в сарае.

— Ну, Леха, что ты там видел?

Андреев пожал плечами:

— Ничего особенного. Огород, а за ним недалеко — лес.

— Вот и прекрасно, а теперь спать!

Головенков уже сладко похрапывал. Уснул и Николай. Галушкин постоял минутку перед носилками. Он был доволен, что Николай как следует отдохнет. Да и им не мешает хорошенько выспаться. Только сутулая фигура старого хозяина с прищуренным взглядом продолжала вызывать беспокойство. «А-а, черт с ним! Волков бояться — в лес не ходить!» — наконец решил Галушкин. Он поправил на раненом сползший полушубок. Подошел к воротам, выглянул, потом приказал ребятам ложиться. Только Маркину он не разрешил спать. Тот вопросительно глянул на командира, вздохнул недовольно, но тут же, поняв, что ему снова выпало первому дежурить, подумал: «Чего это он меня так часто на первое дежурство назначает?» Хотел спросить

об этом командира, но не решился, а только согласно кивнул.

Ребята укладывались.

В сарае наступила тишина. Слышно было только позвякивание цепи за перегородкой, где стояла лошадь, редкие, какие-то стонущие вздохи коровы, а за стеной сарая шуршал ветер, шумела листвой береза, с крыши срывались капли и звонко булькали в свежие лужи...

VIII

Розовел омытый дождем рассвет. На околице деревни показался конный отряд немцев. Лошади устало поводили забрызганными грязью боками. Наверное, не один десяток километров пришлось пробежать им, прежде чем очутиться в этой лесной деревушке. Офицер, ехавший впереди, поднял руку. Колонна рассыпалась, всадники оцепили деревню. Часть их спешилась у двора старосты. Каратели установили пулемет, нацелив его на сарай, в котором спали партизаны.

— Партизан есть шесть? — спросил офицер.

— Так точно, ваше благородие. И седьмой раненый,— услужливо зашептал староста, согнув костлявую фигуру перед низкорослым карателем.

Немецкий офицер довольно улыбнулся.

— Эй, рус, гутен морген! — крикнул он и на всякий случай спрятался за угол избы.

Сарай молчал. Гитлеровец еще раз крикнул. Но из сарая никто не отзывался.

— Почему партизаны молчат?

— Они, ваше благородие, больно измаялись за дорогу. Видать, крепко заснули. Пугнуть бы их немного, ваше благородие,— подобострастно засмеялся предатель.

— А-а, зер гут. Ви корашо понимайт, что требуется! Сейчас мы будем здорово помогайт им просыпаться.

Офицер что-то крикнул. Человек десять солдат подбежали к нему. Он взял из рук одного гранату, швырнул. От взрыва гранаты ворота сарая разлетелись в щепки.

Солдаты вскинули автоматы. Нагнув головы, ринулись в сарай. Через несколько секунд сильный взрыв потряс воздух. Из широких ворот вместе с клубами черного дыма выбежал солдат без каски. Он схватился за голову, постоял, пошатываясь, и рухнул лицом в лужу. Второй автоматчик

пятился из сарая, стреляя короткими очередями. Сарай загорелся.

— Файер! Файер! — заорал офицер, нетерпеливо переступая тонкими ногами.

Солдаты открыли по сараю ураганный огонь. Шум стрельбы и грохот взрывов разбудили деревню. Увидев карателей, люди в страхе бежали к лесу. Но их останавливали и прикладами сгоняли к пожарищу.

В стороне стоял староста. Он низко опустил голову, горбился. Глубоко сидевшие глаза горели каким-то безумным огнем. Корявые пальцы шевелились.

— Эй, потушить! — последовала команда офицера.

Жители разбежались по домам за ведрами, крючьями и топорами. Вернувшись, они быстро образовали цепочку от колодца до сарая. Полные ведра полетели из рук в руки.

Тем временем совсем рассвело.

— Что есть это? — гневно спросил офицер.

Староста кинулся к крыльцу и тут же увидел белый квадрат на двери избы. Торопливо поднялся на крыльцо. Предатель сощурился, но ничего не мог разобрать: буквы сливались в сплошные черные полосы. Каратель нетерпеливо выругался, позвал пробегавшего мимо паренька лет четырнадцати:

— Эй, малшик, надо читать. Быстро!

— Гут, счас!

Мальчишка поднялся на крыльцо. Всматриваясь в бумагу, он с минуту потоптался на месте, потом сдвинул шапку на затылок, вопросительно посмотрел на офицера. Тот нетерпеливо топнул. И тогда, сначала нерешительно и тихо, а потом все смелее и громче, мальчишка начал читать:

«Приказ народного комиссара обороны... 1 мая 1942 года № 130, г. Москва. — Он кашлянул и, набрав в легкие побольше воздуха, продолжал: — Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки, —вдруг чтец осекся, у него перехватило дыхание. Но он быстро справился с собой и, уже не останавливаясь, затараторил да так громко, что его хорошо услышали все.

— Заткнись, щенок! — крикнул староста на мальчишку.

Но тот, словно не слышал старика, продолжал читать все громче и торопливее. Тогда предатель кинулся к офицеру, коснулся его локтя, зашептал:

— Ваше благородие, да это ж крамола!

Оккупант повернулся к старосте.

— Молчать, старри дуррак! — рявкнул гитлеровец, краснея. Осененный какой-то мыслью, он криво усмехнулся: — Кто это сделать? Ты или партизан, котори сгорел там?

Лицо старосты стало покрываться пепельной бледностью. Он отшатнулся от гитлеровца, сгорбился. Он хорошо помнил, что ночью, когда уезжал за карателями, на двери его избы этого документа не было. «Неужто они ушли?..» От этой мысли предателю стало страшно. Он охнул, потер лоб дрожавшей рукой.

Офицер шагнул к старосте, схватил его за сивую бороду, сильно дернул. А мальчишка продолжал читать:

— «Партизаны и партизанки! Усилить партизанскую войну в тылу немецких захватчиков, разрушать средства связи и транспорта врага, уничтожать штабы и технику врага, не жалеть патронов против угнетателей нашей Родины! Под непобедимым знаменем великого Ленина вперед, к победе! Народный комиссар обороны И. Сталин».

Мальчишка блеснул глазами, спрыгнул с крыльца.

— Хальт! Цурюк! — крикнул офицер и ткнул пальцем в нижнее поле листовки, где красным карандашом было жирно написано: «Берегись, Иуда! Мы еще вернемся! Партизаны, которых ты выдал фашистам».

Немец побагровел, приблизился к старосте, прошипел ему прямо в лицо:

— О-о-о! Они будут вернуться! О-о-о! Они быстро вернуться и обязательно будут вам сделать вот это!

Оккупант провел пальцем по горлу старосты. Тот громко икнул и невольно отступил. Крестьяне, затаив дыхание, слушали гитлеровца. Они перестали тушить пожар и с нескрываемым интересом наблюдали за офицером и старостой. Вот староста шагнул к крыльцу, вырвал у мальчика листовку, разорвал и швырнул обрывки в лица толпившихся у крыльца людей.

— А-а-ах! — выдохнула толпа и волной кинулась к крыльцу.

— О-о-о! Руссише швайне! — крикнул немец и сильным ударом сбил старосту с ног.

Предатель скатился по ступенькам крыльца под ноги смолкших крестьян.

К избе подвели двух огромных овчарок. Псы жадно обнюхали крыльцо. И, заскулив, стали рваться со двора.

— Форвертс! — крикнул офицер.

Окрепший утренний ветерок раздул потушенный было пожар, и он занялся с новой силой. Крестьяне разобрали инструменты, стали расходиться по домам. Ни одного куска документа, разорванного старостой, на дворе не осталось. Оглушенный карателем предатель попытался было подняться, но ноги не слушались; он, охнув, упал на спину, широко разбросав длинные ноги в новых красноармейских сапогах, и затих.

IX

Уже рассвело, а партизаны все шагали, стараясь подальше уйти от деревни. Они остановились только перед болотом, устроили дневку на пологом берегу под густой березкой. Маркин и Правдин с длинными шестами пошли на болото. Прыгая с кочки на кочку, прощупывали дно и отмечали тропу вешками. Андреев разжег костер, подвесил над ним котелок с водой. Сырой валежник упорно не хотел загораться, трещал и дымил. Андреев усиленно дул на него, кашляя от дыма, ругался.

— Эй, сестра милосердия, не копти небо,— бурчал Щербаков, отворачиваясь от едкого дыма.

Андреев, не обращая на него внимания, продолжал трудиться у костра. Ему надо было побыстрее вскипятить воду, чтобы напоить раненого. Галушкин, внимательно осмотрев местность вокруг непредвиденного бивуака, послал Щербакова подежурить у дороги, а Головенкову приказал нарезать еловых ветвей и настелить их вокруг костра. Он решил дать ребятам отдохнуть, прежде чем идти через болото.

Уходя из отряда, партизаны захватили с собой несколько противопехотных мин, усиленных добавочными зарядами тола. При необходимости эти мины можно было успешно использовать, что они уже и сделали, покидая сарай предателя. Теперь Галушкин решил проверить оставшуюся партизанскую артиллерию. Он достал из мешка два зеленых квадратных ящичка — мины, внимательно осмотрел часовые замыкатели.

Вскоре Головенков притащил огромную охапку веток. С болота возвратились Маркин и Правдин. Оказалось, что только метров сто можно пройти по твердым кочкам, а дальше надо брести по воде или жидкой грязи. Андреев подбросил в костер еще охапку хвороста. Костер задымил, затрещал, но на этот раз пламя быстро прорвалось через

хворост и жадно потянулось вверх, обжигая молодые листочки березы. Маркин и Правдин придвинулись поближе к огню, наслаждаясь теплом. Глаза слипались. Обсохнув немного, Маркин стянул сапоги и повесил их на воткнутые перед костром палки.

— Ты что это, Паша? Не думаешь ли, как Иисус Христос, босиком через болото топать? — засмеялся Правдин.

Маркин даже не посмотрел в его сторону, а занялся портянками.

— Паша, я знаю, что у тебя ангельская душа, но с боженькой тебе все равно не сравняться, — не отставал Правдин.

Маркин вытянул грязные, истертые в кровь ноги.

— Посмотри-ка, чем я хуже твоего Иисуса Христа? Знаешь, Витя, хочется хоть минуту почувствовать, что ноги сухие и в тепле.

— Правильно, Паша, цивилизация дело великое. За нее боролось не одно поколение передовых людей.

Андреев хмыкнул, косо глянул на Маркина, пробасил:

— Ох и нежная у тебя, Пашка, натура. Смотри, «цивилизатор», как бы тебе не остаться без сапог. Нагрянут фрицы — запрыгаешь, как заяц.

— Нет, Леха, пусть хоть сотня фрицев на меня прут, а сапоги я им не отдам.

— Дело твое, а по-моему, лучше б тебе не разуваться. Грейся, а то еще зачихаешь. Возись тогда с тобой.

Николай зашевелился на носилках, попросил пить. Всю дорогу от деревни до болота он молчал. Только изредка стонал. Андреев пошел к носилкам, дал ему попить. Раненый успокоился.

— А вообще-то, Паша, Леха прав. Подумай, — сказал Правдин и повернулся к носилкам. — Ну, Коля, как дела?

Рыжов рассматривал что-то в траве у носилок. Облизав потрескавшиеся губы, вздохнул.

— Какие дела? Горю весь... Витя, посмотри, какие они, — сказал Рыжов.

Правдин нагнулся, но ничего не увидел.

— Да вон, росинки блестят... Помнишь, в лагере на Истре? Костер на берегу жгли. Рано утром трава вся в алмазных искорках, лес от птичьих голосов звенит. Уже год прошел...

Скрипнув зубами, Николай вопросительно глянул Виктору в глаза.

— Коля, ты помолчи, а я буду разговаривать и за себя и за тебя. Спортивный лагерь на Истре я хорошо помню. И то помню, как в первый день войны Пашка чуть было не утопил там одну девушку. А ты помнишь?

— Точно,— чуть слышно промолвил Николай, и его губы дрогнули в улыбке.

От костра послышался смешок. Смеялся Борис. Он тоже хорошо помнил, как его скромнейший друг Павел Васильевич Маркин, который при упоминании о девушках густо краснел до самых своих «великолепных ушей», тогда проявил безрассудную храбрость, достойную настоящего мужчины.

— Смотри какой! А я-то думал, что ты один из тех монахов, что в новоиерусалимском монастыре обитали. «Здесь, на земле, мы — странники и пришельцы»,— забасил Андреев.— А ты, Пашка, оказывается, Сергею пять очков вперед можешь...

— Ну? Что могу? Договаривай!— нарочито грубо перебил Андреева Маркин, стараясь скрыть свое смущение.

— Ой! Ха!— хохотнул Андреев, довольный тем, что Маркин вышел из терпения.— А я думал, что Виктор шутит. Выходит, что правда?

— Что правда?

— Да это самое. Ну, как его?— Андреев завертел перед своим крупным носом грязным пальцем, чмокнул, вопросительно поглядел на Маркина.

Ребята развязали мешки, вытряхнули из них остатки сухарей, размочили в кипятке. Каждому досталось по ложке кашицы. Неприкосновенный запас — по пачке галет и по банке мясных консервов на каждого они не решались начинать.

Раскаленное солнце висело над лесом. Туман над болотом почти рассеялся. Тучи комаров поредели. Можно было растянуться около костра, расслабиться и бездумно смотреть в легкое майское небо, по которому медленно плыли редкие ватные облака. Лежать и думать о чем-нибудь довоенном...

X

— Эх, братцы, сальца бы покусать,— вслух рассуждал Головенков, шаря по углам отощавшего вещмешка, в котором, словно желуди, пересыпались патроны, лежал замасленный мешочек с принадлежностями для чистки оружия,

дырявые портянки и не было ничего съестного, кроме «НЗ».

Ребята начинали подремывать.

— И чего я, дурак, не захватил вчера со стола остатки хлеба и сала? — снова заговорил Головенков, отбрасывая мешок.

— Не сожалей о сделанном, Иванушка,— лениво перебил его Правдин.— Такова, брат, наша жизнь. Вот, например, раньше, говорят, на белом свете были не только Иванушки-дурачки, но встречались и Иванушки-царевичи. А вот в наше время нет тебе ни царей, ни царевичей. Вот и приходится нам довольствоваться лишь одними Иванушками...

— Дурачками,— зло добавил Маркин и продолжал:— Витька, что это за люди? Был бы рад, что голова уцелела, а он — «сальца бы покусать».

Ребята ругали Головенкова, а у самих слюнки текли от воспоминаний о вчерашнем сытном ужине. Сейчас они пили кипяченую болотную воду.

— Да, ребята, если бы не та женщина и не мальчишка, то сейчас бы нам и этого болотного бульона не пришлось хлебать. Отдали бы концы без завещания.

— Точно, Лаврентьич. А Пашке без завещания умирать никак нельзя,— заметил Правдин, увертываясь от вещевого мешка, которым в него запустил Маркин.

— Пашенька, спокойно, я имею в виду не материальные ценности, а духовное твое богатство,— закончил свою мысль Правдин.

— Да ну тебя, остряк! — сказал Маркин и повернулся к Галушкину.

— Лаврентьич, а мальчишка тот — твой тезка.

Галушкин улыбнулся.

— Правильно, Борисом Петровичем представился. Мать его до войны учительницей в Рудне работала. Отец — на фронте. Хороший паренек.

— Точно. Молодец парнишка,— продолжал Маркин.— И как это он ловко через чердак на крышу выбрался, а с крыши спустился по дереву. Староста, сволочь, уезжая за карателями, избу снаружи запер...

— Ребята, фрицы! — крикнул Щербаков, неожиданно появляясь перед костром.

— Брось, Сергей, разыгрывать,— отозвался Правдин.

— Какой тут розыгрыш! Лаврентьич, точно фрицы!

— Тьфу! — со злостью плюнул Галушкин, вскакивая на ноги.— Где? Много?

— Группа конных! До взвода будет! Идут по нашему следу! — доложил Щербаков.

Разобрали оружие, снаряжение, приготовились к бою. Только Маркин беспомощно прыгал на одной ноге, пытаясь обуться. Мокрый сапог не лез на ногу. Предсказание Андреева сбывалось.

— Маркин и Щербаков со мной! Остальные с носилками — через болото, быстро! — приказал Галушкин и побежал к дороге.

Маркин выругался, сунул сапоги голенищами за пояс и через несколько секунд уже лежал рядом с Галушкиным у дороги.

Метрах в шестистах на просеке виднелись всадники. Они растянулись в колонну по двое, держа оружие в руках. Не опуская бинокля, Галушкин сказал:

— Вот сволочи! Двух овчарок ведут, — потом спросил: — Как там наши ребята?

— Бредут.

Впереди отряда карателей шел солдат. Он с трудом удерживал на поводке лающих псов.

Гитлеровцы двигались медленно. Они то и дело разглядывали дорогу, шарили в придорожных кустах, заходили в лес и снова появлялись на просеке. Немцы, видимо, опасались партизанской засады. Галушкин оглянулся. Андреев и Головенков, увязая в болоте, с трудом несли носилки с раненым, а Правдин — мешок с минами и взрывчаткой. Они то скрывались по пояс в болоте, то поднимались на твердую тропу. Галушкин видел, как трудно было носильщикам.

Ребята прошли не больше половины пути. Вот Головенков споткнулся, упал. Николай вывалился из носилок. Андреев кинулся к нему, поднял на руки. Потом перевалил его через плечо, как мешок, медленно побрел дальше, балансируя правой рукой и широко загребая ногами. Над болотом повис короткий, словно крик подстрелянной птицы, стон раненого и тут же прервался. Галушкин сжал зубы, отвернулся.

Каратели вдруг остановились, сгрудились, стали о чем-то совещаться, указывая руками в сторону молодого леса, в котором притаились партизаны. Может быть, они увидели дым от костра, что все еще тянулся над верхушками деревьев?

— Борис, давай-ка я чесану их, а? Больно удобно, как воробьи на дороге, — попросил Маркин.

Щербаков молча щелкнул затвором, тоже готовясь стрелять.

— Отставить. На стрельбу они пойдут быстрее. Эх! Посмотри-ка вон,— кивнул Галушкин на дым.— Тоже мне партизаны.

— Ух ты! Прямо фейерверк! Может, залить?

— Поздно, Паша. Видишь, они уже разворачиваются. Значит, заметили дым.

— Это все черт рыжий,— ругался Щербаков.— Я ж говорил. Всегда ему надо целое пожарище разводить!

— А ты где был?

— Я, Пашенька, к теще в гости ходил,— зло ответил Щербаков.

— Наверно.

Всадники тем временем рассыпались по лесу. Похоже было, что они решили окружить стоянку, не дать партизанам уйти лесом, а прижать к болоту.

— Да-а. Неплохо придумали, сволочи,— бурчал Галушкин.— Это нам еще один урок на будущее. Если, конечно, оно у нас будет.

По болоту медленно брел Андреев с раненым на спине. До противоположного берега, на котором стеной темнел лес, оставалось не более пятидесяти метров, но Галушкину казалось, что у Андреева не хватит сил, чтобы дойти. Уж больно медленно шагал он, покачиваясь из стороны в сторону.

— Эх, черт!— вырвалось у Галушкина, когда Андреев опять споткнулся.— Пашка, Сергей, давайте-ка на помощь Алексею. Быстро!

— Но один ты их не задержишь!— сказал Маркин, испуганно глянув на Галушкина.

— Идите! Я еще успею отойти без боя. Вот, возьми. Бросишь последней,— он протянул Маркину гранату, сильно утолщенную и обернутую медицинской клеенкой.— Это документы, ясно?

Маркин кивнул, но не двигался.

— Борис, я останусь с тобой.

— Приказываю идти на поддержку Алексею и другим, понятно?— Галушкин гневно глянул на Маркина, что случалось с ним очень редко.— Марш!

— Ну чего ты орешь?!— сказал Маркин и с обидой глянул на друга.

Повернувшись, он пошел к болоту. За ним молча двинулся Щербаков.

Галушкин почти не следил за противником, пока Маркин и Щербаков не догнали Андреева, не взяли у него раненого и не вышли на берег. Только после этого он кинулся к костру, взял мины, осторожно подсунул их под подстилку у костра и запустил механизмы. «Тик-так!.. Тик-так!» — неторопливо застучали часы, сдвигая стрелки — замыкатели электрической цепи. Проверив на слух их работу, Борис побежал к болоту.

Борис бежал по болоту, каждую секунду ожидая, что вот-вот фашисты пустят ему в спину очередь. На ходу он выдергивал вешки, указывающие безопасный путь через трясину, и отбрасывал их в стороны. Не раз он срывался с кочки, падал, барахтался в болотной жиже, с трудом выбирался на тропу и снова бежал. Он хорошо знал, что теперь его жизнь зависит от того, как далеко он отбежит от берега, на котором вот-вот должны были появиться каратели. Пробежав метров сто, Галушкин невольно замедлил шаг: не хватало воздуха, грудь разрывало будто когтями. Тучи комаров назойливо липли к мокрому лицу, слепили глаза, попадали в рот, нос и мешали дышать, вызывали тошноту. Намокшая одежда и вещевой мешок тянули вниз. Стена высокого леса, как казалось ему, не приближалась, а, наоборот, удалялась. Когда он падал лицом в воду, лес исчезал. Поднявшись, Борис снова видел желанный лес, облегченно вздыхал и упорно брел к нему. Стиснув до боли зубы, Галушкин выдернул шест, поставленный ребятами вместо последней вешки, и, балансируя им, чтобы не упасть, зашагал дальше.

Наконец выбрался на берег.

— Все-таки успел? Вот молодчина! — встретил его Маркин.

Остальные ушли вперед с посилками.

— Рад стараться! — сказал Борис, едва переводя дыхание, и тяжело повалился на землю.

Они лежали за толстыми корнями огромной ели, поросшими мягким мхом. Ждать не пришлось долго. Каратели по одному стали осторожно выходить к болоту. Никого не увидев у догоравшего костра, они возвращались в лес, метались по берегу. Псы повертелись на одном месте, затем настойчиво потянули в болото. У костра появился офицер на коне. За ним второй всадник. Офицер что-то крикнул и указал рукой на костер. Двое соскочили с коней, стали ползать по земле. Вдруг грохнул взрыв. Фриц, державший собак, исчез, словно растаял. Лошадь под офице-

ром взвилась, бешено понесла его по лесу. Один кавалерист рухнул на землю вместе с лошадью.

Взрыв мины разметал карателей. Посыпались поднятые взрывом комья земли, они засыпали вторую мину, она тоже взорвалась.

— Ого-го-го-о-о! Держи-и-и! — перекатываясь, понеслось над болотом.

Это Галушкин и Маркин не сдержали своей радости. На их голоса к костру снова выскочило несколько всадников.

— Пашка, огонь!

Дружный треск партизанских автоматов сдул карателей с полянки. Не выходя больше к костру, они открыли огонь.

Освободившись от проводника, овчарки рванулись в болото. Зло рыча и повизгивая, псы неслись по кочкам.

— Глянь-ка, Паша, как звери чешут! — указал рукой Галушкин.

— А почему они рядом?

— Да они ж спаренные. Немец не успел снять с них ремни.

— Правильно... Да-а, Боря, видать, много мы запаху на болоте оставили. Смотри, они точно по нашему следу идут,— сказал Маркин.

Галушкин серьезно глянул на друга.

— Это тебе не фрицы. Овчарок криком не испугаешь. Надо не выпустить их на берег, а то они нам быстро штаны спустят.

Прыгнув с последней кочки, овчарки поплыли. Но скоро потеряли след, заскулили, завертелись на месте. Одна стала отставать. Видно было, как ремень, спаривавший собак, натянулся. Задняя еле-еле держалась на поверхности воды. Вот она окунулась с головой, а вскоре вовсе перестала подавать признаки жизни и потащилась на буксире. Наверно, ее задело взрывом и она двигалась еще несколько минут в горячке. Второй пес, почуяв опасность, сильными прыжками рвался к берегу. Но ему мешала мертвая собака. Рывки становились все слабее и слабее. Выбившись из сил, вторая овчарка замерла, и обе они вскоре исчезли в болоте.

Партизаны переглянулись, облегченно вздохнули. У покинутой стоянки каратели больше не появлялись. Затихли вдали их выстрелы. Разметанный взрывами костер погас, и только облачко черного дыма от взорвавшегося тола еще стлалось над болотом. Галушкин улыбнулся, смахнул пот со лба, спросил:

— Ну как, Пашка, кажется, все?

Маркин кивнул, потом пристально посмотрел на свои босые ноги, принялся молча натягивать сапоги.

Оторвавшись от противника, Галушкин повеселел. Он стал шутить, смеяться, а Маркин мрачно пыхтел, топал ногой, ему было не до шуток. Наконец, натянув сапоги, он облегченно вздохнул.

— Теперь, кажется, все в порядке... Лаврентьич, откуда они такие берутся?

— Кто? Сапоги?

— Да нет, я про старика.

— А-а. Видать, осколок от разгромленной российской империи. Или какой-нибудь затаившийся кулачище.

— А вел себя, как дед мороз. Гад!

— Ничего. Мы еще с ним увидимся!

— Не мешало бы посмотреть ему в глаза, когда он снова окажется перед нами.

Галушкин ничего не сказал, только кивнул.

— А промокли мы с тобой, Паша, как всегда, по самые уши. Ну ладно, пошли. Обсохнем по дороге.

XI

Галушкин внимательно рассматривал карту-пятиверстку. Правда, это была уже не карта в полном смысле слова, а то, что от нее осталось после того, как она несколько раз побывала в воде и расползлась по сгибам. Многие надписи бесследно исчезли. Борис старался разобраться в обрывках карты, чтобы привязать к местности собранные им по пути следования свежие данные об объектах противника.

Пока Галушкин работал с картой и дневником, ребята отдыхали, перебрасывались шутками...

— Эй вы, голодранцы... Чего расшумелись? — спросил Галушкин.

Ребята прекратили борьбу, встали и подошли к Борису.

— Ну что, Лаврентьич, будем храпеть? — спросил Щербаков, потирая глаза. — Алеша Попович уже дрыхнет.

— Спать будем позже, а сейчас потренируемся. Посмотрим, как вы, лесные бродяги, умеете строить переправу. Так ли, как языком чесать? Давай-ка, Паша, приступай.

— Какую переправу? — поднял растрепанную голову Правдин.

— Ночью будем форсировать Березину, — сказал Маркин.

— И ты, Пашка, такой речушки испугался? Или шутишь?

— Остынь, герой,— заметил Галушкин.— Наполеон не таким воякой был, как ты, и то от Березины с мокрыми штанами удрал.

— Так то ж Наполеон, а Виктор не любит штаны мочить. Помню, еще в детстве он всегда снимал их на ночь,— сказал Щербаков.

Ребята засмеялись. Правдин, не найдя сразу достойного ответа, пожал плечами, принялся приглаживать волосы. Щербаков подошел к Андрееву. Тот, сунув лицо в траву, крепко спал. Андрееву разрешалось отдыхать сразу, как только останавливались на дневку. От охраны стоянки он тоже был освобожден.

— Эй, привилегированная личность, вставай, а то все царство небесное проспишь!— сказал Щербаков и бесцеремонно потянул Андреева за ногу.

Андреев проснулся, перевернулся на спину, потер глаза, вопросительно посмотрел на ребят, зевнул, снова потер глаза и, наконец, сказал, глянув на Щербакова:

— Ну, чего ты порядок нарушаешь?

— Ха! Смотри, какой блюститель отыскался! Давай-ка сюда поближе.

— Зачем я тебе потребовался?

— Да не мне. Сейчас Пашка будет мозги нам начинять.

— Внимание!— сказал Маркин.

Он расстелил плащ-палатку на траве, разделся. Одежду и снаряжение, кроме автомата, уложил горкой на плащ-палатку, углы которой соединил и крепко связал поясным ремнем. Получился большой тугой узел.

— Вот и все, мальчики, видели? Представьте, что это сооружение не тонет и свободно удерживает на воде человека, если он не забудет болтать задними конечностями. Сами видите — ничего сложного. Я думаю, что при вашем образовании вам будет нетрудно соорудить такой понтон.

Ребята молчали. Павел стал развязывать узел.

— Э-э-й, постой, Пашка, постой,— задержал его руку Щербаков.— Разреши-ка еще разок взглянуть на твое произведение.

— Ладно тебе! Вот свяжете свои — тогда и любуйтесь.

А сейчас — разостлать плащ-палатки! — скомандовал Маркин, стуча зубами, и принялся быстро одеваться.

Но ребята не торопились.

— Чего вы возитесь? Раздеться и делать то, что делал я. Ясно?

Они нехотя повиновались. Но хороших узлов не получалось: то узел был рыхлым, то с углов плащ-палатки соскальзывал ремень.

— Я искренне сожалею, друзья мои, но ничем помочь вам не могу. Главное в этом деле — не торопиться,— поучал их Маркин.

На посиневших лицах ребят улыбки постепенно сменялись гримасами нетерпения, на голых телах все больше и больше появлялось красных мазков от раздавленных комаров. Но Маркин словно ничего этого не замечал. Заложив руки за спину, он ходил взад и вперед, говорил:

— Безукоризненное изготовление узла-понтона, дорогие юноши, достигается путем последовательного и тщательного выполнения всех операций с начала и до завершения полного цикла. Итак, работать будем по методу — от частного к целому, и наоборот. Однако,— тут он сделал паузу и, зачесывая растопыренной пятерней волосы, голосом заправского лектора продолжал: — Сейчас я продемонстрирую это на одном экземпляре. Вот вы, молодой человек,— небрежный жест в сторону Андреева,— да, да, конечно вы. Возьмите-ка, пожалуйста, свой узелок. Вот так, не стесняйтесь. Станьте поближе, чтобы всей аудитории было видно. Кстати, я должен заметить, молодой человек, что выражение вашего лица совсем не соответствует данной ситуации. Что с вами?

— Что?! — вдруг забасил Андреев и угрожающе замахал руками. Он еще не пришел в себя от сна, его покачивало из стороны в сторону.

— Да, да, дорогой мой,— продолжал Маркин.— Что с вами?

— Иди ты...

— Милые юноши, я не ослышался? Он, кажется, возражает?

— Да брось, Пашка, к черту!

— Это что же получается, товарищи? Бунт? — сказал Маркин, отступая от Андреева подальше.

Рассвирепевший Андреев схватил узел и швырнул его в Маркина. Тот увернулся.

— Спокойно, мальчик, спокойно, не шалить. Надо ува-

жать страших. Да и движения такого я вам, кажется, не показывал,— урезонивал Маркин обидевшегося ученика.— Этот случай мы разберем отдельно, а сейчас приступим с самого начала.

Тем временем Галушкин вбил четыре кола, привязал к ним сверху жерди, набросал на жерди лапчатых ветвей. Под навесом стал разводить костер, не обращая внимания на ребят. Раненый, укутанный полушубком, изредка открывал глаза, поглядывал на них. Что-то похожее на улыбку кривило его губы. Четверо голых партизан, ворча, снова и снова вязали узлы. Наконец Маркин сказал:

— Ну вот, теперь совсем дело другое. Отлично! Видите, что значит быть внимательным. Вольно! Можно отдохнуть.

Посиневшие партизаны бросились развязывать узлы.

— Отставить! Опять спешка. Поймите — это же только полуфабрикат. Неужели вы думаете, что узлы потребуются для переправы ваших собственных персон? Ошибаетесь, друзья мои. Узлы нужны для постройки плота. Я понимаю, что вашим изнеженным телам непривычны резкие скачки температуры. Но, к сожалению, дорогие мальчики, ничем помочь не могу. Закалка, то есть умение организма противостоять холоду, или, как можно выразиться, температурный иммунитет, приходит с ежедневной тренировкой,— говорил Маркин, расхаживая перед строем посиневших ребят.— Чтобы не быть голословным, я расскажу вам интересный случай из моей практики...

Но он не успел начать. Пошептавшись, ребята вдруг бросились на него, свалили и стали раздевать. Возясь, нагрелись и, довольные, выстроились перед Маркиным.

— Мы вас слушаем, товарищ лектор,— с улыбкой обратился к нему Правдин.

— Да. Теперь можно и о закалке,— поддержали его другие.

Оставшись в одних трусах, Маркин словно потерял дар речи. Поеживаясь, он сказал:

— Ну что ж, можно и покороче. Я ж для вашей пользы. Эх вы, варвары!

Четыре двухметровых шеста связали квадратом. По углам прикрепили по узлу. Получился легкий и устойчивый плот. На нем укрепили носилки с раненым. Галушкин проверил прочность плота и только после этого разрешил отдыхать.

XII

В вечерние сумерки партизаны увидели залитую пойму Березины: от весенних вод река выплеснулась из берегов, залила часть луга и шумела в кустарнике. Березина стала в два-три раза шире, чем была в марте, когда переправлялись через нее всем отрядом.

Пока работали, стемнело. Яркие звезды мигали на гладкой поверхности воды. Первым в воду вошел Маркин. Он прикусил губу, чтобы не вскрикнуть от плотных объятий ледяной воды. За ним с узлом на голове двинулся Щербаков. Залитый водой отлогий берег опускался постепенно. Вода напирала, она была не такой спокойной, как казалось с первого взгляда. Вдруг Маркин вскрикнул и скрылся под водой. Щербаков схватил его за волосы.

— Ты куда?.. Не торопись пузыри пускать.

— Тут обрыв!

— А ты плыви.

— Что за шум? Вперед! — послышался строгий голос Галушкина.

Галушкин склонился к реке и, напряженно прислушиваясь к плеску воды, глядел вниз по реке, куда унесло Маркина и Щербакова. Он начинал беспокоиться.

Минут через пятнадцать послышался условный свист. Это ребята сигналили с того берега: все в порядке.

— Приготовиться к переправе! — тихо скомандовал Галушкин.

Партизаны взяли плот с укрепленными на нем носилками. Осторожно вошли в реку, опустили плот на воду. Плот легко удерживал на воде носилки с раненым.

— Порядок. Вперед!

Подталкиваемый тремя парами сильных рук, плот двинулся поперек реки. Но скоро его подхватило и понесло. Пловцы упорно боролись с течением. Галушкин бежал по берегу, пока плот не скрылся в тени высокого противоположного берега. Оглядевшись, Борис шагнул к воде, намереваясь последовать за плотом. Но тут он скорее почувствовал, чем услышал какой-то приглушенный гул. С каждой секундой гул слышался отчетливее. Тревожно забилось сердце.

Два длинных луча вдруг пронзили темноту, осветили верхушки деревьев, потом опустились ниже и ударили Галушкину в глаза. Он невольно присел.

Вскоре стало видно, как огромный грузовик, перевали-

ваясь через бугор, шел по лугу к реке. За ним показалась вторая машина, затем третья. Вражеская автоколонна с завывающим гулом приближалась к Березине. Галушкин быстро развязал узел, достал запасные диски. «Если гитлеровцы приблизятся к берегу, — думал он, — они могут обнаружить ребят».

Автоколонну с ревом обогнал мотоцикл. Он остановился на берегу реки. Из коляски вышел немец, включил фонарь. Тонкий луч света заметался у самой воды. «Сейчас он увидит ребят!» Галушкин поднял автомат. Левее мотоцикла к реке подходила передняя машина автоколонны. Свет от фар скользнул по воде. Борису показалось, что он увидел белые фигуры ребят, они жались к берегу. Вот-вот их увидят и враги. Галушкин прицелился. Треск его автомата на секунду заглушил шум грузовиков. Нить трассирующих пуль пологой дугой повисла над рекой. Звякнуло разбитое стекло. Передняя машина, словно подстегнутый плетью конь, рванулась вперед. Черной громадиной она на секунду выступила на светлом фоне неба. Лучи фар уперлись в воду. В следующее мгновение грузовик с плеском и грохотом железных бочек, полетевших из кузова, исчез с глаз партизана. Тревожные крики врагов радостью отозвались в его сердце. Дав еще короткую очередь, он отбежал вверх по реке, затаился. Второй грузовик остановился недалеко от берега. Из кузова выпрыгнули несколько солдат. Размахивая руками, они двинулись к реке, видимо еще не догадываясь, что случилось с первой машиной. Галушкин снова открыл огонь. Немцы залегли, пули засвистели над головой Галушкина.

Борис отходил против течения, стараясь увлечь немцев за собой. Уйдя от места переправы метров на двести, он прекратил огонь. Враги за ним не пошли. Их стрельба постепенно стихала. Загудели моторы. Не включая света, грузовики развернулись и пошли прочь от Березины.

Галушкин вернулся к месту переправы, свистнул. С того берега ответили. «Живы!» Он вошел в воду и быстро поплыл, толкая перед собой узел.

Подплывая к берегу, Галушкин увидел под кручей пять белевших фигур.

Ребята радостно загомонили, увидев своего командира.

— Ой, Лаврентьич, тут такое было, что трудно рассказать,— кинулся к нему Правдин.

— А чего это вы голяком мерзнете?

— Мерзнете? Что ты, Лаврентьич, нам тут было так жарко, что до сих пор льет ручьем! — продолжал Правдин.

— Да-а, если бы не Пашкина тренировка, то чихать бы нам сейчас во все ноздри, как цыплятам, — сказал Щербаков. — Слышь, Пашка, верно говорю?

— Конечно! Ишь, молокососы, дошло-таки, — послышался дребезжащий голос Маркина.

— Ты, Пашка, помолчи лучше, а то язык откусишь, а он тебе как научному работнику еще пригодится, — поддел Маркина Щербаков.

— Спасибо за совет, учту... Лаврентьич, чего это они так свободно разгуливают? Даже свет не маскируют, газуют как дома!

— Да, Паша, ситуация действительно была, черт бы ее побрал. А шляются, наверно, потому, что тут еще мало партизан. А может, заблудились. Ну ладно, ребята, надо уходить, а то еще одумаются и возвратятся, — Галушкин склонился над носилками. — Коля, ты жив?

— Жив, Лаврентьич.

Руки раненого белели на плащ-палатке. Борис увидел пистолет.

— Николай? Ты что, не сражаться ли приготовился?

— Думал, что и мне придется, — голос раненого дрогнул.

— Прячь оружие, Коля, — он положил большую руку на его горячий лоб. — Не надо волноваться. Все будет хорошо.

— Спасибо, Лаврентьич, если буду жить...

— Что за вопрос? Конечно, будешь жить. Мы с тобой, Коля, еще на ринге после войны не раз встретимся.

Ребята быстро разобрали плот, оделись и зашагали на восток, торопясь за остаток ночи пересечь широкую полосу безлесья.

XIII

Дня через два после форсирования Березины, когда партизаны готовились к очередному ночному переходу, до них донесся собачий лай. Они насторожились. Галушкин посмотрел на ребят:

— Слышите? Не погоня ли это?

— За нами? — подскочил Головенков.

— Черт их знает. Может, и нет. Но собаки могут легко взять и наш след.

Лай то смолкал, то слышался снова. Не было сомнения: собаки шли в их сторону.

— В ружье!

Надели вещмешки, взяли оружие, приготовили носилки. Галушкин сказал:

— Сергей и Павел останутся здесь. Маркин — за старшего. Понятно?

— Понятно, товарищ командир! — ответил Маркин, бледнея.— Так они обращались к Борису только в минуты большой опасности.

— Ну, Паша, вот и пришлось тебе снова с собаками встретиться. Только сейчас болото не поможет. Ребята, собаки не должны пойти за нами. Ясно?

Маркин улыбнулся Галушкину. Потом глянул на Щербакова, который подошел к нему и стал рядом:

— Слыхал, Сергей?

Тот молча кивнул. Галушкин разложил кусочки карты на траве, поводил по ним пальцем.

— Смотрите внимательно. Вот тут болото. Мы пойдем к нему. Постараемся найти клочок твердой земли, там будем ждать вас до утра. Заметьте азимут. Так. По пути оставим знаки. Собак близко к себе не подпускайте. Бейте сначала в них. Мешки оставьте. Идите налегке... Ну! — он подошел к ним, молча пожал им руки, хлопнул одного, потом другого по плечу. — Идите!

Щербаков и Маркин не ушли, пока не увидели, как их товарищи скрылись за деревьями.

Несколько минут они продолжали стоять у разбросанного костра. Щербаков опустил глаза и, казалось, внимательно рассматривал носки своих истрепанных сапог. Потом перевел взор на тлевший уголек, от которого еще тянулся тоненький хвостик дыма. Вдруг он шагнул и каблуком зло вдавил уголек в землю. Маркин подтянул еще на одну дырку и так туго затянутый пояс, замер. Еще постояли, прислушиваясь к приближающемуся лаю собак. Маркин посмотрел на Щербакова, криво усмехнулся.

— Чего уши развесил? — строго спросил его Щербаков. — Давай командуй. Ну?!

Маркин предостерегающе поднял руку.

— Подожди, Сергей. Сначала подумать надо.

— Ну думай, думай, мыслитель. Пока собаки за горло схватят.

— За мной! — вдруг крикнул Маркин и сорвался с места.

Он побежал навстречу собачьему лаю. Щербаков последовал за ним. Догнав Маркина, спросил:

— Куда ты бежишь?

— Давай за мной! Мозги у тебя заело?! — зло крикнул Маркин, оборачиваясь на бегу.

— Вот псих! Я же должен знать, куда ты меня тащишь?

— Нам надо встретиться с погоней как можно дальше от наших ребят. Понял?

— Вот теперь понял, а то чешет, как заяц. Только лучше б с ними не встречаться,— сказал Щербаков, улыбнулся и добавил:— Совсем не ожидал я, Пашка, что ты такой стратег. Заманивать, значит, будем?

Маркин не ответил. Ему было не до шуток. У Щербакова мурашки по спине забегали, когда он вспомнил истерзанные трупы людей, которые они недавно видели.

— Сергей, ты помнишь речку, что утром переходили? — спросил Маркин, сдерживая бег.

— А как же! — очнулся Щербаков от страшных воспоминаний.

— Побежим к ней. Может, она нас выручит.

— Ты что? Там же всего по колено!

— Ничего,— главное, чтоб следов на сухой земле не оставить!

И они побежали, время от времени стреляя в воздух.

Когда Маркин и Щербаков добрались до речки, лай слышался где-то в ее верховьях. С разбегу ребята влетели в воду. Спотыкаясь о подводные корни, они побрели вниз по течению и скоро увидели бревно, по которому утром их группа переходила речку. Маркин сел на бревно, стал стягивать сапоги.

— Давай снимай, живо!

— Это еще зачем?

Маркин с сожалением покачал головой:

— Эх, вояка, и чему тебя только учили?

— Конечно, не тому, чтобы драпать.

— Ха! Герой! Снимем сапоги, и следы наши тут прервутся. Ясно теперь?

— Это мне ясно и без тебя. А вот как мы без сапог по этим корням?

Маркин удивленно глянул на него, словно впервые увидел:

— Смотри, какой неженка? Снимай!

Щербаков не стал спорить. Маркин подоткнул сапоги

голенищами под пояс, приказал сделать то же Щербакову, и они побежали дальше по дну речки.

Вскоре они остановились под огромной сосной, протянувшей толстые ветки над водой. Вокруг толпились молодые березки и еще какая-то густая поросль, уже одевшаяся густой листвой. Маркин осмотрелся по сторонам, подпрыгнул, ухватился за толстый сук, подтянулся на руках и, сделав рывок, через секунду лежал животом на ветке.

— Давай сюда.

Щербаков повесил автомат на грудь, схватился за ту же ветку, прыгнул, рванулся... и шумно свалился в воду.

— За спину автомат, шляпа! Это тебе не на ринге руками размахивать!

Щербаков перевесил автомат, изловчился и вскоре был рядом с Маркиным.

— Подумаешь, гимнаст, — ворчал он, собираясь выжимать гимнастерку.

Маркин дернул его за руку.

— Отставить! Ты что!.. Не лей воду на землю, следы оставишь.

— Тьфу! Вот влезли тебе в башку эти следы! Какие ж следы от воды?

— Все равно. Не смей!

Щербаков развел руками.

— Что ж, я так и буду сидеть мокрый?

— Ничего, не раскиснешь. Лучше быть мокрым, чем... Сиди смирно, надо потерпеть, — уже мягче сказал Маркин.

Лай собак приближался. Партизаны поднялись к самой вершине дерева, откуда земля и вода едва виднелись.

— Ну, Сергей, — похлопал Маркин Щербакова по мокрой спине, — теперь держись. Если бог есть, то отсидимся.

У Щербакова зубы стучали от волнения, усталости и холода. Он сказал, зябко вздрагивая:

— Нет, Пашка, не выйдет. Безбожники мы с тобой с самого рождения.

— Это верно. Ну ничего, хрен с ним. Ты вот что, Сергей, когда фрицы подойдут к нам близко, так ты смотри вверх, а не на землю, понял?

— Зачем? Богу, что ли, будем молиться?

— Я не шучу. Понимаешь, если смотреть человеку в спину из-за какого-нибудь укрытия, то он обязательно почувствует и обернется.

Щербаков хмыкнул.

— И ты веришь этим басням?

— Дубина! Это не басни. Это животный магнетизм. Ясно? Ну, хватит болтать, замолчи!

— Ладно, черт с тобой. Вверх так вверх.

Вскоре стало слышно поскуливание собак, треск сучьев, донеслись приглушенные человеческие голоса. Внизу замелькали серо-зеленые фигуры. Ребята сразу забыли о животном магнетизме и во все глаза смотрели не вверх, как договорились, а вниз. Дыхание их останавливалось, сердца, казалось, бились так, что вот-вот готовы были выпрыгнуть наружу.

Фашисты ходили под сосной. Лай собак то удалялся от речки, то возвращался. Овчарки жалобно поскуливали. Они, видимо, потеряли след.

Издали послышалась трель свистка. К сосне подбежала группа немцев, впереди офицер. Гитлеровец громко скомандовал:

— Форвертс!

Солдаты скрылись.

— У-ух ты! Кажется, пронесло. Вот это животный магнетизм, — облегченно выдохнул Щербаков. Он смахнул пот со лба. Маркин приложил палец к губам: «Тихо. Они еще могут вернуться». Щербаков замолчал и стал снова внимательно смотреть вниз.

XIV

Шли без остановки.

Вдруг с той стороны, где остались Маркин и Щербаков, послышались выстрелы. Галушкин поднял руку. Носилки опустили на землю, прислушались.

— Сошлись? — спросил Правдин, тяжело дыша и вытирая пот с лица.

Выстрелы слышались с интервалами. Галушкин нахмурился, ответил:

— Видимо, еще нет. Но стреляют они. Наверно, фрицев на себя отвлекают.

Уставшие, голодные, нахохлившиеся, сидели они вокруг носилок. На сердце словно кошки скребли.

Галушкин внимательно посмотрел на ребят: грязные, заросшие, в изодранном обмундировании, хмурые, да и он, верно, не лучше.

Он отвернулся, подумал: «А если те не возвратятся?

Пашка, друг». Борис закрыл глаза и представил, как Пашка и Сергей бегут навстречу немцам, изредка постреливая, чтобы привлечь внимание фрицев к себе и не пустить за носилками с раненым. От этого свело челюсти. Галушкин со стоном встряхнул головой, встал:

— Ну, ребята, хватит отдыхать. Пошли! Дотемна нам надо островок найти. Если Пашка и Сергей не уведут немцев за собой, то они непременно пойдут за нами.

Молча подняли носилки, пошли за Галушкиным.

Выстрелы давно смолкли, не стало слышно и лая собак. Под ногами захлюпала вода. Решили идти до тех пор, пока не почувствуют сухую землю. Но солнце село, наступила ночь, вода доходила до колен, а желанного островка все еще не было. Идти дальше не было сил. Остановились в густом осиннике, стеной вставшем на их пути. Носилки подвесили на веревках к стволам деревьев. Шалашом натянули над ними плащ-палатку, нарубили жердей, привязали их к деревьям вокруг носилок, уселись на них, словно куры на насесте.

— Да. Недурно устроились. Как считаешь, Иван? — спросил Правдин Головенкова.

Тот повернул к нему лицо, заросшее редкой юношеской бородкой, скривился в недовольной гримасе:

— Ты все шутишь? Увидим, что завтра запоешь!

— А что завтра? Думаю, будет то же, что и сегодня, — ни спать, ни жрать,— начиная злиться, сказал Правдин.— Эх, Иван, ты только о жратве и думаешь!

— Будешь думать. С пустым мотором и машина останавливается. Ешь вода, пей вода, вода сильная, она мельницу крутит... Так, что ли? — сказал Головенков и зло плюнул в воду, в которой виднелись, словно тушью вычерченные, верхушки деревьев.

— А ты не плачь, Ваня. Пояс подтяни потуже. Сразу легче станет.

Головенков отвернулся. Пробурчал угрюмо:

— От этого сыт не станешь... На одних нервах иду.

— А-а-а, вот как! — словно обрадовался Правдин.— Ну, тогда все в порядке. Ведь нервы у тебя, Ванюшка, как у буйвола шкура. Мне бы такие, рад был бы.

— Хватит вам,— остановил их Галушкин. — Подождем ребят и тронемся дальше. Завтра обязательно что-нибудь добудем. А сейчас давайте отдыхать.

Звездная ночь висела над лесом. Нудно гудели комары. В просветах между деревьями изредка с шумом проноси-

лись ночные птицы, мелькали летучие мыши. Партизаны привязались поясами к деревьям, затихли.

Они спали, а над лесом сгущались тучи. Все ближе гремели раскаты грома, ярче вспыхивали молнии. Вдруг оглушительно зарокотало прямо над ними. Сливаясь с эхом, грозовые раскаты покатились над притихшим лесом. Рванул ветер, закачались деревья, зашумела листва. Хлынул дождь. Партизаны проснулись, получше укутались в плащ-палатки.

Майская гроза, пошумев, обильно полив и так перенасыщенную влагой землю, ушла куда-то за лес. И снова звезды заискрились, отражаясь в воде, у самых ног.

...Галушкин проснулся первым. Дрожа и ежась от холода, он замахал руками, стараясь согреться. Небо казалось холодным и твердым, как первый лед, появившийся утром на лужах. Борис слез с жерди. Разбудил Андреева.

— Сейчас пойдешь по нашим следам! Нас ждать будешь у выхода из воды. Следи внимательно, может, туда ребята придут. При тревоге — три одиночных выстрела. Ясно?

— Ясно, товарищ командир! — поднял голову Андреев.

— Марш!

Андреев взял автомат, плащ-палатку, мешок.

В полдень они молча побрели по следам Андреева.

Его они встретили на условленном месте. Посоветовавшись, пошли по своим вчерашним следам, надеясь, что Маркин и Щербаков, если остались целы, пойдут им навстречу, пользуясь оставленными ориентирами.

Шли, внимательно вглядываясь в густую зелень, боясь пропустить ребят. Каждый шаг давался с трудом. Выбившись из сил, остановились на краю просеки, решили отдохнуть. Молча курили махорку, разбавив ее сухим мхом. Время тянулось очень медленно. Галушкин с тревогой поглядывал по сторонам: место совершенно неподходящее для дневки. Вдруг он поднял руку.

— Тихо!

Послышался громкий хруст сухой ветки. В просветах между деревьями что-то мелькнуло. Вскоре на просеку вышли двое. Они были по пояс голые, с мешками за спиной.

Галушкин позвал Правдина, и они, крадучись, пошли к просеке. Затаились за толстыми деревьями, поджидая незнакомцев, но те скрылись в кустах. Галушкин приказал Виктору выйти на просеку. В это время незнакомцы о чем-то заговорили.

— Да это ж они! — радостно крикнул Правдин, услышав голоса.

— Точно! Эй, робинзоны! Марш сюда, — крикнул Галушкин и тоже вышел на просеку.

Маркин и Щербаков, увидев ребят, кинулись к ним. Маркин вытянулся перед Галушкиным.

— Товарищ командир, задание...

Галушкин махнул рукой, схватил Пашку в объятья. Потом оттолкнул его, хлопнул ладонью по спине, обнял Сергея.

Ребята принесли немножко картошки, которую откопали в подполье полусгоревшей избы.

XV

Очередная дневка не сулила неожиданностей. Как всегда, партизаны повалились на траву вокруг носилок и, чтобы не уснуть, пока не получат на это разрешение командира, перебрасывались словами. Галушкин внимательно осматривал местность вокруг стоянки, сверял с картой.

Все с тревогой ждали, кого Борис заставит дежурить: первая смена была самой тяжелой.

— Эх, ребятки, дал бы нам боженька счастья живыми остаться, — заговорил Правдин мечтательно.

— Ну и что тогда? — спросил Щербаков.

Правдин сел, удивленно глянул на Щербакова:

— Как что? Паша, ты слышишь этого субъекта?

— Угу.

— Так ты скажи ему, какая у нас жизнь до войны была! Скажи ему, чистая душа, как мы, бывало, получим стипендию и массовым кроссом мчимся в столовую. А там? «Флотский борщ есть?» — «Есть». — «По две порции на брата!» — «Гуляш имеется?» — «Пожалуйста».— «Нет, это блюдо оставим до более обеспеченного времени».— «Компот?» — «И компот есть». — «По три стакана на брюхо!»

Галушкин засмеялся.

— Ты чего, Лаврентьич? —повернулся к нему Правдин.

— А помнишь, как с сельхозвыставки ехали?

Правдин задумался на секунду, потом:

— Когда кутили на Пашкин день рождения?

— Ага, когда денег не хватило с таксистом расплатиться?

— Да.

— Жребий бросали, кому заложником в такси оставаться.

— Правильно.

— И имениннику повезло?

— Точно!

— Ну как же, ха-ха-ха! — засмеялся Правдин и указал на Маркина пальцем. — Паша, я до сих пор от тебя не добьюсь, как ты себя чувствовал тогда в заточении?

Маркин выплюнул травинку, молча перекатился на другой бок. К нему подполз Щербаков.

— Пашка, расскажи. Ну что тебе, жалко? — заинтересовался Щербаков, который с ними в институте не учился.

— Да ну вас. Тоже мне друзья! Чуть ноги не отморозил!

— Паша, так мы ж по-честному. Если б мне, например, выпал жребий, я бы с удовольствием...

— А вообще-то, ребята, Пашку должны были оставить вне игры. Расскажи-ка, Паша, разберемся, кто из вас прав? — просил Щербаков.

Но Маркину не удалось поведать о том, как он в день своего рождения оставался невольным пассажиром такси, пока ребята не раздобыли денег и не выкупили его из плена. Близко захлопали выстрелы.

— В ружье! — скомандовал Галушкин.

Стрельба с каждой минутой становилась все интенсивнее. Скоро стали слышны голоса людей, ржание коней.

— Кто это?

— Я думаю, Лаврентьич, что это партизаны! Прислушайтесь-ка. Видно, фрицы прижали их, слышите? — сказал Щербаков.

— Если наши, то надо помочь. Пошли! — сказал Маркин.

— Куда вы? — спросил Галушкин. — А здесь кто останется? — он кивнул на носилки и тут же добавил: — Ну ладно, Андреев и Головенков останутся с Николаем. Остальные со мной. Предупреждаю, что вступим в бой только при явном преимуществе фрицев!

Ребята двинулись на звуки стрельбы.

Лес кончился. Дальше тянулись луга. В полукилометре от них, в пойме извилистой речки виднелись нагруженные телеги, к ним были привязаны коровы. С места на место перебегали люди. Хлопали выстрелы. А ближе к лесу, в ложбинке, заросшей кустами, мелькали темные фигуры. Они вели сильный огонь из пулемета и автоматов.

— Фу ты, черт! Вот и разберись, где тут свои, а где чужие? — ворчал Правдин, выглядывая из-за пушистой елочки.

— Да это полицаи, а с ними немцы! — сказал Галушкин, опуская бинокль. — Я хорошо рассмотрел их серо-зеленые шкуры. Приготовиться! Маркину и Щербакову подавить пулемет! Я веду огонь по правому, Правдин — по левому флангу! Огонь! — приказал Галушкин.

Неожиданное вмешательство третьей стороны ошеломило сражавшихся. Огонь прекратился с обеих сторон. Но через минуту бой возобновился с новой силой. Засевшие у речки, видя, что на их противника наседают со стороны леса, усилили огонь. А немцы и полицаи, в чем ребята теперь не сомневались, попав под перекрестный огонь, часть своих людей повернули к лесу, стараясь подавить неизвестные автоматы. Однако четверка партизан, рассредоточившись и часто меняя позиции, была неуязвима.

Вскоре замолк вражеский пулемет. Серо-зеленые фигуры поползли по ложбине. Выбравшись из-под огня автоматов, они поднимались и бежали с поля боя. У речки люди тоже зашевелились. Всем табором они вышли из укрытия и, перегоняя друг друга, с криком «ур-р-р-а!» пошли на серо-зеленых. Ребятам хорошо было видно, как дружно бежали эти люди, как они спешили добраться до спасительного леса, куда их, видимо, долго не пускали.

Немцы почти не отвечали. Прячась в выемках за кустами, они отходили. В это время из леса появилось человек двадцать конников. С гиканьем и свистом всадники понеслись на отходивших, рассыпаясь цепью по лугу. Всмотревшись в кавалеристов, Галушкин крикнул:

— Смотрите, ребята, лесная кавалерия в атаку пошла!

Передние конники настигали немцев. Вот один из них выпрямился в седле, взмахнул рукой. Клинок блеснул на солнце. Серая фигура упала. Второй всадник тоже замахнулся, но, настигнутый вражеской пулей, свалился с коня. Лошадь без седока тревожно заржала и, волоча повод, понеслась в сторону деревни. Часть отступавших залегла и открыла стрельбу. Конники, не приняв боя, рассеялись по лугу.

Огонь с обеих сторон стал стихать, противники разошлись: одни спешили к деревне, другие — к лесу.

— Ну, ребята, теперь, кажется, все ясно. Подождем партизан.

Галушкин повесил автомат на грудь и вышел на полян-

ку. А к ним уже подбегали люди. Конники опередили пеших. К Галушкину подскакал молодой усатый мужчина. Потрепанный треух на нем был лихо сдвинут набекрень, черные глаза горели, в правой руке его поблескивала шашка.

— Эх ты! Смотри-ка, прямо — Чапай! — не сдержался Правдин.

— Кто такие? — строго крикнул тот.

Сдерживая разгоряченного коня, всадник поглядывал то на Галушкина, то на его ребят. Галушкин схватил коня за повод.

— Тише, Аника-воин! Разошелся!

— Что-о-о?

Галушкин вскинул автомат. Конь взвился свечой, заржал. Ребята стали с Борисом рядом, подняли оружие.

К коннику бросился высокий белобрысый парень, поймал повод:

— Ты что, Черняк? Не видал разве, леший, как они в тыл фрицам ударили?

— Не кричи, Серега, сам вижу,— ответил кавалерист. Он ловко кинул шашку в ножны и соскочил с лошади. — Извиняйте, браты, погорячился малость. Спасибо вам за подмогу!

— Вот это другой разговор, — сказал Галушкин, опуская автомат и протягивая ему руку.

К ним подходили люди, подъезжали скрипучие возы, на которых среди домашнего скарба плакали дети, стонали раненые, женщины громко причитали по убитым. Пестро одетые партизаны обступили ребят.

— Прижали нас, проклятые германцы, ни туда, ни сюда, хоть кротами в землю лезь! — говорил молодой партизан.

— Верно! Думали, совсем пропали, а тут вы! Ух и подмогли ж, хлопцы, право слово. Спасибо! — почти кричал пожилой партизан, вытирая темное морщинистое лицо рукавом ватника.

— Молодцы, вовремя подоспели, а то бы хана! — говорил третий.

— И откедова вы такие геройские взялись? — спросил старик с окладистой бородой, в рваном брезентовом дождевике, кнутовищем сдвигая на затылок заячий треух и прищуривая подслеповатые глаза.

— Да с неба они небось свалились, дорогие! — крикнула с телеги краснощекая тетка и хлестнула кнутом сопя-

щего от натуги мерина.— Но-о-о! Пошел, родимый! Но-о-о! Давай, дава-а-ай! — кричала она, стараясь выбраться из колдобины, в которой телега утопала по самые ступки колес.

Черноусый всадник оказался командиром небольшого партизанского отряда. Он рассказал, что они переселяли свои семьи в лес, так как немцы собирались угнать в Германию молодежь, а стариков поголовно уничтожить как сторонников партизан.

Уложив Николая на телегу, группа Галушкина двинулась в лагерь партизан.

Только день погостили ребята в местном отряде, но и за это время они о многом переговорили с партизанами. Некоторые сведения о противнике в прифронтовом районе Галушкин записал в свою «книжицу».

Партизаны дали Галушкину немного продовольствия, носильщиков и проводника. Носильщики сопровождали их всю следующую ночь, а проводник взялся провести группу в район небольшого Щучьего озера, где Галушкин намеревался переходить через линию фронта к своим.

XVI

Борис дал команду остановиться. Носилки опустили на траву, сизую от обильной росы. Сбросили мешки. Смахивая пот с лица, ребята разминали плечи, радостно смотрели на яркий пожар восхода. Николай плотно сжал синие веки, отвернулся от назойливого луча, пробивавшегося через золотую крону березки, спросил:

— Уже утро?

— Да, Коля. Смотри, как хорошо!

— Мне плохо... скоро ли дойдем?

Андреев склонился над ним.

— Успокойся, Коля. Уже мало осталось. Слыхал, как вчера громыхало? Это линия фронта, а за ней наши. Потерпи.

Николай застонал, потом скрипнул зубами, сжал почерневшие губы.

Андреев участливо глянул ему в глаза.

— Я тебя понимаю, Коля. Но что я могу сделать? Сейчас перевяжу тебя, и легче станет,— говорил Андреев, доставая из мешка все, что нужно было для перевязки.

Подошел Виктор с березовым веником в руках. Он при-

нялся старательно разгонять комаров, слепней и оводов, тучей клубившихся над носилками.

— Знаете, ребята, если мы будем так шагать и дальше, то через пару ночей разорвем финишную ленточку! — сказал Галушкин.

Он сидел под деревом и внимательно рассматривал куски своей карты.

— Вот здорово!

Партизаны окружили Галушкина.

— Слышишь, Коля, скоро дома будем! — радостно гаркнул Андреев.

— А как через линию фронта? — спросил Головенков.

Напоминание о фронте охладило их пыл. Чтобы попасть на свою сторону, надо было незаметно просочиться между боевыми порядками противника. Но как это сделать?

Определили место стоянки. Перевязали Николая. Посидели. Потом Галушкин, Маркин, Андреев, Щербаков и проводник пошли на разведку.

Они вышли на широкую просеку. По ней тянулась телеграфная линия, темнел проселочный большак с глубокими свежими автомобильными колеями. В одну сторону большак уходил на северо-запад и терялся в лесу, а в другую — поднимался чуть в гору. На пригорке среди раскинувшихся полей виднелись избы. Галушкин поднял бинокль. По дороге двигалась колонна. Она шевелилась, покачивалась, словно по дороге шли не люди, а ползла гигантская мохнатая гусеница. Голова ее уже приближалась к лесу.

— Кто это? Солдаты? — спросил Андреев, снимая с плеча автомат.

— Нет, ребятки, по-моему, это не войско,— сказал проводник. — Не любят германцы по нашей земле пешими ходить. Они больше на грузовиках да на мотоциклетках. Это пленные...

Чем ближе подходила колонна к лесу, тем отчетливее были видны отдельные фигуры, а скоро можно стало рассмотреть изможденные грязные лица, рваное обмундирование.

Покачиваясь из стороны в сторону, пленные, точно призраки, проплывали перед партизанами, притаившимися в кустах. Сильный конвой конных и пеших гитлеровцев сопровождал колонну полуживых людей. Овчарки рвались с поводков, пытаясь укусить тех, кто хоть на метр сворачивал с дороги.

— Лаврентьич, смотри — наши! — горячо шептал на ухо Галушкину Андреев.

— Да, Алексей, вижу!

— Может быть, попытаемся?

— О чем ты?

— Нападем!

— Не говори глупостей!

Галушкин оборвал товарища, хотя с тех пор, как увидел военнопленных, эта же мысль неотступно вертелась и в его голове. Но в ста метрах от дороги лежал раненый Николай. Если им удастся убить десяток фашистов, то остальные не оставят партизан в покое. Овчарки быстро возьмут их след. Найдут и Николая. А документы? Разве можно рисковать?

— Мало нас, Алеша, очень мало. Перебьют и нас и пленных. У-ух, сволочи!

А пленные все шли и шли. Иногда слышались короткие, точно прерванные стоны, хриплый кашель. В конце колонны плелись самые слабые. Партизаны обратили внимание на высокого белокурого юношу, на глаза которому поминутно сползала грязная повязка. Он поправлял ее забинтованной рукой, но слипшиеся бинты снова сползали на глаза. Полуобняв его, рядом шагал чернявый босой парень с орлиным носом. Правой рукой он опирался на палку. Оба они еле передвигали ноги, их глаза жадно смотрели на колонну, от которой они уже отстали метров на двадцать.

Партизаны сжали челюсти. Они знали, что будет с пленниками, если они упадут. Хорошо знали это и те двое.

— Смотри, смотри! Он сейчас упадет! — снова зашептал Андреев, поднимаясь на локтях.

— Да лежи ты! — одернул его Галушкин и сам невольно приподнялся на руках, чтобы лучше рассмотреть, что творится на дороге.

Дюжий конвоир направился к отставшим, замахнулся автоматом.

— Форвертс, форвертс! Русише швайне!

Чернявый парень шагнул навстречу конвоиру и загородил собой товарища, которого фашист намеревался ударить. Жестами он пытался уговорить конвоира пощадить раненого. А тот, потеряв поддержку, сделал еще несколько неуверенных шагов, зашатался и, хватая воздух руками, тяжело повалился на дорогу.

Автоматная очередь прокатилась по лесу. В хвосте колонны громко вскрикнули, столпились, кто-то упал, но тут

же вскочил и побежал вперед. Чернявый оцепенел на секунду, а потом с громким рыданием закричал:

— Звери-и-и! Убийцы-ы-ы!

Он бросился на конвоира и вцепился ему в горло. Неожиданное нападение ошеломило фашиста. Это помогло военнопленному свалить немца. Началась отчаянная борьба. Но к ним подбежали другие конвоиры. Они набросились на парня и отшвырнули его от немца. Тогда, схватив палку, на которую он опирался, пленный снова кинулся на врагов. И тут застрочил автомат. Выронив палку, пленный схватился за грудь, шагнул раз, другой и повалился в пыль... Вокруг стало тихо. Только эхо от автоматной очереди еще перекатывалось над притихшим лесом.

У партизан перехватило дыхание. Они напряглись, готовые вскочить на ноги и кинуться на фашистов. Только гневное лицо командира, который не сводил с них глаз, останавливало их от безумного порыва.

Сбитый с ног фашист поднялся, пошел за колонной. Ушли и остальные конвоиры.

— А-а-ах! Палачи-и-и! — вдруг со стоном выдохнул Андреев и вскочил на ноги.

Щелкнул затвор его автомата. Галушкин успел схватить Андреева за ногу и повалить на землю. Падая, он выронил автомат.

— Тихо, идиот!

Но Андреев снова рванулся, грубо оттолкнул Галушкина и кинулся к автомату. Тогда прыгнул Щербаков. Среднего роста, широкоплечий, очень похудевший, но еще с железными мышцами боксера, он молниеносным ударом в челюсть сбил Андреева с ног. Галушкин навалился на него, зажал рот. Маркин и Щербаков помогли утихомирить Андреева. Вскоре он затих.

— Эх, ты! Вояка! Совсем голову потерял! — беззлобно ругался Галушкин.

Андреев вздрагивал от рыданий.

— Смотри, какая прыть, черт рыжий! Тихий-тихий, а разошелся — не удержишь. Чуть пальцы не сломал об его бычью челюсть, — недовольно ворчал Щербаков, поглаживая ушибленный кулак и с удивлением поглядывая на Андреева.

— Не выдержал. От злости это я, — бормотал Андреев.

— «Не выдержал», — передразнил его Галушкин. — Партизан! Стоило бы нам встрять, как они перестреляли

бы всех военнопленных. Да и нам бы досталось! Не первый раз видишь такое, а сдерживаться не научился. На-ка, попей.

Андреев встал на колени, взял флягу.

— Знаешь, Лаврентьич. За каждый стон Николая я б зубами сотне фашистских гадов горло перегрыз! А тут еще эти ребята.

Партизаны вышли на дорогу. Андреев взял одного убитого на руки, Маркин поднял другого, и они скрылись в лесу.

Опуская свою ношу на землю, Андреев заметил, как у чернявого дрогнули ресницы.

— Ребята!.. Смотрите, он жив! — радостно крикнул Андреев. Пленный застонал, потом заговорил:

— Где? Где он?

Ребята догадались, о ком он мог спрашивать.

— Он здесь. Он рядом с тобой, — сказал Андреев.

— Кто вы?

— Партизаны.

Пленный чуть заметно улыбнулся, пошевелился и еле слышно сказал:

— Спасибо, товарищи. Я — Георгий... Шенге... Саня... он...

Никаких документов у погибших не оказалось. У чернявого в кармане гимнастерки нашли лишь маленькую фотографию, обернутую в полуистлевшие листки бумаги, видимо обрывки письма на грузинском языке. На фотографии еще можно было различить девушку в широкополой шляпе. Она стояла у ряда кудрявых кустов. Фотокарточка обошла всех партизан. Молча они рассматривали улыбавшееся лицо девушки, залитое кровью.

XVII

Могилу копали ножами под кудлатой елью, недалеко от дороги. У свежего холмика присели покурить.

— Ничего, ребята, — заговорил Галушкин, оглядывая притихших товарищей,— вот выполним задание, вернемся сюда, и пусть тогда держатся, сволочи! За каждого этого парня, за Володю Крылова, за Лобова, Кунина! Тогда мы не будем прятаться. Сами будем искать и бить, бить, бить их, гадов!..

Издали донесся стук колес. Ребята насторожились.

— Надо узнать, кто едет, — прошептал Маркин, вскакивая на ноги.

— Борис Лаврентьич, разреши мне, — попросил Андреев.

Галушкин строго посмотрел на него. Боясь, что ему не разрешат, Андреев снова попросил:

— Товарищ командир, очень прошу! Я узнаю, кто это едет.

— Ну что ж, Алексей, иди. Только без психу. Ясно?

— Ясно, товарищ командир!

Андреев схватил автомат. Пригнувшись, он легко побежал на звук колес. За ним последовали остальные. У самой дороги залегли. Через минуту со стороны деревни показалась подвода. В телеге, широко расставив ноги, стоял плотный немецкий солдат. На груди у него висел автомат. Сзади солдата сидел мальчишка лет тринадцати. Одной рукой он держался за грядку телеги, а второй поддерживал раздувшийся ранец. Мальчишка со страхом поглядывал на солдата. Худая брюхатая лошаденка, казалось, не чувствовала ударов гибкого прута, которым немец нещадно хлестал ее по спине и бокам.

— Шнель, шнель! Форвертс! Русише скатин! — покрикивал немец, опасливо посматривая по сторонам и дергая вожжами.

— Смотрите, ребята! Завоеватель Европы на боевой колеснице чешет! — не выдержал Маркин.

— Молчать! — оборвал его Галушкин.

Андреев щелкнул затвором автомата.

— Стой, Алексей! Живым надо взять! — приказал Галушкин.

Андреев кивнул, передал командиру автомат, а сам кинулся на землю и быстро пополз к дороге.

Телега поравнялась с густыми кустами. В ту же секунду из них выскочил Андреев и прыгнул на телегу. Оккупант не успел даже вскрикнуть, как сильная рука партизана захлестнула ему голову. Лошадь испуганно рванулась. Два сцепившихся тела свалились с телеги. Не выпуская из рук фашиста, Андреев вскочил на ноги и швырнул немца через бедро с такой силой и злостью, что тот кубарем покатился по земле и, только наткнувшись на дерево, замер, вылупив белесые глаза.

— Гутен морген, майн либер фриц! А-а-а, сволочь! — задыхаясь прошипел Андреев.

Схватив гитлеровца за грудь, Андреев рывком поставил

его на ноги. Немец недоуменно рассматривал заросшего бородой человека, очень похожего на одного из тех пленных, которые только что ушли вперед. Но недоумение фашиста длилось всего секунду. Не меняя выражения лица и позы, он потянулся к кинжалу, висевшему на поясе.

— Леха, берегись! — крикнул Щербаков.

Услышав тревожный голос Щербакова и поняв, что ему грозит опасность, Андреев мгновенно опустился на корточки. Падая, он так толкнул немца в живот, что тот взвился вверх и, перевернувшись, грохнулся спиной на дорогу. Кинжал блеснул в воздухе и упал в траву.

— Молодец, Леха! — подбежал к нему Галушкин.— Забирай фрица, и марш в лес. Торопись! Слышишь, машины идут?!

Андреев и Щербаков схватили ошалевшего немца и кинули его на телегу.

— Эй, парень, веди лошадь в лес! — приказал Галушкин. — Ребята, берите за передние колеса, снесем с дороги, чтоб следов не оставить!

Повеселевший мальчишка тряхнул вихрастой головой и схватил вожжи.

Углубившись в лес, партизаны спрятали телегу за приземистой елью. У телеги остался Андреев с пленным и проводник. Галушкин, Маркин и Щербаков снова поползли к дороге. Шум моторов нарастал. Вскоре по дороге промчался десяток мотоциклов с пулеметами на колясках. За мотоциклами проревели два бронетранспортера. Затем пошли грузовики с солдатами.

Большак оказался очень оживленным. Галушкин торопливо записал номера и маркировку бронетранспортеров и вражеских грузовиков.

Когда вернулись к телеге, Андреев уже успел обработать пленного: заткнул ему рот пилоткой, крепко связал руки, обыскал. У пленного он отобрал членский билет нацистской партии. В кармане ранца нашел колоду истрепанных игральных карт и пачку порнографических открыток. На груди у немца болтался железный крест и несколько новых медалей.

Принесли Николая, перевязали и накормили его, а потом и сами немного подкрепились из немецкого ранца. Галушкин приказал вынуть пилотку изо рта фашиста, задал вопрос. Правдин перевел. Но фашист молчал. Он только зло плюнул и зверем посмотрел на партизан.

— Вот, сволочь, не желает говорить! — возмутился Правдин.

— А чего ему понапрасну болтать. Он по-своему прав,— отозвался Маркин.

— Это ж почему?

— Да потому, Витька, что в такой ситуации хоть говори, хоть не говори, все равно — хана.

Правдин задумался, рассматривая немца.

Андреев отрезал большой ломоть хлеба, положил на него кусок сала, подозвал мальчишку, который все это время сидел под телегой.

— Возьми-ка, Митюк, на дорогу и домой собирайся.

— Дядь, а зачем мне домой? Я хочу с вами остаться.

Андреев ласково посмотрел на мальчишку, потрепал его по голове:

— Что ты, парень, нельзя. Как же ты уйдешь с нами, не предупредив родных? Нет, брат, так нельзя.

Мальчишка поднял на Андреева мокрые от слез глаза:

— Нету у меня родных. Один дед остался, а он тоже собирается в партизаны.

— Как нет? А где же они?

— Тятяня на войне, а мамку повесили. Раненых красноармейцев она в лесу спасала. Поймали ее и вместе с ними...

Партизаны участливо посмотрели на мальчишку. Галушкин хотел было взять Митюка с собой, но, поразмыслив, решил, что брать мальчишку не следует, слишком опасен был их путь.

— Да, Митюк, — подошел он к нему, — ничего не поделаешь. Так надо. Забирай своего Ваську и трогай к деду.

Митюк опустил голову, повернулся и пошел к лошади.

— А ну-ка, постой, Митюк! Что это у тебя?

Мальчишка остановился. Галушкин отвернул ворот его полотняной рубахи, потрогал пальцем синий рубец. Митюк поежился от боли.

— Когда Васька не хотел бежать, Ганс и меня — прутом.

— У-ух, зверь! — выдохнул Галушкин.

Он осмотрел вздувшиеся синяки на груди и спине Митюка.

— Ну, что ж, Митюк. Не обижайся, брат. Придет время, и ты будешь воевать. Если спросят, куда Ганса дел, так скажи, что он пересел на попутную машину, — посоветовал

Галушкин мальчишке, крепко пожимая его маленькую руку, потом осторожно обнял его за худые плечи.

— Ладно, скажу.

— Ну, иди.

Митюк вздохнул, вытер глаза рукавом и пошел, ведя лошадь за повод.

Партизаны стали собираться в дорогу. Оставаться на дневку вблизи такого оживленного большака было опасно.

Фашист по-прежнему упорно молчал. Допрос решили отложить. Андреев развязал фашисту руки, хмуро пробасил:

— А ну, Ганс Фрицевич, возьми-ка эти мешочки.

Он указал рукой на отощавший ранец, на свой вещевой мешок и сумку с толом.

— Чего это ты придумал, Леха?

— Да вот, Лаврентьич, хочу заставить фашиста поработать. Не даром же он, гад, ел наше сало и хлеб!

— Посмотрим, что у тебя получится.

Но фашист и не думал подниматься. Он продолжал сидеть, тупо уставившись в землю и бормоча что-то под нос.

— А ну, вставай! — толкнул его в спину Андреев.

— Цум тойфель, доннер ветер!.. Русише швайне! — вдруг гаркнул немец и хищно оскалил крупные зубы.

— Виктор, чего это он рычит? — спросил Андреев, всматриваясь в побагровевшее лицо фашиста.

Правдин засмеялся.

— Чего ты смеешься?.. Переведи!

— Он говорит, что ты, Леха, не кто иной, как русская свинья, которую он с удовольствием посылает ко всем чертям. Понял?

— Да ну? Врешь!

— За дословность перевода не ручаюсь, но за смысл — головой. Можешь мне верить, Леха.

— Лаврентьич, я думаю, что мертвый фашист всегда безопаснее живого. Может, оставим его здесь?

— Я, Паша, с тобой согласен. Но мне хотелось бы перетащить его через линию фронта. Ведь «язык» совсем свежий, понимаешь? А тут такое интенсивное движение. Возможно, что недалеко их крупный гарнизон или какая-нибудь база. Немало ценного он может знать.

— Это верно. Ну, черт с ним!

Маркин поскреб затылок, еще раз выругал пленного и отошел. Правдин хлопнул Андреева по плечу.

— Леха, а что тебе стоит? Я бы на твоем месте так и поступил.

— Как это еще?

— Сало из его ранца и ты ел? Ел. Да и сигареты его курил. Ну вот, дорогой, теперь и тащи его ранец.

— Да брось ты, Виктор! Ребята, я серьезно, что мне теперь с фашистским паразитом делать? — спросил Андреев и беспомощно развел руками.

— Что делать? — спросил Галушкин, строго посмотрев на немца.

Перед его глазами еще стояла худая спина и грудь Митюка, исхлестанные прутом.

— Да. Видишь, не желает, и всё, гад! — ответил Андреев.

— Я думаю, что делать тут, Алексей, ничего особенного не надо. Только заставить его немного мыслить.

— А как же его заставишь?

— Погоди-ка.

Подойдя к немцу сзади, Галушкин крикнул:

— Ахтунг! Штей ауф!

Немец вдрогнул и подскочил как ужаленный. Приложив руку к пилотке, он замер. Минуту царило молчание. Потом лес огласился дружным хохотом. Даже Николай приподнял голову и с интересом смотрел на пленного. Оккупант стоял, широко расставив ноги. Но это не помогло: широкие брюки медленно сползали. Оказывается, Андреев срезал у пленного на брюках все пуговицы, чтобы тот не убежал, а собираясь в дорогу, забыл вернуть ему брючный ремень.

Пока партизаны смеялись, фашист подобрал штаны, огляделся и вдруг кинулся бежать. Да так резво, что через секунду его широкая спина замелькала между деревьями. Он бросался то влево, то вправо, как заяц.

— Стой! Хальт!

Но фашист не останавливался. Галушкин вскинул автомат...

— Жаль, не получился «язык». Правдин и Щербаков останутся и подорвут по два телеграфных столба. Остальные за мной!

Галушкин вытер пилоткой пот с побледневшего лица и быстро пошел на восток.

XVIII

Со всех сторон слышался шум, гам, визг, чириканье. В густой листве суетились птицы. Лесное озеро, похожее на

огромное блюдо, застыло, четко отражая небо и густой лес.

Галушкин вслушивался в гул артиллерийской стрельбы, которая то накатывалась громовыми раскатами, то вдруг затихала. Звуки далекого боя они слышали уже третий день. Теперь, судя по звукам, до линии фронта оставалось пять-шесть километров.

В отряде, наверное, уже не раз запрашивали Большую землю: где, мол, Галушкин? Не вышел еще? А может быть, их уже нет? Ведь в отряде осталось больше больных и раненых, чем здоровых!

— Лаврентьич, ты чего не спишь? — перервал его раздумья Маркин. — Давай храпи, а то заставлю вместо себя дежурить.

Галушкин посмотрел на уставшее заросшее лицо друга. Как изменился за время похода этот жизнерадостный и веселый парень. Борис видел, как слипались у Маркина глаза, как неудержимо клонилась на грудь голова.

— Товарищ дневальный, не кажется ли тебе, что надо побриться?.. Пашка, ты же на бандита с большой дороги похож.

Маркин потрогал подбородок, сделал удивленное лицо.

— Смотри-ка, действительно зарос. Странно. Я же брился перед выходом из отряда.

— Возможно. А ты знаешь, сколько дней мы в походе?

Маркин подумал минутку, почесал затылок.

— Я, Боря, не влюбленный, дневника не веду. Но, думаю, что уже больше двух недель.

— Сегодня, Пашенька, восемнадцатый день, как мы блукаем по лесам.

— Да-а, выходит, уже время и побриться, — Маркин подергал себя за бороду.

Галушкин кивнул.

— Вот так-то, Паша! Ну, смотри тут.

— Хорошо, Боря, спи.

Галушкин натянул на голову плащ-палатку, а Маркин взял автомат, пошел в лес, чтобы со стороны наблюдать за лагерем. Ему казалось, что так будет надежнее: если враг кинется к ребятам, он ему очередь в спину.

Солнце наконец перевалилось через лес, стало пригревать, потянул ветерок, сморщил поверхность озера, закачал верхушку огромной сосны, под которой присел Маркин. Старые ветви заскрипели, а Маркину сквозь назойливую дрему казалось, что кто-то живой кряхтит, стонет и подкрадывается к их стану. Он вскакивал, вскидывал автомат,

оглядывался по сторонам, но вокруг было спокойно. Несколько раз обошел вокруг лагеря, потом снова сел под сосну. Когда становилось невмоготу бороться со сном, он шел к озеру, плескал в лицо холодной водой...

Кончился и восемнадцатый день. Они сидели вокруг костра и не торопясь готовились к ночному походу. Навес из еловых ветвей над костром охлаждал дым, и он расползался по земле, словно легкий туман. Проводник шелушил сосновые шишки, собирал в шапку мелкие маслянистые орешки. Партизаны чистили оружие, чинили одежду, Галушкин на ощупь старательно скреб бритвой подбородок. В путь не торопились, ждали пока совсем стемнеет.

— Ну, ребята, надо трогаться, — сказал командир, глядя на часы.

Все молча встали и пошли за ним.

С проводником простились на узкой лесной тропе. Эта тропа, по его мнению, вела к линии фронта. Крепко пожимая руки партизанам, проводник сказал:

— Прощевайте, ребятки, остерегайтесь. Сдается мне, што до фронта совсем рукой подать. Жарко будет... Столько ден хорошо было, а тут... да не дай бог!

— Ничего, папаша, прорвемся, — успокоил его Галушкин.— Спасибо тебе. Передай привет товарищам.

— Все исполню, как просишь. Счастливого вам пути. Будете возвращаться к себе в отряд, не забудьте к нам заглянуть.

Ребята подняли носилки, а проводник снял шапку и так стоял, пока партизан не поглотил переполненный птичьими голосами лес.

XIX

Где-то совсем недалеко была линия фронта. Но где она точно? Этого никто из них не знал. Иногда над ними слышался гул пролетающих самолетов. Тогда совсем рядом торопливо бухали зенитки, а в небе сверкали вспышки разрывов. Глухо ухали авиабомбы. Под ногами мелко дрожала земля, и эта дрожь передавалась партизанам. Над лесом взметнулись ракеты. Ребята внимательно смотрели на россыпь разноцветных огоньков, стараясь определить, какую команду и кому подает та или иная ракета. Может быть, враг уже заметил их и ждет удобного момента, чтобы схватить?

Тревожно прошла ночь. К утру стало спокойнее. Предрассветная тишина пугала и радовала партизан. Галушкин нервничал. Он все еще посматривал то на светящийся циферблат часов, то на нервно дрожавшую фосфорическую стрелку компаса. Где долгожданная линия фронта? Где враг и где свои? Удастся ли им найти удобный для перехода участок?

— Фрицы! — вдруг испуганно крикнул Головенков.

Он упал и дал очередь. Все бросились на землю. Неожиданный грохот автомата оглушил их. Наступившая затем пауза показалась страшной. Теперь им самим захотелось поскорее увидеть немцев, услышать гром выстрелов, лишь бы не стояла эта странная, словно душившая их тишина. Партизаны затаили дыхание. Но лес молчал, и каждая последующая секунда безмолвия казалась бесконечной.

— Головенков, в кого ты стрелял? — спросил Галушкин.

Боец молчал.

— Эх, шляпа!

— Мне показалось, я думал...

— Индюк тоже думал! Да его съели, — оборвал Головенкова Маркин.

Не успели ребята отругать Головенкова, как сразу в нескольких местах затрещали выстрелы. Послышались отрывистые команды. Это были гитлеровцы. Они, как понял Правдин из обрывков их фраз, намеревались окружить место, где протрещала первая очередь. Немцы, наверное, приняли партизан за советских разведчиков, пробравшихся в их тыл, и теперь хотели отрезать им путь отхода.

— Слыхали? Извольте бриться теперь из-за этого пулемета! — зло говорил Маркин.

— Замолчите. Огнем не отвечать! Попытаемся переждать! — сказал Галушкин.

Партизаны прижались к земле, затаились. Лес густой, может, немцы пройдут мимо, не заметят их.

— Борис, давай я отойду в сторону и огнем отвлеку их на себя, вы под шум пройдете, — зашептал Маркин.

— Замолчи, вояка! В каждую драку первым лезешь! — грубо прервал его Щербаков, поднимаясь на колени. Затем обратился к Галушкину: — Лаврентьич, разреши и мне с ним?

— Андреев, Правдин и Головенков с Николаем поползут вперед, а мы втроем прикроем!

Тем временем рассвело. Над просветами между кронами нависли низкие сырые облака.

— Ребята, берите носилки и за мной! — приказал Галушкин, изменив решение.

Сзади трещали выстрелы. Они заметно отдалялись: оккупанты двигались медленнее партизан. Прибавили шагу. Им показалось, что путь к линии фронта свободен и до восхода солнца они еще успеют добраться до нее, а там...

— Ахтунг! Хальт! — вдруг раздалось впереди.

Партизаны замерли:

— Ложись!

Недалеко заработал пулемет. Новая группа врагов преградила партизанам путь. Пули свистели над головами, звонко ударялись в смолистые стволы сосен, срезали ветки, рикошетили и с визгом уносились прочь. На шквальный огонь немцев ребята отвечали сдержанно, экономя патроны.

— Правдин, Головенков и Андреев, оставайтесь на месте. Мы поползем вперед. Гранатами попытаемся отбросить фрицев. После взрывов двигайтесь за нами!

Не оглядываясь, Галушкин пополз навстречу стрельбе. За ним следовали Маркин и Щербаков, держа в руках толовые шашки с короткими запальными трубками из бикфордова шнура. Не раз им приходилось с помощью таких примитивных ручных гранат прорываться сквозь кольцо вражеского окружения. Грохот тола во много раз превосходил по силе звука противотанковую гранату. Это приводило в замешательство немцев, а тем временем партизаны уходили.

Немцы были совсем близко. По команде Галушкина подожгли шнуры и швырнули толовые шашки, стараясь перекинуть их через кроны, чтобы они случайно не ударились о какое-нибудь дерево и не вернулись к ним.

После грохота тола ребята рванулись вперед, пробежали мимо искалеченных взрывами деревьев, залегли. Вскоре к ним подтянулись и остальные с носилками. В тишине было хорошо слышно, как тяжело дышали носильщики, как носилки ударялись о стволы деревьев и как вскрикивал раненый.

— Вперед, ребята, вперед! — торопил их Галушкин, внимательно оглядываясь по сторонам.

Тишина кончилась. Стреляли кругом. Партизаны остановились, не зная, куда им податься. Неужели окружены и отрезаны от линии фронта?..

— Борис, да это ж наши! Слышишь, ППШ? — вдруг радостно крикнул Маркин.

Ребята прислушались. Из свистящей трескотни немецких автоматов выделялся более четкий звук ППШ. Галушкин хлопнул Маркина по спине:

— Точно, Пашка! Вперед!

Партизаны рванулись с места, побежали. Однако скоро были вынуждены остановиться и прижаться к земле. Деревья стонали от впивавшихся в них пуль, швырялись щепками, теряли ветки, но надежно задерживали немецкие пули.

— Вперед! Ползком! — приказал Галушкин.

Выбиваясь из сил, ребята ползли на звук стрельбы советского оружия, волоча за собой носилки, а сзади все ближе и ближе слышались вражеские голоса. Но фашисты были не только сзади, они стреляли и с флангов, окружая группу партизан.

Николай со стоном отбросил плащ-палатку. В его руках чернел пистолет. Иссиня-бледное лицо раненого покрылось крупными каплями пота. Он тяжело дышал.

— Николай! Ты что? Успокойся. Прорвемся! — подполз к нему Галушкин. — Слышишь, Коля, впереди наши. Потерпи еще немного, ну?

— Борис, идите! Идите без меня! Сами вы прорветесь! Не могу, не хочу я, чтобы из-за меня все погибли. Я задержу их!.. Лаврентьич, иди!

— Да что ты! Разве мы тебя оставим? Столько прошли вместе, а теперь? Эх ты, чудак! — сказал Галушкин и наклонился над раненым.

— Всем не пройти! Слышишь, они окружают нас. Идите, пока не поздно. Ну-у?

— Не говори глупостей!

— Уходите же!

— Замолчи! Мы без тебя не уйдем, ясно?

Николай застонал.

— Николай, видишь? — Галушкин держал в руках сверток. — Это граната. Она обернута документами. Если мы донесем их к своим, то будут спасены тысячи советских людей. Но если немцы захватят их, то все обернется против нас! Коля, ты понимаешь, что это значит?

Николай приподнялся на локтях.

— Борис, давай мне!

— А сумеешь?

— Лаврентьич, разве я не комсомолец? Не москвич?

— Бери. Если что... только кольцо вырви, и все!

— Хорошо, Борис Лаврентьич, я это сделаю.

— Спасибо, Коля. Только не торопись.

— Эй, ребята, укройте Николая за деревьями! Алексей!

Андреев кинулся к Галушкину.

— Алеша, за Николая ты отвечаешь головой! Слышишь? Как хочешь, но тащите его к нашим, пока совсем не окружили. Мы прикроем!

— А вы? Вы-то как?

Галушкин увидел его грязное испуганное лицо. Голос Андреева был тревожный, он крепко взял Бориса повыше локтя. И это участливое прикосновение товарища как ножом полоснуло Галушкина по сердцу.

— Алеша, у Николая документы, понимаешь?

— Какие документы?

— С гранатой.

— Ясно, товарищ командир! — почти крикнул Андреев и быстро пополз к носилкам.

Галушкин вложил в автомат последний диск. К нему подползли Маркин и Щербаков. Легли рядом.

— Ну, Пашка, держись! — нервно зашептал Щербаков, раскладывая перед собой толовые шашки.

Галушкин поднял руку.

— Приготовить тол!

— Сергей,— позвал Галушкин. Щербаков повернул к нему лицо. Оно было напряжено, глаза прищурены.— Подпустим их поближе, потом толом.

— Ясно!

— Павел, а ты смотри, чтобы с тыла не подошли. После взрывов попытаемся догнать ребят.

Маркин скосил на него глаза, хотел что-то сказать, но Галушкин снова заговорил:

— Ну, ребята, держитесь! О плохом не будем думать. Но — черт его знает! Николая надо вынести во что бы то ни стало. С ним документы. Мы слово дали отряду. Без Николая нам пути к своим нет!

XX

Из штаба дивизии была получена шифрованная радиограмма. В ней сообщалось, что из глубокого тыла противника к линии фронта идет группа партизан под командованием младшего лейтенанта Бориса Галушкина. Партизаны

несут важные документы и тяжело раненного бойца. Командование приказывало организовать круглосуточное наблюдение и оказать помощь партизанам при переходе через линию фронта. А если им не удастся пробиться через линию фронта живыми, то следует принять меры, чтобы документы, которые они несут, ни в коем случае не попали в руки противника.

Получив приказ, командир роты лейтенант Иваненко и политрук Гришин уже пятый день ждали партизан. Они надеялись, что именно на их «гнилой участок», как Иваненко именовал в донесениях занимаемый его ротой участок, придут партизаны.

Иваненко рассуждал так: партизаны — не молодые бойцы, они не полезут на окопы противника, а будут искать такое место, где нет сплошной линии обороны и где самим немцам трудно разобраться в обстановке.

...Лейтенант Иваненко и политрук Гришин сидели в блиндаже перед разостланной на нарах картой своего участка. Слабый свет коптилки бросал бесформенные тени на стены, обшитые тесом, на бревенчатый потолок, с которого срывались редкие капли и звонко шлепались на нары. В приоткрытую дверь блиндажа струился июньский рассвет, доносились звуки просыпавшейся чащи. Вдруг длинно зазуммерил телефон. Комроты схватил трубку:

— Слушаю! Да, да! Я — Голубь! А-а, товарищ Орлик? Здравствуйте! Все в порядке. У меня пока ничего нового! Спокойно! Что? Есть, товарищ Орлик, будет исполнено! — Иваненко положил трубку на рычаг аппарата.

— Разведка батальона передала, что на той стороне видела группу оборванных вооруженных людей. Они прошли мимо секрета. Неизвестные несли какой-то длинный сверток. Может быть, это и были те партизаны, которых мы ждем?

Политрук встал с нар.

— Вполне возможно.

— Комбат тоже так думает. Он приказал немедленно послать им навстречу боевые группы.

— Ну, наконец-то дождались! — обрадовался политрук.

— Связной!

— Я здесь, товарищ командир роты!

В блиндаж вошел красноармеец. Огонек коптилки заметался из стороны в сторону. В накинутой на плечи плащпалатке красноармеец казался квадратным и неуклюжим,

сонное лицо его хмурилось. Видать, ему не очень-то легко было бороться со сном на утренней зорьке.

— Панкратов, передай командирам взводов, чтобы немедленно боевые группы выдвинули на передовые сектора.

— Есть, товарищ командир!

Он четко вскинул руку к пилотке, ловко повернулся и быстро вышел из блиндажа.

Алая полоска несмело пробивалась сквозь низкую облачность. Редкий туман уменьшал видимость, но командиры разглядели, как, прыгая с кочки на кочку, перебегая от куста к кусту, по болоту осторожно пробирались фигуры их солдат. Иваненко посмотрел на хмурое небо, а потом на болото, одобрительно заметив:

— Смотри, политрук, хлопцы уже пошли. Молодцы!

— Идут, будто по твердому грунту.

— Еще бы. Сколько дней на брюхе по нему ползали. Каждую кочку своими руками ощупали, знают теперь, куда ногу ставить.

За болотом заработал пулемет. Он стрелял короткими торопливыми очередями. Грянуло почти одновременно три взрыва. Пулемет замолчал.

— Ого! Слышишь? Противотанковые рванули. Это они, у наших бойцов противотанковых нет! — уверенно сказал комроты и побежал к передней линии окопов.

Политрук последовал за ним. Не успело заглохнуть эхо взрывов, как застрочили автоматы, захлопали винтовочные выстрелы. И снова, будто возвратилось эхо, загремели мощные взрывы. Скрытые огневые точки врага лихорадочно плевали огнем. Над болотом взвилась красная ракета. Разорвавшись вверху, она рассыпалась сотнями звездочек. Сквозь редкий туман политрук увидел, как из лесу появились фигуры людей с носилками. Трое из них метнулись обратно к лесу и скрылись за деревьями. Остальные бросились на землю и поползли к нашим окопам.

— Смотри! Вон туда смотри, это они!

— Верно, они! — подтвердил комроты и скомандовал: — Слушай мою команду! Перевести огонь противника на себя! Политрук, остаешься тут за меня! — Иваненко сбросил плащ-палатку, вскочил на бруствер, взмахнул автоматом и закричал: — За мной, товарищи-и-и! Впере-о-о-од!

Политрук внимательно прислушивался к бою. Наблюдатели засекли новые огневые точки врага. Дружно заработали наши минометы. Над лесом повисли дымки от частых разрывов мин. Лес огласился частой стрельбой. Видимо,

это боевые группы роты завязали с противником перестрелку в лесу.

Увязая в грязи, через болото пробирались три человека. На чем-то, как на салазках, они тащили сверток. Когда до окопов осталось всего метров сорок-пятьдесят, двое неизвестных повернули обратно. Третий встал на ноги, поднял с волокуши сверток и, держа его перед собой, как ребенка, пошел. Фашисты не могли не заметить шагавшего по болоту человека. Они открыли огонь, красноармейцы усилили ответный огонь. В лесу шум боя тоже нарастал.

— Э-эй, парень! Давай бегом!

— Чего ты, как на прогулке, тянешься! — кричали из окопов красноармейцы.

Человек вскинул на плечо большущий сверток и побежал зигзагами, стараясь попадать ногами на твердые кочки. Пули булькали в жидкую грязь совсем рядом, свистели у самой его головы, но он бежал, не останавливаясь, проваливался, падал, поднимался и снова бежал.

Политрук Гришин приказал бойцам усилить огонь, а сам выскочил из окопа навстречу бегущему. Сделав последнее усилие, человек с короткой рыжей бородой и такой же рыжей шевелюрой, в грязных лохмотьях, прыгнул через ров перед окопом и упал к ногам политрука. Падая, он резким движением повернулся спиной вперед, чтобы не придавить ношу. Сильно ударившись о край рва, одетый жердями человек застонал. К нему подбежал политрук, красноармейцы. Они подхватили на руки сверток и быстро скрылись в окопах.

Партизан вскочил на ноги, кинулся к свертку. Быстро развязал веревки, отбросил угол плащ-палатки.

— Николай! Коля! Очнись, это я!

Раненый слабо застонал. Мертвенная бледность проступала сквозь слой жидкой грязи. Последний переход окончательно измотал его. Андреев развернул плащ-палатку. Николай обеими руками сжимал гранату, обернутую документами.

— Смотрите, у него граната! — крикнул кто-то из бойцов.— Да возьмите ж у него гранату!

Андреев осторожно положил руку на гранату и потянул ее к себе. Но Николай дернулся, застонал и сделал движение, словно хотел вырвать из гранаты кольцо.

— Держи его! — с тревогой крикнул кто-то.

Но Андреев успел перехватить руку Николая.

— Стой, Коля! Мы уже дома!

Николай на секунду открыл глаза. Андреев осторожно вынул из его рук гранату, снял с нее бумаги, гранату сунул в карман брюк, а документы спрятал за пазуху.

— Ну вот и хорошо. Фельдшера, живо! — приказал политрук.

— Я здесь, товарищ политрук!

Стройный, похожий на цыгана парень склонился над Николаем.

Когда Андреев убедился, что передал раненого в надежные руки, он попросил:

— Товарищи, дайте мне патронов! Дисков! — он поднял над головой автомат, указал им в сторону, откуда доносилась стрельба. — Я должен вернуться туда, там мои товарищи, надо помочь им!

Политрук похлопал его по плечу, улыбнулся:

— Там теперь и без тебя справятся. Помоги фельдшеру.

Андреев не стал спорить. Он опустился рядом с Николаем, стал помогать фельдшеру срезать с раненого остатки грязного обмундирования, окровавленные бинты.

Стрельба на болоте не утихала. Взводы роты Иваненко вклинились в расположение противника и теперь вели бой. Под прикрытием минометного огня через болото поодиночке переползали партизаны. У Галушкина на голове белела свежая повязка. Маркин шатался, как пьяный, его сильно тряхнуло взрывной волной.

Николая обтерли полотенцем, раны перевязали чистыми бинтами, завернули в сухую плащ-палатку и дали немного водки. Он закашлялся, открыл глаза, с удивлением посмотрел на окружавших его товарищей, на красноармейцев, улыбнулся и сразу уснул.

Через час накормленные и немного отдохнувшие партизаны стали собираться в путь, так как из глубины нашей обороны позвонили и приказали немедленно доставить их вместе с раненым в полевой госпиталь.

Тепло провожали партизан бойцы и командиры роты Иваненко. Сам он подходил к каждому, дружески хлопал по плечу, жал руку.

— Ну и лихие ж вы, хлопцы! Не кубанцы, часом?

— Нет, мы москвичи.

— О-о, цэ гарно! Москвичи да кубанцы, як кажуть, цэ ж самая храбрая нация на свити! Ей-бо, не брешу!

Партизаны и бойцы смеялись:

— Ну и ловок ваш комроты!

— Что вояка тебе, что шутник!

Откуда-то донесся длинный автомобильный сигнал.

— Вот, уже прибиг! — незло выругался Иваненко.— Ну, хлопцы, время!

Галушкин подошел к Иваненко. Оба крепкие, рослые, они долго хлопали друг друга по широким плечам, по черным от болотной грязи спинам, смеялись, клялись в вечной дружбе и снова обнимались.

XXI

Не верилось, что они уже на Большой земле и едут на дребезжавшей полуторке в тыл своих войск. А навстречу им бегут машины с советскими бойцами, грузами. Красноармейцы улыбаются, машут руками. Ребятам казалось странным, что теперь не надо прятаться в густую чащу и отсиживаться там до вечера, чтобы ночью снова шагать и шагать, зорко оглядываться по сторонам, вздрагивать и хвататься за оружие при каждом громком треске, при каждом шорохе.

Галушкин жадно смотрел вперед. Не меньше двухсот километров прошагали. Напрямик по карте меньше, но разве партизаны по прямой ходят?

«Видимо, я все же счастливый,— думал Галушкин.— Столько прошагать с носилками по тылам врага и ни одного человека не потерять. Это же настоящее счастье!»

По сторонам дороги толпился лес: сосны раскинули над дорогой огромные ветки, курчавые березки кокетливо распустили свои золотые косы, мелкая поросль толпилась вокруг старых деревьев, будто у ног ласковых бабушек. Многоцветное разнотравье, которое пора было косить, пестрым ковром покрывало поляны и перелески.

Та же красота была и на той стороне, но казалось, что увидел он все это впервые.

— Лаврентьич,— толкнул его в бок Маркин.— Ну как?

Глаза у Маркина покраснели от бессонной ночи, но все равно лукаво блестели.

— Ох, здорово, Пашка!

— Точно, Боря, здорово!.. Споем?

Галушкин радостно засмеялся. Ребята повернулись к ним.

Носилки с Николаем держали на руках четверо бойцов из роты Иваненко, чтобы смягчить тряску по ухабистой

лесной дороге. Здесь же был и фельдшер. Он внимательно следил за раненым, поглядывал на шумевших ребят, улыбался.

Минут через тридцать показался брезентовый городок. Палатки прифронтового госпиталя прятались под сенью огромных деревьев. Полуторка засигналила и остановилась у квадратной палатки с большими целлулоидными окнами.

Партизаны спрыгнули на землю. Над рощей вились дымки походных кухонь, вкусно пахло едой. На веревках, протянутых между деревьями, белели ряды рубах, кальсон, под свежим ветерком пузырились простыни — городок жил своей хлопотливой жизнью.

В госпитале партизан встретили, как давно знакомых. Николая сразу унесли в квадратную палатку с большими окнами. Остальным отвели просторную палатку с широкими нарами из свежих досок, приятно пахнущих хвойным лесом.

Утром ребята отправились навестить Николая.

Побритый и вымытый, он лежал в чистой постели. Чувствовал Николай себя гораздо лучше, чем вчера. Это сразу можно было заметить по его спокойному лицу. Увидев ребят, он радостно улыбнулся, даже приподнялся на локтях. Больные, находившиеся в той же палатке, повернулись к вошедшим. Жители городка уже знали, какой долгий путь прошли эти люди по тылам противника. Раненые дружелюбно и не без любопытства рассматривали партизан, которые теперь выглядели тоже совсем не так, как вчера: выбритые, вымытые, в новом обмундировании.

Борис присел на край койки, на которой лежал Николай. Ребята разместились кто на чем.

— Ну, Коля, как самочувствие? — спросил Галушкин, беря его бледную руку.

Николай нахмурился, увидев бинт на голове Галушкина:

— Рана не опасна?

— С таким ранением, Коля, можно и на ринг выходить. Ерунда. Через день-два сниму. А вот как у тебя дела?

— Ничего, Лаврентьич. Чувствую я себя лучше. Только устал после операции. Очень долго врачи мучили.

— Да ну? Уже? — удивился Правдин и шагнул к кровати.

— Ага, ночью.

Ребята заулыбались, загомонили:

— Коля, а ты не знаешь, какую тебе кровь влили?

— А что? — насторожился больной. — Я, Витя, не знаю. Обыкновенную, наверно, как и всем.

Правдин крякнул, еле сдерживая смех.

— Ну, раз обыкновенную, то хорошо. А то, знаешь, тут все может случиться в спешке. Всадят тебе с пол-литра какой-нибудь девчачьей крови, и радуйся потом.

— А разве имеет значение, какого пола кровь?

— Кому как. А то вдруг запоешь сопрано, а то еще и глазки нам станешь строить. Возись тогда с тобой.

— Да что ты? Разве такое может случиться?

— Ого, а то нет! Бывает же: родится человек, а как его назвать, никто и не знает — тетка это или дядька. Тут, брат, ухо востро надо держать...

Ребята прыснули. Больные заулыбались.

— Значит, все в порядке? А мы приготовились по пол-литра тебе своей крови отвалить, а Леха даже литр грозился отлить. Выходит, что нас опередили! — смеясь сказал Маркин.

— Спасибо, ребята. Но больше, наверное, не надо.

— А может, вольем еще, а? Скорей на ноги встанешь, и опять в свой отряд. Давай, Николай? — предложил Щербаков.

Николай нахмурился, облизал обветренные губы. Протянул руку к тумбочке. Борис подал ему жестяную кружку с водой:

— Чего ты, Коля?

— Боюсь я, Лаврентьич, что мне у вас уже не придется побывать... Инвалидов в армию не возвращают.

— Не отчаивайся, Коля, тебя тут так отремонтируют, что и следов не останется. Все в порядке будет, — старался успокоить его Галушкин.

В палату вошла дежурная сестра. Она приветливо поздоровалась с партизанами.

— Товарищ младший лейтенант, вас просит к себе начальник госпиталя.

— Хорошо, сестричка. Спасибо, сейчас иду, — ответил Галушкин.

Сестра вышла, а Галушкин склонился над Николаем, взял его за руку. Николай повернулся к нему:

— Борис... Лаврентьич, — губы его задрожали.

— Крепись, Николай. Мы тебя не забудем.

— Лаврентьич, передай всем товарищам, всему отряду от меня... а вас я никогда не забуду... до последних дней...

Галушкин обнял и поцеловал раненого.

— Будь здоров, Коля, поправляйся, мы уверены: все обойдется хорошо.

— Прощайте, ребята...

— До свидания, Коля.

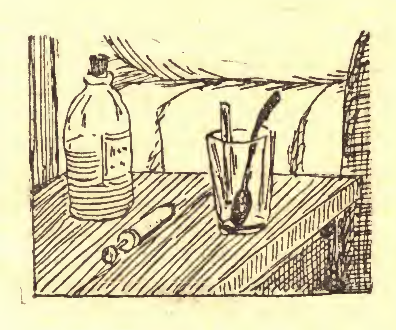
Партизанам было грустно и тяжело расставаться с раненым товарищем. Андреев стоял в стороне.

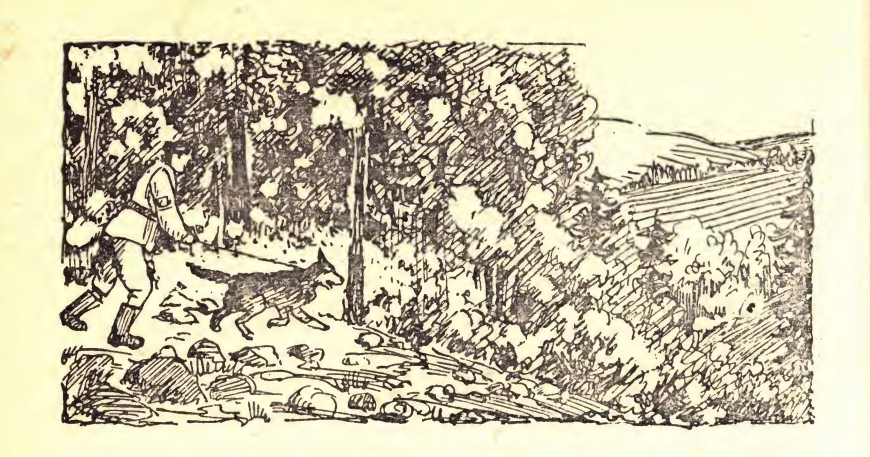
— Алеша... Спасибо тебе, как брату...

Андреев засопел. Он наклонился к Николаю и долго не поднимал своей лохматой головы с его часто вздымавшейся груди.

* * *

Так закончился тяжелый переход по тылам врага группы московских спортсменов-комсомольцев, участников разведывательно-диверсионного отряда советских партизан. Из отряда они вышли 18 мая 1942 года, а линию фронта перешли 5 июня 1942 года. Но в отряде еще долго ничего не знали об их судьбе. И только 21 июня 1942 года из Москвы передали радиограмму, в которой сообщили, что Борис Галушкин и его боевые товарищи благополучно вышли на Большую землю. Раненого бойца сдали в полевой госпиталь. Разведывательные материалы, которые они принесли, получили высокую оценку командования Западного фронта Красной Армии.

ВЕРНОСТЬ

Он бежал по пустынному шоссе, часто оглядываясь на зарево пожара и невольно вздрагивал, когда за его спиной гремели орудийные выстрелы, а потом высоко в ночном небе рвались снаряды. Где-то гудели невидимые самолеты. Эхо от взрывов авиабомб подобно грому долго перекатывалось над горами.

Надвинувшееся облако закрыло луну, стало темнее. Беглец остановился, прислушался. Недалеко шумела вода. Свернув с шоссе, он побежал в сторону шума, спотыкаясь о камни, и вскоре оказался перед разрушенной мельницей на берегу реки. Не раз, когда пленники возвращались из каменоломни, где каждый день рубили и грузили на машины ракушечник, он видел около мельницы обгоревшие бревна. Но сейчас их не было. «Где же они? — с тревогой подумал он, вглядываясь в темноту.— Ага, вон, чернеют».

Он скатил в воду два бревна, сел на них верхом и оттолкнулся от берега. Течение подхватило и понесло. Загребая руками, он пытался удержать бревна параллельно берегам, а они шевелились под ним, расходились, словно живые. Сжимая бревна ногами и обнимая руками, как неопытный седок норовистую лошадь, он старался не свалиться и закрывал глаза, когда его стремительно проносило мимо торчавших из воды камней.

Кончалась ночь. Луна неторопливо спускалась к темной

гребенке леса, покрывавшего невысокие горы, серебрила поверхность реки.

Беглец понял, наконец, что свободен, и облегченно вздохнул. Управляя бревнами, он внимательно всматривался в берега, старался отыскать место, где можно было спрятаться от погони.

...Вторые сутки он скрывался в небольшой пещере, вымытой в толще обрывистого берега. Убежище было надежное, только очень донимал голод. Он часами сидел у проносившейся мимо прозрачной воды, наблюдал, как проплывали стаи крупных рыб. Бросал в них камни, но напрасно. Ему удавалось оглушить только мальков, но и тех уносило быстрым течением. Питался зелеными ягодами ежевики, шатром нависавшей над входом в пещеру. Вскоре от зеленых ягод у него появилась оскомина. Было больно сжать зубы. Сегодня в прибрежных кустах он нашел гнездо с двумя конопатыми яйцами величиной с ноготь и съел их вместе со скорлупой, но голода не утолил. Он ходил по тесной пещере, как зверь в клетке. Беглец хорошо понимал, что надо уходить, пока еще были силы, но в окрестности слышались выстрелы. И это его удерживало. По-видимому, гитлеровцы охотились за узниками, убежавшими, как и он, в ту ночь из концентрационного лагеря через брешь, пробитую в ограде авиабомбой.

К концу третьего дня его пребывания в пещере небо заволокло тучами. В верховьях реки засверкали молнии, глухо и длинно зарокотали горы. Сырая хмарь погасила последние отблески уходившего дня. Вода в реке стала быстро прибывать, помутнела и вскоре потекла в пещеру. Хлынул дождь. Рев поднявшейся реки и вой ветра заглушали все вокруг. Частые удары грома, казалось, раскалывали горы на части.

Вода поднялась уже выше пояса. Беглец с трудом выбрался из залитой пещеры и, хватаясь за кусты, за выступы камней, стал карабкаться на высокий крутой берег. Холодные струи дождя хлестали в спину, в лицо. Вдруг гибкие стебли выскользнули из ослабевших рук, неудержимая сила потянула его вниз. Стараясь удержаться, схватился за жгучие плети ежевики, но, громко вскрикнув от боли, выпустил их и полетел в ревущий поток.

Беглец очнулся, тело его сковывала холодная липкая сырость. По мере того как приходило сознание, его

охватывала тревога. «Где он? Что с ним?» Он открыл глаза и увидел, что лежит на краю берега, покрытого свежим илом. Река, бесновавшаяся вчера, сегодня мирно урчала. Яркое солнце выползало из-за гор. Невдалеке темнел лес. Увидев все это, беглец вспомнил, что с ним произошло, и понял, что надо поскорее уходить. Собравшись с силами, он приподнялся на руках и пополз к лесу. Движения согревали его, а тепло прибавляло сил. Держась за ствол дерева, он встал на ноги, передохнул. Потом, медленно переходя от дерева к дереву, направился в чащу. Однако дальше вековой сосны, которая стояла на его пути, он идти не смог и со стоном свалился на хвою. Полежав минуту, он попытался ползти, но вскоре потерял сознание.

Далеко за полдень он неожиданно, как от сильного толчка, проснулся, сел и несколько минут напряженно вслушивался в новый звук: где-то лаяла собака. Ему стало страшно. Человек хорошо знал, как трудно пешему уйти от овчарки, если она взяла след. Поднявшись на ноги, он с тревогой посмотрел в ту сторону, откуда доносился лай. Стряхнув с изорванного обмундирования куски ила, он направился к реке, надеясь, что и на этот раз она спасет его.

Долго шел вдоль обрывистого берега, искал спуск к воде. Лай то смолкал, то слышался громче, заставлял его ускорять шаг и пристальнее всматриваться в реку, берега которой, как назло, были обрывисты и высоки. Вода налетала на камни, шумела и пенилась. Прыгать в реку с такой высоты было безумием. Он решил, что живым в руки врагам не дастся. То, что он видел и пережил в концентрационных лагерях, особенно в последнем, было страшнее смерти. Слыша нетерпеливый лай собаки, беглец вспомнил, как на его глазах овчарки до смерти загрызали узников, пытавшихся убежать из лагеря. Он знал, что если его поймают фашисты, то они сделают с ним то же. У него зашевелились волосы, когда он представил, как его настигает погоня. Он застонал и побежал дальше, надеясь все же спуститься к спасительной воде. Но река точно издевалась над ним: все выше поднимала она свои обрывистые берега, а вода бурлила и шумела так, что порой заглушала собачий лай...

Он бежал из последних сил. Грудь вздымалась, как кузнечный мех, ноги подкашивались, голова кружилась, а мозг лихорадочно искал выхода. По лаю он определил, что по его следу идет одна овчарка. Сколько с ней солдат: один, два или больше? «Только не плен!» — звенело в голове. А вокруг сосны и кудлатые ели тихо шумели, поскрипыва-

ли сцепившимися ветвями, густая трава хватала за ноги. «Ох, броситься бы сейчас вниз лицом и... нет, нет!» Он рванул ворот гимнастерки, мешавший дышать, свернул в заросли. Гибкие ветки молодняка больно хлестали по лицу, по рукам, сучья рвали одежду, царапали кожу. «Куда ты бежишь?» — спросил он себя и остановился.

Большой, когда-то очень сильный, но теперь голодный и изнуренный, он уже не мог бежать. Зашатавшись, обнял сосну, припал горячей щекой к ее корявому стволу, замер, будто просил у дерева силы и защиты...

Злой лай овчарки заставил вздрогнуть. Сердце забилось быстрее. Он сжал челюсти. «Чем бы оглушить овчарку? — думал он, всматриваясь в лес, откуда подходила беда.— Но она на поводке. Они появятся вместе: овчарка и фашист. Надо их разъединить». Он вышел из леса. На противоположной стороне поляны появился немец. Видно было, как овчарка рвалась с поводка, слышалось ее нетерпеливое повизгивание. До них было еще больше ста метров. Заметив беглеца, немец что-то крикнул и спустил с поводка собаку. Беглец снова кинулся в лес. Ломая ногти, стал выдирать из земли камень потяжелее.

Когда овчарка метнулась из-за куста и остановилась, словно хотела прежде увидеть, чем вооружен человек, он даже обрадовался. Высунув язык, собака тяжело дышала, шерсть на спине дыбилась. Беглец ждал с поднятым над головой камнем, пораженный величиной разъяренного животного. Так они — человек и зверь — стояли секунду, рассматривали друг друга, готовясь к смертельной схватке.

Овчарка фыркнула. Беглец напрягся, крепче сжал камень. Еще мгновение — и собака рванулась с места. Беглец качнулся навстречу, намереваясь ударить ее. Но она ловко увернулась, а он не удержался, упал вниз лицом. А когда почувствовал когтистые лапы на спине и горячее дыхание у затылка, сжался от страха. Он хорошо знал, что стоит двинуть рукой или ногой, как острые клыки пса вопьются ему в шею. Секунды казались ему вечностью, а овчарка продолжала обнюхивать его. «Сейчас появится фашист — и мне конец!» — с ужасом подумал он и с отчаянным воплем рывком перевернулся на спину. Овчарка отскочила.

— Фу! Фу! — выкрикнул он, вскакивая на ноги, надеясь хоть на секунду остановить пса, чтобы снова схватить камень.

И тут произошло непонятное: овчарка скалила зубы, но не двигалась, а беглец, увидев на ее лбу большой шрам,

который высоко поднимал бровь, остолбенел. В памяти его замелькали картины годичной давности.

...Гул самолетов разбудил заставу. Пограничники по тревоге двинулись к границе, откуда слышались выстрелы и взрывы. Четыре долгих дня и короткие ночи советские воины сдерживали бешеные атаки гитлеровцев. От окруженной заставы остались лишь развалины, над которыми вился дым да беспокойно летали голуби. На пятую ночь решили пробиваться на восток. Рядом с ним была собака. Не одного нарушителя они задержали с ней за время службы. Последний враг перешел границу за два дня до начала войны. Это его пуля задела голову пса...

— Абрек? Абрек, ко мне! — позвал он, узнав собаку, и отбросил камень.

Огромная овчарка рванулась было к беглецу, но вдруг остановилась, легла на брюхо и, визжа и поскуливая, поползла к нему, будто извиняясь.

— Абре-е-ек!!

Овчарка вскочила. Положила лапы беглецу на плечи и лизнула его в мокрую от слез щеку. Он обнял собаку и снова вспомнил, как остатки гарнизона заставы пытались пробиться из окружения, как в последнем бою его оглушило взрывом. С тех пор он не видел Абрека...

Вдруг Абрек насторожился, зарычал. Послышался шум. Беглец взял собаку за ошейник, спрятался за выступ скалы.

Когда задыхавшийся от бега фашист поравнялся с ними, пограничник свалил его ударом камня. Взяв автомат врага, он облегченно вздохнул.

Вечерело. Заходившее солнце светило им в спину. Советский пограничник с седыми висками и огромная овчарка со шрамом над глазом быстро шагали в ту сторону, где находилась линия фронта.

МУЖЕСТВО

Самолет возвратился утром. Командир экипажа сообщил, что оперативная группа Остапа в ночь на 10 апреля 1942 года благополучно выброшена в глубокий тыл противника. Но Степан, радист группы Остапа, ни в день выброски, ни в последующие дни на позывные Центра не отзывался.

Только в середине мая он наконец вышел в эфир. «Во время приземления были замечены националистами. Помощник и врач погибли. Питание рации вышло из строя. Я ранен. Со Степаном отсиживались на острове. Легализовались в известном вам рабочем поселке. Условия благоприятные. Группа выросла до 20 человек. Отсутствие помощника тормозит работу. Нуждаюсь в оружии. Сообщите условия связи с местным подпольем. Жду указаний. Остап. 14.V.42 г.».

Радиограмма обрадовала. «Но зачем ему понадобилось сейчас связываться с местным подпольем, когда у него совсем другие задачи?» — недоумевали в Москве.

Остапу предложили регулярно информировать о положении в его районе и указать место, куда можно сбросить грузы для его группы.

И снова Остап замолчал на неделю, а потом передал: «Из-за отсутствия питания информировать Центр не могу. Людей много. Нуждаюсь в помощниках, оружии, ВВ. Отчет пришлю со Степаном. Сам идти не могу — открылась рана».

Из Москвы ответили: «Согласны с вашими планами. Будьте осторожны. Ждем Степана с отчетом».

Вскоре Степан прибыл в Москву. В кабинете начальника отдела он распорол голенища своих сапог и извлек из них стопки листков бумаги размером в четверть листа из ученической тетради. Остап очень подробно описывал обстановку в тылу врага. Перечислил до сотни фамилий влившихся в его группу людей, предлагал создать партизанскую бригаду. Просил прислать командиров и все необходимое. Степан подтверждал, что в их районе действительно есть условия для создания крупного партизанского соединения.

Однако предложение это удивило руководство. Формировать бригаду из необученных, необстрелянных и непроверенных людей в тылу врага было по крайней мере наивно. В первом же бою она была бы разгромлена противником. Поэтому решили создавать не бригаду, а небольшой хорошо вооруженный отряд и для начала направить Остапу двух оперативных работников и комиссара. Степана отправить в тыл с рацией первым. Встретившись с Остапом, он сообщит координаты базы и места, куда можно будет затем сбросить людей и грузы.

Поздно вечером лейтенант государственной безопасности Балашов, срочно вызванный из командировки, входил в большой дом на Лубянке.

— А-а-а, явился? Хорошо! Ну, как там дела? — спросил начальник отдела, выходя из-за стола ему навстречу.

— Дела налаживаются, товарищ комиссар.

— Ну, добро. Подробности после. Садись.

Они закурили.

— Так вот,— продолжал начальник отдела,— настойчивая твоя просьба удовлетворена: летишь к Остапу комиссаром отряда. Как, доволен?

— Нашелся?! Как он там?

— Трудновато. Надо помочь. Но условия для работы хорошие, людей много.

Начальник отдела коротко рассказал о прибытии радиста, о мерах, принятых по отчету Остапа. Лейтенант Балашов жадно слушал. Он был рад, что его старый университетский друг жив.

— Он тебе, брат, привет прислал. Благодарит, что заботишься о семье.

Лейтенант удивленно посмотрел на начальника отдела, подался вперед.

— Простите, товарищ комиссар, о чьей семье вы говорите?

— О семье Остапа, конечно. Что с тобой? — спросил начальник, видя, как лейтенант изменился в лице и насторожился.

— Товарищ комиссар, а где доклад Остапа?

— Вот копия.

— А оригинал? Это очень важно!

— Да что с тобой?

— Потом, потом, скорее!

— Оригинал у меня,— сказал присутствовавший здесь же капитан Сазонов.— Пойдем!

Они вышли.

Лейтенант Балашов разложил листки отчета Остапа на столе, принялся внимательно их рассматривать. Потом, начертив квадрат, разделил его на клетки, вписал в клетки буквы и цифры, стал быстро писать на отдельном листе бумаги слова. Он впился взглядом в написанный текст.

— Что там? — тревожно спросил Сазонов.

— Где Степан?

— Уехал на аэродром. Сегодня ночью он возвращается к Остапу.

Балашов побледнел.

— Немедленно задержать вылет! Звоните на аэродром!

«Дуглас» благополучно пересек линию фронта и уже подлетал к месту выброски, когда стрелок-радист принял радиограмму: «Выброску пассажира запрещаю. Повторяю: выброску пассажира запрещаю. Возвращайтесь домой». Видавший виды командир экипажа, получив такое приказание, решил лететь по отлогой дуге, чтобы пассажир не заметил разворота самолета. Но уловка летчика не ускользнула от внимания Степана: во время полета он часто посматривал то на часы, то на компас. Заметив, что курс самолета изменился, он открыл дверь в кабину летчиков.

— Эй, ребята, почему развернулись?

Командир ответил:

— Беда, парень! Серьезные неполадки в моторе, Слышишь, как барахлит? Дальше не полетим. Надо возвращаться!

Степан глянул на часы, пожал плечами.

— Странно. По времени должны были подлетать к месту! Зачем же возвращаться?

— Да ты что? Все время шли против ветра. Нет, еще далеко! — сказал командир, внимательно всматриваясь в приборы.

Степан нахмурился.

— Тогда сбросьте меня здесь! Я пешком доберусь до базы!

— Что ты болтаешь? Не имею права рисковать! Мне за тебя дома голову оторвут! Ведь еще далеко от вашего квадрата!

Степан молча закрыл дверь. Летчик вслед за ним вышел из кабины и увидел, что Степан открывает боковой люк.

— Эй, что ты делаешь? Отойди от люка! — крикнул он и кинулся к радисту.

— Стой! — Степан выхватил пистолет. — Я не могу возвращаться, понимаешь? Здесь меня ждет мой раненый командир!

— Брось дурить! Отойди от люка!

— Назад, говорю, или стреляю!

— Идиот! Брось дурить!

— Руки! Подними руки!

Летчик поднял руки, остановился. Степан открыл люк. Держась левой рукой за кольцо парашюта, он спиной шагнул за люк и, как-то неуклюже задрав ноги, вывалился из самолета.

Вокруг «Дугласа» затанцевали вспышки разрывов — он уже летел над линией фронта. Прямо по курсу горело зарево восхода.

Делая круг над аэродромом, командир экипажа услышал в шлемофоне: «Дуглас» № 325, посадку запрещаю! У тебя на буксире человек!»

Из фонаря стрелка-радиста было хорошо видно, как за хвостом самолета болталась фигура человека. «Дуглас» стал набирать высоту. Вскоре его догнал истребитель, а через несколько минут самолет получил разрешение на посадку.

В исковерканном теле, висевшем на хвосте, с трудом опознали радиста. По-видимому, Степан рано раскрыл парашют и его купол запутало в хвостовом оперении самолета.

Лейтенант Балашов сидел в кабинете начальника отделения и перебирал листки отчета старшего лейтенанта государственной безопасности Игоря Петровича Назарова. В мае прошлого года они проводили Наташу, жену Игоря, с дочуркой Иришкой к его матери на юг. Он обещал скоро к ним приехать в отпуск. Кто тогда думал, что все так трагиче-

ски кончится: семья осталась по ту сторону фронта, а он...

Вошел начальник отдела. Балашов встал.

— Сиди, сиди! Скажи, лейтенант, откуда ты узнал, что радист Остапа — предатель?

Лейтенант пригладил волосы, стал рассказывать:

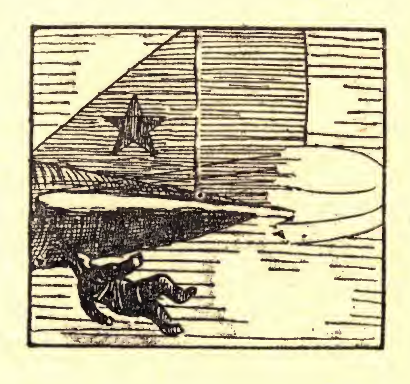
— Перед отлетом Игоря Петровича в тыл мы договорились с ним о некоторых условностях. Его семья осталась в оккупированном Николаеве. В своем докладе он благодарит меня за то, что я забочусь о его семье. А это значит, что он попал в беду. Затем: такой опытный чекист, как старший лейтенант Назаров, не мог предложить подобный план создания в тылу врага партизанской бригады, не попросил бы он и связи с местным подпольем. Видимо, этим он хотел нас насторожить.

— Да. Верно. Все это очень непохоже на него. Так. И это все?

— Нет, не все, товарищ комиссар. Главное вот здесь,— лейтенант разложил листки отчета Остапа.— Смотрите, количество абзацев на каждой странице означает определенную цифру или число. Буквы кривые, частые помарки. Наверно Игорь Петрович был очень слаб, когда писал. К счастью, об этой хитрости чекиста немцы не догадались, хотя многие абзацы написаны им не к месту, неграмотно.

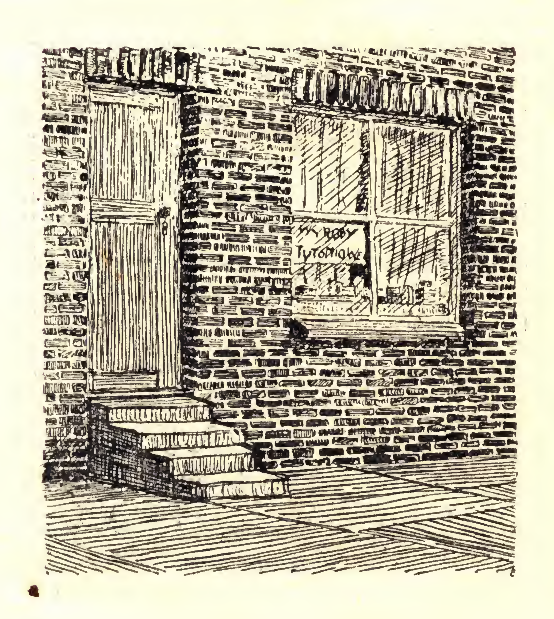
— Да, просто, но оригинально. И что же он сообщает?

Лейтенант вздохнул, взял исписанный им лист бумаги, прочитал: «Степан — предатель. Спасая свою шкуру, работает на врага. У меня перебиты ноги. Я у них. Послал наивный план создания бригады, чтобы предупредить вас. Выхода нет. Прощайте! Ночью сорву бинты».

С. СТРЕЛЬЦОВ

В ПОЛЬСКОМ РЕЙДЕ. ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

В ПОЛЬСКОМ РЕЙДЕ

Схема движения партизанской бригады, которую возглавлял Николай Волошин, имела вид сжатого с боков обруча.

Среди сотен сел, местечек и хуторов, заполнявших пространство обруча, был небольшой бойкий поселок Т., стоявший на скрещении малозаметных на карте, но оживленных в то время дорог.

К поселку сходились тайные тропы польских подпольщиков и маршруты советских партизанских разведчиков, здесь были «транзитные базы» польской народной «Армии людовой» и рядом — подпольные резидентуры реакционных «народных сил збройных»; змеиные гнезда агентуры гестапо и глубоко засекреченные явки патриотов из польских «Б. Х.» (батальонов хлопских).

За немецкие оккупационные марки и польские «злоты» в Т. продавали самодельное пиво и пистолеты, водку и тол, можно было купить здесь и информацию, представляющую ценность для разведчика любой ориентации, можно было приобрести по дешевке пару гранат и знаменитые лодзинские сигареты.

На одной из улиц поселка, в домике, стоявшем подле разбитого снарядом каменного здания мельницы,

торговал табаком и сигаретами Станислав Желдковский — «пан Стасик», или просто Стасик Хромой.

Появился пан Стасик в Т. накануне оккупации Польши Гитлером.

В тот период много жителей переезжало в Польше с места на место: из городов в поселки, из сел и деревень в города и местечки. Появление нового жителя в том или ином населенном пункте ни у кого не вызывало подозрения.

Стасик Хромой вначале сапожничал, а позднее снискал известность как ловкий спекулянт, подпольный торговец табаком и сигаретами.

Желдковский — худощавый человек лет за сорок, выше среднего роста, подвижной, острый на язык.

На вопрос, отчего он хромает, пан Стасик отшучивался: «Полез к чужой жене, да муж возвратился не вовремя... После того мне так и не пришлось жениться...»

И ухмылялся в ус, вспоминая жену Татьяну и сына Янека, оставшихся в Советском Союзе.

Разведчик Советской Армии, раненный в боях, поляк Станислав Дондеркевич жил под именем Станислава Желдковского.

Еще до выхода в рейд мы знали о Станиславе: «Там работает Икс», — сказали нам.

Мы получили задание командования проникнуть на территорию оккупированной Гитлером Польши, связаться с Иксом и передать ему письмо от жены — оно должно было служить паролем.

Так и получилось.

— Истомился вас ожидая, не знал что и думать... — сказал Икс.

Ожидая связи с Большой землей, Станислав изучил обстановку и подготовил условия работы для нас.

— Ко мне ходит много народа среди бела дня и тайком... И те, кто приходит за сигаретами, и те, кто приносит краденый табак... Ваше появление подозрений не вызовет, тем более по вечерам. Документы я выправил, остается только фамилии поставить.

Документы были на двух работников «службы беспеки»[1] — организации украинских националистов, действовавших в далеком отсюда районе села Кукурики под Новоград-Волынском: Криниченко (майор Королев) и Горобца (Трусковец).

[1] Служба безопасности.

Нам надо было проверить, хорошо ли законспирирован Икс.

Через польского партизана-подпольщика Здислава мы узнали о спекулянтах, о людях подозреваемых в связях с гестапо, а также об активе реакционных «народных сил збройных».

В числе известных в Т. спекулянтов Здислав назвал Желдковского, характеризуя его как ловкача-коммерсанта, «далекого от политики и всяких военных дел».

Это означало, что мы можем использовать Икса, его связи, его квартиру в интересах нашей работы.

И заместитель начальника оперативной чекистской группы Королев стал часто навещать поселок.

...Исполнительный и всегда аккуратный Станислав на сей раз подвел. В назначенный чекистами час его не оказалось дома. Криниченко и Горобец, укрывшись под развесистым шатром старого клена, стоявшего в глубине заросшего травой дворика, нервничали.

В этот день под разбитым молнией дубом у озера должна была состояться встреча с одним из клиентов, поставлявшим пану Стасику краденый в немецкой каптерке табак.

Клиентом этим был немецкий солдат Густав Вольпе, работавший на одной из ближайших станций метеорологической службы. Худощавый, среднего роста, живой и проворный немец был фотографом в одном из шикарных мюнхенских ателье, где часто снимались высшие чины гитлеровской авиации и военной разведки.

Хороший специалист своего дела Густав понравился одному из офицеров военно-воздушных сил и в результате вместо того, чтобы сражаться на передовой, Вольпе устроился на метеорологической станции далеко от линии фронта. Вольпе, втянув в спекулятивные сделки дружка своего, каптенармуса Франка, доставлял Станиславу табак и сигареты.

Шустрые парни — Вольпе и Франк были у начальства на хорошем счету, всегда в курсе последних новостей и осведомлены о намерениях командования.

Дружба Икса с этими немцами была полезна чекистам.

Выполняя задание Королева, Икс договорился с Вольпе о сегодняшней встрече у старого дуба и, прождав три часа, волновался, зная, что товарищи ждут его.

Стало темнеть. Накрапывал дождик. И вдруг, запыхавшись, с большим свертком подбежал Вольпе:

— Прошу извинить, пане Стасик! Задержался по причине от меня не зависящей. Вот держите — тут сигареты, вчера получили из Лодзи.

— Не ожидал, господин Вольпе, не ожидал,— недовольным тоном сказал Станислав,— вы, такой всегда аккуратный, заставили меня ждать почти три часа!

— Не гневайтесь, пан Стасик! Честное слово, вырваться раньше не мог...

— Что же случилось? — спросил Желдковский.

— Понимаете, вместе с коллегами выполнял срочное задание.

— Меня не касается, чем вы заняты были почти три часа,— хмуро сказал Станислав,— я коммерсант и для меня время дорого... Не жди я вас тут, возле озера, я бы сумел с выгодой достать и продать два бочонка пива.

— Но поверьте, пан Стасик, я действительно был занят: мы составляли метеосводку для командования одной из расположенных неподалеку авиачасти.

— Чего это вдруг? — спросил Станислав.

— Видно, летчикам завтра, а быть может, еще через день, предстоит бомбежка: ходят слухи, скажу вам по секрету, что поблизости появились русские партизаны... Вот и засадили нас срочно готовить метеосводку. Ближайшая авиабаза рядом. Там смело можете предлагать летчикам эти лодзинские табак и сигареты. Ну что, договорились? Кстати, не забыли ли вы, пан Стасик, принести деньги за сигареты?

— Вот деньги, возьмите!

— О-о-о, спасибо! — довольно улыбнулся Вольпе, — надеюсь, пан Стасик, и в дальнейшем вам не придется на меня обижаться за качество товара. Итак, встречаемся через неделю, здесь же, в это же время?

— Согласен. Только... впредь будьте точны, Густав. Как говорят деловые люди, «время — деньги»... Старайтесь не опаздывать!

— Еще раз простите, пан Стасик! Такая теперь пошла у нас кутерьма, что сами не рады. Начальство день и ночь теребит — давай метеосводки! А тут еще новый аэродром готовят под Коршиком, километрах в сорока отсюда, для бомбардировщиков дальнего действия. И их обслужи... Но постараюсь быть аккуратным... Итак, до среды на будущей неделе!

— Завтра вас немцы будут бомбить! — прибежав домой, взволнованно сообщил Икс Королеву и передал подробно содержание беседы с Вольпе.

...Поздно ночью, усталые, забрызганные грязью, пришли Королев и Трусковец в село Бровно, где стояла чекистская группа. Здесь же размещались штаб, главные силы партизанской бригады и обоз санитарной части.

Королев доложил начальнику группы о результатах встречи с Иксом.

Проинформировав начальника чекистской группы Синицына, Королев убедил командира бригады Волошина немедленно покинуть стоянку в Бровно.

...Немецкие бомбардировщики налетели на другой день, но в селе уже не было партизан.

Прошло несколько дней. Партизанская бригада обосновалась в десяти километрах от небольшого городка Янув, центра сосредоточения немецко-фашистских карательных сил. Штаб и чекистская группа разместились в селе Велька Рудня — вряд ли немцы станут искать партизан у себя под носом.

Несмотря на то что разведка волошенцев работала точно и оперативно, под Янувом партизанская бригада очутилась в тяжелом положении. Гитлеровцы, подбросив крупные части танковых войск, решили концентрированным маневром рассечь партизанские силы на части и по частям уничтожить.

И в эти дни пан Стасик не терял времени даром.

В числе его хороших знакомых был назван проживавший в Т. портной Ежи Ковальчик. Высокий, со впалой грудью и большими грустными глазами и небольшой седой бородкой клинышком, портной славился во всей округе как замечательный мастер. Шили одежду у Ежи не только местные жители. Прослышав об искусстве портного, к нему приезжали и немцы. Портной был страстным курильщиком и Желдковскому не трудно было сдружиться с ним. Они часто встречались. И вдруг портной пропал.

Говорили разное. Уже дважды приходил на квартиру Ковальчика Станислав, а приятеля не заставал. Вот и сегодня под вечер Станислав направился к дому портного — и неожиданно столкнулся с ним у ворот. Ежи поведал свою историю.

В Люблине фашисты готовили бал по случаю приезда

начальства. Один из командиров гарнизона, приглашенный на торжество, велел Ковальчику сшить парадный мундир.

Материал для мундира был первосортный. Дело уже подходило к концу, когда любимец Ковальчика, большой рыжий кот, вспрыгнув на окно, опрокинул бутылку с керосином. Лежавший на столе под окном мундир был безнадежно испорчен... Заказчик рассвирепел. Он приказал коменданту отправить портного в тюрьму.

Ковальчик очутился в одном из филиалов Люблинской центральной тюрьмы, где просидел в общей камере около недели.

— Набили морду, подержали, снова набили морду и выгнали,— рассказывал портной пану Стасику,— а с бандюгами всякими носятся... Пачками вызывают их на допрос, обедом там угощают, а это же всё ворюги, специалисты по мокрому делу... И не пойму, что от них немцам надо.

Несмотря на старания Станислава подробнее узнать о том, что происходит в тюрьме, он сделать это не смог — портной ничего не знал.

Слушая доклад о встрече Желдковского с Ковальчиком, майор Королев насторожился, хотя в этот момент майор не мог даже предположить, к каким последствиям приведет рассказ Станислава.

Королев задумался. В памяти возникло сообщение о подобной же возне гитлеровцев с заключенными в тюрьме уголовниками... Но где, где он слышал об этом? Где это было? И почему воспоминание об этой истории возникло вместе с непонятной пока безотчетной тревогой?

Возвращаясь из Т., майор всю дорогу старался вспомнить. И вдруг вспомнил: Вернер Функ.

Осадил коня у крыльца, вбежал в избу и крикнул с порога:

— Привет тебе от Вернера Функа.

— Как, что?— встрепенулся Синицын.

— А вот что: получил донесение Икса о возне в Люблинской тюрьме с уголовниками и всю дорогу вспоминал, чей это «почерк»... Уже подъезжая к Велькой Рудне, я вспомнил Брянский лес... орловских бандитов, штурмбаннфюрера Функа!

— Погоди,— заметил Синицын,— да это же история во втором Ворошиловском, у Гудзенко?

— Вот именно,— подтвердил Королев.

Оба вспомнили Брянский лес, лето 1942 года.

Один из командиров партизанских отрядов, Илларион Гудзенко, рассказал им, что эсэсовец штурмбаннфюрер Вернер Функ забросил в Брянский лес из Орла группу своих агентов-разведчиков, завербованных из числа уголовников, сидевших в тюрьме.

— Ловко, сукины дети, придумали,— усмехаясь сказал Гудзенко,— вывели на работу пятнадцать бандитов и устроили им побег. Среди беглецов было пять агентов. Троих мы поймали, за остальными гоняемся.

Как выяснилось, «бежавшие» проникли тогда в зону Брянского леса под видом «идейных противников» гитлеровского режима. Вскоре все они — убийцы, грабители, воры — были разоблачены партизанами.

Об этом почти через два года вспомнили чекисты.

— Та-а-ак,— протянул Синицын,— выходит, со старым знакомым встретились. Тем же методом действует... Как говорит пословица: «Встреча со старым недругом в далеком краю подобна освежающему дождю после долгой засухи»,— Синицын засмеялся.

— О друге говорит пословица-то,— заметил Королев.

Днем майора Королева срочно вызвали к командиру бригады. У Волошина был и майор Синицын. В этот день в большое польское село, где разместился штаб партизанской бригады, с утра прибыли волошинцы-квартирьеры. А еще через несколько часов к командиру бригады явился местный учитель, возмущенный, разгневанный и... смущенный.

Он заявил Волошину, что утром в его квартире побывали партизанские квартирьеры, после их ухода он обнаружил пропажу рубиновой броши.

Командир бригады заверил поляка, что примет самые неотложные меры к тому, чтобы обнаружить виновника и возвратить учителю пропажу.

— Партизаны наши не могли сделать такой подлости,— добавил Волошин.— Цель тут ясна — рассорить нас с поляками, скомпрометировать советских партизан в глазах местного населения.

Командира бригады и майора Синицына Королев застал в состоянии большого волнения. Волошин бегал по комнате, крупные капли пота катились у него по лицу, он возбужденно размахивал руками.

Синицын сидел за столом, его лицо было в красных пятнах, под кожей щек ходили желваки, глаза смотрели недобро.

— Так опозорить нас, советских людей, в глазах поляков... Нет, нет! На это способен только враг,— возмущался Волошин.

— И мы найдем его! Вытащим из-под земли! — сказал Синицын. Помолчав, он добавил: — В одном я твердо уверен: наш партизан не мог этого сделать... Не иначе — это дело рук человека случайного в наших рядах...

— Иначе и быть не может,— сказал Королев,— а пропажу мы разыщем, чего бы это ни стоило. За этим меня вызывали?

— А что, разве не серьезное дело? Вот и включись в поиски...— сказал Синицын.

— Обязательно.

...Мы нашли пропажу и стали именовать эту историю «Рубин».

Учитель, которому пропажа была нами возвращена, подружился с чекистами, заходил к ним, рассказывал о довоенной Польше, о своих родственниках, о жизни «под Гитлером».

Чекисты не оставались в долгу.

А когда учитель узнал, что Синицын знает и любит Мицкевича,— совсем растаял.

Однажды поляк случайно обмолвился, что его свояк — капеллан в том самом филиале Люблинской тюрьмы, который нас интересовал в последние дни.

Чекисты решили использовать эти связи для перепроверки сообщения Икса. Нам было важно узнать, кто из эсэсовцев или работников гестапо руководит делами в филиале тюрьмы и что там происходит в последние дни. Попросили учителя съездить в Люблин, «посмотреть, как живет там свояк, какие там новости». Он понял нас и отправился в Люблин. Для удобства мы называли учителя в наших сводках Игреком.

Результаты поездки подтвердили догадки чекистов. «Опекал» тюрьму штурмбаннфюрер Вернер Функ. Игрек рассказал со слов свояка, что Функ в последние дни из тюрьмы не отлучается, вызывает на допрос заключенных и, что бросается всем в глаза, только отпетых бандитов.

— Следует ожидать гостей! — потирал руки майор Синицын. — Ну что же, устроим им хороший прием!

Чекисты проинформировали командиров подразделений, предупредили оперативных работников.

Между тем положение партизан-волошинцев становилось все тяжелей. Немцы окружили их крупными подразделениями моторизованной полевой жандармерии и кавалерийской группой в 2200 сабель, были у них и танки.

Был ясный зимний солнечный день, когда майору Королеву, находившемуся в штабе вместе с дежурным по гарнизону помощником начальника штаба по оперативной части Иваном Семенюком, доставили записку командира батальона Грищенко. Он писал:

«...Препровождаю задержанного нашими бойцами подозрительного человека. Говорит, что бежал из Люблина, из тюрьмы и, узнав о том, что в этих местах действуют советские партизаны, решил присоединиться к ним, чтобы бороться за родную Польшу против фашистов».

— Доставить задержанного! — приказал связному Королев и, обратившись к Семенюку, предложил ему вызвать немедленно в штаб переводчика Андрейку.

Это был мальчик из Польши, на глазах у которого гитлеровцы вырезали всю его семью — отца, мать, двух сестренок и брата. Чудом ему удалось спастись. Он долго скитался в лесу, встретился с нами и теперь был побратимом нашего коменданта Ивана Коржа.

Андрейка прекрасно владел польским языком и удовлетворительно русским.

Вскоре он вместе с Семенюком явился в помещение штаба.

Ввели задержанного. Это был сутулый мужчина среднего роста, лет тридцати пяти, худощавый, лысый, с угрюмым выражением чуть рябоватого лица. Несуразной шишкой торчал крупный нос. Одет задержанный был бедно. Держался спокойно. Разве слишком часто опускал глаза.

В глаза бросался громадный кадык, бегавший то вверх, то вниз под кожей морщинистой шеи.

— За что, дорогой гость, сидел в тюрьме? — спросил Семенюк.

— Увел двух коней из-под Белгорая.

Королев и Семенюк переглянулись.

«Обычные кадры гестапо», — промелькнула у обоих одна и та же мысль.

Человек шумно проглотил слюну.

— Что с вами? Вам нездоровится?— спросил Королев.

— Он говорит,— перевел ответ Андрейка,— что очень голоден... двое суток во рту маковой росинки не было.

— Накормить!— приказал Королев.

Семенюк распорядился, и через десять минут в избу внесли порядочных размеров чугунок с наваристым жирным борщом, кашу и ковригу хлеба.

Задержанный ел как одержимый.

Опорожнив чугунок, отвалился, наконец, от него, еле дыша. Через силу видно съев еще с полтарелки каши, сидел на лавке, хватая раскрытым ртом воздух, будто вытащенная на берег рыба.

Временами «гость» судорожно дергал ногой.

— Что с вами? Что вы ногой все дергаете?— подошел к нему Семенюк.

— Судороги, больная нога,— перевел Андрейка.

— Ах, судороги! Что ж молчали?— воскликнул Семенюк. — Я же доктор, я вас быстро вылечу, — и он подошел вплотную к задержанному.

— А ну, пан, посторонись, говорят тебе. Живо. Ну!

Наклонившись, Семенюк вытащил из-под лавки небольшой походный мешок, с которым задержанный был доставлен в штаб.

— Твой мешок?

«Гость» побелел.

— Твой? Так чего же ты его, голубчик, ногой все дальше под лавку пытался загнать? Ай-ай-ай! А говоришь — судороги. Вот и вылечил я тебя сразу. Видишь, какой я доктор! Ну теперь давай глянем, что в мешке.

Семенюк не торопясь развязал мешок и встряхнул над столом. Из мешка выкатилась бутылка с водкой, начатая буханка пшеничного хлеба, брусок сала — килограмма полтора, а затем посыпались польские «злоты» — триста злотых...

— Та-а-к,— сказал Семенюк,— вот теперь видно, какой ты голодный. Значит, двое суток ни крошки хлеба в глаза не видал, ни копейки денег, еле ноги тянешь. Ну ничего, мы тебя быстро поставим на ноги!

Семенюк приказал:

— Весь брусок сала съешь, до крошки! Ты же голодный. Ешь, сукин сын, сало!

Рухнув на колени, человек завопил: «Пожалейте! Все, все расскажу! Только сала не надо! Не надо сала! Не надо!»

Задержанный сообщил нам, что группу уголовников — отпетых бандитов Функ пытался забросить к нам как своих агентов.

Было их восемь. В группе заключенных их вывели на работу и дали возможность бежать.

Задание штурмбаннфюрера Функа агентам было конкретным: разыскать советских партизан, влиться в их ряды под видом патриотов и во время первых боев в удобный момент уничтожить командный состав штаба, а затем командиров подразделений.

Не полагаясь на память уголовников, гестапо снабдило агентов вопросником, а также списком сел, где надо было искать партизан. Вопросники напечатали на кусках полотна и зашили в одежду.

Выполнив задание, агенты должны были сбежать и явиться с паролем «08» и чайной ложкой в ближайшее отделение гестапо или полиции.

Обо всем этом сообщил на допросе «закусивший» у нас агент «Дембовский» — такова была его кличка в гестапо. Вопросник конокрад извлек из подкладки старой облезлой шапки и передал нам.

Вошедший в этот момент связной доложил, что получено донесение от командира второго батальона Перепелицы о задержании человека, который вел себя подозрительно.

Доставленный к Перепелице человек заявил, что бежал из Люблинской тюрьмы, и, узнав о том, что вблизи Янува появились партизаны, решил «вместе с ними воевать против извергов-фашистов».

— Давайте сюда задержанного! — приказал майор Королев.

Вошел в сопровождении конвоиров высокий тощий человек с землистым цветом лица, в рваном полушубке, в ботинках с обмотками.

Увидев Дембовского, вошедший оторопело глянул на него и попятился к двери.

— Что, узнаешь дружка? — спросил у него Семенюк.

— Нет, пан... не знаю... не знаю... ей-богу, не знаю... Никогда не видел,— скороговоркой, по-польски ответил высокий.

— А вы, Дембовский, знаете, кто это? — спросил Королев.

— Как же не знать! — Дембовский, ухмыляясь, глядел на высокого,— хорошо знаю. В одной камере с ним сиде-

ли. Я — за коней, он — за грабеж с убийством. Э-э, Казик, не выйдет. Говори тут все как «на духу»...

— Я не знаю его! Он сумасшедший, плетет сам не знает что. Никогда не видал его! Не верьте ему! Он вас обманул!

Дембовский продолжал ухмыляться:

— Поздно, Казик! Я начальникам-партизанам все рассказал: и про вопросник, и про штурмбаннфюрера Функа. А твой где вопросник, небось в кальсоны зашил?

Казимир побледнел.

— Э-э, пан,— сказал Семенюк,— коли так, скидай кальсоны, ну, живо! Куда вопросник девал?

— Да не в кальсонах же — в обмотке,— выдавил из себя Казик.

— В обмотке? Разматывай!

Вопросник был такой же, как и у Дембовского.

Казик — он же Конь (кличку дали гестаповцы) подтвердил все, что рассказал Дембовский.

Остальные шесть агентов Функа сообщили то же самое. Допросив агентов, Синицын и Королев отправились с докладом к командиру бригады. Командир бригады приказал пятерых расстрелять, а троих использовать для дезинформации противника.

«От этих своих агентов немцы должны узнать о наших планах, наших намерениях и действиях в ближайшие дни. Давайте подсунем гестапо самые «точные» сведения о том, куда мы направляемся...»

Под вечер по большаку, выходившему из села Вельки Рудни, где мы находились, потянулись на юг партизанские роты, две пушки, пять подвод санитарной части и два взвода разведки.

Часть бойцов грузила пулеметы и снаряжение.

Было светло, и проходившие друг за другом, с интервалом в двадцать-тридцать минут, трое «беглецов из тюрьмы», которых сопровождали партизаны из комендантского взвода, наблюдали спешную подготовку партизан к эвакуации на юг.

В суматохе агентам удалось ускользнуть.

Еще через час дан был приказ всему личному составу партизанской бригады выйти из Рудни в северо-восточном направлении.

— Конечно,— сказал Королев Волошину,— кто-нибудь из агентов Функа придет в полицию или в гестапо, будет

допрошен и под присягой даст показания, что партизаны ушли на юг... своими же глазами видел.

Впоследствии через людей Здислава, проникших на работу в немецкие учреждения, мы узнали о том, что маневр себя оправдал.

Действительно, двое из трех агентов Функа явились в гестапо и сообщили об уходе партизан на юг.

Через несколько дней гестапо убедилось, что игра проиграна — агенты Функа провалились, а партизаны исчезли, выйдя из-под намеченного карателями удара. Оба «посланца» были повешены по обвинению в связи с советскими партизанами.

А польский рейд партизан продолжался.

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Несколько лет тому назад я возвращался с Украины в Москву.

По дороге решил заехать в Киев повидаться с Сидором Артемьевичем Ковпаком.

В Нежине была пересадка, и под вечер я сидел уже в купе вагона скорого поезда в обществе двух девушек и молодого человека лет двадцати трех. Буквально через десять минут я все о них знал.

Знал, что они студенты-медики, что возвращаются после зимних каникул в Киев — к месту учебы, знал, что их однокурсники — Оксана с Петей — отстали в Бахмаче от поезда и приедут в Киев утренним поездом, знал, наконец, кому с какой начинкой пирожки дала на дорогу мама. Девчата, встретившие меня сдержанно, очень скоро «оттаяли»: шутили, смеялись, угощали меня чаем и пирожками.

Парень сидел в картинной позе — откинув голову назад, прищурив глаза, бренчал на видавшей виды гитаре и под нос напевал какую-то песню: впервые я услышал этот мотив, и он, признаться, тогда на меня особого впечатления не произвел.

Так обычно бывает с малознакомым мотивом, так было и с этим (мотив украинской песни «про рушничок»).

Но вот студент взял звучный аккорд на гитаре, подмигнул девчатам, откашлялся и... я невольно прислушался:

Рідна маты моя,
Ты ночей не доспала,
И водила мэнэ у поля,
край села...

Пропев два куплета, студент перешел на другой мотив.

— Юра! Прошу вас: спойте еще раз.

И видно, в голосе моем прозвучало что-то такое, что заставило спутников обернуться в мою сторону.

— Пожалуйста! — и студент снова запел о старенькой матери, провожавшей любимого сына в путь-дорогу.

Но я не слышал уже песни, мыслями я был далеко за линией фронта, где когда-то бушевали военные грозы.

...Он не был Героем Советского Союза, не командовал за линией фронта чекистской оперативной группой, не носил высокого звания. Он был просто одним из чекистов, переброшенных в тыл врага для выполнения специальных заданий, одним из сотен тысяч патриотов, которые могут сказать о себе словами поэта:

Наши силы война проверяла муками,
Метила нас шрамами, рубцами.
Перед нашими детьми — сыновьями и внуками
Нам не стыдно предстать рядовыми бойцами.

Звали его Петром Головко.

Молодой человек среднего роста, с густой шапкой каштановых волос, с живыми ясными глазами, с хорошей улыбкой на открытом, чуть скуластом лице.

Лучший в отряде запевала, до сих пор чекисты помнят его любимую песню «Я уходил тогда в поход, в суровые края», первый танцор среди наших разведчиков, общий любимец.

Душевный, веселый парень...

Веселый! Впрочем, один раз я видел Петра хмурым, сосредоточенным. Было это на марше. Головко шел, повесив голову, положив руки на автомат. Уже после он мне рассказал о том, что тоска сердце грызет, покоя не дают мысли о матери.

«Старенькая она у меня — одна на всем свете родная душа... и я один у нее. Небось глаза выплакала, не дождется, когда я с войны этой проклятой приду...»

...Короткий октябрьский день подходил к концу, когда я верхом по глухой заброшенной лесной дороге подъезжал к поляне. Отсюда недалеко было до нашего лагеря.

Лошадь шла шагом, и бесконечно длинным казался багряно-желтый пушистый ковер, по которому мягко, с шорохом ступали ее ноги.

Лес был наполнен удивительно тонким сухим ароматом. Над головой тихо шелестели кроны высоких бронзовых сосен, легко качаясь, как в сказочном вальсе, вели хоровод молодые березки, и было прекрасно золото листьев, трепетавших в холодной синеве неба.

Но вот наступили сумерки, стал накрапывать дождик, я пришпорил коня и вскоре услышал голос лежавших в секрете товарищей: «Семь! Семь!»

— Четыре! — сказал я в ответ.

Семь плюс четыре — одиннадцать — это был сегодняшний пароль.

В штабной землянке я застал командира и комиссара. Мне бросилось в глаза, что оба они чем-то озабочены.

Командир отряда сидел на лавке, чистил оружие и напевал:

...Ах ты, ноченька,
Ночка темная...

А комиссар задумчиво курил трубку и что-то рисовал на краях лежавшей на столе карты.

— Случилось что? — спросил я. — Что вы оба невеселые будто?

— Пропал Головко! Головко пропал! — скороговоркой сказал командир.

— Как пропал?

— А вот садись, послушай!

Оказалось, пока я был на задании, в лагерь возвратились разведчики Коржиков и Пушкаренко с донесением из почтового ящика, коим служило дупло старого клена. Донесение было от ...дяди Кости... Этим именем был зашифрован советский человек, по заданию Головко проникший в немецкую комендатуру и работавший там переводчиком. Донесение было доставлено Петру, а еще через десять минут он явился к командиру отряда:

— Дядя Костя срочно вызывает на встречу по большому вопросу!

— А где же донесение?

— А вот! — Головко поставил на стол лукошко из березовой коры со сломанной ручкой. На дне лежало несколько старых темных грибочков и один гриб побольше, светлый.

— Ничего не понимаю! — сказал командир.

Комиссар улыбнулся, засмеялся и Головко:

— Товарищ командир! Да это же наш с дядей Костей лесной код: большой белый гриб означает, что есть срочный большой вопрос и встретиться надо как только стемнеет — об этом говорят темные вот эти грибочки...

— Ну хорошо, а где же ты с ним встретиться должен? Об этом же тут ни слова не сказано.

— И тут полный порядок, товарищ капитан: встретимся мы у сломанной бурей березы. Лукошко-то это из коры березы и ручка сломана...

Командир только руками развел. Петру на дорогу к месту встречи и обратно нужно часов семь-восемь. Капитан просил не задерживаться.

Прошло восемь часов, прошло дважды восемь, сутки уже миновали, двое суток, а Головко не возвращался.

Беспокойство товарищей передалось и мне. Сидим в землянке, молчим, размышляем о том, что могло приключиться с ним, и вдруг... шум, голоса и знакомое:

...Я уходил тогда в поход...

Распахнулась дверь, и в землянку вбежал Головко — грязный, усталый, измученный — одни глаза озорно сверкают, на заросшем лице усмешка...

— Петро! Головко! Наконец-то!..

— Все в порядке, товарищи!

И он рассказал:

«Дядя Костя сообщил, что в районный центр приехала группа немцев во главе с генералом. Провели совещание и приказали коменданту «очистить районный центр и околицы от местных жителей. Всех русских под конвоем направить к ближайшей станции для отправки на работу в Германию».

— Мало того, — добавил дядя Костя, — немцы собираются строить у самого районного центра важный военный объект. С генералом прибыла группа инженеров — специалистов по радио...

Забегая вперед, скажу, что выстроенная немцами радиолокационная станция воздушного наблюдения, оповещения и связи нами была уничтожена.

Выслушав дядю Костю, Головко дал ему указания: выяснить когда, по какой дороге будут немцы вести наших людей к станции, состав конвоя, вооружение. Договорились встретиться на следующий день. Дядя Костя не пришел, не явился и через день. Только к концу третьих суток ему удалось проскользнуть незамеченным из села в лес.

Выслушав Петра, мы решили разгромить немецкий конвой, спасти наших людей от фашистской каторги.

Еще раз склонились над картой, обсуждая план операции.

— Да, — сказал командир Петру, — совсем забыл тебе передать, мне тут без тебя покоя не давал дружок твой Иван Воробьев. По три раза в день приходил: где Головко, что с Петром? Беспокоился очень. Хороший малый.

— Чудова людина! Такий же хороший хлопец, — с теплотой отозвался Петро; волнуясь, он всегда говорил по-украински...

Воробьева мы знали. Он был известен в отряде, как отчаянно храбрый воин, большой души человек и любитель поэзии.

Петр Головко и Воробьев были друзьями. И сейчас, сидя за столом, Петр с улыбкой рассказывал, как Иван Воробьев на прошлой неделе заставил его раза три — чтоб запомнить, переписывать «Песню о Соколе» Горького.

— Нда-а, — протянул комиссар, — песню о Соколе! Что ж, хорошо, но вот что, сокол ты мой дорогой, пора тебе отдыхать... Трое суток ты пропадал, измучился, иди отдыхай. Завтра операция нам предстоит серьезная. Иди выспись... Дежурный, вызвать ко мне Иванова, Сильченко, Кирилюка!

Эти чекисты должны были возглавить боевые группы. Командиром четвертой группы был назначен Петро.

Свежее осеннее утро. Чекистская группа во главе с Петром Головко засела у развалин сожженного немцами хутора.

Показался конвой. Немцы шли впереди. Замыкал ше-

ствие отряд полицаев. Наши сидели молча. Колонна подходила ближе. Еще ближе... еще...

— Огонь! — И по конвою ударили наш пулемет и автоматы.

В горячке и шуме боя большая группа женщин, человек до двухсот, из тех, кого немцы гнали на станцию, с криками, плачем, спотыкаясь, падая, роняя узлы, бежали по открытому полю к нашим позициям. Еще бы минута, одна минута и... и вдруг Головко увидел: немцы поворачивают пулеметы в сторону бежавших по полю людей.

Вскочив, он крикнул: «Хлопцы! Да что ж это? Фашистские гады наших людей покосят. Там же дети, матери!»

Быстро обогнув подходивший к дороге кустарник, он побежал немцам в тыл.

Взбежав на горку, Петро с криком «Смерть гадам фашистским!» метнул в эсэсовцев одну за другой две гранаты. И тотчас же немецкие пулеметы повернули в его сторону.

Наблюдавшие за ходом боя командир отряда и начальник штаба медленно сняли шапки...

Под вечер из домика, где квартировал в этот день политрук, вышел старшина Белозеров.

В руках он держал фанерную дощечку с пятиконечной звездой, под которой было написано:

Верному сыну Родины чекисту П. Головко:

Он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед, обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

Стемпело. У свежего холмика возле реки молча стояли бойцы, командиры, а в двух шагах от меня, прислонившись плечом к стволу покалеченной снарядом дикой яблоньки, тихо плакала женщина в сером платке, одна из тех, кого он сегодня спас от фашистской неволи ценой собственной жизни.

Вышел вперед Иван Воробьев.

— Товарищи! Дорогие товарищи! Нет больше с нами нашего брата и друга Петра! Убили фашисты проклятые! Но, как сказал Максим Горький: «Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым

примером, призывом гордым к свободе, к свету!» Огонь! Огонь! Огонь!

Отгремели прощальные залпы, и тихо стало кругом.

С реки тянуло прохладой, слышно было, как плескалась в воде у берега рыба, светились в темноте огоньки наших цигарок и совсем, казалось, близко рассыпались на горизонте цветные гирлянды далеких немецких ракет.

В. МИТИН

ДУНЯ

I

Соседей, как и родителей, не выбирают: какие приведутся — с такими и жить. У Дуни только одна соседка — Макаровна, чья избенка справа, слева — широкое поле, а напротив — колхозный сад. Улочка-тупик заросла татарником, репейником, лебедой: по ней некому и некуда ездить. Удобная соседка — Макаровна, только не в меру любопытная. Да и как не быть любопытной, коли живешь одиноко. Дома никакого разнообразия, поговорить не с кем, а сама с собой сколько ни говори, никакого удовольствия — словно из пустой чашки хлебать. Поневоле начнешь интересоваться чужими делами, чтобы стало о чем посудачить с односельчанами. У старухи удивительная способность: к кому хочешь привяжется. Все знает, со всеми ладит.

У Дуни она как дома. Вхожа Макаровна и к отцу Михаилу. Заглядывает к ней за новостями мать Елизавета. И даже Сергей Сергеевич, милиционер, не пройдет мимо избы.

У старушки, кроме небольшого огорода, нет другой видимой материальной основы для укрепления своей обширной фигуры. Но питается она не столько овощами со своего огорода, сколько продуктами Дуниного хозяйства, и еще прирабатывает на стороне: где посидит с малыми детьми, если хозяйке нужно отлучиться из дому, где покойника обмоет, где поухаживает за больной старухой. Не счи-

тала Макаровна зазорным и по миру пойти. Ей хорошо подавали и хлебом, и маслицем, и мясцом, и рублями. Откупались, чтобы не ославила: уж очень много знала она сокровенных тайн. В селе даже позабыли, что звать ее Дарьей — все Макаровна да Макаровна. Избушка у Макаровны вросла в землю, крыша издали похожа на цветной полушалок — заплаты из пожелтевшей соломы положены кое-как, кустики зеленой травы на черной, слежавшейся за долгие годы старой кровле, нарисовали причудливый узор. С улицы в два маленьких окошка нахально подглядывают репейники.

* * *

Единственная дочь, а стало быть избалованная родителями, Дуняша росла, как бережно ухоженная яблонька на маленьком приусадебном участке, где хозяину, кроме нее, и ухаживать не за чем. Пестовали ее два любящих, по-разному скроенных человека. Отец, неунывающий балагур, пришел с гражданской войны коммунистом. Он хорошо работал топором: первый мастер в своем селе. Получил земельный надел, скотиной обзавелся, поставил новую избу, женился. А как пришла пора коллективизации, Степан Иванович словно в атаку, с малыми сомнениями и с большой верой в победу, ринулся в переустройство деревенской жизни. Стал председателем колхоза. От него Дуня унаследовала бойкий язык и неуступчивый характер.

Очевидно, по тому неписаному закону, что люди противоположных характеров сходятся, мать Дуни была тихая, покорная и богомольная. Отец посмеивался над причудами своей Пелагеи, не придавал им значения, а она молилась — больше тайком — и прятала иконку. Добренькая мама украдкой от мужа с раннего детства нашептывала Дуняше про бога и про святых угодников. Она вдолбила в детскую голову больше о карах господних за грехи, чем о его милосердии. И научила дочку глубоко таить то, что другим знать не надо. Девочка звонко смеялась, когда отец рассказывал смешные бывальщины о попах и монахах, и смиренно слушала рассказы матери о страстях господнях и житии святых великомучеников и страстотерпцев.

Отец умер скоропостижно на пятидесятом году, говорят от разрыва сердца. Мать затосковала, слегла и через каких-нибудь полгода тоже скончалась. В восемнадцать лет осталась Евдокия одинешенька в добротном доме, со всякой живностью во дворе.

Девушку нельзя было назвать красавицей: скулы широкие, рот великоват и губы толстые, а зато все остальное в ней было весьма привлекательно: глаза васильковые, волосы цвета червонного золота, полногрудая, стройная, на ходу легкая и на язык бойкая. И приданое у невесты — дай бог каждой. Ничего удивительного, что женихов хоть отбавляй. Никого не спрашивая, Макаровна взяла на себя труд опекунши над сиротой и прибрала к рукам все ее хозяйство. Девушку это тоже устраивало: забот меньше, да и Макаровна лишнего не брала, хватало обеим. Старуха всеми способами отваживала женихов, а сироте напевала, что все до единого добиваются ее богатства.

К ней еще не пришла любовь, а замуж она все-таки выскочила. И Макаровна не перечила ее выбору.

Тридцатипятилетний учитель Петр Васильевич познакомился с Дуней в клубном драмкружке. Тишайший и обходительный сельский интеллигент жил одиноко, скучно и неуютно. Впервые он влюбился. Кроме того, убедил себя, что движет им не только любовь, но и желание уберечь Дуню от ловких прохвостов, которые, по его глубокому убеждению, не бескорыстно увиваются и могут испортить девушке будущее, а он обеспечит Дуне культурную жизнь, подтянет ее до собственного уровня.

Дуне пришлось по душе робкое ухаживание бывшего учителя биологии. Даже не погуляли как следует до свадьбы, и сразу в загс. Четыре месяца замужества показались Дуняше игрой. И тут война! Не будь фашистского нашествия, жизнь, может, и протекала бы плавно и спокойно. Муж позаботился бы об этом. Но вышло все по-другому.

Большое розовое солнце тихо выползало из-за края земли и лениво поднялось над полями. Пастух погнал коров на пастбище. В избах хлопают двери, брякают ведра, хозяйки хлопочут около печурок. Надрываются петухи. Громко кудахтают куры. В хлеву у Дуни жалобно мычит недоенная корова. В избе тихо, занавески на окнах задернуты.

Вчера Дуня получила похоронную на мужа. И не заплакала, а поначалу даже вздохнула с облегчением: не придется объясняться и расстраивать мужа горьким признанием: все равно не могла бы скрыть.

...Накануне Первого мая подружка Настя уговорила Дуню отметить праздник вместе:

— У тебя никого нет, никто не помешает, давай хоть раз повеселимся по-настоящему, а то совсем как старые бабы. С ума сойти! Я хоть на вечер уйду от своей ведьмы. Твое счастье, что одна живешь, сама себе хозяйка, а меня старуха заела. Ведь годы наши самые молодые, с мужьями пожили почти ничего. Он там, поди, не теряется, знаю я его.

Озорной Насте досталась строгая свекровь, которая не сводила с нее глаз. Но за такой, как Настя, не уследишь.

Праздник состоялся. Дуня с Настей приготовили праздничную закуску и сами принарядились. В гости к подружкам пришли двое. Их пригласила Настя, а может, сами напросились; не так чтобы очень молодые, но и совсем нестарые, крепкие ребята-интенданты, заготовители.

Пили разведенный спирт. Дуня с непривычки сразу захмелела. Плохо помнит: что-то пели, как-то танцевали под патефон и снова пили. Проснулась на своей пышной кровати в обнимку с тем, который назвал себя Игорем. Как и когда ушла Настя с другим гостем, не помнит. Игорь еще два раза приходил к Дуне темными вечерами и уходил перед рассветом...

Дуня очень терзалась. Сняла как-то увеличенную проезжим фотографом карточку: она — невеста, он — худощавый, белесый, с неприметными чертами лица, с застенчивой улыбкой на тонких опущенных губах, с двумя морщинами над переносицей, разлетевшимися по сторонам, словно крылышки ласточки. Оттого казался он наивным и удивленным. Совсем непохож на того бесцеремонного интенданта. Ей стало стыдно до боли: неужели такая распущенная, бессердечная? Ведь Петруша ее берег, остерегал ото всего дурного. Любовь? Какая она? Может, жалость? Так ведь я жалею Петю! А с тем разве любовь? Озорство и слабость женская. Не любовь это, а изнанка любви, людям не покажешь, не пройдешься по улице с любимым в обнимку, чтобы завидовали.

Бережно стерла пыль с фотографии.

Макаровна подоила корову, выгнала ее в стадо и занялась на кухне молоком: немного вскипятила, а остальное разлила по крынкам для простокваши и сметаны, а в конечном счете для масла и творога. Как любая заботливая хозяйка.

Вошла к Дуне, перекрестилась по привычке на пустой угол, потерла платком сухие глаза и запричитала:

— И снова ты осиротела, и снова ты осталась одна-оди-

нешенька, и как ты судьбу-то свою будешь улаживать? Не довелось тебе, Дунюшка, вдоволь порадоваться своим замужеством. И ждать-то тебе некого теперь, И некому утешить молодую — ни отца, ни матери. Поди, и подружки не заглянули к тебе. Только я, старая, не забыла твоего тихого муженька, помолилась за упокой его душеньки да тебя, горемычную, пожалела.

И тут у Дуни, которая всю ночь не сомкнула глаз, хлынули слезы.

— Вот и я так-то осталась в ту германскую без своего Степана одна-одинешенька, и по сей день живу сиротой. Ты-то, Дунюшка, еще найдешь свое счастье, а мне каково досталось? Не была я пригожей ни лицом, ни статью, что уж теперь обманываться. Поначалу даже руки на себя наложить собиралась, да бог спас. А ты при своей красоте и достатке найдешь еще друга-покровителя. Вот разве что война...

— Никого мне не надо!

— Теперь не надо, а плоть свое запросит. По себе знаю. И не убивайся ты, ради бога. На первых порах я только молитвой и успокаивала свою душеньку. А у вас, у теперешних, бога нет, и утехи, стало быть, нету...

II

Ночью Дуня услышала стук в окно. Вставать не хотелось.

— Дунюшка, это я — Макаровна, отопри.

От нее не отделаешься, пришлось встать.

— Привела я к тебе человека необыкновенного, праведного, женщину смиренную и мудрую. Приюти ты ее! Я взяла бы ее к себе, да сама знаешь, горница моя на кутух похожа, а старице уюта бы побольше. Вот к тебе и привела. Знаю, не откажешь. Небось тоскливо одной-то в большой избе и с большим горем. Как-никак, а тут живой человек. Утешительница.

Дуня зажгла лампу. Из-за спины Макаровны, закрывавшей своей фигурой весь дверной проем, показалась высокая сухопарая женщина в темном платье и платке, повязанном по-старушечьи. Дуню обжег сверкающий взгляд черных цыганских глаз. Такие запоминаются и пугают. Но женщина заговорила, и страх ушел:

— Ты, молодица, не беспокойся, я человек тихий,

а за приют одинокой старухи господь тебя вознаградит.

Голос у ночной гостьи задушевный, ласковый, словно маслом сдобренный, и говорит она окая, нараспев.

— Мне места не жалко, оставайтесь.

Макаровна поманила Дуню и в сенях сказала:

— Прими ее как следует, поговори с ней душевно, женщина она разумная, прислушивайся к ее советам. Святая женщина.

Дуня собрала ужин. Гостья посмотрела на угол, где полагалось быть иконам и где их никогда не было, достала из своей котомки образок и помолилась. Сели за стол.

— День сегодня, Евдокия, постный и вкушать скоромное мне нельзя, грех. Спасибо за угощение. Я буду сыта хлебом-солью и помидорчиком,— сказала утешительница, отодвигая крынку с молоком и тарелку с ломтиком сала.

— Как вас зовут, тетенька?

— В миру меня звали Екатериной, а ныне Елизаветой.

— А для чего два имени?

— Когда постригают в монахини, то меняют имя, дабы отрешиться ото всего привычного и греховного, мирского, коим человек обуреваем до по́стрига.

И стала рассказывать о монастырях. По рассказам Елизаветы выходило, что в монастырях жили самые безгрешные люди. А отец ведь говорил, что в монастырях только лодыри, обманщики и самые вредные люди.

— Я с самых юных лет все свои помыслы обращаю к богу и счастлива безгранично. С семнадцати лет по совету маменьки, царство ей небесное, я жила в девичьем монастыре сперва послушницей, постом и молитвой укротила свою плоть, и меня постригли в монахини.

— Я ведь толком ничего не знаю ни о боге, ни о вере. Никто меня этому не учил. Да и есть ли бог, тоже не знаю, говорят, нет,— сказала Дуня.

— Ты не виновата в своем неведении, жизнь такая наступила. За доброту твою расскажу я тебе о том, что скрыто от нынешней молодежи.

Старица начала рассказывать священную историю о сотворении мира, о прегрешениях Адама и Евы, о кознях диавола, искусившего Еву.

Поднялась яркая утренняя заря, а Елизавета все еще рассказывала вдовушке священную историю.

И еще не один вечер, не одну ночь выслушивала Дуня сказки о чудесах, о святых угодниках, мучениках господних, о непорочной деве и о непорочном зачатии. Привыкла

она к старице, к ее сладким речам, к ее наставлениям.

Елизавета осмотрела Дунино хозяйство, дала немало полезных советов, как за садом и огородом ухаживать, как содержать корову, чтобы больше молока давала, кур, чтобы бесперебойно неслись. Прополола грядки с помидорами, поставила колышки и подвязала плети, чтобы плоды не ложились на землю. В доме переставила незамысловатую мебель, но так, что сразу стало уютнее. По ее совету Дуня достала из сундука вышитые мамиными руками салфетки, украсила ими этажерку с книгами, буфет. Сделала Дуне прическу к лицу.

Никто еще после смерти матери не ухаживал так за ней, как гостья-монашка: ненавязчиво, умело.

Дуня тянулась к Елизавете. Жадно впитывала каждое ее слово и принимала за веру все рассказы о боге и о божественном. Просто верила, не задумываясь, могло или не могло так быть.

Елизавета до поры до времени не касалась мирских дел, не хаяла советских порядков, не высказывала своего отношения к ним. В первое воскресенье сходила в церковь к обедне. На вопрос Дуни, как ей показалось, ответила, поджав тонкие губы, с еле заметным презрением:

— Нет того благолепия, какое должно сопутствовать православному богослужению. Попы пекутся не о боге, а о себе.

III

За две недели, что гостила старица, Дуня сильно изменилась — присмирела, на вопросы о здоровье отвечала с загадочной улыбкой.

Макаровна заметила, что Дунюшка, как подружилась с матерью Елизаветой, чаще стала вспоминать свою матушку-покойницу и выпрашивать ей царство небесное.

Макаровна как-то сказала:

— Хватит тебе убиваться и казнить себя. Один бог без греха. А покойницу помянула бы ты по-христиански.

И таинственным полушепотом:

— Говорила я о тебе отцу Михаилу. Сочувствует тебе наш пастырь духовный. Приглашает он тебя на дом, а не в церкву. Сходи к нему, закажи панихидку отслужить по усопшим родителям и по убиенному Петру. Никто знать не будет. Ух ты, проклятая,— закричала старуха, глянув в окно,— я тебя, подлую, отважу по чужим огородам ла-

зить.— И выбежала выгонять чью-то козу из своего огорода.

Дуня часто видела во сне маму с ее нежными ласками, вспоминала, как она крестила ее на ночь, как молилась о ее счастье, как таилась, чтобы отец не заметил религиозного воспитания дочки. Раньше об этом почему-то не вспоминала и не думала, а теперь все припомнилось и в прошлом все казалось светлым и радостным, нынешняя жизнь — мрачной и беспросветной. А может, верно говорит мать Елизавета, что нет на земле счастья, что оно только в загробной жизни.

...Под окном поповского дома густо росла сирень. В горницу сквозь листву еле проникали вечерние лучи солнца и стоял в ней зеленый сумрак. За столом сидел отец Михаил в широких штанах и вышитой косоворотке и пил чай. Над столом кружились жирные мухи и лезли в вазочку с янтарным медом. В горнице беспорядок, постель не прибрана, на кровать небрежно брошен подрясник.

— Батюшка, я к вам, Макаровна меня прислала,— робко проговорила Дуня, переступая порог горницы.

— Проходи, проходи, Евдокия, присаживайся! Не угодно ли чайку с медом — безгрешный напиток.

— Спасибо, не за тем я пришла.

— Донесли до меня досужие языки о твоем горе, а еще более о прегрешениях. Люди злы, один господь милостив. Садись поближе. Беспорядок у меня в дому, не осуди. Матушка уехала в гости к дочке, а я нынче одинокий и некому за мной присмотреть. Да ты садись и рассказывай все по совести, а я твое покаяние донесу до всевышнего. Давай покайся, с кем и как грешила?

— Да ведь стыдно, батюшка.

— Слыхала про Марию Магдалину?

— Нет.

— Было это давно, когда по грешной земле ходил наш спаситель. И привели к нему молодую девицу неописуемой красоты. Она грешила со многими мужчинами денег ради и любила веселую жизнь. И спросили Иисуса: «Неужели можно простить и эту грешницу? По нашим законам ее следует закидать камнями». И он сказал: «Кто из вас безгрешен, пусть первый бросит камень». Таких не нашлось, а Мария Магдалина уверовала в сына божия и была причислена к лику святых.

— Больше она не грешила? — простодушно спросила Евдокия.

— Об этом в священном писании не сказано,— дипломатично ответил священник.— Видишь, Евдокия, в каком неуюте живет духовный пастырь? Прибрала бы ты в квартире, а я помолюсь о спасении души твоего супруга и о твоем здравии.

Дуня подоткнула подол и принялась за уборку. Поп смотрел на ее крепкие стройные ноги, потом схватил вдовицу в объятья и потащил на кровать. Дуня вырвалась из цепких рук и залепила оплеуху. Выбегая, бросила:

— Кобель бессовестный! Я тебе не Мария Магдалина!

Мать Елизавета появилась, как всегда, поздно вечером.

— Что с тобой, Дунюшка? Похудела-то как! Нездоровится или еще какое горе настигло?

— Заболела, душа болит.

— Эта хворь вылечивается молитвой и смирением.

— Попробовала я молиться, а только нагрешила... Растравила ты меня своими рассказами. А тут еще Макаровна привязалась: «Сходи да сходи к батюшке, закажи панихиду по усопшим родителям». Я и пошла к попу на дом. А он под подол полез. Огрела его — вот и вся панихида.

Это оказалось как нельзя кстати.

— Нынешние попы далеко отошли от православной веры. Но есть истинно православные христиане. Они настоящие подвижники, и только они унаследуют царствие небесное.

Елизавета умела находить чувствительные и слабые струнки в душе намеченных жертв, умела беседовать проникновенно, умела заставить поверить ей.

Дуня слушала ее как завороженная и, когда старица сказала: «Приходи к нам в Куйму, там я тебе покажу настоящих православных, кои ради вечного спасения отреклись ото всего мирского и ведут подвижничество по примеру первых христиан»,— ответила:

— Приду.

Утро. Над прибрежными лугами туманная дымка. Воздух прозрачный, переливчатый. На лугах вразброску стоят стога сена. В воде купаются белые облака, неторопливо переправляются на луга, и тени их катятся по отаве.

А дальше в степи по обочинам проселочной дороги жухлая трава, припорошенная дорожной пылью. Вот несжатая пшеница, неубранная рожь, а там, где поработали жатки и комбайны,— желтая колючая стерня. С уборкой

урожая колхозники явно запаздывают. Но что поделаешь? Людей и машин не хватает. Старики вручную косят хлеба, а за жнейками следом молодые и старые колхозницы вяжут снопы. Ни песен, ни шуток обычных в страдную колхозную пору.

Вот и Куйма.

У тощей девчонки, перебегавшей улицу, Дуня спросила, где живет монашка Елизавета. Та махнула ручонкой, приглашая следовать за собой, и побежала. Дуня еле поспевала за ней. Наконец девочка юркнула в избу кирпичной кладки с соломенной крышей. На пороге показалась Елизавета. Ахнула, бросилась обнимать, перекрестила, троекратно облобызала. От нее исходил запах ладана и сладких духов.

— Авдотьюшка, какими судьбами?

— Пришла душу спасать.

Не приглашая гостью в избу, Елизавета сказала:

— Вот и славно! Пока надо устроить тебя на ночлег, а душой твоей мы займемся потом. Пойдем к нашей сестре. Хоть и не красна изба у Феклы, зато хозяйка вере предана и тайну сохранять умеет. А ведь ты, поди, опасаешься. Много на нашу веру гонений.

Изба у Феклы и верно не красна углами, а пирогами и совсем бедна. Пол глиняный, окошечки маленькие, по углам иконы. По середине большая печка, низенькая, как и вся изба. Перегородка, оклеенная почерневшими газетами, делит избу на две части — одну большую, другую маленькую. В большой у перегородки стоит широкая деревянная кровать, в маленькой — грубо сколоченный топчан. Между комнатами есть дверной проем, но нет двери.

В углу большой половины копошатся двое белоголовых ребятишек. На вошедших они посмотрели робко и безо всякого интереса. Дуня сначала тоже их не рассмотрела.

Елизавета поманила Феклу в сени. Хозяйка вернулась и стала готовить место для Дуни. На топчан за перегородкой положила тонкий тюфяк, набитый соломой, и накрыла чистым рядном, и в изголовье — подушку в полосатой наволочке.

— Располагайся,— и вышла.

Фекле около сорока лет, роста она высокого, ширококостная, угловатая. Черная юбка и такая же кофта старили ее. А лицо, даже вопреки постному выражению, не утратило красоты и привлекательности: прямой, чуть вздернутый нос, алые полные губы, густые брови, большие серые глаза

и ямочка на подбородке. Густые русые волосы заплетены в две косы и уложены узлом на затылке.

Дуня присмотрелась к детям. Худые и бледные заморыши. Старшая, играя, подражала маме, а младший все плакал.

— Перестань, тебе говорят! — покрикивала девочка.

— И-исть хочу! Хлебца, молочка,— стонал маленький.

— На том свете будет и молочко и сахар.

— А какой сахар?

— Белый-белый, сладкий-сладкий.

— Как молочко?

— Сладче. Спи!

— Дай хлебца,— тянул малыш.

— Нету, погоди мамка принесет.

Дуня достала из своей корзинки два вареных яичка.

— Вот вам от меня гостинец, кушайте.

Старшая оттолкнула:

— Грех. Ныне пост.

— Ну, маленьким-то можно.

— Нет, не можно, грех, в царство небесное не пустят.

Вошла Фекла.

— Вот, не берут детишки. Скажи им, чтобы приняли,— обратилась Дуня к хозяйке,— ведь голодные.

— Не сдохнут. Ты что, не знаешь, что нынче успенский пост?

— Я-то знаю,— соврала Дуня,— но ведь — дети, им, поди, не грех!

— Всем грех,— и спрятала яички на полку, а детям сунула по вареной картошке.

Малыш заливался плачем, девочка его уговаривала, а у самой слезы катились по щекам. Только Фекла оставалась безучастной, подметая и без того чистый пол.

Дуня вышла во двор, осмотрелась. Никакой живности, ни одного копыта на дворе. Кругом запустение. На огороде картошка наполовину выкопана, капуста еще не тронута, лук вырван весь.

«Чем же люди живут?» — подумала Евдокия.

Вернулась в избу.

— Почему у тебя такие худые да бледные детишки?

— На том свете поправятся. Мы все тут гости, а вечное блаженство там, за гробом. Святые угодники на земле все претерпели, все мучения приняли, зато в раю услаждаются веки-вечные. Недавно мой самый маленький преставился —

ему только годик сполнился! Какое у него было личико светлое! Душенька враз вознеслась на небо.

— Ты его, как и этих, кормила нечищенной картошкой?

— Кормила, чем бог послал.

Фекла сидела на лавке у окошка и тупо смотрела на пустынную улицу. Детишки угомонились и рядышком спали в углу на старом ватнике. Дуня лежала за перегородкой.

«Зачем я здесь? Где спасение, о котором так сладко говорила старица? Неужели там, где голодом детей морят? Но ведь есть какая-то большая сила, коли даже малые дети отказываются от еды ради спасения, ведь не зря же такая молодая и здоровая женщина отрешилась ото всего земного и даже смерть малышки приняла, как божью награду за свою истинную веру».

— Схоронись! Нечистый идет,— крикнула Фекла. Дуня выглянула из-за перегородки. В избу вошел седой старик, бородатый, чем-то похожий на иконописного Миколу. Он поздоровался, Фекла не ответила и уставилась в потолок. Старик не смутился таким приемом.

— Там тебе, Фекла, пособие вышло за сына, погибшего смертью храбрых. Сходи в сельсовет, получи. А от мужа все еще нет весточки?

Фекла промолчала.

— Тяжело у нас с уборкой, работать некому, а хлеб осыпается. Помнишь, Фекла, как тебя уважали и почитали, когда в колхозе работала. Первой была,— обращаясь к Дуне, говорил старик.— И что с тобой приключилось? Горя-то у всех хватает, на то и война, а ты к лодырям пристала. Худо, баба! Мишутка не похвалил бы тебя.

Фекла чуть порозовела и снова промолчала.

— А это что за дамочка?— спросил старик, указывая на Дуню.

— Эвакуированная я, из Москвы,— ответила Дуня скороговоркой, чтобы Фекла не сказала что-нибудь неподходящее.

— А сюда-то как попала?

— Ищу тихое место, вот и попала. Может, тут и останусь.

— У нас своих дармоедов вдоволь,— сказал он, выразительно поглядев на Феклу.

— Я могу работать.

— Вижу, что можешь, а вот захочешь ли? Смотри на

свою хозяйку: баба в полной силе, а не работает, душу спасает. А как ты именно к ней попала, — может, из этих, из истинных?

— Не знаю, о чем вы говорите.

— А о том, что завелась у нас микроба заразная и разлагает всю дисциплину в колхозе. Ежели ты не из тех, так ладно. Может, и Феклу разубедишь: бабам легче сговориться.

Старик достал кисет, свернул цигарку, но закуривать не стал.

— У вас ведь нельзя курить?

— Грех,— произнесла первое слово Фекла.

— Грех, как орех: раскусил да и нет. Ну, я пошел. Ты, Фекла, заходи, в чем можем — поможем.

Когда старик ушел, Дуня сказала:

— Какой добрый старик! О тебе заботится.

— Это колхозный председатель. Искушает нечистый. Нам от антихриста ничего не надо. Никуда я не пойду.

— Но ведь детей кормить чем-то надо?

— Бог подаст и братья во Христе помогут.

IV

Во втором часу ночи раздался телефонный звонок. Иван Петрович только что пришел с работы.

— Спишь, Петрович? — спросил начальник областного управления НКВД.

— Здравствуйте, товарищ начальник!

— Здравствуй! Спишь, спрашиваю?

— На то и ночь, чтобы спать.

— А чего скоро взял трубку? Не спал, поди. Что молчишь? Слушай! У тебя в районе притаилась «кукушка» и кукует по ночам. Понял?

— Ясно.

— Завтра у тебя будет наш товарищ, обсудите с ним ситуацию и действуйте. Сам понимаешь, по телефону говорить все равно, что афиши на рынке расклеивать. Наш человек введет тебя в курс дела, а уж там соображайте сами. Он парень грамотный, но горячий. Ему помощь нужна. Ну, бывай. Да, вот что: когда ты наведешь порядок у себя в районе? Рядом с фронтом расплодил дезертиров и в ус не дуешь.

— Меры принимаю, но...

— Значит, не те меры принимаешь. Не оправдывайся. Если не можешь справляться, пиши рапорт, но на возраст не ссылайся, война. Алло, алло! Ты слышишь?

— Слышу.

— А чего молчишь? Отвечать кто будет? С меня сегодня в обкоме строго спрашивали за твой район. Приезжай-ка завтра с докладом, поговорим. Хотя нет, потом вызову. Занимайтесь «кукушкой».

Марья Ивановна ушла на кухню и поставила чайник на керосинку. Хотя Иван Петрович почти ничего не говорил по телефону, но по его односложным ответам, по его тону она поняла, что разговор был не из приятных. За долгие годы работы мужа она привыкла не спрашивать — все равно не скажет, а только расстроится, замкнется и молча станет переживать до самого утра. А уж как он измотался!

Утром Киреев пришел в отделение. Оперуполномоченный Куклин доложил:

— В колхозе «Заря» сгорели ночью две скирды пшеницы. Явный поджог. В колхозе «Вперед» с тока украдено зерно, сколько — точно не установлено. Сторожиху связали, лицо обмотали тряпкой. Преступников она не видела. Я поеду туда, Иван Петрович, если не возражаете.

— Поезжай, Саша, поговори с колхозниками, они помогут найти преступников.

Вошла секретарь-машинистка Нина — длинноногая худощавая девушка и полушепотом сказала:

— К вам просится батюшка, отец Михаил, здешний поп. Говорит, дело неотложное. Пускать?

Чего-чего, а этого визита Иван Петрович не ожидал.

— Проси.

Вошел моложавый старик в длинном темно-синем одеянии, похожем на городской плащ-дождевик.

Волосы на голове зачесаны назад, а на затылке подстрижены в скобку. В черных кудрях поблескивает седина. Не тучный и не худой, с хорошей выправкой, с круглым брюшком, не очень выпиравшим из-под рясы. «Дородный поп»,— подумал начальник.

— Разрешите, гражданин начальник?

— Проходите, садитесь. Чем обязан? Признаться, визит не обычный, люди вашей профессии к нам не жалуют.

— И я не пришел бы, если бы наши интересы не совпадали.

— Вот как?! Отец Михаил...

Поп перебил:

— Простите великодушно! Я очень сожалею, что отрываю вас от государственных дел, но ведь и мой вопрос не праздный. Кратко изложу суть дела. Мы в церкви проводим большую патриотическую работу, молимся за победу над коварным захватчиком, провозглашаем многая лета народному вождю, по своим способностям собираем пожертвования в оборонный фонд: только наша община собрала почти сто тысяч! А рядом с нами тайком, из подполья, прикрываясь именем христианства, сектанты, кощунственно именующие себя истинно православными, ведут злостные проповеди и уговаривают верующих не брать в руки оружия, не работать на полях и фабриках, всеми способами вредят Советской власти, и никакой управы на них нет! Куда смотрит власть предержащая?

— Вы чего хотите от наших органов? Ведь вам известно, что мы не вмешиваемся во взаимные распри верующих. Другое дело, если вы располагаете конкретными данными, повторяю — конкретными, о преступной деятельности антисоветских элементов; если вы знаете места, где сектанты укрывают дезертиров, я с большим вниманием выслушаю вас и запротоколирую нашу беседу.

Священник был застигнут врасплох: он либо ничего не знал о подполье истинно православных, либо не хотел связывать себя свидетельскими показаниями.

— Об этом мне ничего не известно. Они слишком осторожны и глубоко закопались в своих катакомбах. Я слыхал, что в нашем районе скрываются дезертиры и все это идет от сектантов. Мы разъясняем верующим, что сектанты — еретики, не богу, а сатане служат и фашистам. Если бы вы своей властью их прижали, потрясли бы нелегальное подполье, большое дело совершили бы ради победы. Нет, я не собираюсь вас учить, а только хотел сказать, чтобы вы не равняли нас, церковников, с сектантами, чтобы их подлая работа не запятнала имени нашей православной церкви.

...Михаил Серапионович удалился степенно, с сознанием хорошо выполненного долга.

Только закрылась дверь за священником, появился участковый. Он доложил, что доставил в отделение преступника, который в колхозе «Авангард» занимался хищением хлеба. Привез и свидетельницу.

Вошла пожилая загорелая женщина с улыбчивым лицом и остановилась в дверях.

— Здравствуйте, Надежда Егоровна! Присаживайтесь вот сюда, к столу.

— Здравствуйте, товарищ начальник! А как вы меня узнали, кажись, ни разу не встречались?

— Дело нехитрое, от участкового узнал. Ну, расскажите, как преступника задержали?

Надежда Егоровна уселась на стул около письменного стола, сняла с головы легкий платок, отерла лицо, шею, а платок расстелила на коленях.

— Я работаю на току вместе с молодежью вроде бригадира, а в бригаде одни девчонки. За день мы так умаялись, что остались ночевать на току. Поели у кого что было. Завтра рано вставать. Девки улеглись в омет, а я тоже устроилась на соломке неподалеку от вороха. Вздремнула, каюсь. И тут меня словно в бок толкнул кто. Темнота, месяца ведь нынче нет, только звездочки моргают. Слышу, кто-то у вороха возится. Что делать? Закричишь — убежит. У меня в руках палка. Потихоньку подобралась я к вражине, а он так усердно мешок набивает, что меня не чует. Я как размахнусь да хрясну по башке — рука у меня тяжелая: он и сомлел, сердешный. Шумнула, девки прибежали, связали подлюгу, за участковым сбегали. Вот и все, больше я ничего не знаю.

— А знаете, кого задержали?

— Кто его знает. Сам ничего не сказывает, молчит, только догадываюсь: из энтих, из сектантов. Вишь, волосьями оброс. Дезертир, от войны хоронится. А чего вы, товарищ начальник, их не припугнете? Пусть бы молились как знают, а то ведь воруют и Гитлеру пособляют.

Привели длинноволосого бородатого мужика лет тридцати, а может, и меньше.

— Фамилия?

Молчит.

— Как зовут?

— Бог знает.

— Где живешь, откуда?

— Бог знает.

— Почему воруешь у колхозников хлеб? Тоже бог знает?

Молчит.

— По законам военного времени ты должен быть расстрелян. А можешь и в живых остаться, если пойдешь на фронт и искупишь свою вину перед народом, перед Родиной.

— Власть ваша, а воля божья.— И все-таки в глазах парня мелькнул смертельный испуг, но он прикрыл глаза рукой, твердо проговорил еще раз, словно убеждая себя: «Власть ваша, а воля божья!»

Иван Петрович вызвал вахтера. Явился молоденький паренек. Его звали все Серёней. Он всегда подпирал правую щеку языком и от того казался совсем мальчишкой. Серёня уставился на волосатого парня и выпалил:

— Гришка! Что ж ты с собой сделал?

Тот вздрогнул, на щеках мелькнуло что-то вроде стыдливого румянца, и лицо снова застыло, а глаза в потолок.

— Иван Петрович, товарищ начальник! — заторопился Серёня.— Это наш, семкинский, зять Воронина. Ишь ты, волосья отрастил, в секту подался! А мы-то считали его убегшим от тестя.

...Темной ночью в селе тихо, только изредка где-то тявкнет собачонка да лениво и хрипло отзовется ей другая. Избы чуть-чуть проглядываются и то в самой близи, похожие на огромных неуклюжих сонных животных. Не светятся огоньки и в домике, где разместилось районное отделение НКВД. Окна тщательно задрапированы толстыми листами синего картона.

Не спят двое: начальник и дежурный Серёня. Он дремлет у телефона, локти на столе, голова то и дело вскидывается вверх и снова медленно опускается. Киреев у себя в кабинете склонился над многолистной официальной бумагой и внимательно ее перечитывает:

...Секта «истинно православных христиан» зародилась в недрах православной церкви. Высшее и приходское духовенство русской православной церкви Октябрьскую социалистическую революцию встретило враждебно. Оно состояло из сторонников свергнутого самодержавного строя и поставило своей целью использование церкви для борьбы против Советской власти. Патриарх Тихон, избранный Поместным собором (1917—1918 гг.) после декрета Советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви (2 февраля 1918 г.), призвал верующих к сопротивлению этому закону. Его выступление было подхвачено реакционными церковниками. В период иностранной военной интервенции и гражданской войны православная церковь занимала место в стане врагов революции, подстрекая верующих на вооруженные выступления против

Советской власти. Даже такой гуманный шаг правительства, как изъятие церковных ценностей для закупки хлеба и спасения голодающих Поволжья в 1921 году, был встречен попами в штыки. Многие из духовенства эмигрировали за границу и поставили себя на службу мировой реакции.

Параллельно с реакционной частью другая часть духовенства под нажимом массы верующих заставила верхушку церковной иерархии пересмотреть свое отношение к Советской власти. Даже патриарх Тихон в 1923 году заявил о своем отказе от антисоветской деятельности. Митрополит Сергий — местоблюститель патриаршего престола после смерти Тихона призвал верующих и духовенство не за страх, а за совесть быть верными гражданами Советского Союза. Массы верующих поддержали этот призыв.

Однако мракобесы от религии стали в оппозицию своему духовному центру и продолжали нелегальную антисоветскую деятельность. Тамбовский епископ Уар — непримиримый враг революции и убежденный монархист — приступил к созданию подпольной организации церковников, наименовав ее «истинно православные христиане», которая превратилась в изуверскую секту. Бывшие монахи и монашки сколачивали по деревням и селам небольшие общины «истинно православных» из кулаков и подкулачников, из числа темных неграмотных, несознательных крестьян. Были придуманы и строгие организационные формы подполья: в селе община, во главе ее старший наставник, общины одна от другой изолированы, чтобы в случае провала одной не пострадала другая.

Рядовые сектанты отличались от обычных церковников тем, что замуровывали окна в избах, оставляя для проникновения света только узкую щель, чтобы не смотреть на греховный мир. Волос не стригли. Женщины носят черную одежду и черными платками закрывают большую часть лица. Браки в советских органах не регистрируют, в церквах не венчаются и сожительствуют с позволения наставника. Пить вино и курить «истинно православным» запрещено, но наставники «для поддержания сил» водку, а главным образом самогон, употребляют. Наставники живут в подземельях, выкопанных под полом, именуемых катакомбами по примеру первых христиан в рабовладельческом Риме. Выходят из убежищ только по ночам. При передвижениях из одного населенного пункта в другой мужчины нередко рядятся в женскую одежду.

Всем сектантам запрещается посещать советские учреждения, получать пособия, читать газеты, ходить в избы-читальни и кино. Детей в школы не пускают. Самым тяжким грехом объявлена работа в колхозах. Но разрешалось и поощрялось воровство в колхозах всего, что плохо лежит и годится для поддержания секты. А если кто из них и попадался на месте преступления, то на допросах молчал и никаких бумаг не подписывал.

После смерти Уара сектантами руководили его последователи, ближайшие приверженцы. В 1938 году в доме лесника Бухарина в Трубетчинском районе состоялось совещание старших наставников нелегальных общин. Главенствующую роль на нем играл Федор Иванович. Здесь он и был признан руководителем всех общин южных районов Рязанской области и всех прилегающих к ней районов Тамбовской и Орловской областей.

Когда Иван Петрович тихо вошел в дежурку, задремавший Серёня вскочил со стула.

— Расскажи-ка, Сергей, про своего соседа Григория: как он в секту попал, кто его завербовал?

Дежурный успел оправиться от смущения, вызванного нарушением служебной бдительности, и, усевшись на стул возле телефона, стал просвещать начальника по поводу секты и Гришкиного грехопадения.

— Все идет от женщин, Иван Петрович. Такая в них необъяснимая сила. Если бы я не был комсомольцем, так сказал бы, что бабы, извините, женщины, могут околдовать любого мужика. Мужчина против нее ростом и силой превосходит, а насчет обаяния против женщины нет у мужика никакого преимущества.

— А короче про Гришку ты можешь?

— Так ведь тут-то главным образом, Иван Петрович, и сказалась полностью и целиком бабья сила!

У нас в деревне есть богатый мужик Воронин. Его не раскулачили потому, как его сын погиб в гражданскую войну в рядах Красной Армии. Старорежимный старик Воронин. А дочка у него Марфуша слыла за недоступную невесту. Ничего не скажешь — красивая девка, как молодой ясенек,— стройная, гибкая, но недоступная, высоко себя ставила и деревенским там делать было нечего. Очень послушна родителям, а они подвержены религии. Гришка в колхозе счетоводом был, в комсомоле состоял. Парень вид-

ный, степенный и хорошо играл на гармошке. Я вот никак не освоил этого искусства. Не знаю, как у них вышло, только слюбились Марфутка с Гришкой. У него семья большая: братья женатые, сестры — невесты. Дружная семья, трудолюбивая. Отец с матерью никогда не мешали детям устраивать жизнь. Только слух прошел, будто отец Гришке сказал: «С этими сватьями родню водить — все равно, что щи несоленые хлебать. Ну, да сам смотри — тебе жить». Так или не так, а женился Гришка на Марфутке и перешел к ним в дом. Она потребовала, чтобы не ходить ей в снохах в большом семействе. И в церкви заставила повенчаться. Как потом Гришка в секте оказался,— не знаю. У них все в тайне делается.

V

Недалеко от своего дома на полевой дорожке Дуня встретила Ивана Петровича. Он совершал обычную перед вечерней работой прогулку.

Иван Петрович до войны бывал у Дуни в доме. Вместе с ее мужем рыбачили они на тихой речке с ласковым названием — Добрая. Разница в годах не мешала им дружить. Иван Петрович любил Петю за молодость, за прямолинейность, за неподдельную восторженность и снисходительно относился к его неспособности критически оценивать события и поступки людей. С ним он отдыхал от своей тяжелой работы. Петя с каким-то благоговением относился к чекисту.

— Здравствуй, Евдокия! Давно не видел тебя. Да ты, никак, из путешествия?

На его приветствие она ответила виноватой и горькой улыбкой. Ей казалось, что начальник знает о ее связях с сектантами, боялась и стыдилась расспросов. А он, добродушно улыбаясь, пригласил:

— Сегодня Марья Ивановна вареньем занималась. Пойдем к нам, чайку попьем со свежим вареньем и отдохнешь с дороги. Маша будет рада.

За чаем Иван Петрович вспомнил добрым словом Петра Васильевича, поинтересовался намерениями Дуни на будущее, о котором она ничего не могла сказать. А потом спросил:

— Почему-то местный поп о тебе заботится. Ты что, знакома с ним?

Дуня покраснела. Из глаз покатились слезы, в горле спазмы, и ничего выговорить не может.

Марья Ивановна ушла на кухню: не в ее характере сыпать пустые слова утешения, а чем успокоить молодую женщину, она не знала, как и не знала причины слез.

Молча закурил Иван Петрович и ждал, когда выплачется гостья. Когда Дуня немного успокоилась, он сказал:

— Вот что, Дуня, поговорим по душам, откровенно. Кроме добра, я тебе ничего не желаю и постараюсь дать тебе обоснованный и добрый совет. Ведь у тебя даже друзей настоящих нет. Поп сам ко мне пришел и сказал, что ты связалась с сектантами. Почему он это сделал, я не знаю. И какой ему смысл врать, тоже не знаю. Видишь, чекисты очень многого не знают, а знать обязаны.

«Чекисты не все знают, а знать должны. Но я-то ведь знаю больше об истинно православных, чем Иван Петрович»,— пронеслось в голове у Дуни. Она задумалась.

— Иван Петрович, я все вам скажу. Может, и помогу сколько-то.

Сбивчиво и торопливо рассказала о монахине Елизавете, о «панихиде» у отца Михаила, о посещении Куймы и о своих дорожных размышлениях.

Иван Петрович слушал не перебивая. А когда Дуня закончила свою исповедь, сказал:

— Ты понимаешь, в какую ловушку тебя заманивают? Ведь секта истинно православных не что иное, как подпольная антинародная, антисоветская организация. Очень жаль, что мы до сих пор не нашли руководителей этой шайки. А они где-то в районе скрываются.

— Иван Петрович, я найду их! Через Елизавету найду! Она у них важная птица. Фекла на нее, как на икону, молится и слушается беспрекословно.

— Большую помощь оказала бы нам, если бы удалось тебе проникнуть в их тайное логово.

— Все сделаю. Лизка мне верит, а уж я, Иван Петрович, постараюсь «угодить» матушке. Теперь у меня на душе стало легче, словно камень тяжелый свалился.

И снова Дуня идет в Куйму. На этот раз с твердым желанием дознаться: где, кто, почему, ради чего безжалостно обманывает доверчивых людей?

У Феклы младшенький, Васенька, тяжело болен: исхудал, пожелтел, ничего не ест. Носик у него заострился,

личико стало совсем восковым, синие глазки печальны. Не говорит и, кажется, не слышит. Дуня натерла принесенные с собой яблоки и попыталась накормить ребенка, но было поздно. Голодом заморили младенца, изверги! А Фекле хоть бы что!

— Бог дал, бог возьмет. На том свете в царстве небесном утешится.

Закричать бы, людей позвать, драться! А нельзя (слово дала Ивану Петровичу). Васеньку уже не спасти — других спасать надо. Ох и тяжелое твое поручение, Иван Петрович!

Под утро Вася скончался. Маня с завистью смотрела на неподвижное личико брата, душа которого сейчас уже в царстве небесном, ест он булочки и яблоки, конфетки, играет в райском саду с цветочками.

Погода резко переменилась. Сеет мелкий настырный дождик, кругом все посерело. Избы под соломенными крышами нахохлились и смотрят угрюмо маленькими подслеповатыми окошками. В огородах кучи картофельной ботвы и развороченная земля. Возле домов на землю шмякаются мокрые желтые листья тополей. Мало у какого в Куйме увидишь фруктовое дерево.

Ласково встретила Дуню Елизавета.

— Вот радость-то! Гостья желанная!

— А мне совсем не радостно. Умер у Феклы Васенька от голода.

Елизавета даже не попыталась выразить хоть как-нибудь соболезнование:

— Бог дал, бог взял. Царство небесное младенцу невинному. Ах, вот почему ты такая грустная. А как у тебя дома-то?

— Все по-старому. Макаровна вот взялась покупателей подыскать, хочу дом и скотину продать. Надо как-то устраиваться. Там не житье мне, люди, как враги лютые. Присмотрюсь вот да, может, у вас и останусь. На что мне хозяйство? Одна канитель. Много ли мне одной надо? Только бы на душе спокойно было.

Дуня выложила из корзинки спелые яблоки.

— Прими, угощайся, мать!

— Спасибо, голубушка. Господь бог вознаградит за доброту твою.

Перекрестилась, взяла яблоко и крепкими зубами впилась в ароматную мякоть.

— А ведь жалко, поди, расставаться со своим добром?

— Кабы не жалко? И сомнений у меня много: ну, если все порешу, а потом что? Я ведь как с завязанными глазами: ничего не вижу и не знаю, на что опереться, не знаю, как жить, чему верить. И ты все загадками да тайнами.

— Нам нельзя не остерегаться. Не дай бог, попадется Иуда-предатель, всех разгонят.

— Вот-вот! А я могу ли рисковать? И посоветоваться не с кем: только от тебя слышу ласковое слово, да Макаровна не чуждается.

— А ты не торопись с распродажей своего имущества, и мы подождем. Вот когда окрепнешь в нашей вере, тогда и решайся. Ничем мы тебя не неволим.

За окошком черная непроглядная ночь. Ветер треплет одинокую ветлу возле Феклиной избы. Хлещет крупный проливной дождь. Пришла Елизавета с каким-то древним стариком, и стали отпевать ребенка. Старица поет вполголоса хорошо поставленным альтом, а старикашка жалким, дребезжащим голосишком. В избе накадили ладаном. Откуда-то появился чернобородый широкоплечий мужик. Его лица Дуня не могла рассмотреть — в избе полумрак. После отпевания тело мальчика завернули в холстину, мужик взял его под мышку и вынес в огород. Там была вырыта ямка, в нее и опустили малютку, без гробика, засыпали мокрой землей и утоптали, чтобы не было видно холмика. Дуня молча роняла слезы...

Старик и Елизавета словно растаяли во тьме. Дуня скрылась за перегородкой, легла, закутавшись с головой, а уснуть не могла. В избе началась возня: Фекла укладывалась спать, да не одна, а с мужиком. Говорили полушепотом. Дуня накинула на плечи пальто и выскочила во двор под холодные потоки дождя. Когда вернулась в избу, с кровати доносился мужицкий храп и ровное, глубокое, с присвистом дыхание Феклы.

Утром мужика в избе не оказалось. Дуня набросилась на Феклу:

— Нет у тебя ни стыда, ни совести. Только что ребенка похоронила, и горя мало — с хахалем спать улеглась! Разве не грех? Неужели это по вере? Да и что у вас за вера такая? Все расскажу старице!

У Феклы удивленные глаза, а на губах самодовольная улыбка.

— А старица все знает. Никакого греха нет спать со своим мужиком. Ведь ночевал-то мой Софрон.

— А почему он ушел, если твой?

— Спасается.

— Часто он тебя навещает?

— Когда как,— и подозрительно глянула на постоялицу. Та спохватилась, что спрашивать об этом не следовало, вспомнила советы Ивана Петровича и поторопилась исправить ошибку:

— Конечно, надо остерегаться, а ты очень уж проста: зачем было говорить мне о муже, что укрывается? Другому не проболтайся.

— Небось!

Елизавету встревожили сомнения, высказанные Евдокией. Уж больно лакомый кусок, как бы не попал в другие руки. Сто́ит с нею повозиться. Большие виды у старицы на Евдокию. О них она пока не сказала даже Федору, признанному сектантами старшим наставником.

— Сходила бы ты, Авдотья, домой, проведала бы, как там Макаровна хозяйничает. Свой глазок — милый дружок.

Дуня насторожилась: выпроваживает? Причины, кажется, для этого не было.

— На Макаровну я надеюсь.

— Но у меня к тебе есть небольшое поручение. Только дело секретное, а я тебе верю, знаю, что не подведешь, — говорила Елизавета, а сама зорко наблюдала, какое впечатление произведет это на Дуню. Та выдержала взгляд монашки и равнодушно ответила:

— Смотря какое. Если по моим силам, так выполню.

— Другого ответа я от тебя и не ожидала. Ты знаешь Аннушку Прищемихину?

— Ту, что в милиции служит?

— Ту самую. Передашь ей мою грамотку и ответ принесешь.

От изумления Дуня не знала что и сказать, а старица ее успокоила:

— Не бойся ты! Аннушка предана нашему делу до конца.

— Но ведь она же в милиции!

— Мы благословили ее на этот подвиг.

Аннушку Прищемихину Дуня знала, как все знают друг

друга в небольшом поселке. Она слыхала, что Аннушка сирота, что девушку бросил жених. Сначала надсмеялся, а потом бросил. Девка недалекая, простоватая.

Пыль на дороге. Солнце припекает. В поле стоит трактор с комбайном. Около машины суетятся девчата в замасленных спецовках. У них что-то не ладится. Хотела подойти и узнать, да передумала: что она им может сказать? А помочь тем более не сможет. Идет Дуня по обочине дороги, покрытой булыжником, построенной недавно для военных перевозок. Фронт близко. В тихие ясные вечера доносятся дальние отзвуки артиллерийского поединка. По радио каждодневно передают о тяжелых боях. На этом фронте сравнительно тихо, а кто знает, где и как развернутся бои дальше?

По бокам дороги несжатые поля, а по дороге разгуливают стаи жирных грачей, обожравшихся пшеницей. «Зеленые девчонки возятся с тяжелыми машинами, мужики вместо тракторов водят танки. А она таскается черт знает по каким делам, встречается с жуликами и дурами. Сама видела, что сектанты заклятые враги, помогают немцам, разоряют колхозы, видела, как они детей губят. Хуже зверей — те никогда не обижают детенышей».

Макаровна отчитывалась:

— Все я, Дунюшка, сберегла. Молоко частью сдавала, частью на масло, на творог. С огорода овощ пожертвовала на победу, правда не всю, частью на рынке продавала. Яблоки пора убирать, падалицы много. Что собрала, на повидло переделала. Теперь уж сама распорядись с теми, что снимать пора. И мне немножко — замочить хочу.

— Ладно, Макаровна, потом, дай оглядеться.

— Оглядись, не спеши. Время терпит. А как там у матушки Елизаветы? Удосужилась ли побывать на ихнем молении? Она сказывала, что много благолепия.

— Не удосужилась. Потом поговорим.

Как только стемнело, Дуня пошла к Ивану Петровичу. Выслушал он ее с большим интересом. Записку Аннушке Прищемихиной прочитал, снял копию и велел вручить. В записке не было ничего подозрительного: справлялась о здоровье, спрашивала, не может ли она медку купить для нее, да какие цены...

Начальник просил узнать у Прищемихиной о сектан-

тах в райцентре. Их присутствие здесь пока не ощущалось, а, оказывается, и сюда протянули лапы, да еще в милицию!

У Аннушки Прищемихиной короткие ноги и тусклые бесцветные глаза. Лицо будто недопеченный блин. И вся она какая-то бесформенная, оплывшая. Записку Елизаветы приняла с сонным видом, прочитала не торопясь и сказала:

— Ладно, сейчас ответ напишу, подожди.

— Скажи мне, Аннушка, как ты можешь служить в милиции, коли заодно с верующими?

— В милиции меня насчет веры не спрашивают, а в церковь я не хожу. Спаситель наш учил своих апостолов: «Будьте кротки, как голуби, и мудры, как змеи». Кротость у меня от рождения, а хитрости обучает мать Елизавета. Служу исправно, на дежурство не опаздываю, с начальством не пререкаюсь, вот меня и держат. Мужчин-то теперь где возьмешь?

— И давно ты знакома с матушкой?

— Еще до войны. А как началась война и стали ловить дезертиров — братьев наших, тут я и пригодилась. А ты-то как завела знакомство со старицей? Муж-то у тебя ведь коммунист.

— Нет у меня мужа, на войне погиб. Одинокая стала я.

— Я привыкла с малых лет к одиночеству.

— И тебе не бывает грустно одной?

— Раньше бывало, а нынче нет. Вот, почитай,— и достала из-под подушки тетрадь, а в ней стишки, написанные от руки печатными буквами.

— Где ты такие стишки выкопала?

— Мне их дала матушка для душевного успокоения. Как нападет тоска и томление, я за тетрадочку, и все проходит. Я многое наизусть выучила. Вот, передай старице. На словах расскажи, что недавно арестовали двоих братьев, дезертиров Павла Кувшинова и Гришу семкинского. Оба на допросах молчали, как истинные христиане, и где хоронились — не выдали, ни о ком не сказали ни слова. Их в тюрьму увезли. И еще передай матушке, что я верой крепка и на службе без подозрений. Она беспокоилась, но я ведь не глупая, знаю что к чему. Есть у меня заветная мечта: получить личное благословение благочестивого старца Федора, нашего главного наставника и заступника перед престолом всевышнего. Матушка обещала устроить свидан-

ку, но теперь говорит, что пока у власти антихрист, старец из катакомбы не вылазит и благословляет только избранных и самых усердных «истинно православных». А уж я ли не стараюсь? Поклонись ты от меня матушке — может, умилостивит старца?

— Скажу,— обещает Дуня и думает: «Мне-то самой нужно найти этого старца, только как?»

VI

Утром явилась Макаровна. Первым делом справилась о здоровье тетушки. Поговаривают, что Дуня порешит все хозяйство и к ней насовсем переберется.

— Тетя постарела и здоровьем слабая. Приняла меня с радостью. К себе зовет. Домик у нее маленький, но жить можно.

— Неужели, Дунюшка, тут тебе на родительском месте худо? Смотри не промахнись. Уж коли с тетушкой вместе жить, так она пусть к тебе перебирается.

— Я звала, да она тоже толкует о родном гнезде. Погодим, подумаем.

— Погодим.

Макаровна еще хотела бы поговорить, но Дуня сослалась на нездоровье и выпроводила старуху.

Две недели Евдокия пробыла в Куйме, а не в Липецке: тетушка для отвода глаз — так посоветовал Иван Петрович. Присматривалась к истинно православным, слушала поучения старицы и наивные россказни простоватой Феклы. Крайне осторожно, чтобы сектанты не заметили, беседовала с колхозницами. И чем больше знакомилась с изуверами, тем сильнее нарастал гнев в ее душе, тем противнее становилось общение с ними. А от цели была далека. Елизавета все окружила ореолом таинственности и загадочности и не спешила показать «настоящих подвижников».

Разговоры с Феклой кое-что прояснили. Она слепо, без рассуждений принимала все, что было сказано ей о боге, о вере, о царстве небесном. Ко всему Фекла прикладывала земную мерку куйминского масштаба, все подводила под свою повседневность. Дальше Куймы она не бывала. Когда-то в начальной школе выучилась читать, а после школы ни разу не взяла в руки ни книги, ни газеты.

Речь зашла о председателе колхоза.

— Антихрист меня смущает — на работу заманивает. Ведь до того как старица меня просветила и направила на путь спасения, я в колхозе была в почете, на работе старалась, премии, грамоты получала.

— Интересно — покажи-ка грамоты!

— Я их сожгла в печке, на них печать антихриста.

— О каком Мишутке тогда говорил председатель?

— Сынок у меня был старшой, Михаилом звали. На войне убили. Работал он до войны трактористом. Комсомольцем был. Старательный и смиренный парень. А вот бог покарал за неверие. Как получила похоронную, все во мне перевернулось, думала с ума сойду, вот как жалела! Спасибо, мать Лизавета успокоила, свет истинный мне открыла. Ныне я своей твердой верой, молитвами и смирением выпрошу у господа, чтобы Мишеньке простились его грехи и хоть бы на том свете ему вышло облегчение...

В другой раз Фекла вроде бы похвалилась, на какие жертвы она пошла ради спасения себя и своих детей:

— Жили мы справно; я много зарабатывала и Мишенька тоже не меньше меня. Ведь в те годы до самой войны в колхозе не худо давали на трудодень. Софрон ничего в дом не приносил, но и из дому не тянул. Он по печному делу мастер, во всей округе работал, не в колхозе. А что заработает, то и пропьет. Была у нас корова, телка, двух овец держали, ну и куры там, утки. Справно жили.

В словах Феклы звучали довольные нотки, в глазах загорались радостные огоньки и сразу гасли. Спохватывалась, что увлеклась, торопливо крестилась и глаза тускнели.

— Куда все это подевалось?

— Будто не знаешь. Все пошло на божье дело, на спасение душ наших. Софрон меня и сейчас бранит за это, да что с него возьмешь — он не нашей веры, безбожник.

— Ты же говорила, что он спасается...

— Спасается от властей, а не от грехов. С войны убег, вот и спасается. Куда от него денешься, мы венчанные...

Дуня снова заговорила с Елизаветой о своем намерении распродать скотину, дом и покончить со всем хозяйством, но уже в новом варианте: переселиться к тетке в Липецк. Старица встревожилась не на шутку и стала исподволь внушать Дуне, что не надо спешить, что ликвидировать (так и сказала «ликвидировать») готовое хозяйство проще простого, а вот поставить новое одной не под силу.

— А ведь ты, матушка, сама говорила, что богатому дорога в царство небесное заказана.

— Говорила, и верно говорила. Только священное писание не каждому дано понимать. Если ты держишь хозяйство только для себя, не видать тебе вечного блаженства, а если от него будет польза истинно православным христианам, тогда оно во спасение. Нам, гонимым, нельзя в открытую, притворяться надобно, чтобы не попасть в дьявольские сети, кои поставлены на нашем пути. И домик твой пусть в крайней нужде даст приют тем, кто вынужден скрываться от глаз мирских.

Не раз в течение дня Макаровна показывалась на глаза. То в огороде копается, то заглянет в хлев, то зайдет на кухню, то обратится с ненужным вопросом. Дуня видела, что старуху распирает какая-то новость, но, зная нрав соседки, не торопилась с расспросами: чем больше натерпится, тем обстоятельнее и правдивее расскажет.

В сумерки старуха снова пришла. Чтобы больше не томить ее, Дуня спросила:

— Новенького тут, Макаровна, без меня ничего не было?

— Новость есть, да такая, что не знаю с какого бока и подойти-то к ней. Ввязалась я на старости лет в такое дело, что не знаю, как и выкарабкаться.

На широком рыхлом лице — неподдельная тревога. Глаза, обычно чуть видные из-под заплывших век, округлились и беспокойно бегают, словно ищут лазейку.

— Что случилось? Чего ты растерялась так?

— Дезертира я приютила.

Чего-чего, а этого Дуня и предположить не могла.

— Ври больше!

— Кабы врала, а то истинная правда.

А с дезертиром старуха связалась так. Поздно ночью в дверь избушки кто-то постучался тихонько и робко. Открыла. Человек небольшого роста быстро прошмыгнул в избу мимо оторопевшей хозяйки. В свете маргасика предстал перед Макаровной невзрачный мужичонка в истрепанной шинели.

— Ведь, поди ты, не испугалась, не закричала. Чего мне бояться, небось не молодая. «Тебе, сукин сын, чего надобно?» — спрашиваю. А он писклявым голоском просится на ночлег. «На побывку домой путь держишь? Раненый?» Он и открылся сразу: «Схорони, говорит, меня,

сбежал я». А я ему: «Вот сбегаю в милицию, там тебя и схоронят».— «Не сбегаешь, говорит, какой тебе резон: по судам затаскают за укрытие дезертира».— «Чего, бессовестный, плетешь? Рази я тебя укрывала?» — «Ты докажи, что не укрывала». Вот ведь какой настырный. Потом спрашиваю, почему он ко мне попал, рази у других не мог укрыться? Сказал, что к другим опасно, а у меня, видишь ли, не опасно. «Лежал, говорит, я целый день против твоей избы в бурьяне и наблюдал. В твою избу за целый день никто не зашел и, кроме тебя, никто не выходил. Значит, одна живешь. Сколько-то раз перекрестилась— значит, верующая. В самом крайнем хорошем доме никого не приметил, никто не появился, и только ты одна управлялась там со скотиной,— значит, хозяева в отлучке. Вот к тебе и явился». Пришлось приютить. Покормила вареной картошкой — от ужина осталась.

Постоялец оказался усердным богомольцем. Постоянно крестится и молитвы шепчет, а сам все в окошко наблюдает. О себе рассказал, что до войны был псаломщиком, а из армии убежал, потому что не его это дело.

— Что ты мне, глупой старухе, посоветуешь, милка?

— В таком деле я тебе не советчица. Если он тебе не мешает и не боишься,— держи.

— Кабы не мешал. Избенка-то у меня не для двоих. Кто заглянет, и спрятаться некуда. Он пропадет, и мне не слава богу. Вот какую петлю на себе я затянула... Дунюшка! — голосок тоненький, заискивающая улыбка. Причудливый узор крупных и глубоких морщин изобразил на пухлом лице и страх и надежду. — Нет, нет, не смею, прогонишь...

— Договаривай, коли начала.

— Взяла бы ты Афоню к себе в дом,— выпалила Макаровна, как в холодную воду окунулась.

— Какого Афоню?

— Беглого Афанасием зовут.

— Ты что, совсем рехнулась? Или меня считаешь самой последней потаскухой? Как же я к себе мужика возьму?

— Какой он мужик, видимость одна, только что в штанах ходит, а так ангел бесплотный.

— От себя отпихиваешь, чтобы меня в тюрьму запрятать?

— Что ты, Дунюшка! Я ведь о тебе забочусь. Вот ты, может, снова к тетушке либо еще куда отправишься, а в

доме и сторож будет. Все-таки какой-никакой — мужчина. И поживет недолго, говорит — волосья отпущу и смотаюсь.

Чтобы выиграть время, Дуня сказала:

— Ладно. Дай подумать, утром скажу.

— Подумай, милка, подумай.

Поздно ночью Дуня подошла к дому Киреева и тихо постучала в окно. Дверь открыл Иван Петрович.

— Все ли благополучно? Ну, рассказывай, какие новости у «тетушки»?

Дуня торопливо стала докладывать, что видела, что слышала в Куйме, но Киреев перебил ее и попросил говорить подробнее. Его интересовала каждая мелочь. А Дуне не терпелось сказать о самом главном.

— Иван Петрович, я дезертира нашла! — и сбивчиво передала то, в чем ей повинилась Макаровна.

— Спасибо, Дуня.

— Посылайте скорее за ним, тепленьким возьмете! — торопила Дуня.

— Значит, старуха хочет своего постояльца к тебе сплавить. Ну что ж, возьми.

— Иван Петрович! К чему такие шутки? Неужели вы мне не верите?

— И не шучу и верю.

Дуня была совсем сбита с толку. Начальник, который обязан ловить дезертиров, вдруг хлопочет об укрытии. Она пытливо всматривалась в лицо Киреева, а он медленно свертывал цигарку, прикуривал от лампы, пускал густой едкий дым в потолок.

— Чего проще взять и арестовать дезертира, к тому же тепленького. Верно ведь? А начальник дает смешной, а может, глупый совет. Я не буду скрывать от тебя своих планов. Враги наши очень осторожны. Ты сколько крутишься возле них, а все еще мы не добрались до основного логова. Мы не знаем, где скрываются главари, что они замышляют, где хоронятся дезертиры. Сумеем это узнать — спасем многих детей от смерти, откроем глаза обманутым и тем, кто еще может быть обманут.

Мы с тобой сейчас знаем одного дезертира, которого укрывают сектанты,— Софрона. Значит, сектанты могут скрывать и еще кого-нибудь. Эта секта не религиозная, а политическая, антисоветская, для которой религия — средство маскировки. Афоня, говоришь, церковник? Зна-

чит, за него ухватятся. Ты расскажешь о нем монашке, она тебе больше доверять будет. Твой Афоня нам может пригодиться. А взять его мы всегда успеем. Поняла?

— Понять-то поняла, а только надоело мне с этими извергами встречаться. Бросила бы все!

— Бросить легче легкого. Мне, может быть, тоже бросить? Пусть сектанты продолжают свое черное дело.

Дуня впервые видела Киреева таким взволнованным. Эта взволнованность передалась и ей.

— Простите, Иван Петрович. Пойду к ним. Все, что в моих силах, сделаю. Лизка хитра, но и я не Фекла.

— Только не горячись, будь осторожна, меньше спрашивай, больше слушай и замечай.

...Дуня еще спала, а старуха уже подоила корову, выгнала ее в стадо, задала корм поросенку и завтрак приготовила. Сели за стол. Макаровна с трудом скрывала нетерпение. Торопливо пережевывая пищу, спросила:

— Подумала, Дунюшка? Больно уж тихий Афанасий. Пусть бы охранял твое добро.

— Ладно, веди своего Афоню,— после небольшой паузы сказала Дуня,— познакомь. Проведи так, чтобы никто не видел.

Маленький согбенный человечек повесил измятую шинель на гвоздик у двери и предстал перед хозяйкой в затасканной гимнастерке. Редковатые светло-рыжие волосы на голове и на лице, видно, недавно отпущены и торчат во все стороны. «Как одуванчик»,— подумала Евдокия. Одуванчик шагнул вперед, споткнулся о половик и нырком подлетел к столу. Дуня звонко рассмеялась. Афоня смутился и низко поклонился. Все это было похоже на сцену из плохой комедии.

— От Макаровны я знаю, что ты дезертир, воевать не хочешь. А кто будет защищать землю от врагов?

— Какой из меня защитник,— смиренно произнес Афанасий.— Мне бы переждать малость, а на войне и без меня управятся.

— Да уж как-нибудь. А ты что собираешься делать?

— Больше месяца скитаюсь по лесам, по оврагам, впроголодь. Где картошки копнешь, где христовым именем кусок хлеба выпросишь. Изнурился я, отдохнуть бы малость, лик изменить, а уж потом как-нибудь устроюсь, ухоронюсь где ни то. Примите вы меня на короткое время, помолюсь за вас.

— Помолиться я и сама могу.

— Все-таки я священного звания, а вы, хозяюшка, и на истинный путь недавно встали.

— Тебе Макаровна наговорила?

Старуха поникла повинной головой.

— Ладно, пока оставайся, только носа не показывай никому, нет тебя, и все тут.

— Разве я сам себе лиходей? Ежели сцапают, и шлепнуть могут, а мне умирать еще рано.

VII

Ночь черной шубой накрыла землю. Моросит густой дождик, чернозем молча всасывает хляби небесные. Тишина кажется осязаемой, звуки теряются в кромешной мокрой тьме. Ни огонька, ни светлой точки.

В келье у Елизаветы (так она называет свою избушку) тепло. Десятилинейная керосиновая лампа под зеленым абажуром освещает стол с белой скатеркой. Окна плотно завешены. Небольшая печь с плитой, вделанной в шесток, не похожа на обычные в этих местах деревенские печи. Это произведение Софрона, еще довоенное, по специальному заказу монахини. Стол, как и положено, в красном углу под божницей, перед которой теплится лампадка. Три иконы в богатых серебряных окладах. У правой стены кровать, застланная стеганым голубым одеялом, с кружевным подзором, поверх одеяла подушки в белоснежных наволочках. Рядом с кроватью у окна маленький столик, на котором стоит швейная машинка. Деревянный желтый пол застлан домоткаными дорожками.

На столе тоненько посвистывает начищенный самовар. За столом — мать Елизавета и наставник Федор. Когда-то рыжая, курчавая бородка его разрослась широким веером и стала пегой: борода переплетается с длинными волосами кирпичного колера. Буйная грива зачесана назад и спускается на плечи, на спину. Лицо отливает желтизной и слегка опухло. Густые брови нависли над выцветшими глазами. Глубокие и редкие морщины на лбу, мелкие на висках и на щеках, две резкие вертикальные над переносицей делают лицо старика строгим и нелюдимым.

Одеты они по-мирскому: на Елизавете — светлое с крупными яркими цветами платье, ловко пригнанное к

сухопарой высокой фигуре, на Федоре — синяя сатиновая рубаха, заправленная в полосатые брюки.

Рядом с самоваром графин с водкой, два граненых стакана и обильная закуска. Выпивают, закусывают и молчат. Поговорить бы, да не о чем — все сказано-пересказано. Федор снова тянется к графину. Елизавета лениво тянет:

— А не хватит?

— Не дошло еще. И ты выпьешь?

Елизавета промолчала. Федор наливает себе полный стакан, ей половину. Она сама доливает вровень с краями и залпом осушает. Федор пьет мелкими глотками, не торопясь, с протягом. Видимо, дошло. Глаза у обоих замаслились. У Елизаветы на щеках проступил румянец. Старик вплотную подвинулся к ней и обнял за плечи.

— Спой, Лизанька, мою любимую.

У Лизаньки голос напевный и упрашивать ее не надо. Она затянула:

Запад угас и лучи догорели
За дальней угрюмой скалой,
О чем так тревожно дубы прошумели
И шепчется ветер с листвой?

У Федора пьяные слезы падают на бороду.

— Эх, Лизка! А ведь жизнь-то уходит. А впереди... Песня заканчивается с надрывом:

Наш день отошел и лучи догорели,
Прощай, уходи, позабудь...

* * *

...Весь уездный городок знал, что Катя Веселкова родила от архиерея Варсонофия. Ей в ту пору меньше восемнадцати лет было. Келейник владыки, монах Пимен, дружок Катиной вдовой мамы, пристроил девушку в мужской монастырь скотницей, коров доить. Через короткое время Пимен отвел Катю в покои архиерея в угоду похотливому старцу. Однако и мамаша не видела греха в том, что ее чадо переспит у владыки в опочивальне: ведь он представитель бога на земле и может отпустить любой грех.

Катя помнит розовый полумрак в келье епископа, его шелковую мантию и сладкую настоечку, коей он потчевал отроковицу. Утром проснулась рядом с бородатым, еще не очень старым человеком.

Принесла матери отрез сатина на платье.

— В подоле не принеси! — строго сказала мамаша порядка ради.

Через какое-то время дочка родила хилого мальчика, который жил недолго. Владыку перевели в другую епархию, а Катю упрятали в девичий монастырь.

Проходили в монастыре молодые годы, но ни посты, ни молитвы не остудили горячую кровь христовой невесты, и ухитрялась она встречаться в укромных местах с молодыми послушниками и нестарыми монахами соседнего мужского монастыря. Высокая, черноглазая, строгая с виду мать Елизавета наставлениями игуменьи Макриды, полюбившей ее за льстивый язык, постигла науку оправдания любых грехов священным писанием, ежели это выгодно, научилась влезать в доверие к простодушным людям.

Февральскую революцию монахини встретили без особого волнения. Им все равно — будет ли царь, или кто другой станет у власти, все равно за кого молиться, лишь бы все по-старому осталось в монастыре, лишь бы их не трогали и не рушилось бы тихое, сытное, безмятежное житье. Вот когда пришла Советская власть и объявила отделение церкви от государства, девы зашипели, словно осы в потревоженном гнезде. Игуменья Макрида — женщина властная и бесцеремонная, пошла в уездный исполком, где на первых порах засели эсеры.

В бывшем кабинете председателя земской управы за обширным, украшенным резьбой письменным столом под зеленым сукном, восседал невысокий, юркий, белесый человек. На нем кумачовая рубаха и черный городской пиджак нараспашку. Это председатель уездного Совдепа Николай Пойгин.

Игуменья вошла размашисто и властно.

— Простите, ради бога, не знаю как вас величать: то ли господин, то ли товарищ. Все теперь перепуталось. Бывало, захожу в эти апартаменты, меня встречает его высокоблагородие господин земский, к ручке прикладывается. А ныне как? Для вас я, Николай Захарович, не товарищ, и вы мне не ваше высокоблагородие. Давайте по-простому: я игуменья женского Успенского монастыря, по имени Макрида. А прибыла я к вам по важному делу.

Председатель Совдепа от неожиданности потерял на время свою важную осанку и чуть не подошел к игуменье

под благословение, но вовремя спохватился и строго спросил:

— Какое, гражданка игуменья, у вас дело к Советской власти?

— Дело у меня как раз по нынешним временам. Мы хотим сотворить коммуну.

Председатель остолбенел. Передвигая на столе письменные принадлежности, после затянувшегося молчания проговорил:

— Вы что, шутить сюда пожаловали, издеваться над Советской властью? Я велю вас сейчас же арестовать!

Стукнул кулаком по столу и потянулся к блестящему никелем звонку.

Игуменья подчеркнуто-спокойно сказала:

— Не к лицу вам запугивать слабую женщину. Выслушали бы лучше, что я скажу, авось нашли бы общий язык. Советская власть отделила церковь от государства — нам это ведомо. Мы властям не прекословим. Сам Христос говорил, что всякая власть от бога. Но ведь и нам жить надо, пока господь не призовет в свои чертоги. Не хлебом единым, но и не без хлеба. В монастыре у нас одни женщины: старые немощные подвижницы и молодые девы, душу спасающие. На них вся опора. Работящие, смиренные, — пусть кормят старух. Вот я и задумала: переделать наш монастырь в коммуну. Я слыхала, что в уезде нет еще ни одной коммуны, вот наша и будет первая. И вам не зазорно иметь дело не с монастырем, а с коммуной, и нам хорошо. Наши девы будут сами обрабатывать землю для своего пропитания, налоги будем платить исправно, а вы не мешайте только нашим религиозным чувствам. Царя в молитвах поминать не будем.

Уговорила Макрида председателя, получила разрешение на «коммуну», и жизнь в обители потекла по старому размеренному руслу. Службы справляли, подаяния получали, на украшение храмов собирали зерном и деньгами. Посевы сократили, скота убавили и работой сестры себя не утруждали. Елизавета стала заместителем Макриды, которая в исполкомовских бумагах именовалась председателем коммуны. Хитростью Елизавета превосходила игуменью, грамотностью тоже: ведь окончила женскую прогимназию.

Ненастным осенним вечером Макрида в своей келье грела старые кости, повернувшись спиной к печке-голландке, где сухие березовые дрова переплавлялись на зо-

лото углей. Елизавета примостилась на низенькой скамеечке напротив игуменьи.

— Чего молчишь? По глазам вижу, что какую-то сплетню подцепила. Выкладывай уж!

— Нет у меня, матушка, никакой сплетни, а вот на сердце тоска и тревога. Чует мое сердце, что недолго нам председательствовать. Николушку-дурачка и его компанию турнули из Совдепа, их место заняли коммунисты-большевики. Доберутся они до нас как бог свят. Надо подумать о спасении своем и о наших сестрах. Ты ценности обительские куда схоронила?

— Никто их не найдет, Елизаветушка. Бог даст — власть сменится, и все окажется на своем месте.

— А если, не дай бог, что с тобой случится?

— На все воля божья. Боюсь я тебя, уж больно ты хитра, обманешь старую. А то бы все тебе открыла.

Вода камень точит. Лизаветины льстивые речи переточили скрытность и осторожность игуменьи: открыла она тайну захоронения монастырских ценностей. Наутро Макрида предстала перед всевышним. Власть перешла к Елизавете.

Вскоре Елизавета забрала драгоценные камни, кресты золотые, монеты золотые царской чеканки и тайком покинула «коммунарок». Осиротевшие монашки растащили все сколько-нибудь ценное и разбрелись кто куда, словно мыши по норам попрятались, шепотком предсказывая скорое падение Советской власти, стращали стариков и женщин приходом антихриста.

Постепенно старые монашки поумирали, молодые вышли замуж, обзавелись детишками и занялись крестьянским трудом.

Елизавета же направилась к центру России. Переходя от села к селу, не скрывала своего монашеского звания, читала по покойникам, осторожно проповедовала слово божие. Никто ее не обижал, разве иногда мальчишки кричали вслед «галка-цыганка», да что с них спросишь?

И так добралась Елизавета до подмосковного села Завидова. Понравился ей дом Федора Козодерова с лавкой в одной половине и сам хозяин — молодой, бойкий, красноpожий. Попросилась на ночлег, стрельнув не без лукавства черными глазами. Приютил старицу Федор и жене своей приказал, чтобы обходилась с монашкой веж-

ливо и почтительно. Елизавете нетрудно было обольстить простодушную Матрену кроткими речами, запугать вечными муками на том свете, усыпить ее недоверие медоточивыми речами, а самой приворожить Федора — мужика жадного и на деньги и на бабьи ласки. Так и жили втроем. Матрена пикнуть не смела. Федор был заворожен не только чарами многоопытной в любовных делах монашки, но и ее золотишком. Пошло оно на расширение коммерции Козодерова. Стал он скупать большими партиями скот и успешно торговать мясом на городском рынке. Червонцы укладывались в сундучке Федора под контролем старицы.

Начало сплошной коллективизации Козодеров встретил буйно: пьяный куражился и задирал сельских активистов, пока не был основательно избит своим бывшим батраком. И тут Лизка подсказала:

— Бежать надо, Федька! Ликвидируют как класс. К тому идет, по газетам судя. Я уже подобрала местечко, где укрыться. Деньги прихвати, а все добро оставь Матрене.

— Чтобы я бросил свое кровное добро, чтобы Матрене оставил? Все равно коммунисты заберут...

Разговор этот на свою беду подслушала Матрена. Ее давно уже мучила ревность, она с трудом сдерживалась, чтобы не выцарапать глаза бесстыднице в монашеском одеянии. А тут случай помог убедиться в заговоре против нее.

Распахнув двери в горницу, где в обнимку сидели Федор с Лизаветой, Матрена бросилась на странницу.

— Властям донесу, о чем задумал со своей...— кричала разъяренная женщина, — обо всем расскажу!

Федор носком сапога ударил жену в висок. Матрена стихла, а он в ярости продолжал наносить ей удары по голове.

— Будет, Федька, убьешь,— сказала Елизавета, когда Матрена уже не дышала.

Труп жены Федор бросил в подполье и засыпал землей.

А ночью запылала усадьба Козодерова. Сгорел дом и все надворные постройки, сгорела и скотина, которую не успели выпустить.

Теперь Федька Козодеров постарел и мало был похож на того ухаря-купца. После бегства из Завидова он жил у Елизаветы в Куйме и никому на глаза не показывался:

ежели поймают, помилования ждать нечего, сам обрек себя на небытие. Днем в подполье, ночью в избе у Елизаветы. В самое глухое ночное время вылезал во двор и взахлеб вдыхал чистый воздух. Такое житье поначалу даже нравилось: сыт, в тепле, в безделье и в безопасности. Только поначалу. Для здорового мужика безделье утомительно, да и надежды на скорое освобождение убывали по мере роста силы и могущества государства. Елизавета не только видела это своими глазами, странствуя по деревням и ближайшим городам, но и по газетам, которые внимательно читала.

Федор принялся за строительство надежного подземного убежища.

В боковой стенке подполья прорыли траншею длиною около метра и такого же диаметра. Потом началось строительство убежища. Днем Федор копал землю, ночью выносил ее на огород. За год работы неторопливой, а поэтому и не обременительной, была устроена подземная келья. Получилась небольшая, но вполне просторная для одного комната с маленькой печуркой, с вытяжной трубой для вентиляции. Печурка топилась только в сильные морозы, ее дымоход вделал в печную трубу. В одной стенке выкопал нишу для постели, в другой — для посуды и всякой мелочи вроде шкафчика. Лаз в подземелье закрывался ставнем, обмазанным землей.

Первый год нелегального бытия был для Федора годом усердного учения. Ежедневно монашка натаскивала его по священному писанию, разучивала с ним молитвы, знакомила с религиозными обрядами. Она учила его правилам поведения среди верующих: поза, мимика, дикция — все отрабатывалось до мелочей. И из Федьки Козодерова постепенно вырабатывался благообразный старец, добрый пастырь, мудрый проповедник.

Когда отец Федор был более или менее подготовлен для той аудитории, какую представляли «истинно православные», он стал в сопровождении сестры Елизаветы ночами выходить сначала в ближайшие, а потом и в дальние деревни для душеспасительных бесед с сектантами, для укрепления в них истинной веры и твердости.

С каждым годом все дальше от Куймы совершал он поломничество. С наступлением теплых дней, одетый под сезонника, направлялся на юг. Маршруты были давно освоены Елизаветой. Останавливался у своих, они и накормят, и с собой дадут. Где поездом, где на попутной ма-

шине, а где и пешком добирался до Кавказских гор. В небольшой малодоступной долине Бзыбского хребта есть маленькое поселение, все жители которого «истинно православные». Многие из них прибежали сюда в тревожные дни коллективизации, не дожидаясь раскулачивания и высылки на север. Они сумели на благодарной земле наладить доходные хозяйства. Благо никому до них дела не было: ни налогов, ни поставок. Сюда каждое лето стекалось до десятка старших наставников сектантов. Они помогали хозяевам обрабатывать землю и пасти в горах стада коз и овец. Собираясь на беседы, судили и рядили — что называется, делились опытом подпольного существования, договаривались о связях друг с другом.

Осенью Федор Козодеров возвращался к Елизавете загорелый, веселый. И снова наступал медовый месяц.

Вот уже два года отец Федор никуда не выходит, никуда не ездит: война.

Прощай, уходи, позабудь!

Куда, от чего уходить? Кого позабыть?

В хмельной голове невеселые мысли.

Позабыть! Да разве забудешь то времечко, когда деньги сыпались в сундук, словно листья в осеннюю пору в саду: успевай загребать. Разве можно забыть годы, прожитые в душном подземелье, в постоянном страхе? Ничего не позабуду, за все спрошу с коммунистов, только бы дождаться освободителей!

— Лизавета, представитель не сулит ничего нового?

— Не сулит. С тобой повидаться хочет. Надо обсудить, какую помощь мы ему окажем. Дело у него опа-асное,— протянула Елизавета.

— Лизка, а что ежели большевики немцев прогонят? Как тогда? Окончательная крышка нам?

— Тебе, Федька, петля.

— А тебе?

— А что мне? Как была, так и буду. Я ведь никого не убивала. Богу молиться не запрещено.

Такого стерпеть старец не может. Рука его проворно хватает Лизкины косы и давай полоскать. В пьяном бес волен.

— Перестань! — тоненько верещит старица, а сама вцепилась обеими руками в сивую бороду старца.

— Ты сбила меня с пути... Лучше бы мне... в ссылку

топать. На севере тоже люди живут, а ты гноишь меня заживо в земле.

Голова Елизаветы мотается то влево, то вправо, то вверх, то вниз. С таким же проворством вслед за бородой во все стороны ходит и Федькина голова. Руки у обоих заняты — пинаются ногами.

— Закричу,— шепчет Лизка, а сама изловчилась и ударила ниже пояса. Федька скорчился на полу, завыл. И всё шепотом. Не дай бог кто услышит — вот тогда уж наверняка крышка.

Оба притихли и осовело смотрят друг на друга. Не то чтобы стыдно, а неблаголепно как-то получилось. И всегда так: думают поговорить душевно, как бывало в первые годы сожительства, а теперь как выпьют, так в ссору. Надоели друг дружке до крайности, а куда денешься?

Федор раздевается и лезет на кровать.

Лизавета открывает ставень в подпол и командует:

— Брысь на место!

— Бес попутал, — бормочет старец.

VIII

Невдалеке от жилища Елизаветы стоит невзрачная избенка одинокой придурковатой девицы Марьи. Елизавета заманила ее в секту. Монашка утратила всякую привязанность к Федору и свела его с Марьей. За долгое время на досуге и не спеша он выкопал второе убежище под избой Марьи. Только чуть пошире, попросторнее. В этом втором тайнике и состоялось совещание на другой день после горячей схватки старца со старицей. До прибытия представителя Елизавета поучала отца Федора:

— Ты веди себя с достоинством. Он, кажется, не верит в наши возможности. Надо его убедить, что много мы делаем в помощь германской армии.

— Не учи, сам знаю.

— А когда я буду говорить, не вмешивайся, помалкивай или поддакивай,— продолжала Елизавета, пропуская мимо ушей реплику Федора.— Слышь? Идет.

Сначала из отверстия в стенке вывалился Софрон, а за ним мужчина лет тридцати, широкоплечий блондин со здоровым румянцем на широком лице. Он брезгливо отряхнул грязь с гимнастерки и галифе, внимательно осмотрелся. Тайник освещен пятью восковыми свечками.

На стене поблескивает позолотой что-то вроде иконостаса. Лики святых при тусклом свете лампадки еле видны. В углу — стол на козлах с бордовой скатеркой. У стола три табуретки. В противоположной стене широкая ниша с постелью, прикрытой лоскутным одеялом. Воздух в тайнике тяжелый, спертый. В углу под иконами в громоздком сооружении с подлокотниками восседает старец в черном монашеском одеянии. Пегая пышная борода его тщательно расчесана, волосы, сдобренные гарным маслом, лоснятся и ниспадают на плечи. Лицо строгое, пучеглазое от долгого прозябания в потемках.

Гость сдержанно поклонился затворникам. Так же с достоинством ответил отец Федор, только в глазах его угнездилось раболепие и подобострастие.

В начале войны Софрона призвали в армию, он пошел, но при первой же возможности сдался в плен. На допросах с готовностью рассказал все, что знал, кое-что прибавил от себя. Немцев заинтересовали тайники «истинно православных» и убежища дезертиров в Куйме и ее окрестностях. Софрона перевели в спецлагерь, а затем в разведывательную школу. Разведчик из него не получился: малограмотен и туп. В августе сорок второго пятерых курсантов самолетом перебросили через фронт. Трое из них еще в школе показались немцам ненадежными, и они были выброшены с самолета так, что парашюты не раскрылись, другие благополучно приземлились невдалеке от Куймы. Перелет вражеского самолета через линию фронта не остался незамеченным. Начались поиски парашютистов, но когда нашли мертвых, искать перестали. Софрон благополучно привел разведчика Вадима (так он назвал себя в разведывательной школе) в Куйму.

Вадим был начитан, легко и быстро усвоил радиодело, шифр, отличался на занятиях по стрельбе, самбо, хорошо ориентировался на местности. Одинаково хорошо говорил по-немецки и по-русски. И не удивительно. Сын немецкого кулака-колониста из-под Одессы, Вилли вырос в Советской стране, учился в советской школе, читал русскую литературу. В тридцатые годы его родители были раскулачены. Ненависть ко всему советскому накапливалась с малых лет. Он был послушным ребенком в семье и свято хранил в памяти все наставления родителей, которые с тупым упрямством вдалбливали в голову сына веру в превосходство немцев над русскими. Родители даже

посоветовали юноше вступить в комсомол. Вилли окончил лесной техникум и работал до призыва в Красную Армию в лесхозе помощником лесничего. В первом же бою он перебежал к фашистам и попал в разведшколу.

В Куйме все оказалось не так, каким представляли в шпионском центре по рассказам Софрона. Правда, сектанты есть, тайники есть, дезертиры есть, секта антисоветская, профашистская, ее руководители — озлобленные враги советского строя. А чем они помогают немецкому шпиону? Ничем. Не потому, что не хотят, а потому, что не могут. Стариков и старух нельзя принимать в расчет. Те, кто отсиживается в тайниках, дезертиры и преступники, скрывающиеся от правосудия, тоже не помощники. Они оторваны от жизни, от людей и способны только на ночные вылазки для воровства в колхозах.

Население ничего не пропустит мимо ушей и мимо глаз. При случае все вспомнит. Знал это немецкий шпион и остерегался. Только ночами в темную пору покидал убежище, чтобы в ближайшем перелеске отстукать очередное сообщение с малоинтересными сведениями, которыми снабжала Елизавета. А вчера получил из центра выговор. А что он может? Загнали с легендой, не оправданной обстоятельствами. Нужна агентура легализованная, подвижная, толковая.

Красивым представилось будущее. Скоро, очень скоро Россия будет завоевана. Он — Вилли — получит на юге Украины землю и устроит образцовую ферму. Теперешние колхозники будут батрачить на ферме немецкого колониста... Елизавета — пройдоха. Она должна найти мне помощников. Не самому же высматривать и выспрашивать. Это опасно, а я еще жить не начинал по-настоящему...

С такими мыслями пробирался Вадим на совещание у старца.

Первой заговорила Елизавета.

— Один бог знает о наших испытаниях. Вот отец Федор больше десяти годов скрывается от властей и усердно служит господу. Нашими стараниями основана большая община истинно православных христиан. По всей округе есть наши группы верующих. А как началась война, наша община еще больше выросла: человека в горе легче наставить на путь истинный. По нашему указанию молодые люди укрываются в убежищах, чтобы не служить слугам антихриста, многие томятся в тюрьмах, а оружия в руки не берут. На работу в колхозы никто из верующих

не выходит, в колхозах полный развал, хлеб гниет на корню, горят скирды.

Старица привирала, чтобы набить себе цену.

— Мы, воины христовы, учим своих последователей всеми силами мешать коммунистам и помогать своим избавителям — вашему воинству. Ждем с нетерпением их, а дождаться не можем. И жить нам стало совсем худо: денег в казне нет, продовольствия тоже, а братьев, которые укрываются, кормить сколько-то надо. А где взять? Ежели от вас не будет помощи, придется распустить общину.— Старица явно хотела припугнуть разведчика, но он перебил ее:

— Матушка, вы, кажется, нам угрожаете? Напрасно вы считаете, что оказали какую-то услугу победоносной германской армии. Думаете, ваши дезертиры ослабили большевиков? Ошибаетесь. Трусы, как известно, в воюющей армии являются помехой. Еще подумать надо, кому на пользу ваше подвижничество. А вы угрожаете. Распускайте своих православных, пусть дезертиры идут с повинной, вылезайте из своих нор! А куда денетесь? Я не верю ни в бога, ни в черта, а верю только делам и силе.

— Свят, свят,— перекрестился Федор, а Елизавета даже не дрогнула.

— Прошло две недели, как я у вас, а воспользоваться вашими услугами не мог. Для нашего командования нужна информация из советского тыла, а не ваши молитвы, нужны данные военного характера. Вы говорили о деньгах — вот они,— и выложил на стол пухлую пачку советских денег.— Но их надо заработать.— И спрятал деньги в карман.

Рядом с иконостасом что-то загремело. Все обернулись на шум. Вадим сунул руку в карман и быстро отскочил в угол землянки. Открылась дыра в стене, из нее вывалилась женская фигура в холщовой измятой и затасканной рубахе. С полу поднялась баба с заспанными глазами на отекшем лице. Она с недоумением посмотрела на сборище. Потом спросила:

— Матушка, пойдем сегодня молиться?

— Нет, Марьюшка, иди к себе и одна помолись.

Марьюшка потерла глаза кулаком, с обидой оглядела присутствующих и полезла в дыру.

Вадим расхохотался. Старец растерянно моргал глазами. А Елизавете хоть бы что.

— Эта дева — блаженная, верующие почитают ее ясновидящей.

— Хватит о деве, давайте о деле,— скаламбурил шпион.— Ты, Софрон, что там у нас обещал? — спросил Вадим своего оруженосца.

— Что обещал, все сделал честь по чести. К своим вас привел? Привел! Укрытие нашли? Нашли. А дальше не моя забота.

Старец оправился от смущения и требовательно глянул на Елизавету. И она смиренно заговорила:

— Места наши безлесные, голые, схорониться негде, вот и прозябаем в подземельях. Никому из мужеского пола глаз нельзя показать на белый свет. Куда пошлешь хоть бы того же Софрона? Враз схватят и заточат за решетку. А посодействовать вашему благородному делу надо... Думала я, думала и надумала: есть у меня на примете один человек вам в помощники. С виду он, правда, неказистый, плюгавенький, можно сказать, боязливый до крайности, зато смышленый да хитренький.

— Кого, мать, прочишь? Что-то мне невдомек,— проговорил старик.

— Афанасия, что у Евдокии укрывается. Подойдет!

IX

С Афанасием Елизавета толковала о православной вере. А он сразу начал спорить.

— Ваша вера не православная, а противная закону божию. Я ведь в таких делах разбираюсь: десять годов, пока не забрали на войну, отслужил в храме псаломщиком. Святые Александр Невский и Димитрий Донской с оружием в руках защищали русскую землю от иноземных захватчиков, а вы? Немцам родную землю отдать собираетесь!

— Так ведь святые защищали землю православную от язычников, а теперь кого защищать? Мы молимся за освобождение земли православной от безбожной власти, от слуг антихриста.

— Насмотрелся я, как освободители измываются над народом, над стариками, над женщинами и малыми детьми! Они не разбирают, кто верующий, кто безбожник. Разве можно именем бога прикрывать самые страшные преступления? В священном писании сказано: нет власти

аще не от бога. Разве Советская власть мешает кому в бога веровать и молиться? Есть храмы открытые — молись на здоровье. А вы в землю, как тать, зарываетесь. Кощунствуете, святыми мучениками себя выставляете. Нет, мне ваша вера претит, как русскому человеку.

— Ты, русский человек, чего же удрал с фронта, почему не защищаешь свою власть?

— Слаб человек. Верите ли, Елизавета... как вас по батюшке?

— Одно у меня христово имя — мать Елизавета, а в миру была Екатерина.

— Верите ли, мать Елизавета, ненавижу фашистов, признаю Советскую власть законной от бога, а вот духу, чтобы голову сложить за родную землю, не хватило. Трус я, жить охота, не мог преодолеть страха. А ведь воевал бы не хуже других: военное обучение шло у меня успешно, боевую технику, что касается теории, знаю назубок, в строю, правда, не отличался — телосложением не вышел. Самого себя презираю, но теперь уж нет дороги назад, пропал, придется до конца дней своих скитаться под чужим именем. Благо одинокий я. Вот немного отрастут волосы, и пойду странствовать. Только документиком обзавестись. Не гоните меня пока, ради бога. Что-то хозяюшка со мной неласкова, не выгнала бы?

— С чего ей ласкаться к тебе? Ладно, упрошу я ее, чтобы подержала пока. Все мы гонимые и помогать друг другу сам бог велел. Может, и ты, Афанасьюшка, нам когда пособишь.

Дуня рассказывала Ивану Петровичу:

— Афоня у меня совсем прижился, даже в подполье себе ухоронку сделал. Из старых досок, что валялись на чердаке, отгородил куток, соломки подослал и чуть что — в подполье. Смех один.

— А ничего за ним подозрительного не заметила?

— Я ведь, Иван Петрович, дома не жила: то у Макаровны, то в Куйме. Да и как я услежу за ним? Не могу же я один на один с мужиком жить, какой бы он там ни был. Лизавета с ним разговаривала. Она что-то хитрое задумала. На днях спрашивает: «Авдотьюшка, что бы ты сказала, кабы я тебе еще одного мужчину определила на постой?» Я подумала, что любопытно бы узнать, о ком хлопочет Лизавета, а сама не решилась прямо ей ответить и сказала: «Ты что, хочешь меня совсем выжить из дому?

Не могу же я с мужиками жить, грех-то какой! Ведь я тоже не деревянная». Старица меня успокаивает, ничего, мол, худого от человека не будет. Я отвертелась от прямого ответа, а она велела подумать.

— Тебя она ни в чем не подозревает?

— Вроде бы незаметно. Я бога беспрестанно поминаю, а главное дело — сомнения наивные высказываю. Лизавета меня убеждать начинает, и я поддаюсь ее уговорам.

Киреев слушал внимательно и одобрительно кивал.

— А как же мне быть с тем мужиком?

— Пусти, а сама скройся на время.

— А кто же следить за ними будет? Такого натворят, что потом...

Дуне даже обидно стало, что ее отстраняют от дела.

— Я позабочусь об этом. Ты уезжай дней на пять, после того как появится в доме новый постоялец. К тетушке в Липецк на этот раз на самом деле уезжай. Ты ведь от нее, говоришь, письмо получила?

— Иван Петрович, что я хочу спросить: почему вы прозевали у себя под боком этих врагов? Ведь это изверги какие-то! Думаете, только Лизка, Софрон, Аннушка? У них дело широко поставлено. Старухи и пожилые бабы бродят по деревням, христарадничают и берут на заметку малограмотных женщин, которым война принесла много горя, а потом Лизка, а может, и еще кто обхаживают и обдирают их дочиста. Собирают милостыню и подкармливают дезертиров. Те ночами вылазят из убежищ и рыскают по полям, хлеб колхозный воруют, где и овечку спроворят, подожгут скирду либо стог сена. В Куйме нет пожаров — остерегаются, а в других деревнях жгут.

— Ты сама пришла к такому выводу?

— Я ведь не слепая и не глухая. Узнала из разговоров с Феклой, подсмотрела, как Софрон ночью полмешка зерна приволок, а потом на ручной мельнице мололи вместе с Феклой. Дурак догадается.

— Твоя правда, Дуня. Не доглядели. До войны не придавали им значения: темные старухи пусть себе молятся, нам не мешают, а оказалось, что за темными кроются враги. Шкурникам и подлецам пришлась по душе такая вера.

Дуня спала на старухиной кровати, Макаровна пригрелась на печке. Дверь тихо заскрипела. Старуха сразу проснулась.

— Кто, крещеный?

— Макаровна, это я,— послышался тихий голос Елизаветы.

Проснулась и Дуня. Она встала, нашарила на шестке коробок со спичками и засветила маргасик. Потом натянула на себя темное платье и поклонилась старице в пояс.

— Вот славно, и Дунюшка тут! А я к тебе по уговору постояльца привела. Прошу любить и жаловать.

У дверного косяка в полумраке стоял высокий мужчина. Из-под распахнутого плаща виднелась гимнастерка с отложным воротником, на голове фуражка цвета хаки, на ногах хромовые сапоги, измазанные черноземом.

— Я от уговору отступать не буду, хоть и жалею, что согласилась. Не дай бог, кто прознает: пропала моя головушка! Сама-то я уезжаю, Макаровна за хозяйку будет.

— Куда уезжаешь, сестрица? — встревожилась старица.

— В Липецк. Тетушка моя заболела и зовет навестить старуху.

Обращаясь к постояльцу:

— Вы тут не безобразничайте, чтобы вас не видно и не слышно! Не знаю, по какой надобности вам моя изба приглянулась, но думаю, что и властям об этом знать не надо.

Утром, собираясь в дорогу, Дуня с интересом приглядывалась к новому постояльцу. Свежевыбритый, румяный, ухоженный, в начищенных сапогах, с расстегнутым воротом гимнастерки, он расхаживал по избе, как почетный гость, бесцеремонно осматривая молодую женщину со всех сторон, словно прицениваясь, и, когда встречался с ней взглядом, вызывающе скалил зубы. Дуня в ответ лукаво улыбалась.

— Как жаль, что такая очаровательная хозяйка покидает нас. И надолго?

— Не успеете соскучиться.

Афоня сидел на табуретке, понуро свесив голову, и что-то мучительно обдумывал. По крайней мере так со стороны казалось. Ему есть над чем подумать. Вадим велел отправиться в областной город и вызнать все, что касается воинских частей, вооружения, оборонительных сооружений. Афоня умолял оставить его в покое, но Вадим был непреклонен: либо выполнишь, либо пойдешь под расстрел.

— Я не враг своей страны,— упрямо бубнил Афоня.

— Ты — жалкий трус и предатель, а с такими советские законы в военное время беспощадны.

— У меня нет никаких документов, и схватят меня при первой проверке.

— Документами я обеспечу.

— Не справлюсь я с таким делом.

— Справишься! Кто хвастался, что военное обучение прошел успешно, боевую технику знаешь назубок? Да чего ты дрожишь? Все обойдется благополучно. Потом я с тобой щедро расплачусь, и пойдешь ты куда захочешь с документами и деньгами.

— С фальшивыми.

— Деньги настоящие, а документы такие, что никто не отличит от настоящих: немецкие специалисты умеют их делать. Но не думай идти с повинной: меня не найдут, тебе не поверят и не помилуют. Только хозяйку под удар поставишь,— лицемерно заключил фашистский лазутчик.

Дуня уехала в Липецк, оставив в обусловленном месте сообщение, что новый квартирант прибыл. Рано утром Афанасий с посошком в руке и с документом, удостоверяющим психическую неполноценность и непригодность к военной службе, отправился в город.

Когда Макаровна пришла прибирать и печку топить, изба оказалась пустой. Удивилась, куда ж постояльцы делись.

То на подножке вагона, то в тамбуре Афанасий к вечеру добрался до города. Шел по улицам, встретил нескольких знакомых, но никто из них не признал в оборванце Сашу Бессонова, младшего лейтенанта госбезопасности, выполнявшего специальное задание начальника областного управления НКВД.

Александр Наумович Бессонов пришел в органы советской контрразведки в порядке партийной мобилизации года за два до Великой Отечественной войны. Историк по образованию, он мечтал о научной деятельности. Однако эту мечту ему пришлось временно отложить.

Он успел побывать на разных оперативных должностях, хорошо усвоил на практике тонкости многогранной чекистской работы.

Бесстрашный и решительный чекист принимал непосредственное участие в самых рискованных и ответственных операциях по обезвреживанию врагов Советского государства. Новая операция под условным названием

«Поиски кукушки» подходила к завершению. Сегодня Саше Бессонову предстояло встретиться с товарищем по работе из областного управления. На тихой улочке он подошел к деревянному домику с двумя крылечками, своим ключом открыл наружную дверь, через темные сенцы вошел в небольшую комнату. Проверил, хорошо ли закрыты плотными шторами окна. Зажег свет. Электрическая лампочка свешивается с потолка над столом и освещает комнату, обставленную более чем скромно: три стула, кровать, накрытая серым солдатским одеялом, старенький шкафчик для посуды и продуктов, в переднем углу этажерка с книгами, на стене — телефон. Афанасий к нему.

— Здравствуйте, Михаил Иванович, вас приветствует и благословляет раб божий Афанасий. Да, только что. За новостями пожалуйте сюда. Жду. Дверь будет не заперта.

Вскипятил на примусе чайник, заварил чай, выставил на стол два стакана и блюдце с сахаром.

Вскоре в сенях послышалась осторожная возня. Вошел Михаил Иванович — невысокий плотный человек лет сорока пяти. Осмотрел экипировку Афанасия и рассмеялся:

— Хорош! Хоть сейчас на паперть.

— Давайте сначала побалуемся чайком, тем более что ничего другого у меня нет: яко наг, яко благ.

— Предвидел и прихватил.

Михаил Иванович достал из кармана плаща сверток. После чаепития Афанасий обстоятельно доложил Михаилу Ивановичу о ходе выполнения задания по розыску и обезвреживанию «кукушки». Михаил Иванович похвалил Афанасия и снабдил его «информацией».

— Будь осторожен, Саша. Ни пуха ни пера, — сказал Михаил Иванович.

Чекисты крепко пожали друг другу руки и расстались.

...Вадим долго вчитывался в записную книжку, в которой торопливым и неразборчивым почерком Афанасия были сделаны заметки. То и дело спрашивал: «Это что, это о чем? Не мог писать разборчивее!» Афоня объясняет и улыбается, ждет одобрения. А вместо этого:

— Под чью диктовку писал?

— А разве не ты посылал меня? Что слышал своими ушами, что видел своими очами, то и записал. А что, не так?

— Не притворяйся! Ты знаешь, о чем я спрашиваю,

за тобой мои люди следили. Зачем ходил в НКВД?

— Да что я, сумасшедший-то и на самом деле, а не только по твоему документу? Вон чего надумал! У меня на плечах одна голова. Я думал, ты умный, а, оказывается,— просто псих. И зачем я только связался с тобой? Идти бы к властям, покаяться, авось дальше штрафного не отправят, а тебе наверняка петля.

Вадим выхватил пистолет.

— Стреляй. Небось не выстрелишь, побоишься шум поднять. На виселицу-то неохота. Дурак ты: человеку дело сделано, а он за оружие. Подземные братья тебе не помощники, а я кое-что могу.

— Пошутил. А ты не так труслив, как показалось вначале.

— Врасплох и медведь труслив, а смерть вокруг меня ходит, и я притерпелся к этому маршу. На фронте смерть, в трибунале смерть, от тебя тоже смерть. Двум смертям не бывать, одной не миновать. Говорят, заяц не трусит, а себя бережет. Вот так-то! Нам с тобой до поры до времени придется быть вместе, а потом каждому свое. Я с твоим документиком пойду искать укромное местечко. Ненормального всегда изображу, к дуракам не придираются.

— Ладно. Давай-ка лучше выпьем!

— С удовольствием, за успех дела,— принимая стопку, сказал Афанасий.

Вадим ушел за перегородку и составил по записям Афанасия шифрованную радиограмму.

Радиограмма была принята и за линией фронта и советской контрразведкой. Заканчивалась она сообщением о приобретении ценного агента.

X

Пока Дуня гостила у тетушки в Липецке, Вадим жил в Куйме. Он спасался в избе у Елизаветы, а чуть что — нырял в подземное убежище Федора. Но все тревоги, кроме одной, были ложными.

Только пообедали и Елизавета убрала со стола, а Вадим вышел в огород, чтобы покурить (в избе нельзя: зайдет кто из верующих — табачный дух учует), как в дверь кто-то забарабанил. Вадим в избу и в подполье. Елизавета не торопясь накинула на голову черный монашеский

убор и направилась в сени. На пороге молодая женщина.

— Господи, Марфинька! Каким ветром тебя ко мне занесло? Да проходи, проходи. Тебе я завсегда рада.

Марфинька какими-то дикими прыжками бросилась в избу вслед за старицей и закричала истошно:

— Отдай моего Гришу. Ты, ведьма, съела моего маленького Гришеньку, а теперь лопаешь большого. Отдай, отдай!

Глаза круглые, на губах пена, из-под платка выбились космы волос, словно голые прутья ветлы на осеннем ветру.

— Марфинька, господь с тобой! Да ты, никак, больна, не в себе?

— Отдай, ведьма, Гришу, добром отдай!

Опустилась на колени, обняла ноги инокини и стала умолять:

— Пожалей, отпусти, на что он тебе, старой?

Елизавета с трудом подняла женщину с пола, усадила на лавку, стала уговаривать:

— Все будет хорошо, все устроится, найдется твой Гриша. Я ведь о нем ничего не знала, а теперь все разузнаю.

Проворно юркнула в запечье и вынесла в чашке какое-то сильно пахнущее зелье.

— Выпей святой водицы, и все пройдет.

Марфа покорно дала напоить себя. Святая водица отдавала валерьяной. Женщина успокоилась. Елизавета присела рядом, обняла, гладила по голове, плавными движениями массировала затылок. Потом оделась, волосы Марфиньки привела в порядок, взяла ее под руку и вывела на улицу. Молча пошли они к деревне, где жила Марфа.

А давно ли было! В просторной избе Елизавета улещает Марфинькину матушку. Сама Марфинька на сносях, шьет распашонки на ручной швейной машинке. Веселая, радостная, просветленная. В избу заходит Гриша. Потный, усталый: он перекапывал огород. Поздоровался и попросил у тещи поесть.

— Марфа, накорми его!

Марфа быстренько собрала на стол около печки. Гриша подошел к столу и не успел присесть, как теща прикрикнула:

— Лоб перекрести! Когда только ты станешь от своих комсомольских привычек.— Обратилась к дочери:

— Я бы с таким нехристем спать не легла.

Гриша усердно помолился.

И еще.

Короткой летней ночью Елизавета пришла вместе со старцем Федором. На осторожный стук в окно дверь открыл отец Марфиньки Яков. Старица ему шепнула:

— Подойди под благословение.

Уединились в чулане.

— О божественном я с тобой теперь не буду вести речь — времени мало. Бог простит,— начал старец.— Живем мы на грешной земле и должны помнить о земном. Слушай, запоминай, исполняй, ибо я говорю по наказу отцов истинно православных христиан, которые наделили меня правом указывать и приказывать. Настал час, и разразилась война против нечестивых коммунистов. Началось страшное кровопролитие. Весь христианский мир поднялся против антихристовой власти. Германское воинство идет с огнем и мечом. Долго мы ждали избавления нашего, и час этот близок. Все истинно православные обязаны оказывать всяческую помощь освободителям.

«Складно говорит»,— думала Елизавета.

— А чем мы, немощные, пособить можем? Не только пулеметов, даже винтовок у нас нет.

— Ты, Яков, думаешь, как в гражданскую было. У наших освободителей оружия хватает. А мы пособим и без винтовок. Ни один верующий не возьмет в руки советского оружия и не пойдет на войну, ни один не возьмет в руки ни серпа, ни молотка, чтобы ни одно зерно, ни один гвоздь не попал безбожной рати. Все мужчины призывного возраста хоронятся и ночами, где только можно, растаскивают колхозный хлеб, огню предают все, что гореть может. Так и передай по своей общине!

— Ой, боязно-то как!

— Боязно? А ты мало натерпелся страху от коммунистов?

— Мне они ничего плохого не сделали...

— И чего ты можешь от них ждать? Разве угона в сибирские дебри? Все нам зачтется, когда коммунисты будут разбиты. Снова будешь хозяином, снова пуще прежнего тебя люди почитать будут. Активисты, кои в живых останутся, руки тебе целовать будут.

— Дай-то бог!

— Как твой зятек, не отшатнется?

— Гришка? Нет, он предан вере нашей. Тут мы со

старухой поусердствовали, а пуще — Марфутка. Он у нее под пяткой. Да и мать Елизавета помогла.

Этого Григория и доставила Надежда Егоровна на втором году Великой Отечественной войны Ивану Петровичу. О нем-то и сокрушалась Марфинька.

Да еще о младенце Гришеньке, умершем на первом году своей жизни только потому, что было запрещено обращаться к советскому врачу за медицинской помощью.

В большой тревоге Елизавета вернулась домой, сдав Марфиньку родителям. Теперь всего можно ожидать. Рехнулась бабенка, и что еще выкинет — подумать страшно!

Появление Марфиньки встревожило Федора и Вадима.

— Надо ее побывшить! — зло сверкая цыганскими глазами, изрекла старица.

— Мать, а не грех? — не без лукавства спросил Федор.

— Отстань ты со своими грехами,— одним больше, одним меньше, все равно.

Она не стеснялась Вадима, будучи уверена, что фашисту не в диковинку убивать.

— Разумное предложение,— поддержал ее Вадим.— Я помогу. Вот эту таблеточку дайте больной, и через день она будет безвредна. Вот и весь грех.

Он вручил старице лекарство.

— А теперь мне у вас оставаться нельзя. Как говорит русская пословица: береженого и бог бережет. Начнут чекисты трясти ваши катакомбы и меня могут зацепить.

Федор его поддержал:

— Верно. Уходить вам надо. Я в своем подполе еще продержусь, а вам отсюда пора.

Он боялся, что застукают немецкого шпиона и тогда ему не сдобровать самому.

— К Дуньке надо перебираться, там безопаснее. Кому в голову придет искать шпиона у этой вдовушки.

— А она вас не предаст и меня вместе с вами? — спросил Вадим.

— Побоится. Да и не поверят ей, слишком простовата,— аттестовала ее мать Елизавета.— И что она знает: мою избу да Феклу. Небось Аннушку Прищемихину не выдала. Вас учить нечего, сумеете молодую женщину увлечь, на мужиков она, кажется, слабая.

На вторые сутки от таблетки Вадима Марфинька скопчалась. Яков догадался, какое лекарство получила от старицы дочка, но был так запуган, что даже не сказал жене о своих подозрениях. Зато она материнским сердцем почуяла преступление и, не говоря ни слова, направилась в районный центр и разыскала Киреева. Ему призналась:

— Я верующая, но и мать к тому же. Одна у меня она была, и за что ее погубили, за что Григорий пострадал? За что погиб младенец Гришенька, за что его уморили? Неужели такая ведьма будет жить на белом свете, а моя Марфинька будет гнить в могиле?

Иван Петрович, как умел, успокоил старую женщину и обещал все сделать, чтобы правда восторжествовала. Только попросил ее до поры до времени никому больше не говорить об этом.

Федор забеспокоился не на шутку. Он верил предчувствиям. Фашиста могут поймать: любой школьник заявит, если в чем заподозрит. А шпион его, Федора, жалеть не будет, выдаст! Марфы-то нет, но что думают Яков и его старуха? Вдруг догадались? Могут не заявить. А вдруг? Лизавета ведь тоже отступиться может. Тогда конец.

Старец опустился на колени перед иконами и стал горячо молиться, просить у бога прощения за свое малодушие, за кощунство. Молился долго и по-своему искренне.

XI

Дуня вернулась из Липецка в Куйму. Фекла выглянула в окошко и отскочила, увидев свою квартирантку. Дуня на порог, крышка в подполье захлопнулась. В нос шибануло сивушным перегаром. Дуня ушла за перегородку, переоделась в темное. Фекла к ней.

— Как, Авдотьюшка, съездила? Все ли слава богу?

— Тетушка стара стала, болеет часто. К себе бы ее взять, а куда? Запуталась я совсем. А чего у тебя в избе дух тяжелый, водкой разит?

Фекла присела на лавку, пригорюнилась и полушепотом поведала о своей печали:

— Снова мой Софрон загулял, пьет без просыпу, успевай только самогон доставать. Спасибо, одна наша сестра, которая не в подозрении, гонит это зелье из свеклы.

А то где бы взять? Деньги он мне на это дает. И нам с Манькой на харчи перепадает.

— Он же не работает, откуда у него деньги?

— А тот мужик, с которым он с войны прибег, дает. Он старшим над Софроном. А теперь куда-то перебрался, где-то в другом месте укрывается. Деньги у них большие, а где достали — не говорят: поди, нечистые. По нашей вере пить грех, а Софрону можно — он не приобщен. Теперь сидит в подполе, остерегается: говорит, ежели поймают — к стенке.

— Как бы мне повидаться с матушкой? Феклушка, дай ты ей обо мне весточку.

— Манька! — крикнула Фекла дочке, которая на лавке в углу под образами укладывала спать тряпичную куклу.— Сбегай к старице и скажи ей, что сестрица Авдотья у нас и желает ее видеть. Да смотри, на улице ни с кем не говори!

Маня накинула рваную кацавейку на худые плечики, платком голову закутала и бегом: хоть по улице пробежаться, а то все в избе да в избе.

Старица не заставила себя долго ждать: пришла вслед за Маней. Наскоро перекрестилась и поздоровалась.

— Как там наши? Не случилось ли чего?

Дуня стала рассказывать о болезнях тетушки, но Елизавета перебила:

— Как там твои гости?

— А-а, гости? Не знаю, я ведь там еще не была, прямо сюда к тебе за советом.

И опять стала рассказывать про тетушку. Елизавета слушала и не слушала, приговаривая:

— Бог даст, все устроится, никто как он — всемогущий.

Вопрос Дуни, брать ли к себе тетушку, обеспокоил старицу. Мешать будет старуха, может сбить с толку вдовушку. Тогда сорвутся планы, так хорошо задуманные. Только бы удержать бабу до прихода немцев. А они близко, и Вадим говорил, что скоро здесь будут. Он не врет: ведь сам не спешит обратно, здесь своих дожидается. Ему необходимо надежное убежище, а самое надежное у Дуни. Кто будет искать шпиона под боком у начальника НКВД? Она доверчивая, но и не глупая. А вдруг разгадает то, чего ей знать не надобно? И теперь у нее нет-нет да и проглянет тревога за свое добро.

— Повремени, сестра, с тетушкой. Видишь, время

какое неустойчивое, фронт рядом, и все может вмиг перемениться.

— Что переменится? Может, придется в эвакуацию?

— Нам не от кого бежать. Мы будем нести свой крест до конца.

— Не так я воспитана, чтобы так просто нести крест. Мне с самых детских лет отец вдалбливал, что бога нет и молиться иконам просто смешно. Вот и тяжело мне. Всегда нечистая сила верх берет. Ты вначале говорила, что все надо отдать для спасения души, а мне как-то жаль было расставаться с хозяйством. Потом я смирилась, а ты сказала другое: ничего не продавать, а только помогать истинно православным. Потом я стала укрывать двоих незнакомых мужиков. Один-то никудышный, а другой ничего. А что, если дознается милиция? Меня за решетку. Ведь та же Аннушка вон где служит!

— В Аннушке я уверена, много она нашему делу способствовала. Ей уже назад некуда,— проговорила Елизавета. — Вот что, сестра: выкинь из головы все сомнения. Нам с тобой нечего в прятки играть. Верно, проверяла я тебя и уверилась, что не обманешь, не предашь. А чтобы и ты мне поверила, пойдешь сегодня со мной на тайное молебствие наше. Соберутся все наши самые уважаемые братья и сестры. Отец Федор — наш главный наставник будет грехи отпускать и давать благочестивые советы верующим. Будет наша провидица дева Мария. А что касается твоего хозяйства, то мы передумали: не надо его рушить, живи дома и хозяйствуй, поступай на работу, какая по душе,— теперь везде нужда в работниках. А что отсутствовала, так у тетушки была. Твоя лепта в божеское дело — укрывать в своем доме братьев гонимых. Не бойся, они сами дорожат, чтобы все оставалось в тайне, тебя не подведут, а все-таки сама будь осторожна: никого в дом к себе не пускай, пока не покинут те двое. А потом и тетушку возьмешь.

Большая изба стояла рядом с кладбищем. Когда-то поставил ее приезжий торгаш поодаль от мужицких изб и открыл заезжий двор с трактиром. Ему не повезло, разорился вконец и от великого огорчения повесился. Все имущество купца было распродано с молотка, а на избу покупателя не нашлось — плохая слава про нее шла. Молодая вдова уехала куда-то и больше не показывалась... Давно это было. Дорога стороной обошла дом, и только

узенькая тропка пролегла к покосившемуся крыльцу: протоптал ее единственный жилец — Ерема, сторож кладбищенской церкви. Церковь давно разобрали мужики на кирпичи. Ерема жил в заброшенном строении, отгородив себе угол с одним окошком за печкой. Питался старик подаяниями сердобольных старух.

Это строение и было облюбовано «истинно православными» для своих тайных молений. Украдкой пробирались они на свои сборища. Если кто и попадался на глаза колхозникам, те не придавали значения: Ерема — отсталый элемент, и пусть несознательные старухи молятся с ним. Чем бы ни тешились.

Дуня пришла на сборище в сопровождении Феклы. В большом углу — божница со старинными образами, перед божницей теплится лампада, у каждой иконы прикреплены тоненькие восковые свечки. Они тускло освещают темные невыразительные лики святых. Вдоль стен — широкие лавки. На столе под парчовым покрывалом лежит толстая книга с медными застежками и стоит подсвечник с пятью незажженными свечками. Их зажгут потом, когда начнется богослужение. За столом сидит старик в монашеском одеянии. На груди у него блестит серебром большой крест на цепи из крупных золоченых звеньев. Волосы сивые с рыжим отливом, борода такого же цвета свисает длинными прядями, щеки голые, нос длинный, толстый книзу, красный с синими прожилками, глаза белесые, выпученные под набрякшими веками. Вот он какой, отец Федор. Рядом с ним сидит дева Мария в черной накидке. Она тупо смотрит на парчовое покрывало и шумно вздыхает.

На лавках и на полу тесно уселись верующие. Больше всего древних старух и стариков. Правда, есть и молодые женщины, нет только мужчин мобилизационного возраста: те укрывались в подземельях или рыскали темной ночью по колхозным полям, фермам, амбарам, гумнам.

Чинно и неторопливо прошествовала к столу Елизавета в полном иноческом облачении. Все встали. Старица троекратно перекрестилась, повернулась к сборищу и сделала три низких поклона. Ей нестройным хором ответили.

— Сегодня у нас, православные,— начала старица,— великий день — праздник воздвижения животворящего креста господня, на котором был распят иудеями сын божий.

Голос у инокини проникновенный, мелодичный. Блед-

ное лицо похоже на иконописный образ, на нем большие черные глаза, они завораживают и пугают. Слушают ее с тупой покорностью и суеверным страхом.

Дуня вместе со всеми усердно кладет поклоны и зорко вглядывается в толпу.

— Православные,— звенел голос старицы,— недолго нам осталось ждать освобождения, грядут наши избавители, они близко, и господь дал нам весточку, чтобы ждали. А ждать и терпеть сам бог велел. Мы ждем и надеемся на его святую волю. Но, дорогие братья и сестры! Наша казна оскудела, а содержать мучеников, кои томятся в катакомбах, надо. Мы призываем вас внести свою лепту на наше дело. Рука дающего не оскудеет, все возместится вам сторицею. Аминь.

Руки верующих нашаривают в потаенных местах заранее приготовленные десятки и тридцатки. Дева Мария с парчовой сумкой в руках проходит по рядам молящихся.

— До начала богослужения я хочу поделиться с вами великой радостью: наша община пополнилась женщиной большой святости и преданности престолу господа. Вот перед вами новая сестра Евдокия! Кто она и откуда — дознаваться не надобно, это есть тайна,— объявила Елизавета.

Началось богослужение. За попа служил отец Федор, за дьякона — Елизавета. Дуня только раз была в церкви, когда венчалась соседка, она смотрела на эту церемонию, как на представление, веселое и праздничное. В церковных службах она ничего не смыслила, и все же теперешнее представление показалось ей убогим. Но до конца довести богослужение не удалось.

— Спасайтесь! — раздался испуганный выкрик.

Все всполошились, словно стая вспугнутых ворон, и ринулись к дверям. Давка, стоны, слезы. Дуня подалась ближе к старцу. Толстуха погасила свечи. Старец вытолкнул раму из окошка и вывалился в темноту. Марья хотела было вслед за ним, да не успела, новообращенная сестра Евдокия выпрыгнула вслед за Федором. На бегу тускло поблескивал серебряный крест, съехавший на спину. На крест и ориентировалась Дуня, шлепая по раскисшему чернозему. Старец на бегу шепнул:

— Ты, Машка, не отставай, держись за мной. Кажись, убегли. Ты чего молчишь, кобыла?

— Я рядышком, не отстану.

— Свят, свят! Кто ты? — спросил перепуганный старец.

— Не пужайтесь, это я, сестра Евдокия.

— Х-м, оплошал я,— отлегло от сердца наставника.— А где дева Мария?

— Разве в такой темноте да панике разберешься? А вы, батюшка, не бойтесь, я вас провожу.

Молча добрались до какой-то избенки.

— Ты, сестра, ступай на ночлег к Фекле, а я тут помолюсь в тишине.

Дуня спряталась за плетнем и, вглядевшись в темноту, увидела, как отец Федор открыл люк в задней стенке избы и нырнул в него. Вскоре туда же пришлепала дева Мария.

Дуня напряженно осмотрелась вокруг, запоминая избу, в которой скрылись Федор и Марья. Незнакомому человеку в Куйме нелегко найти нужный дом даже в дневное время. Большое село строилось как попало. Улочки и переулки кривые, перепутанные, словно клубок ниток, побывавший в лапах игривого котенка.

Тревога оказалась ложной, а виной тому был Софрон. Когда Фекла ушла с Дуней на молебствие, а Маня уснула, Софрон вылез из подполья и стал искать самогонку. Жбан был пуст. Вспомнил, что сам же его осушил. Ну как стерпеть, коли хочется опохмелиться? Он пошагал по знакомой тропке к «истинно православной» самогонщице. Домой возвращался окраиной села и оказался вблизи моленной. Патрульные — двое подростков — промокли под дождем, дрожали от холода и страха: все им чудилась милиция. Шаги пьяного Софрона испугали их, и они подняли крик.

Когда Дуня пришла на ночлег, Фекла на чем свет стоит ругала Софрона:

— Ты, пьяница, бродишь по улице, а там облава. Поймают — и к стенке. Изверг! Пошел в подпол!

Утром ни свет ни заря в избе у Феклы появилась Елизавета, и прямо к Дуне за перегородку.

— Уж я так волновалась, так расстроилась! Напугали-то нас как! Не дали провести до конца молебствие. Как ты скрылась?

— А разве захватили кого?

— Слава богу, все целы. А случилась напрасная тре-

вога — парнишки напугались и нас напугали. Ну уж лучше пустая тревога. Известно, пуганая ворона и куста боится.

— Матушка, а о какой весточке ты вчера говорила в проповеди? — И спохватилась: «Опять поторопилась. Не хватало того, чтобы сейчас отшили меня, когда я уже к самому логову подобралась». И зачастила: — Ведь я к чему спрашиваю? А к тому, что мне тоже надо подготовиться. В доме у меня двое от властей прячутся, а ежели долго не придет освобождение, так их и поймать могут. А ежели скоро, так я уж сумею продержаться, вывернусь как-никак.

У старицы забота — усыпить подозрительность любознательной новообращенной сестры. Вадим не дурак, видно, знает, когда свои придут. А что если его схватят до прихода? Тогда все полетит к черту! А счастье-то рядом. В мечтах своих видела себя Елизавета игуменьей большого женского монастыря. В большом храме золоченый иконостас. Храм высокий и гулкий. Стройный девичий хор на клиросе. Заливается колокольный звон. Свой, зазывной, заливистый: «Приидите-приидите, приидите-приидите» — и ответный басовитый из мужского монастыря: «Приидем-приидем, приидем-приидем». А она, окруженная всеобщим поклонением и почитанием, самовластная хозяйка и страдалица...

— Верь моему слову, Евдокия, все будет хорошо, дождешься ты земного счастья. Вон какая ты ладная да красивая, кровь в тебе так и играет. По себе знаю. Вера наша не перечит желаниям плоти, когда душа предана богу. А уж я тебе так устрою, что век за меня будешь богу молиться. Жениха подберу тебе такого, что и во сне не привиделся. Я заметила, какими очами взирал на тебя наш гость. Женю я его на тебе, и будете вы оба счастливы.

— Ты о ком это, матушка?

— Притворщица, будто не знаешь? Вадимом его величают. Скоро, очень скоро станет он большим человеком, и ты с ним попадешь в самое высокое общество. При твоей красоте и при твоем уме многого можно достигнуть. А я уж постараюсь. Прикипело мое сердце к тебе не знаю как.

Дуня слушала старицу и удивлялась: как непохожи эти ее речи на те — о бренности земного существования.

— Иди, Дунюшка, домой, наберись терпения и жди. Недолго осталось. Проведай наших затворников, поза-

боться о них. Завтра к вечеру я буду у тебя. Ты сама пока на глаза не показывайся никому, пусть думают, что у тетушки.

XII

Ночью Афоня пошел во двор, оступился впотьмах и повредил ногу. Ох и ругал же его Вадим!

— Разгильдяй! Кто дал тебе право портить конечности? Ты должен включиться в активную борьбу. А ты что? Я уже в центр донес, что ты в походе, заверил командование, что задание будет выполнено.

— Это очковтирательство.

— А ты не симулируешь? Я сейчас проверю. Которую ногу подвернул?

— Левую.

— Ложись, сейчас вправлю,— схватил больного за ногу и дернул на себя. Афанасий завопил не своим голосом. Немец выругался и зажал ему рот.

— Молчи, скотина! Услышат — капут нам.— И, помедлив, спросил: — Легче стало?

— Маленько полегчало. Знаешь что? Принеси-ка ты мне палку, опираться буду и разомнусь: со мной это не впервые. Не завтра, так послезавтра включусь в дело. Ты за меня не волнуйся, я свое задание выполню в срок, а может, и раньше.

Принесенный со двора кол Афанасий обрезал и обстругал ножиком. Славная палка получилась — увесистая.

Всяк занялся своим делом: Афоня на лавке у дверей подшивал к нижней рубахе потайной карманчик, а Вадим колдовал у рации. Послышался осторожный стук в окно. Немец торопливо спрятал рацию.

— Откройте, это я, Дуня,— послышалось из-за окна.— Афоня поковылял к двери. Вадим засветил пятилинейную лампу. Пока Дуня снимала мокрое пальто, Вадим не сводил с нее глаз. Румяная, веселая, она была чертовски привлекательной. Вадиму не терпелось остаться наедине с ней.

— Марш в свой закуток и спи! — приказал он своему подручному.

Бросился к дверям, чтобы запереть сени. Дуня остановила:

— Не торопись, успеешь! Мне еще выйти надо.

Потом произошло все, как в кино: вместо Дуни в избу вбежал Иван Петрович Киреев с двумя своими сотрудни-

ками. Вадим кинулся к лампе. Не успел он поднять пистолет, как получил удар по руке увесистой палкой, оружие покатилось по полу. Помощники Киреева скрутили руки шпиона.

На стареньком грузовике Дуня вместе с двумя сотрудниками отделения приехала в Куйму. В подземных тайниках были взяты Федор Козодеров с девой Марией и Софрон. А потом были вытащены из убежищ и другие дезертиры, выданные отцом Федором. Он сделал это без внутренней борьбы.

Старица Елизавета как сквозь землю провалилась. Ее изба оказалась пустой, зато в подполье очень старательный вахтер Дружинин, известный по имени Серёня, обнаружил целый склад продовольствия. Чего тут только не было! Мясные консервы в ящиках, целый мешок сахара, два мешка пшена, два ящика водки, ящик чая...

Серёня вытащил все это на улицу, а сбежавшиеся колхозники недоуменно разводили руками: «Откуда, ведь нигде не работали?»

Фекла тоже прибежала, волоча за руку Маньку. Бежала в ожидании чуда. Вот бог сейчас и покарает поднявших руку на пастырей. Но чуда не произошло. Увидев гору ящиков, Маня спросила:

— Мама, а где сахар? Он сладкий?

И тут произошло неожиданное: Фекла бросилась к арестованному отцу Федору, плюнула ему в бороду и завопила:

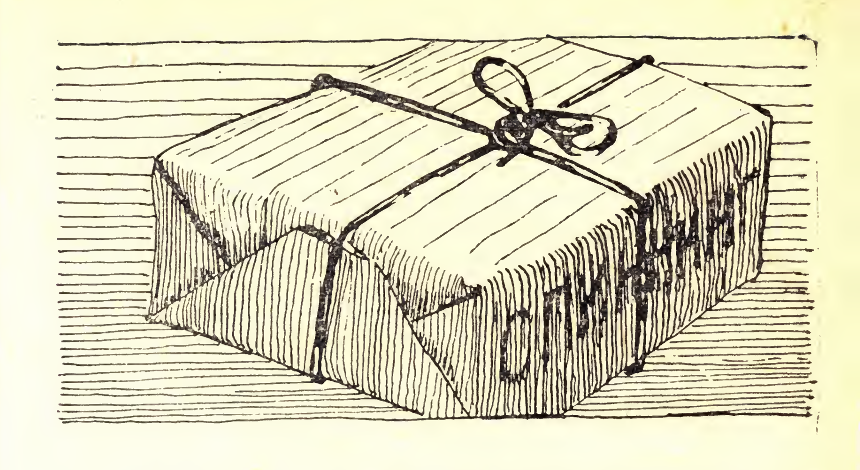
— За что погубили моего Васеньку? Бабоньки, голодом я его заморила ради царствия небесного, а они...

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ, А. СЕРГЕЕВ

ТАЙНА ПЯТИДЕСЯТИ СТРОК. ДЕЛО „ДОБ-1“

ТАЙНА ПЯТИДЕСЯТИ СТРОК

„Пробный шарик“ или...

Всего пятьдесят строк было в набранной нонпарелью заметке одного из зарубежных научных журналов. Журнал выходил в небольшом европейском капиталистическом государстве и пользовался популярностью на всех континентах. Неизвестный автор сообщал об исследованиях в лаборатории видного московского профессора Алексея Михайловича Круглова.

Заметка, занявшая скромное место в конце номера, тем не менее стала сенсацией, вызвав оживленные комментарии ученых и много всяких домыслов.

В Москве недоумевали, как могла появиться эта заметка? Кто дал информацию о работе, которая пока строго засекречена? Правда, заметка по существу ничего не раскрыла. Более того: в ней, с точки зрения знатоков дела, были, как говорят, общие слова. Скорее всего публикация — «пробный шарик»; авось подумают, что теперь уже нечего секретничать: «Все равно, кто хотел что-нибудь узнать об исследованиях Круглова, тот уже знает...»

В институте заметка вызвала настоящую тревогу: где-то рядом враг, кто-то пытается проникнуть в тайну научных работ с грифом «совершенно секретно».

Больше всех, конечно, встревожился сам Алексей

Михайлович. Человек уже немолодой, много повидавший и испытавший в жизни, он отлично понимал значение случившегося. В тот день, когда журнал пришел в институт, профессор, казалось, постарел на несколько лет. Его успокаивали, говорили ему много добрых слов, а он твердил свое: «Опростоволосился».

— Не расстраивайтесь, Алексей Михайлович,— увещевал профессора старый друг,— этим делу не поможешь. Надо действовать, принимать меры... Может быть, охотник за государственными тайнами где-то около нас...

Профессор укоризненно посмотрел на коллегу:

— Да что вы, бог с вами!

— Всякое бывает, Алексей Михайлович...

Оставалась еще одна надежда: запросили несколько учреждений — не давали ли там официальной информации для прессы? Ответ пришел отрицательный. Что же делать? После недолгих раздумий Алексей Михайлович позвонил в КГБ.

...Беседа длилась недолго, и профессор был несколько удивлен, когда, уже прощаясь, сотрудник Комитета госбезопасности вдруг спросил его:

— Петр Максимович Егоров ничего не рассказывал вам о своих встречах с гостившим в нашей стране...

И сотрудник назвал фамилию иностранного ученого, работавшего в смежной области.

— Нет, не рассказывал,— несколько растерянно ответил профессор.— Хотя друг от друга у нас с Егоровым никогда не было тайн. Петр Максимович — мой лучший ученик и ближайший помощник...— Профессор умолк, задумался и вдруг решительно заявил:— Простите, но я исключаю даже самую мысль о нем, как о...

Алексей Михайлович говорил быстро, сбивчиво и все время почему-то сосредоточенно смотрел на стол. А потом вдруг, взглянув на собеседника, и вовсе смутился: собеседник улыбался.

— Я тоже не допускаю этой мысли, Алексей Михайлович... Но не будем столь категоричны в своих суждениях. Жизнь — сложная штука.

Рви цветы, пока цветут...

Натали, так звала ее бабушка, с детства привыкла к шумному обществу в их доме. Отца она не помнила, он погиб на войне, а мать очень быстро перестала горевать.

Пианистка, много ездившая по стране с концертными бригадами, она всегда была в окружении веселой компании. И Натали была еще школьницей, когда ей разрешили допоздна засиживаться в обществе маминых друзей. Девушке нравилась жизнь веселых и, может, несколько беззаботных людей.

Ей еще не было и восемнадцати, когда за ней стал ухаживать скрипач, сухощавый молодой человек с мужественным лицом.

Мама снисходительно относилась к роману. Женщина не очень строгих правил, она сквозь пальцы смотрела на то, как дочь порой уединялась со скрипачом в свой «девичий будуар». Впрочем, Анну Петровну нельзя было всерьез принимать как мать. Нет, она не была создана для этой, по ее словам, «удивительно скучной работы». Да и времени не хватало — постоянные разъезды, гастроли...

Роль воспитательницы взяла на себя бабушка. Ей уже было далеко за шестьдесят, но она, в прошлом хористка провинциальной оперы, до сих пор подолгу просиживала у зеркала. У нее был свой «моральный кодекс», требования коего настойчиво внушала она внучке. Главное среди них: «рви цветы, пока цветут, пройдут златые дни, завянут ведь они».

И Натали стала смотреть на жизнь глазами бабушки.

Красивая, стройная, неглупая и в меру образованная, она легко завоевывала симпатии молодых и не очень молодых мужчин. Скрипач скоро уступил место театральному администратору. Этот предлагал руку и сердце. Натали молча выслушала его, а потом расхохоталась.

— Что вы — с ума спятили, Виктор Александрович! Вы знаете, кем должен быть человек, который сможет взять меня в жены?

И, хлопнув дверью, вышла из комнаты. Бабушка была довольна внучкой: «Правильно понимает жизнь...»

Трудно сказать, какой дорогой пошла бы Натали после школы, если бы однажды в их доме не появился старший брат покойного отца — Федор Степанович. Это был крупный ученый, которого вопреки его собственному желанию перевели в Москву из южного города. Профессор, горячо любивший брата, считал своим долгом позаботиться о его семье, и в первую очередь о племяннице. До него доходили смутные слухи о том, что жена брата ведет образ жизни, отнюдь не заслуживающий одобрения. И в первые же

дни своей московской жизни он убедился, что слухи эти весьма основательны. Тогда он твердо решил: «Мать — уж бог с ней, пусть живет, как хочет, а за племянницу я в ответе... Перед памятью брата».

Профессор частенько наведывался к Натали. Она была в последнем классе школы, когда он повел с ней разговор о будущем; и с грустью отметил: увы, бабушкины семена уже пустили глубокие корни.

В воскресные дни Федор Степанович увозил племянницу к себе на дачу. Ученый любил прислушиваться к говору ветра, птиц и любоваться тем, как солнечный свет пробивается сквозь густую зелень дремучего леса. Здесь дядя и вел, как он выражался, воскресные «проповеди», увлекательно говорил о своих исследованиях, о своих учениках, трудом и талантом утверждавших место в жизни. В рассказах ученого вставали перед девушкой удивительно интересные, смелые люди, поистине творящие чудеса. И порой Федору Степановичу казалось, что племянница другими глазами начинает смотреть на мир.

Натали поступила в Институт иностранных языков... «Кончит Ипяз, — думал профессор, — я ее в научный институт переводчицей определю. Может, так и появится любовь к точным наукам. Или же будет педагогом».

У бабушки были свои планы: выдать внучку замуж за дипломата и отправить за границу. Это, как говорится, программа максимум. Программа минимум — переводчица Интуриста.

Что же касается Натали, то она еще ничего не решила.

В институте у нее было много друзей. Друзей разных и по-разному оценивающих, что есть счастье человека.

Как-то раз у Натали собрались на вечеринку однокурсники. Она была более откровенна, чем всегда, и высказала свое заветное: рви цветы, пока цветут.

— Неужели это твое кредо,— допытывался староста их учебной группы Саша.— Неужели ты серьезно веришь, что любовь может сделать больше, чем труд?

Она усмехнулась и, передернув плечиками, исподлобья оглядела друзей.

— Я не верю ни в силу любви, ни в силу труда. Я верю в силу денег. Искусство жить — искусство делать деньги. Как их делать — это сугубо индивидуально... Не правда ли?

И, не ожидая ответа, она звонко рассмеялась, так что

трудно было понять — всерьез она или шутит назло Сашке.

Поздно вечером, когда друзья разошлись, Наташа устроила бабушке разнос. Началось все с того, что бабушка сказала:

— Молодец, Натали... Как ты этого Сашку отбрила! Ты не слушай его... И дядьку твоего... Жизни не понимают...

Натали взорвалась:

— Ты дядю не трогай! Слышишь! Не смей!

Димка-кактус

У дяди появился помощник — Дима, молодой инженер-строитель. Диму познакомили с Натали на концерте. В последующие дни бабушка была в полном смятении: Дима отнюдь не мог, по ее мнению, составить счастье внучки, а попытки помешать вспыхнувшему чувству рухнули. Наташа была, словно в угаре. Все нравилось ей в Диме — и спортивная фигура, и темные курчавые волосы, лохматившиеся над черными задумчивыми глазами, и его игра на пианино. Впервые она, кажется, по-настоящему полюбила настоящего человека. Он чем-то напоминал ей дядю —такой же ершистый, колючий. Натали прозвала его «кактусом».

Однажды вечером Натали заявила бабушке, что Дима уезжает в Сибирь строить в тайге новый город и зовет ее с собой, конечно после окончания института.

...Бабушка несколько минут не могла прийти в себя.

— Ты с ума сошла! ...Тайга. Сибирь... Безумство, бред. Это не для тебя. Да и вообще, что ты нашла в этом...

Была предпринята фронтальная контратака бабушки, мамы, ее друзей. Пытались даже подключить дядю: «Зачем девушке уезжать из Москвы?.. Да еще с ее специальностью...»

Долго Натали терзалась сомнениями. На ребром поставленный вопрос Димы: «Поедешь или нет?» — она уклончиво ответила: «Впереди целый год. Там видно будет. Но, честно говоря, меня не прельщает романтика тайги. Бабушка, вероятно, права — я не рождена для подвига... Подумай — может, и ты не поедешь?» Дима сжал губы так, что они побелели, и бросил что-то резкое, колючее.

Вскоре он уехал на север, сказав на прощанье:

— Что же, я согласен, Наташа. Поживем — увидим. Практика — критерий истины. Буду писать тебе и буду жить ожиданием твоих писем.

Было это в ту пору, когда Наташа уже перешла на последний курс.

Она преуспевала в занятиях — сказались трудолюбие, способности, интерес к языкам. Каждый раз на институтских встречах студентов с работниками какого-нибудь посольства Натали обращала на себя внимание произношением и богатым запасом слов. И когда Интурист попросил послать к ним на практику группу старшекурсников, среди них оказалась Наташа.

В Интуристе были очень довольны ею. Даже намекнули: «Возможно, что пошлем заявку на вас...» Наташе это было приятно, пожалуй, Интурист ей импонировал больше, чем Димкина тайга. А бабушка и вовсе ликовала: «Все выходит по-моему».

И вдруг, совершенно неожиданно для друзей по институту, для мамы и бабушки, Наташа перед самым окончанием вуза отказалась идти работать в Интурист. И вообще во всем ее облике, поведении, образе жизни произошли заметные перемены. Откуда этакая хмурость, озабоченность? Куда пропал былой интерес к вечеринкам, танцам? Бабушка склонна была отнести все это за счет Димкиных писем — они приходили чуть ли не через день. И старуха снова всполошилась: «Неужели уедет... До чего же переменчивая стрекоза».

В тайгу она не уехала, но однажды заявила маме и бабушке, что зря не послушалась дяди и не пошла в науку.

— Надо исправить ошибку. Попрошу дядю устроить меня в какой-нибудь институт переводчицей. А там видно будет. Может, и Димку перетяну, не правда ли?

Мама отнеслась безразлично к этому, а бабушка снова бубнила: «Я тебя не узнаю!.. Тебя подменили!..» Внучка ласково успокаивала бабушку, но решения своего не изменила. Что же касается дяди, продолжавшего опекать Наташу, то он был доволен. Откровенно говоря, Димкин вариант ему тоже был не по душе. И вот из крупного научно-исследовательского института, которым руководил друг Федора Степановича — Алексей Михайлович Круглов, в Иняз отправляют заявку на переводчицу.

Эврика!

Наталья Викторовна, ее теперь уже так величали, оказалась отличной переводчицей. Она не только переводила, но и реферировала для своего шефа некоторые статьи. А для повышения квалификации стала усердно почитывать доступную ей специальную литературу.

Профессору нравилась ее целеустремленность, серьезный подход к делу.

— Свяжитесь с Петром Максимовичем Егоровым. Это мой ближайший ученик, большой эрудиции ученый и чуткий, отзывчивый товарищ. Он поможет вам ближе познакомиться с нашей тематикой и освоить терминологию. Я ему скажу о вас... Вам будет легче...

Кандидат технических наук Егоров был действительно человеком добрым, отзывчивым и охотно помогал Наталье Викторовне, которая неожиданно проявила способности к точным наукам. Она удивительно быстро входила в курс исследований, которым посвятили себя шеф и его ученик. Наташа уже могла иногда понять, о чем они спорят, и легко вылавливала из большой статьи в каком-нибудь зарубежном журнале именно то, что больше всего могло интересовать профессора. Как-то она сказала Петру Максимовичу:

— Жаль, что я не послушалась дяди.

— Вы же еще очень молоды, Наталья Викторовна. Господи боже мой! О чем вы говорите? Вам и сейчас не поздно поступить в институт... И начать все сначала.

— Петр Максимович — вы гений...

И Наташа стала советоваться, в какой технический вуз поступить, как готовиться к экзаменам, чем сможет помочь дядя.

— Ну и, конечно, вы, Петр Максимович... На вашу помощь я могу рассчитывать?

Подготовка в вечерний институт еще больше сблизила Наташу с Егоровым.

По вечерам они иногда задерживались в лаборатории. А тут как-то в жаркий летний день молодой ученый пригласил переводчицу в Химки, поужинать на летней веранде речного вокзала. Она деликатно отказалась.

— Что вы, Петр Максимович... Это неудобно... К тому же экзамены на носу.

Он смутился, что-то пролепетал и, смущенно улыбаясь, развел руками.

— Я очень тронута вашим вниманием... В другой раз как-нибудь... Не правда ли?

Петр Максимович ничего не ответил.

Вступительные экзамены в институт она выдержала. Не потребовалось никаких и ничьих хлопот — переводчицу научно-исследовательского института охотно приняли в вечерний вуз. Бабушка ахала, охала, но и она смирилась.

Теперь начиналась новая полоса в жизни Наташи, и шеф в шутку уже называл ее коллегой. Специальность, избранная девушкой, была сродни направлению работ профессора Круглова.

Шли годы. Наталья Викторовна была на третьем курсе. Она уже не механически, а со знанием дела переводила, реферировала статьи для профессора. И он души не чаял в ней.

Разговор на набережной

...Однажды случилось так, что Наталья Викторовна не успела к концу дня закончить срочный перевод для большого доклада в Государственном комитете. Расстроенная, она пришла к профессору — как быть?

— Вот уж и не знаю. Завтра утром доклад, а для сравнения с нашими результатами зарубежные данные нужны до зарезу.

— Я готова привезти вам их вечером домой. Посижу здесь еще несколько часов.

— Да вы же голодны... Сейчас велю принести вам чего-нибудь перекусить. А к восьми пришлю машину...

Ее встретили очень радушно, запросто. Елена Максимовна, хорошо знавшая почти всех сотрудников мужа и покровительствовавшая некоторым из них, усадила Наталью Викторовну пить кофе. «Дела потерпят. Проголодались, поди...»

Профессор забрал переводы и, оставив женщин, удалился в свой кабинет. У хозяйки дома и переводчицы, несмотря на разницу в годах, обнаружилась общность взглядов на многие вопросы семьи и брака. Они понравились друг другу. Наталья Викторовна засиделась допоздна. И в тот же вечер было решено, что она будет давать уроки английского языка четырнадцатилетнему Володе — профессорскому сыну.

— Ждем вас послезавтра, Наталья Викторовна. Вообще прошу чувствовать себя у нас как дома...

И вот Наталья Викторовна уже «свой человек» в доме профессора. Обычно после занятий с Володей она оставалась ужинать, и случалось, что за столом оказывалась рядом с Петром Максимовичем, который иногда до поздней ночи работал с шефом. Наталья Викторовна беседовала с хозяйкой дома, а ученые вели свои разговоры, оживленно обсуждая результаты каких-то экспериментов.

Петр Максимович частенько провожал Наташу домой. И при этом всегда был подчеркнуто сдержан. Неужели это после ее отказа ехать в Химки? Или, может, тут совсем другое: она как-то, правда туманно, поведала ему, что есть в Сибири такой Димка-кактус...

Однако при всей своей сдержанности Петр Максимович не мог скрыть, что Наташа ему нравится.

Как-то осенью они задержались в институте и, возвращаясь домой, шли по набережной. Стояла безлунная ночь. Они молча глядели на мерцавшие сквозь туман одинокие звезды. Крутом было тихо, и только листья шуршали под ногами. Заговорили о поездке Егорова на предстоящий международный симпозиум в столицу небольшого европейского государства.

— Как жаль, что вы уезжаете. Мы поехали бы в воскресенье в Абрамцево...

Он даже вздрогнул от неожиданности.

— Да, конечно... Мне тоже жаль... Нет, я не то хотел сказать. Но впереди еще столько воскресений,— и, кажется впервые, он пожал ей руку и уж совсем неожиданно прижал ее ладонь к своей щеке.

Потом он стал рассказывать ей о симпозиуме, о возможных дискуссиях. Наташа встревожилась.

— А вас не положат там на обе лопатки?.. Я боюсь за вас...

— Что вы, Наташенька... Мы так далеко впереди их...

И он говорил о шефе, о лаборатории, о последних открытиях. Наташа перебила его.

— Извините меня, Петр Максимович, но мне все это надоело в институте. Давайте о чем-нибудь другом...

Наедине с Дженни...

Через несколько дней он улетел за границу.

Его встретили там очень радушно — имя молодого ученого было известно участникам симпозиума. Петр Максимович возглавлял нашу делегацию, и к нему был прикреплен гид, один из местных ученых, хорошо знавший русский язык и работавший в области смежной с той, где вел свои исследования профессор Круглов. Это был молодой элегантный человек, вежливый, предупредительный. Все его звали запросто Карл.

— Вы можете мной располагать, как вам угодно. Надеюсь, что и вы в долгу не останетесь, когда я приеду в Москву.

— А вы собираетесь к нам?

— Да, в порядке обмена... Соответствующие переговоры уже ведутся...

И он назвал один из крупных московских институтов, где ему, вероятно, предоставят возможность поработать.

На первых порах Петр Максимович был весьма доволен, что к нему прикрепили такого гида. Несколько раздражало и беспокоило лишь одно обстоятельство: Карл буквально заполнил его время — ни одного вечера Петр Максимович не смог провести вместе с товарищами по делегации. Сегодня театр, завтра прогулка за город, затем в гости к какому-то профессору. Петр Максимович насторожился: в чем дело? Но разговоры, которые вели с ним, касались самых отвлеченных тем, связанных с наукой вообще, с литературой и искусством. И только однажды разговор переключился на его институт. Все началось с какого-то спора, в ходе которого он сам стал говорить об институтских делах. Но задумался он над этим уже позже, вернувшись в гостиницу.

Гид познакомил его и со своей сестрой Дженни. Эффектная молодая женщина с копной золотистых волос, небрежно спадавших на оголенные плечи, с мягкими темными глазами и белой шеей в мелких веснушках. Она тихо сказала ему: «Я большая поклонница вашей страны, ее прогрессивной науки».

Симпозиум близился к концу. Петр Максимович вместе с товарищами распланировал оставшиеся свободные вечера. И вот снова неожиданное приглашение: Карл зовет его к себе в гости. Егоров вежливо пытается отклонить приглашение, но ничего не выходит. «Я и Дженни

хотим попрощаться с вами. Скромный ужин в узком семейном кругу. Мы да старики»...

Но «семейный круг» неожиданно сузился. Хозяин дома очень огорчен: родители вынуждены были поехать за город к тяжело заболевшему дяде. И они сели за стол втроем. А вскоре и сам Карл исчез — позвонили родители и умоляли сына срочно приехать, дяде стало совсем плохо...

— Дженни, ты останешься за хозяйку. Я скоро вернусь.

Петр Максимович не успел и слова вымолвить, как Карл распрощался, и они оказались с Дженни вдвоем во всей квартире.

Впрочем, не совсем так. Вдвоем, если не считать служанки, миловидной русоголовой блондинки, неожиданно появившейся в комнате в тот самый момент, когда Дженни предложила гостю пересесть поближе к камину.

— Прошу прощения, госпожа...

— Я, кажется, ясно сказала: сегодня вечером мы обойдемся без ваших услуг, Катрин!

— Извините,— испуганно пролепетала девушка. Так же как и хозяйка, она свободно говорила по-русски.— Какой-то господин настойчиво требует вас к телефону... Да, я ему говорила, что госпожа просила не беспокоить ее, но он уверяет, что к нему это не относится, что вы будете очень рады его звонку, что меня строго накажут, если я не доложу вам.

Дженни бросила на служанку недобрый взгляд. Потом обратилась к гостю:

— Простите, я вас покину на несколько минут.— И удалилась из комнаты, сухо обронив:— Катрин! Раз ты уж здесь, то помешай угли в камине...

Петру Максимовичу показалось, что девушка порывается что-то сказать ему. А может, это только показалось. Он сам хотел узнать у нее: где она научилась русскому языку? Но в этот момент вернулась Дженни.

Хозяйка мило улыбнулась вслед быстро удалившейся из комнаты служанке.

— Это ваша соотечественница. Дитя войны... Лагерь перемещенных лиц... Любовь всесильна. Русская девушка полюбила иностранца. И не вернулась в Россию. Отказалась. А муж мало зарабатывает. Попросилась в наш дом. Аккуратность и исполнительность, видимо, никогда не были ее отличительными чертами. Но что поделаешь — надо быть добрым...

И, подойдя вплотную к гостю, озорно вскинула на него глаза:

— Как будет развлекать меня русский ученый?

И, не ожидая ответа, Дженни взяла его за руки.

Он деликатно высвободил их, потом решительно поднялся с места, отвесил поклон и сухо сказал:

— Прошу прощения. Дела требуют моего присутствия в гостинице.

И, еще раз откланявшись, удалился...

На следующий день, рано утром, выйдя из гостиницы, Егоров неожиданно, где-то на пустынной улице, лицом к лицу столкнулся с Катрин. Видимо, она ждала его или, может, шла следом.

— Здравствуйте! Вы, оказывается, русская. Из лагеря перемещенных?

— Вам уже все известно обо мне...

— Вы пришли сюда, чтобы повидать меня?

— Да. К вам большая просьба. Возьмите эту маленькую посылку. Сувенир племяннику. Брат не хочет, чтобы я посылала ему посылки. Пишет, что не нуждается... И вообще чурается. Но тут маленький сувенир... Спиннинг. Я ему напишу. Он сам зайдет к вам. Вы не возражаете? Окажите услугу... Что делать — так сложилась судьба. Не упрекайте меня.

Она сунула ему в руку маленькую аккуратно перевязанную коробочку и быстро исчезла в переулке.

Все это произошло так стремительно, что Петр Максимович даже не успел опомниться. И только после того, как она исчезла за поворотом, он подумал: к чему бы вся эта история?

Через несколько дней делегация уезжала домой. Ее тепло провожали организаторы симпозиума. Дженни приехала на вокзал вместе с братом. Гид пожимал руку гостю и говорил: «Я надеюсь, что наше приятное знакомство продолжится в Москве. До скорого свидания, господин Егоров»...

В Москве его встречали шеф и Наталья Викторовна. Петр Максимович, увидев ее, покраснел: ему приятно было видеть ее среди встречающих. И он прямо сказал ей об этом.

В первый же вечер, когда они остались вдвоем, Наташа призналась Петру, что ей было грустно без него и она часто думала о нем, беспокоилась.

Он ничего не ответил, а только взял ее под руку, и они долго шагали молча.

Он все рассказал ей — о гиде, о его сестре, о возможном приезде Карла в СССР.

— Странно все это было... Ты не находишь, Наташа?

— Не знаю, Петя, может, и странно, а может быть, у них так принято.

„Гид“ появляется в Москве

...Прошел год. Петр Максимович успел почти позабыть о своей поездке за рубеж. Он был поглощен работой и Наташей, которая, кажется, уже прочно вошла в его жизнь.

И вот нежданно-негаданно нагрянул гость — Карл.

Гость дал о себе знать по телефону. Петр Максимович несколько удивился и даже встревожился: он, кажется, не оставлял своего телефона Карлу, а справочная не давала номера телефонов института. Странно! Спросить у Карла, как он узнал номер телефона? Неудобно, обидится... И Петр Максимович перестал тревожиться. «Чепуха! Мало ли кто из наших ученых, с которыми имеет дело господин Карл, помог связаться со мной».

Долг вежливости обязывает. И он возил Карла по городу, показывая Москву. Они были в театре, ужинали в ресторане, а потом пригласил домой на обед — мама продемонстрировала русскую кухню. Выпили, закусили, поели блинов с икрой. Пошел оживленный разговор. Гость восторженно говорил о русских ученых и, в частности, о шефе Петра Максимовича, с которым был хорошо знаком по литературе. И вдруг неожиданно заявил:

— Перед моим отъездом в Москву редактор нашего очень популярного журнала попросил меня передать вам их предложение выступить со статьей. О чем? О ваших исследованиях... Большой гонорар, известность... Весь мир заговорит о вас...

Гость испытующе смотрел на Петра Максимовича и несколько раз повторил:

— Большой гонорар... Известность, даже, если хотите знать, слава! Правда, я где-то прочел, кажется у Бальзака, что слава товар невыгодный: стоит дорого, сохра-

няется плохо. Но гонорар в сочетании со славой — это, знаете ли...

Петр Максимович оборвал Карла:

— Вы отдаете себе отчет, что означает ваше предложение? Если бы вы не были моим гостем...

Но «гид» быстро перешел на шутливый тон и поднял тост за всемирную дружбу ученых. Уже прощаясь, он все-таки вернулся к своему предложению.

— А насчет статьи вы все-таки подумайте... Да, между прочим... Есть вариант... Вы можете сдать статью, оговорив при этом, чтобы ее не публиковали, если это вам нежелательно. Подумайте и над таким вариантом... Ну, а гонорар — само собой...

И вдруг неожиданно для гостя хозяин дружески похлопал «гида» по плечу и решительно сказал:

— А вы знаете — это, кажется, не плохой вариант. Есть о чем подумать. Увидимся—поговорим...

Рано утром Петр Максимович позвонил в КГБ и попросил срочно принять его...

Он или не он?

Несколько дней назад с границы сообщили, что долгожданный гость проследовал с группой туристов в Москву. Докладывая об этом генералу, майор Птицын сказал:

— Думаю, товарищ генерал, что события должны развиваться следующим образом. Турист обязательно повстречается с Егоровым и, вероятно, попытается установить с ним контакт. Я почему-то почти уверен, что Егоров после визита туриста сам явится к нам.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Сегодня я снова прослушивал пленку, присланную Ландышем. В тот вечер в доме Дженни ученый вел себя, я бы сказал, предостойнейшим образом. Ландыш снова подтверждает: Карл рассматривает Петра Максимовича как весьма крепкий орешек. Не надеется сразу расколоть. Но пытаться будет...

И вот — звонок. Майор ждал его с утра, зная, что вчера вечером Карл был в гостях у ученого.

...Петр Максимович старается восстановить во всех деталях свои встречи на симпозиуме, визит к «гиду», разговор с Дженни-обольстительницей, как он ее окрестил,

Ученый старается нарисовать портрет гостя. «Это же очень важно для вас. Я знаю!» Майор сдерживает улыбку. Так и подмывает достать из папки фотографию Карла и показать: «Вот же он какой!» Ладно, придет время — всё покажут. А пока майор весь внимание. Слушает и мысленно сопоставляет: все сходится с сообщением Ландыша. Петр Максимович действительно орешек крепкий — Карл это знает и все же надеется раздобыть сведения о работе института. Так он и сказал Дженни перед отъездом.

Куда тянутся нити от туриста-разведчика? На кого он надеется?

— Что вы сказали гостю, прощаясь? Повторите... Постарайтесь точнее.

— Могу с абсолютной точностью. Мысленно приняв решение звонить вам, я взвесил каждое слово, которое скажу туристу: «Подумаю, обязательно подумаю... Увидимся — поговорим».

— Когда вы снова встретитесь?

— Завтра... У меня дома...

— Постарайтесь вселить в гостя надежду, что не исключена возможность такого варианта — вы дадите короткую информацию для журнала... Обязательно поинтересуйтесь суммой гонорара.

— Хорошо.

— Позвольте вам задать один вопрос. Предупреждаю: мы вам верим. Иначе у нас был бы другой разговор. А вопрос такой: все ли, что касается ваших встреч за рубежом, вы рассказали? Абсолютно все? Или, может, коечто забыли... Подумайте.

Петр Максимович стал мучительно перебирать в памяти каждый час своей жизни в те дни.

— Как будто бы все...

— Вот видите, экий вы...— И Птицын рассмеялся.— А молодая женщина, которая просила вас отвезти спиннинг племяннику... Забыли?

В глазах ученого не то испуг, не то растерянность.

— Боже мой, как же я мог забыть и не сказать вам... Но я никак не связывал ту женщину с гидом-туристом, с Дженни. Неужели это их агент... Теперь я понимаю. Боже мой, как я попался...

— Вы же заполняли таможенную декларацию и знаете, что запрещается перевозить что бы то ни было для передачи третьим лицам.

— Но я честно заявил сотрудникам таможни, что этот спиннинг меня просили передать. И сказал даже, кто просил... Спиннинг у меня забрали... Но перед отходом поезда вернули... Вернули и сказали: «Ладно, везите. Пусть парень рыбу ловит».

Ученый умолк, а потом глухо сказал:

— Вы должны мне верить, товарищ майор!

— Да успокойтесь вы, Петр Максимович! Я уж не рад, что вам про спиннинг напомнил. Видите ли, если бы я вам не верил, то уж, конечно, не дал бы понять, что располагаю несколько более подробными сведениями, чем те, которые вы мне сообщили. Сейчас от вас требуется максимальная выдержка, спокойствие и тонкая игра с вражеским разведчиком. Да, чуть не забыл. Последний вопрос: вы не встречали больше человека, забравшего у вас спиннинг?

— Встречал. Точнее — видел... Два раза... Через неделю после того, как я вернулся с симпозиума, мне позвонил какой-то человек и отрекомендовался: «Я брат Кати, которая передала вам спиннинг для моего сына». Я, естественно, пригласил его зайти за посылочкой. Назначил время. В субботу вечером. Он не пришел. А в воскресенье утром позвонил и сказал, что живет очень далеко от моего дома. И тут же спросил: «Где вы работаете? Собственно, меня интересует только район, так сказать, место возможной встречи». Я назвал. Он обрадовался. «Отлично. Я работаю в том же районе. Близ станции метро. Вы не возражаете, я буду ждать вас завтра в девять часов утра у выхода из станции метро. Я ношу зеленую шляпу, хожу с палкой. Большое спасибо. Я ведь живу в Мытищах. Ехать специально за спиннингом хлопотно». Вот и вся история.

— Ясно. Опытный дядька. А где же вы его снова встретили?

Петр Максимович застенчиво улыбнулся.

— Это несколько интимная история... Но от вас у меня нет секретов... Недалеко от дома девушки, с которой меня связывает...

Петр Максимович запнулся, и майор поспешил:

— Крепкая дружба?

— Будем считать, что так. В общем, это даже не имеет в данном случае существенного значения. В субботу мы не успели договориться о воскресном дне. Звоню ей утром, никто не отвечает. Тогда я решился нагрянуть без звонка.

Иду и еще издалека вижу, как из «Гастронома» выходит моя знакомая. Я ускорил шаг. Она уже вошла в парадное, а я только с «Гастрономом» поравнялся. И тут он из магазина...

— Поздоровались?

— Я поклонился, но он, может быть это мне показалось, в сторону отвернулся... Вероятно, не заметил.

— Давно это было?

— Нет, в минувшее воскресенье.

Майор мысленно зафиксировал: на следующий день после встречи ученого с туристом.

— Каков из себя папа рыболова?

— Фигура этого папы весьма напоминает фигуру тяжелоатлета. Здоров как бык! Крупное лицо, чуть приплюснутый нос.

Майор поблагодарил ученого и, уже прощаясь, спросил:

— Простите... Как зовут ту девушку?

— Наталья Викторовна...

Птицын вернулся в кабинет и достал из сейфа папку, на которой крупно было выведено только одно слово: «Ландыш». В папке лежала фотография того самого «тяжелоатлета», о котором рассказал ученый. На обороте фотографии стоял большой вопросительный знак. Майор долго рассматривал снимок: «Он или не он? А если он, то как его найти? Ландыш даже фотопленку умудрился прислать. Теперь дело за нами...»

Операция „Спиннинг“

...Сорок третий год. Западная Белоруссия. Где-то совсем близко советские войска. Скоро они придут и в эту деревню. Но не дождалась их Катерина. Ждала свободы, а свалилось горе. Девушка на всю жизнь запомнила тот день. Солнце уже клонилось к закату. На душе зябко, тяжко и темно. Под конвоем их пригнали на станцию — всех тех девчат и парней, что оставались в живых. Подали состав двухосных вагонов с зарешеченными окнами и надписями на дверях: «Мы добровольно едем в Германию». Молча стояли угрюмые немецкие солдаты, держа на поводке огромных овчарок.

Ее никто не провожал. Отец погиб на фронте еще в сорок первом. Мать до смерти забили гитлеровцы, когда узнали, что Катин брат ушел к партизанам. Катерину взяли

к себе добрые люди. Сперва прятали, а потом пристроили белье офицерам стирать. И вот новая беда — всю молодежь в Германию отправляют.

В рабочих лагерях она подружилась с молодым антифашистом Питом. Сперва это была только дружба молодых, которых сблизила жажда мести за кровь, за побои, за пытки. А потом пришла любовь, которая во сто-крат умножает силы. И, может, любовь эта помогла им вынести все, что пало на их плечи в неволе. Из лагеря их отправили в услужение к немцу, кулаку, в деревню где-то над Рейном. Поначалу им обоим это показалось раем. Но оказался он кромешным адом: побои, издевки, глумление, каторжный труд с рассвета до темноты — в поле, хлеву, на огороде, в кухне. Хозяин, не стыдясь детей и супруги, приставал к Кате, за что, правда, был бит дважды: женой в открытую и Питом тайно ночью. Для влюбленных вся эта история обернулась наихудшим образом. Пита нещадно колотил хозяин, Катю — хозяйка...

Но вот уже война зашагала и по немецкой земле. Молодые с надеждой смотрели на восток — скоро придет долгожданная свобода.

Однако она пришла с запада — в деревне появились американцы. Это случилось в тот светлый майский день, когда мир узнал о капитуляции фашистской Германии.

Конец войне, можно возвращаться по домам. Месяц пролетел как один день. Праздновали победу. Наконец комендант объявил Питу, что через несколько дней он получит пропуск. Куда? К родителям.

— А можно и к родителям и туда? — И Пит показал рукой на восток.— Моя жена, Катерина, оттуда, из России... Мы сперва заедем к моим родным. Это недалеко. А потом к ней, в Россию... Хорошо? Можно? Когда прикажете получать пропуска, господин комендант?

Американец неопределенно ответил: «Да, будут пропуска». Прошел еще месяц, а пропусков не давали. Наконец их позвали в комендатуру. За столом рядом с американцем сидел белобрысый толстяк в щеголеватом штатском костюме.

— Это ваш земляк, мисс Катерина,— галантно раскланялся американец.— Знакомьтесь, мистер...

«Мистер», не дожидаясь пока назовут его фамилию, бросился обнимать Катерину и даже прослезился.

— Да, много горя, доченька, хлебнул наш народ. Ой как лютовал враг на родной земле! И так ноет сердце,

так тянет до белорусских лесов. Но вот беда какая: теперь там, на нашей земле, лютует энкавэде. Читай, доченька, читай и подумай.

И белобрысый толстяк протянул ей газету «Батьковщина» на белорусском языке. Не знала она, что этот грязный антисоветский листок эмигранты издавали на американские деньги. Через всю первую полосу заголовок: «Террор большевиков в Белоруссии». «Колыма, лагеря, пытки — вот что ждет дома белорусов, находившихся в плену у немцев».

— Но я же не виновата в том, что меня насильно угнали...

— Наивная ты, доченька. Ну кто станет разбираться... Послушай, Пит, женщины никогда не отличались обилием мозгового вещества. Ты, кажется, научился в лагере читать по-русски. Возьми эти газеты. Почитай и потом на семейном совете решите. Я же вам добра хочу... Почитай рассказы очевидцев и как мужчина сам реши, куда вам лучше всего податься. Только смотри, парень, потом не пожалей...

И Пит решил за обоих: «Поедем лучше, Катерина, к моим старикам. Поживем — увидим. Время покажет... Ты не плачь, не грусти. Отец у меня тоже антифашист был. Не знаю, остался ли в живых... О русских он всегда говорил уважительно».

Когда окончательно отпал Катин вариант — ехать вместе в Белоруссию, молодых стали уговаривать в комендатуре подписать контракт с американцами, вербовавшими рабочую силу за океан. И снова появился тот белобрысый толстяк с газетенкой «Батьковщина». Он совал все тот же грязный листок, на котором рядом с рассказами «очевидцев» ужасов «террора НКВД в Белоруссии» публиковались «свидетельства» счастливчиков, уехавших за океан. Что делать, кому верить? Катя уже заколебалась было, но Пит настоял на своем.

— Нет, Катюша моя. Мы с тобой не поедем за океан. Мы к моим старикам отправимся. Жили они, правда, бедно да тесно. Но что поделаешь. Все-таки отчий дом.

И они отправились туда, где до войны жили родители Пита.

Шли годы. В доме Пита девушку из Белоруссии приняли, как родную дочь. Пришлась она старушке по душе — красивая, ласковая, работящая, хорошая жена и мать: сына родила и в честь погибшего деда Петром

назвала. Сынок подрос — пошла работать. На фабрику. Ткачихой. Специальность получила. Радовалась, но недолго. Началась безработица, и ее первой выкинули за ворота: жена неблагонадежного. Долго ходила без работы — всюду отказывали.

Однажды Катя познакомилась с русской женщиной Валей — Виолеттой — так она отрекомендовалась. Разные дороги привели их в чужой город. Катю — любовь к Питу, а эту — предательство. У себя в родном городе она служила у оккупантов в гестапо и вместе со своим любовником-эсэсовцем удрала в Германию. Там он ее бросил, и вот уже который год женщина без родины скитается по Европе. Виолетта пообещала свести Катю с человеком, тоже русским, у которого здесь большие связи и который вхож в богатые дома: «Он обязательно тебя пристроит».

Знакомство состоялось буквально через день, в маленьком кафе. Сухощавый, лысый, с усиками, с мышиными глазками, нагловатый хлыщ назвал себя Сержем, хотя лет ему было уже под пятьдесят. Он с ног до головы осмотрел Катю, словно раздевал ее. Серж ни о чем не спрашивал. Молча выпил рюмку коньяка и чашку кофе. Закинул ногу на ногу, скользнул взглядом холодных настороженных глаз и, цедя каждое слово, сказал:

— Вы хотите из меня сделать великого гуманиста, мадам Виолетта, — и он кивнул в сторону Кати. — Ну, что ж... Попробуем. Она будет определена горничной в очень богатый дом ученого...

И Серж назвал фамилию немца с весьма подозрительным прошлым, немца, который лишь каким-то чудом ушел от суда над военными преступниками. Катя читала об этом ученом в газете.

Серж даже не спрашивал у нее, согласна ли она. В условиях безработицы, настороженного отношения к русским женщине, причастной к неблагонадежной семье, следует считать предложение Сержа благодеянием.

— Вам повезло, мадам. Вы встретили Виолетту и меня, человека, рожденного делать людям добро. Запомните день, когда вы меня увидели. Со временем я предоставлю вам возможность отблагодарить...

Когда она рассказала обо всем Питу, он пришел в неописуемую ярость. Пит никогда не ругал Катю. И, кажется, впервые в сердцах сказал ей: «Ну и дура же ты!» Старуха тоже что-то бурчала неодобрительно: горничной да

еще в такой дом, к фашистскому ублюдку! Катя проплакала всю ночь. Не от хорошей жизни идет она в горничные. Работы нигде не найти, дома едва концы с концами сводят...

Дом ученого был действительно богатым. Все тут было поставлено на широкую ногу. В доме часто принимали гостей — приезжали немцы, американцы и ученые из социалистических стран. Гостей, как правило, принимали молодые хозяева — Карл и Дженни — брат и сестра. Карл и Дженни были неутомимы. Куда-то исчезали на несколько дней и возвращались с компанией, которая иногда жила в доме целую неделю. Когда Карл успевал заниматься наукой, это оставалось для Кати загадкой. И еще одно обстоятельство привлекло внимание горничной: Карл и Дженни сравнительно хорошо говорили по-русски. Правда, с ней они разговаривали только по-немецки.

Подавая кофе гостям, Катя как-то уловила несколько странных фраз: Карла называли специалистом по русским делам. Речь шла о каких-то людях в Москве.

Когда она рассказала обо всем этом Питу, он насторожился. В доме Карла плетутся какие-то сети. И этот Серж твой, «великий гуманист», и Карл, «специалист по русским делам»,— одна компания. «Держи ухо востро»...

Кате нетрудно было убедиться, что «сети, которые плетутся в доме Карла», имеют совершенно определенное назначение. Однажды поздно вечером Катя услышала, как брат упрекал сестру — он был под хмельком и в таких случаях говорил очень громко. Смысл братских упреков сводился к тому, что там, где бессильны деньги, где нельзя купить нужного тебе человека, им может завладеть красивая женщина. Красивая женщина — это Дженни, человек, которым она должна завладеть, какой-то актер, приехавший на гастроли с группой советских деятелей искусства...

На следующий же день Катя решила было дать знать об услышанном разговоре кому-нибудь из советских гостей. Но потом одумалась: поверят ли ей? И где доказательства? Скажут — провокация. Карл сперва на смех поднимет ее, а потом вышвырнет из дому, как собачонку. Нет, тут требуется осторожность, тут надо все взвесить.

После долгих мучительных раздумий Катя и Пит решили, что действовать надо совсем иным путем. Нужно войти в доверие к молодым хозяевам. Собственно Пит решительно требовал поначалу другого — уйти из этого

страшного дома, и делу конец. И тогда Катя, можно сказать, выплеснула ему все, что накипело в душе белорусской женщины за годы разлуки с отчим домом. Теперь она знает: только любовь к Питу могла поколебать в те летние дни 1945 года ее веру в свой народ. Она уже давно поняла, что была тогда жестоко обманута. Однако, что делать — Катя любит Пита, любит сына, и дом Пита стал ее домом. Но Родина — она там, на Востоке...

— Пит, ты должен меня понять, ты же умный и добрый... Если уж судьба забросила меня сюда, то хоть какую ни на есть малюсенькую пользу принести своему дому...

Она расплакалась, и Пит долго не мог ее успокоить. В ту ночь и было решено: с волками жить — по-волчьи выть, а там видно будет. В ту ночь она все продумала, все взвесила.

Главное — добиться разрешения поехать в СССР. Хотя бы на месяц, чтобы повидать родных. Хозяев, пожалуй, она уговорит,— может, их даже устроит такая поездка. Теперь Катя не сомневалась в том, что Серж неспроста определил ее в дом Карла и Дженни. Видимо, у «специалиста по русскому вопросу» есть дальний прицел, свои виды на женщину из России. Сложнее другое: даст ли разрешение советское посольство? А в посольстве тоже поинтересуются, кто такая Катерина, что делает, где живет, с кем дружит. Семья Пита — это хорошо. А Карл, Серж, Виолетта? Плохая рекомендация. А ей до зарезу надо повидать брата, бывшего партизана.

И логика подсказывает: повремени с задуманным планом, сторонись пока и Сержа и Виолетты и не иди на сближение с Карлом. Сперва получи разрешение на поездку в СССР. И ей это удалось.

После возвращения из СССР Катя сумела завоевать полное доверие хозяев. Проявился ли тут неожиданно открывшийся в ней талант или попросту Карл с Сержем оказались людьми недальновидными,— сказать трудно. Большое впечатление произвела на хозяев хорошо разработанная легенда о жизни в городах и селах Белоруссии. Она намекнула, что есть среди ее советских друзей и такие, которых не все устраивает в советском образе жизни.

Рассказы Кати попали на благодатную почву, и после проверки — она блестяще прошла ее — Карл стал уже замышлять тайную переброску Кати в СССР. А пока она

должна помогать им, выполняя секретные задания. На первых порах задания эти были связаны главным образом с довольно частыми приездами различных советских делегаций, ученых, туристов и т. п. При этом она чувствовала, что ее все еще держат на определенной дистанции: круг «людей Карла» достаточно широк, но, кроме Сержа, она пока не знает никого. Тут действовали железные законы конспирации. Ей известно было, что нити от Карла тянутся к одному из иностранных посольств в Москве, что есть там секретные агенты, но кто они, через кого поддерживаются связи... Сумеет ли она узнать это? И каждый раз, когда Ландышу удавалось передать в Москву Ромашке информацию, в ней все пело от счастья и гордости.

Помощь эта становилась год от года все более значимой.

Карл и Серж почему-то решили специализировать ее по «научной части». Катю нацеливали на советских ученых. В одном случае она должна была сделать провокационное предложение («могу достать чертежи...»), в другом — попытаться соблазнить политическим убежищем («Поверьте, мы, русские, здесь отлично устроены. Я вас познакомлю с господином...»), а в третьем...

Этот третий вариант поначалу казался ей самым каверзным. Все разыгрывалось как по нотам. Пригласили в гости русского ученого. Неожиданно в гостиную вошла горничная, на которую хозяйка сразу обрушивает поток ругани — говорят они по-русски. Хозяйка выходит из комнаты, — неужели гость не поинтересуется горничной, отлично владеющей русским языком? И о чем тогда пойдет разговор? Дженни стоит за дверью, а на камине — портативный магнитофон. Ну, а если русский будет молчать? Тогда другой вариант идет в ход. Хозяйка, вернувшись в гостиную, невзначай роняет слова о бедной русской девушке, которую сюда забросила война. Перед отъездом ученого домой его встретит на улице Катя и упросит отвезти в Москву самый что ни на есть пустячный сувенир — спиннинг, а в спиннинге — шифровка.

Советский ученый оказывается связным, передает шифровку. А она не имеет возможности предупредить его. Что делать?

...Карл был весьма доволен своей горничной. Милая Катрин точно разыграла операцию «Спиннинг». Немец уже получил подтверждение: шифровка получена.

Если бы он знал, что «подтверждение» получила и его горничная. Телеграфировал брат: «Беспокоимся долгим молчанием». Значит, все в порядке, ее сигнал получен вовремя, шифровка перехвачена...

На небосклоне появилась Венера

Сегодня Птицын снова увидится с Петром Максимовичем. А пока надо стянуть в один узел все нити. Их уже достаточно, чтобы отмести наносное, утвердиться в истинном. Донесения Ландыша, сообщения оперативных работников — богатая пища для размышлений.

Ландыш — молодец, с шифровкой в спиннинге все прошло хорошо. Правда, сложным оказался ключ, но расшифровать все же удалось. Вот текст: «Любой ценой нужно раздобыть данные о последних работах профессора Круглова. Потребуйте от Венеры активных действий. У нее есть все возможности. Вероятно, буду у вас».

Ландыш сообщает, что есть у них агент в самом институте. Кто? Сейчас это самое главное. Петр Максимович? Отпадает. Тогда кто же?

Настораживало другое: через несколько дней после беседы Птицына с Петром Максимовичем Карл покинул СССР, не пробыв всего туристского срока. И, что самое главное, он больше не встречался с Петром Максимовичем. Теперь он будет искать другой путь к институтским секретам. Известно, что резидент связан с работником посольства, представляющим в Москве крупное капиталистическое государство. Известно, что они встречались.

Известно, известно... А вот два неизвестных так и остаются нераскрытыми... Резидент и кто-то в институте. Кто? Главное — найти резидента. Ландыш прислала пленку с фотографией, предупредив: «Есть основания полагать, что это резидент. Координаты попытаюсь раздобыть».

Появилась еще одна ниточка, за которую можно уцепиться. На фотопленке, присланной Ландышем, — важное сообщение: в сети Карла и Дженни попался какой-то ученый из Сибири, занимающийся примерно теми же проблемами, что и Круглов. Карл называл гостя профессором, Дженни — Константином Петровичем, Дженни отлично выполнила задание брата — сибиряк оказался более податливым, чем Петр Максимович...

...Птицын еще и еще раз перечитывал сообщения Ландыша. Взгляд задерживался на строках, посвященных ученому из Сибири. Чекисты уже многое знают о нем. Но вот что странно! Прошло немало времени, а судя по данным сибирских товарищей никто еще не выходил на связь с Константином Петровичем. Неужели они забыли о нем, оставили его в покое? Нет, так не бывает. Еще потревожат. Вот тогда и резидент объявится... А если сибирские коллеги прозевали? Если профессор уже давно начал действовать как источник информации?

...Бывают же такие совпадения: размышления майора прервал лейтенант Кожухов:

— Только что получена телеграмма от сибиряков: профессор выехал в Москву...

Петр Максимович ничего нового для Птицына сообщить не смог. Карл от вторичной встречи уклонился. Позвонил по телефону, поблагодарил за гостеприимство, произнес несколько восторженных тирад о Москве и на прощанье сказал: «А что касается статьи для журнала, то пока надобность в ней отпала. Надеюсь, это вас не огорчает?»

— И что же вы ответили ему?

— Всегда к вашим услугам, господин Карл.

— Вам бы в МИДе работать, Петр Максимович. Сама любезность и галантность. Ладно. Нам еще, возможно, придется встретиться с вами. Не возражаете? Ну и отлично.

— Насколько я понимаю, надо держать в секрете свои переговоры с иностранцем?

Птицын на мгновение призадумался.

— Конечно, пока... А позже... Позже всякое может потребоваться... Да, чуть было не забыл. К вам в институт приехал из Сибири на консультацию профессор М. Вы его хорошо знаете?

— Нет.

— Долго он пробудет у вас?

— Это зависит от шефа. Он связан с ним непосредственно.

На краю пропасти

Не успел Птицын закончить разговор с Петром Максимовичем, как позвонили из приемной: профессор М. просит принять его.

...Александр Порфирьевич Птицын шагает по комнате из угла в угол, неторопливо и мягко. Он внимательно слушает. А гость, низко опустив голову, тихо ведет свой рассказ. Это тяжкая исповедь человека, долго стоявшего на самом краю пропасти и все же нашедшего в себе силу воли, чтобы не сделать последнего шага.

Профессору под пятьдесят. Жизнь его в небольшом южном городке сложилась неудачно. Отец — электромонтер. Мать — маникюрша. Отец приходил домой всегда пьяный. Любил играть в карты, якшался с камими-то темными людьми. Ночью, протрезвев, в ярости начинал бить жену. Во время одного из таких скандалов сын услышал среди прочих ругательств и такое: «У, дворянская стерва! Княжеское отродье!» Позже он узнал, что мать скрывает свое дворянское происхождение, она действительно из какого-то княжеского рода, вся ее семья в восемнадцатом году бежала во Францию, а она с бабкой находилась в это время в деревне — так и застряла в России. Мать поведала ему обо всем этом незадолго до смерти — они остались вдвоем: отец бросил их, уехал на север зашибать деньгу. И еще узнал от матери, что она тайком переписывалась с братом и сестрой, жившими в Париже: письма приходили на имя одинокой богомольной старушки.

Тайна матери легла тяжелым грузом на хрупкие плечи юноши. Как быть, как поступить ему, члену школьного комитета комсомола? Признаться, что ты княжеский отпрыск по матери? Стыдно, да и страшновато: в вуз дорога закроется. Костя счел за благо молчать.

Мать умерла в тот день, когда ему вручили аттестат зрелости — это было летом 1940 года. Он остался один-одинешенек.

Костя пошел работать на завод. Руки у него были золотые — с детства приходилось мастерить. Скоро молодому слесарю дали пятый разряд. Материнская исповедь как-то забылась. Жизнь пошла весело — появились дружки, девушки. А тут еще своя комната — сам себе хозяин. Пей, гуляй, веселись! А пить он любил,— видимо, от отца по наследству. Да и мать, покойница, не брезговала...

Трудно сказать, куда привела бы его эта дорога, если бы не война. 23 июня он был отправлен на фронт, а через три месяца появился в родном городе — здесь уже хозяйничали оккупанты — в весьма непрезентабельном

виде: изодранные замасленные брюки, кургузый пиджачишко неопределенного цвета и какие-то чоботы на ногах... От дома, где он жил, остались развалины — прямое попадание бомбы. Побрел на окраину, где в тихом переулочке жил Фомич, старик, посвящавший Костю в таинства слесарного искусства: «Может, там на первых порах отдам якорь». Старик ахнул, когда увидел Костю.

— Откуда ты, вояка?

— Из окружения, батя. Думал, что уже конец. А выполз. На брюхе, да выполз.

Фомич усмехнулся:

— Нет, сынок, это не то. Не туда выполз... Если бы к своим — другое дело. А ты от немцев — к немцам. Ладно, давай устраивайся. В тесноте, да не в обиде... Найдем для тебя и здесь подходящее дело. Фронт, он везде фронт...

Поначалу парень не понял, о каком фронте Фомич речь ведет. А потом сообразил что к чему. В общем, судьбе было угодно перебросить Костю с одной линии фронта на другую — в глубокое подполье. С месяц Фомич проверял парня, пока решился наконец приобщить его к той горстке смельчаков, что по заданию горкома партии во главе с его секретарем действовала в городе. Костю включили в боевую тройку.

Под Новый год, в тот день, когда подпольщики должны были подорвать немецкий склад, Костю схватили гестаповцы. Выдал его провокатор. Парня долго и тяжко пытали, и он в конце концов не выдержал — предал всю тройку. В награду гестаповцы переправили его в другой город, километров за двести, поближе к линии фронта, передав с рук на руки тамошним гестаповцам. Выправили ему и новые документы. В гестапо, между прочим, откуда-то узнали подробности Костиной биографии, именно те, которые он тщательно скрывал. И сами решили, что отныне носить ему фамилию матери. Гестаповец, вручая документы, так и сказал: «Вы должны гордиться, молодой человек, фамилией вашей матушки. Близок час, когда вас примут в свои объятья дядюшка и тетушка». Костя пришел в ужас: откуда они все это знают?

Встреча с дядей и тетей отпала на срок весьма неопределенный. Могучий вал наступающих советских войск докатился до прифронтового городка.

Костя снова вступил в ряды Советской Армии и прошел славный путь до Берлина, заслужив два боевых

ордена и звание лейтенанта. После демобилизации он предусмотрительно не вернулся в родные края, решив поселиться в сибирском городе, где жил его фронтовой друг.

Так началась новая жизнь. Поступил на большой машиностроительный завод. Стал учиться в вечернем вузе. Получил диплом инженера, пригласили в научно-исследовательский институт. Женился на сотруднице этого же института, работали в одной лаборатории. В науке весьма и весьма преуспевал — в нем открылся дар исследователя. Сравнительно быстро защитил кандидатскую диссертацию, а звание доктора присвоили без защиты.

Жил он легко, весело, — для всего находилось время: и гостей принять, и в ресторане с друзьями посидеть, и, пользуясь доверием супруги, за женщинами поухаживать.

„Афинская ночь“

Год назад профессора послали в заграничную научную командировку. Он хорошо владел немецким и несколько хуже английским. В столице небольшого западноевропейского государства Константин Петрович знакомился с работами коллег. Все протекало наилучшим образом. В отличном настроении профессор готовился к отъезду, когда грянул гром...

Ему во всех деталях запомнился июльский день, и бульвар с многолетними липами в цвету, и слитный шум города, и зеленая скамейка на бульваре — он присел отдохнуть, собраться с мыслями перед последней встречей с коллегами. К нему подошел немолодой человек и на русском языке, несколько жеманно, приветствовал его:

— Привет тебе, желанный друг, под сенью города большого.

— Простите, с кем имею честь?

— Не узнаете? Впрочем, понятно... Прошло, кажется, более двадцати лет... Но у меня память на лица особая... И кое-какая информация о гостях нашего города... И вот этот рубец на вашей шее... Здорово он вас тогда...

Сердце куда-то провалилось, в глазах пошли черные круги. На несколько минут он потерял дар речи. В памяти отчетливо всплыла та страшная ночь в гестапо, о которой не ведает никто, даже жена. Сквозь туман времени встало перед ним это лицо. «Рубец на шее»... Теперь он

вспомнил смуглого сухощавого хлыща с усиками. Как и тогда, он нагло, с издевкой, в упор смотрел на него из-под косматых бровей. Это при нем появился рубец на шее — хлыщ служил переводчиком в гестапо. Немцы звали его Серж.

— Вот видите, снова встретились. Судьбе угодно было! Рад за вас, дорогуша. Вы тогда в общем-то отделались легкими ушибами... Кажется, стали большим ученым. Я о вас в здешней газете читал. И фотографию вашу видел.

— А вы? Вы что здесь делаете?

— Пока живу — надеюсь! Надеюсь на лучшие времена. Коммерция. Комбинирую. Желание — это отец мысли. Есть желание — хорошо, легко жить, появляются и кое-какие мыслишки на сей счет... Может, заглянем в ресторан, отметим встречу соотечественников? Честно говоря, порой охватывает этакая неуемная грусть... Родина, дом, русская зима... Не перечеркнешь. Ну так как?

— Простите, я занят... И потом, как бы вам поделикатнее сказать... стоит ли?

— Вы не обижайте земляка. Не брезгуйте. И так приятно встретить русского. Иногда хочется вернуться... Но не знаю, как примут? Страшновато...— и Серж весь сразу как-то сник.

Профессор удивленно посмотрел на собеседника.

— Прошу прощения, как говорится, рога трубят... — поднялся с места и, не подавая руки, раскланялся, перехватив колючий взгляд хлыща.

Поздно вечером, вернувшись в гостиницу, профессор по обыкновению спустился в ресторан поужинать. Он только вошел в зал, как тут же был перехвачен Сержем.

— Прошу к нашему столу... Не обижайте... Я обещал одной даме познакомить ее с русским гостем. Она, между прочим, тоже говорит по-русски. Вы не представляете, как тоскливо и горько на чужбине. И как мы рады встрече с каждым человеком из отчего дома... Забудьте и простите нам былое... За нашим столом ваш коллега. Вы уже встречались с ним тут... Ну будьте же русским человеком с русской доброй душой... Прошу вас...

За столом в обществе молодой красивой женщины действительно оказался его коллега — один из ученых, с которым профессора познакомили в здешнем научном институте и который вел исследования примерно в том же

направлении, что и он сам. Ученый этот, его звали Карлом, запомнился профессору еще и потому, что в отличие от своих друзей он почти свободно, с небольшим акцентом, говорил по-русски.

Коллега представил даму:

— Дженни... Женя... А мир тесен... Серж говорил, что вы, кажется, когда-то встречались.

Профессор нахмурился и зло буркнул: «К сожалению, да».

Беседа явно не клеилась. Напряженную обстановку разрядила Дженни. Она задорно посмотрела на профессора, сидевшего рядом с ней, ласково взяла его под руку и сказала:

— Какой вы, однако, колючий.

Все трое весело рассмеялись. Профессор улыбнулся.

— Ну что ж, давайте ужинать...

— Ну вот и отлично. Я с удовольствием выпью с вами, коллега, за процветание науки, которая не знает границ. Нам, ученым, нечего делить. Мы едины в своих устремлениях к свету и прогрессу...

И Карл чокнулся с советским профессором. Он посидел за столом еще минут двадцать и, извинившись: «Дела, дела» — раскланялся.

Они много пили, ели, танцевали. Потом Серж предложил перейти в номер гостя. Предложение было принято с восторгом. Вскоре явился официант. Распоряжения отдавал Серж — профессор был занят Дженни...

Проснулся он поздно, с тяжелой головой, тщетно пытаясь восстановить в памяти детали минувшей «афинской ночи»: куда и когда исчезли коллега, Серж, Дженни. Кажется, его ночью повезли куда-то в гости? Ах да, к этой очаровательной Дженни. Очень мило... И его обслуживала русская горничная... А потом?

Ему стало страшно. Первым делом он бросился к портфелю — там его записная книжка с телефонами, адресами, документы и тетрадь со служебными записями. Слава тебе, господи, все на месте. Он облегченно вздохнул, не дав себе труда проверить, шарил ли кто-нибудь в портфеле.

В полдень профессор уезжал домой. Он спустился вниз, к администратору гостиницы, чтобы рассчитаться. В холле его ждал Серж.

— Как чувствует себя мой дорогой друг? Вы, ка-

жется, слегка побаловались ночью? Ну, не расстраивайтесь. Можно же позволить себе иногда и шалости. Поверьте, все это останется между нами... Я же понимаю, нужна революционная бдительность. Не так ли?

И он фамильярно похлопал профессора по плечу. Тот удивленно посмотрел на него и направился к администратору — платить за гостиницу. А тут новая, мягко выражаясь, неприятность: счет ресторана. «Афинская ночь» влетела в копеечку; распоряжался Серж, а платить-то надо ему. Увидев сумму счета, он побледнел, у него затряслись руки.

Где взять столько валюты? Все уже подсчитано, все израсходовано, сегодня день отъезда. Он беспомощно оглянулся. Серж стоял рядом и улыбался.

— Что поделаешь? Надо платить денежки...

— Но у меня нет столько денег!

— Это печально... Нужно искать выход...

— Какой же выход? — вопрос застрял у него в горле.

— Возможны варианты, профессор. Но, мне кажется, что холл не лучшее место для обсуждения этих вариантов. Может, зайдем к вам в номер? Давайте сюда счет...

Они поднялись в номер. Серж говорил тихо, вкрадчиво.

— Вот здесь,— он показал на свой портфель,— магнитофонная запись и фотографии всех пикантных сцен минувшей ночи. Здесь,— он показал на кармашек пиджака,— счет ресторана на ваше имя, счет, который будет оплачен мною. О соответствующей расписке я позабочусь сам. А здесь,— он постучал пальцем по лбу,— сохранены все сведения касательно ваших признаний в гестапо и касательно вашей тетушки, проживающей в Париже. Кстати, по первому моему сигналу она готова нагрянуть к вам в Сибирь в гости... Туристом... В вашей анкете сие, кажется, не предусмотрено.

— Чего вы от меня хотите?

— Сущие пустяки! Поверьте слову русского человека. Мы расстанемся добрыми друзьями. Вот вам значок с видом Эйфелевой башни. Сохраните его, пожалуйста. Человек, который вам предъявит у вас дома такой же значок, будет нуждаться в некоторых ваших услугах... Самых мелких, ничего не значащих. Вы меня поняли, профессор? Не удивляйтесь, если этим человеком буду я... Вы изволили уже слышать от меня — возможны варианты...

Роковой значок

С того дня прошло много времени, и профессор решил, что все благополучно обошлось. Кошмарный сон, и ничего более. Никто его не тревожил.

И вдруг...

— Это случилось недели две назад, в воскресенье. Я возвращался с охоты. Иду лесной опушкой и на самом повороте к шоссе меня кто-то сзади тихо окликнул. Я обернулся — человек протягивает мне значок с видом Эйфелевой башни и спрашивает: «Это не вы обронили?» Протягивает и улыбается. А я едва на ногах стою. Кровь хлынула к лицу: «Значит, не дадут покоя. Вспомнили». Спрашиваю:

— Кто вы такой? Что вы пристали?

— Вам не надо знать, кто я. Завтра меня уже не будет в этом городе. Слушайте и не возражайте: под любым предлогом вам нужно приехать в Москву. Не дадут командировку, сошлитесь на болезнь близкого человека. Если через две недели не приедете в Москву, пеняйте на себя.

— Я не могу сейчас уехать. Меня не пошлют в Москву...

— Повторяю: возьмите отпуск. Выдумайте подходящий предлог. Когда приедете — дадите знать: на стене будки автомата в вестибюле кино «Ленинград» напишите: «Саша плюс Маша = любовь». Вас найдут. Не вздумайте вилять.

...Птицын слушал профессора и мысленно разносил своего сибирского коллегу: «Как же вы так опростоволосились! Сказано же было вам: год, два смотрите. Кто-нибудь да выйдет на связь... Хорошо, что дело так обернулось».

А профессор продолжает свою исповедь:

— Я решил твердо: не поеду. Будь что будет. Внутренне готовил себя к сегодняшнему нашему разговору. И вдруг вызывают к директору: «Срочно выезжайте в Москву. Звонил Алексей Михайлович, соглашается проконсультировать вас». Я обомлел. На консультацию! Да не в сговоре ли они все против меня? Что ты будешь делать? Надо ехать. А насчет автомата — «Саша плюс Маша» — это черта лысого. Пусть что хотят делают... Да и будут ли что делать... В общем, я условленного сигнала не подал.

Профессор привез на консультацию Круглова проект

новой схемы управления сложной установкой, работающей на том же принципе, что и установка, известная в узком кругу ученых как «эффект К».

Вчера Константин Петрович вернулся в гостиницу поздно ночью — был в гостях у родных жены. И сегодня собирался ехать в институт попозже, часам к одиннадцати.

В десять раздался телефонный звонок.

— С вами говорит помощник заместителя председателя Госкомитета... Сейчас за вами придет машина. Срочно поезжайте в филиал института. Вы знаете, где он находится? Да, там... Хозяин уже на месте. Профессор тоже выехал туда. Сегодня он начинает новую серию экспериментов. Пожалуйста, поспешите, вас будут ждать.

Константин Петрович через пять минут спустился вниз, полный всяких догадок и недоумений: в чем дело, почему вчера Алексей Михайлович не предупредил его ни о каких экспериментах? Странно... Позвонил в институт. Секретарь ответила, что Алексей Михайлович действительно рано утром уехал. Куда? Неизвестно. В филиал? Возможно, что и в филиал...

У подъезда его ждала «Волга». Он подошел к машине, назвал свою фамилию и сел рядом с водителем. Шофер сидел нахохлившись, с поднятым воротником пальто.

— Добрый день, профессор. Будем знакомы. — И водитель протянул значок с видом Эйфелевой башни.

Пассажир вздрогнул, слегка повернулся влево, изумленно посмотрел на водителя. Рядом сидел широкоплечий атлетического сложения человек лет пятидесяти.

— Что вам от меня надо?

— Меня просили передать вам этот сувенир. Извольте... Небольшой фотоальбом.

Связник — профессор мысленно окрестил его кличкой «Атлет» — явно издевался: в альбоме были собраны фотографии, запечатлевшие ученого с Дженни.

— Это что, ловушка? Шантаж? Куда вы везете меня?...

— Слегка проветриться... Обсудить кое-какие проблемы... Я вас долго ждал. Есть о чем поговорить.

— Кто вам сообщил, что я в Москве, что я в гостинице? — крикнул профессор.

— Не кричите! Вопросы задаю я, — зло буркнул Атлет. — Запомните это раз и навсегда и не задавайте больше дурацких вопросов. Это я должен спросить, почему

вы не подали условленного сигнала? С огнем играете, профессор... Будем считать инцидент исчерпанным. Рассеянность ученого. Забывчивость или нервы. Да? Согласны? А теперь к делу. Вы в курсе намеченной профессором Кругловым программы экспериментов? — и, не ожидая ответа, он в который уже раз с тех пор, как выехали на шоссе, тревожно посмотрел в зеркальце.— Э, наши дела осложняются, профессор... Хвост... Эту машину я приметил еще на проспекте Мира... Сейчас мы ее проверим.

Он замедлил ход. Выехал на обочину. Остановился. Поднял капот. «Хвост» проскочил мимо, свернул с шоссе влево и тоже остановился. Ясно — ждет. Атлет подал знак, чтобы профессор вышел из машины. И, продолжая «копаться» в двигателе, сказал:

— Не поворачивайтесь лицом к «хвосту». Пусть, если хотят, спины фотографируют... А теперь слушайте внимательно. Нам нужны точные данные о последних работах профессора Круглова. Нам известна проблема и еще кое-что. Но это очень непрофессионально. Потому я говорю: нам нужны точные данные. Вы ученый, и вы сможете дать больше, чем мы получили раньше, о работах Круглова. Плюс такие же точные сведения о работах вашего сибирского института, которые, надеюсь, вы не откажетесь сообщить нам. Все это, как вы понимаете, мы сравним, уточним... Через три дня мы встретимся на остановке троллейбуса № 3 на улице Чехова. У Пушкинской площади. В девятнадцать ноль пять... А теперь садитесь в машину. Будем «хвост» сбивать.

— И сбили? — полюбопытствовал Птицын.

— По-моему, да.

— Ну-ну! Но это так, к слову, чисто профессиональное любопытство... Человек вы... как бы это помягче сказать, ну недальновидный, что ли... Однако образумились вовремя, и это делает вам честь. А то мы уж сами собирались вас вызывать. Сейчас уж нечего расстраиваться, губы кусать... Выпейте воды... Могу валокордин предложить. Успокаивает... Возьмите себя в руки. Будьте мужчиной. Нам о серьезных делах говорить. Вот так... Спокойнее. Значит, говорите, что «кое-что» им известно, а просят «точные данные».

Кто же «поставляет» им это «кое-что»? Птицын задумался. Он сам был в свое время причастен к науке. И хорошо знал цену этого «кое-что». Птицыну, когда он был аспирантом на кафедре радиоэлектроники, профес-

сор частенько говорил: «Путь к открытию тернист и многотруден. Иногда кажется, что уже все знаешь, все тебе ясно, а вот чего-то еще не хватает, самой малости... Унция знаний... А добываешь ее годами». Профессор верил в талант своего аспиранта, пришедшего в науку из заводской лаборатории. «У вас дар исследователя, аналитический ум,— говорил он.— Это очень важно для ученого».

Птицын вспомнил своего учителя и улыбнулся. Что поделаешь! Его «дар исследователя и аналитический ум» были по достоинству оценены людьми, работавшими совсем в другой области... Вначале не очень-то было по душе. Смирился, лишь постольку, поскольку партия приказала — шла мобилизация на работу в органы госбезопасности. Но потом вошел во вкус.

Итак, что же получается?...

Он достал из папки запись бесед с Петром Максимовичем, вновь и вновь перечитывал строки, уже давно привлекшие его внимание: обстоятельства, при которых Егоров вторично встретил человека, приходившего к нему за спиннингом. Неужели это случайность — из магазина вышла она, близкий друг Петра Максимовича, а через несколько минут вслед за ней он, Атлет... резидент... Если это не случайность, тогда...

— Вот что, Константин Петрович. При встрече с Атлетом скажите ему, что последние данные о работе института Круглова вы можете получить от самого Круглова, вашего доброго знакомого, но что вам при беседах с шефом очень мешает его ближайший помощник Егоров: при нем Круглов менее откровенен, более сдержан...

— Не понимаю... Что же от меня еще требуется? Скажу я ему это... а дальше...

— Спокойствие и выдержка. Атлет должен вам верить. Скажите ему, что в четверг вы задержитесь подольше с Кругловым... Конечно, если вам не помешает Петр Максимович... Желаю успеха.

Они плыли рядом

...Все стало проясняться. Да, это она, девушка, к которой молодой ученый спешил в памятное воскресное утро, та самая девушка, что вышла тогда из магазина на две минуты раньше резидента. В четверг она точно вы-

полнила его задание: как он не сопротивлялся — «Пойми ты, Наташа, мне надо завтра шефу докладывать. Сегодня я никак не могу уйти пораньше» — она все же увела его в театр: «Пусть это будет моим капризом. Я ведь не так часто капризничаю. Не правда ли?»

Теперь Птицын вынужден сказать Егорову всю правду.

...Они гуляли по набережной — это любимое место их прогулок: здесь, собственно, все и началось. Первое пожатие руки. Первое объяснение в ту безлунную ночь, когда сквозь нависший над рекой туман мерцали одинокие звезды.

А сейчас он смотрит на нее глазами, которым открылся весь ужас свершившегося. Она все щебечет и щебечет о чем-то, а он ее не слышит. Он думает о том, хватит ли у него физических и душевных сил выдержать и не выдать себя, скрыть, как клокочет его сердце — гневом, ненавистью, презрением. Должен, обязан выдержать, не имеешь права выдавать себя — это ничтожно малая расплата за все... За что? В чем твоя вина?

— О чем ты думаешь, Петя? Ты меня не слушаешь...

— Прости, пожалуйста, Наташа, я действительно задумался. Меня все же тревожит этот визит иностранца и необычное его предложение насчет статьи. И потом неожиданный отбой. Как-то неспокойно на душе... Странный джентльмен...

— Петя, вспомни, ты за рюмкой водки не сболтнул чего-нибудь лишнего? — испуганно спросила она.

— Успокойся, Наташенька. Ты ведь знаешь, какой я пьяница... Я, конечно, ответил на некоторые его вопросы...

И Петр Максимович вслух стал вспоминать вопросы, которые ему задавал Карл, и то, что он ответил на них.

— А по-моему, Петя, ты был слишком откровенен с ним...

— Дорогая, ты не волнуйся за меня. Главное-то в нашем открытии совсем не в том, что я ему рассказал. Ведь мы нашли... — И он долго говорил о последних исследованиях института. Однако Наташа вовсе не слушала его, а довольно откровенно позевывала. «Майор как в воду глядел: «Ни одного вопроса она не задаст вам», — вспомнил Петр Максимович. — Прости меня, пожалуйста, Наташенька... Для тебя это, конечно, скучная материя, а для меня — вся жизнь...

...Был жаркий вечер. Они зашли на поплавок поужинать. Наташа была очень весела, ласкова.

— Петя, поедем завтра в Химки...

На следующий день сразу после работы Наташа поехала в Химки. Петр Максимович задержался в институте, и они условились встретиться в восемь часов вечера у входа в речной вокзал.

...Она заплыла далеко-далеко, когда рядом с ней неожиданно появился мужчина. Кругом — ни души. Какую-то минуту плыли молча, бок о бок. Достав из-под купальника пластмассовый мешочек, она протянула его мужчине.

— Тут последние данные. Я их записала со слов Егорова.

— Хорошо. Изучим, увидим, решим, что дальше делать. Инструкцию и вознаграждение получите через тайник номер два.

И они поплыли в разные стороны.

В восемь вечера Петр Максимович ждал ее у подъезда речного вокзала.

За ужином Наташа говорила Петру теплые и ласковые слова, которые его уже не согревали. Но он понимал, что ему надо улыбаться. И он улыбался...

Переводчица была арестована вскоре после того, как в Москву пришел журнал с сенсационной заметкой. В этот же день был арестован и Атлет. Его взяли на улице, в момент свидания с сибирским профессором. Он оказался ягодкой того же поля, что и Серж.

Их могли арестовать сразу же, в Химках, где Атлет принял от переводчицы пластмассовый мешочек — момент этот был зафиксирован фотокамерой. Но чекисты решили подождать: «Посмотрим, как будут развиваться события».

Все это время велось круглосуточное наблюдение за Венерой и Атлетом. Венера снова вышла на связь с Атлетом. Была перехвачена шифровка в их тайнике. Вот она: «Требуем новых данных о работах профессора. В полученной информации оказались неточности. Нужны уточнения. Используйте благоприятную ситуацию: после публикации в зарубежном журнале секретность темы ослабеет. Действуйте быстрее и тем же оружием».

И она продолжала действовать! Из тайника была изъята шифровка Венеры с какой-то формулой и схемой.

Как это было

...Это случилось во время практики. Наташе в Интуристе дали одно из наиболее ответственных поручений — работать с иностранным гостем — ученым. Она должна помочь ему познакомиться с нашей страной, услуги ее могут потребоваться и днем и вечером — в научном институте, и в театре, во время прогулки по городу или на встрече с советскими коллегами за ужином.

Наташа с волнением приступила к новому для нее делу и быстро освоилась с ним. Ей понравился необычный для нее образ жизни — машины, приемы, театры. И еще одно немаловажное обстоятельство: иностранец был сравнительно молод, обаятелен и, может быть ей это показалось, несколько более обычного внимателен к ней.

...Нет, она не поедет к Димке в тайгу. К чему, зачем? «С милым рай и в шалаше» — это выдумка неудачливых девиц. Теперь она это уже твердо решила и даже написала Диме: «Не сердись, кактус! Ты должен понять меня».

Однажды в холле гостиницы студентка встретила сотрудницу Интуриста, помогавшую практикантам. «Рада сообщить вам приятное, ваш подшефный весьма доволен своим гидом».

Тогда Натали еще не догадывалась, что у ученого были серьезные для этого основания: его вполне устраивала болтливая, веселая, падкая на комплименты и сувениры девушка. Тогда она еще не догадывалась, почему так участливо иностранец расспрашивал ее о погибшем отце, о матери, бабушке, дяде. У девушки учащенно билось сердце, когда гость будто невзначай дольше обычного задерживал ее тоненькие пальчики в своей большой руке...

Однажды он познакомил гида со своим другом юности — «мы вместе учились в колледже» — работником посольства. Они втроем несколько раз были в Большом театре, ездили в Загорск смотреть лавру. И в тот прощальный вечер, когда ученый собирался улетать домой, когда он горячо благодарил свою переводчицу (не словом — сувениром), сотрудник посольства тоже был тут. Ученый дружески похлопывал его по плечу.

— Я прошу тебя, мой друг, не оставлять без внимания мисс Натали. Она заслуживает этого внимания,— и он галантно поцеловал ей ручку.— Вспоминайте меня, когда будете вместе... Я даже разрешаю вам когда-нибудь выпить за мое здоровье... Но ни шагу дальше...—

и ученый весело рассмеялся, обнимая своего друга.

И Натали смеялась. Ей было и весело и немного грустно: она привыкла к своему подшефному. А ученый продолжал: «Мисс Натали, я вас тоже прошу не забывать моего друга. Он пишет книгу о русской науке и, может быть, ему потребуются какие-нибудь справки или официальные справочники или устная консультация. Если это вас не очень обременит — помогите ему. Я заранее благодарю вас».

«Друг» дал о себе знать через неделю после отъезда ученого: позвонил Наташе домой и пригласил ее в ресторан. «Я хотел бы воспользоваться вашим любезным согласием помочь мне консультацией... Вы как-то говорили, что читали о последних открытиях советских пушкинистов. Мне хотелось бы побеседовать с вами на эту тему...»

Они пили кофе по-турецки и французский коньяк. Говорили о русском балете и венском айс-ревю. Ну, конечно, и о пушкинистах.

Они встретились раз, другой, третий. Как всегда, Наташа без умолку щебетала о маме, бабушке, дяде, институте, рассказывала о студенческих вечерах, на которые приезжают ребята из МГУ и МВТУ, о парне из МВТУ, который зачастил к ним на вечера и танцует только с ней. Так разговор зашел об МВТУ.

— Я хочу рассказать об этом великолепном институте в своей книге. И был бы очень признателен вам, если бы вы смогли узнать для меня некоторые детали обучения на машиностроительном факультете. Вы, кажется, говорили, что ваш поклонник учится на этом факультете? Или я ослышался?...

Даже не очень сметливый человек, услышав такую просьбу иностранного дипломата, должен был насторожиться. Но девушка выполнила и эту просьбу, тем более что поклонник оказался парнем весьма болтливым.

Наташа охотно встречалась с сотрудником посольства. Была у него дома, полагая, что для нее это прекрасная разговорная практика. Дипломат был в меру любезен, внимателен. Разговаривать с ним было приятно, интересно — он много и многих знал. Оказывается, ему хорошо известно и имя ее дядюшки. «Я много слышал о нем! Блестящий ученый, острый ум, смелый экспериментатор». Наташа прервала его и сама стала подробно рассказывать об исследованиях Федора Степановича — все, что запомнилось из бесед с ним. Иностранец рассеянно

слушал и незаметно перевел разговор на какую-то другую тему, хотя к исследованиям дядюшки, словно невзначай, они возвращались несколько раз...

И вот наконец...

В тот вечер он ее встретил у себя дома с подчеркнутой галантностью. Когда они сели за стол, он достал из кармана коробочку, раскрыл ее, и на красном бархате ослепительно блеснуло золотое кольцо с бриллиантом. «Мисс Натали, я буду с вами откровенен. Вы сообщили мне сведения, очень ценные для нашего правительства. Я хотел бы от его имени поблагодарить вас...»

Она растерялась, засуетилась, стала отталкивать протянутую коробочку, вскочила с места... «Я не понимаю, о чем вы говорите?» Он стоял перед ней, этот сухопарый, с виду еще молодой человек, в щеголеватом костюме, с гладко прилизанными волосами, и нагло рассматривал ее. «О, не надо так... Я мог бы сейчас включить магнитофон и предоставить вам возможность выслушать, например, ваш рассказ о работах дяди... Или об МВТУ... Передавая вам этот скромный подарок, я хотел бы попросить вас помочь мне узнать некоторые дополнительные данные, касающиеся дядюшкиной лаборатории. Поверьте — это важно для всемирного прогресса. Наука не может замыкаться в рамках одной страны».

Она, как затравленный зверек, металась по комнате.

— Как вы смеете!.. Это шантаж! Вы хотите, чтобы я занялась...

Он подошел к ней и нежно прикрыл ее рот своей большой ладонью.

— Не надо, не надо так говорить, мисс!.. К чему такие слова. Вы умненькая девушка. И мы всегда найдем с вами общий язык. Это бывает, когда стоит дилемма — или пойти с повинной в Комитет государственной безопасности, или... Ну, ну. Не будем больше говорить об этом... Я хочу выпить за здоровье очаровательной мисс Натали.

Терзания души легкомысленной девушки длились недолго. У Наташи не хватило воли пойти с повинной.

— Ваша главная задача,— наставлял иностранец,— отлично учиться, чтобы заслужить право на интересную работу после окончания института. Что я считаю интересной работой? Переводчица большого научного института... для начала... А в будущем? О, у вас прекрасное будущее — вы должны стать и переводчицей и ученой. Да, да. Мы вам поможем. Вы одаренная девушка — вы будете

работать и учиться в институте. Ваш дядя позаботится об этом. Вы пойдете в науку... Вам ясно...

С того дня у Натали появился строгий хозяин, который перестал быть галантным мужчиной,— он приказывал, требовал. Они не должны больше встречаться. И вообще ей следует держаться подальше от иностранцев, поближе к советским ученым. «Ваша главная задача: постарайтесь попасть в отдел Алексея Михайловича... Старик нас очень интересует... Меня вы, возможно, больше никогда не увидите. Связь со мной будете поддерживать через человека, который сам найдет вас в нужном и удобном ему месте. Пароль: «Где тут ближайшая булочная?» Вы ответите: «Сейчас я вам покажу». Запомнили? Дальше будете действовать по приказу этого человека. Если вы мне потребуетесь лично, я вас сам найду. Если вы когда-нибудь встретите меня и вздумаете по собственной инициативе подойти ко мне, то это будет ваша первая и последняя попытка. Вам ясно, мисс?» — И он посмотрел на нее серыми прищуренными глазами, пренебрежительно скривив губы.

«Человек» дал о себе знать только через полгода. На привокзальной площади к Наташе подошел крепыш атлетического телосложения в бежевом спортивном костюме. По ней скользнул взгляд холодных, настороженных глаз, широко посаженных на лице с тяжелым подбородком и приплюснутым носом.

— Где тут ближайшая булочная?

На секунду она растерялась, испуганно метнула взгляд то в одну, то в другую сторону (позже резидент строго отчитывал ее за это), посмотрела на шагающего рядом с ней человека широко распахнутыми глазами и с трудом выдавила: «Сейчас я вам покажу».

Однако Наташа быстро нашла себя в амплуа «источника информации» под кличкой Венера. В течение месяца она уже успела заслужить благодарность Атлета — так он приказал называть себя, предупредив, чтобы она и не пыталась узнавать его имя, отчество, фамилию. «И фамилию нашего шефа забудьте — он для нас Аристократ».

Она передала сведения о преподавателях Института иностранных языков, о пианисте из маминой бригады — «У него брат в США, а он это скрывает», о своем однокурснике Саше К.— «Его посылают работать в торгпредство... Парень любит крепко выпить и поволочиться за девушками». А вот что касается Димки, его рассказов

о строительстве химкомбината в тайге — на это у нее не хватило духу... Почему? Наташа сама не могла во всем этом разобраться...

Уже была отработана техника связи — были облюбованы тайники, один из них в парке, в дупле акации, где Наташа оставляла коробочку или конверт, который потом забирали. Уже было освоено искусство тайнописи и шифра. Ее научили слушать своих собеседников с безразличным видом и все запоминать. У нее все это неплохо получалось: проведет вечер в семье профессора или в обществе Петра Максимовича, вернется домой и, оставшись одна в своей комнате, шифром запишет все, что узнала, все, что услышала... Кое-какие сведения о работах Алексея Михайловича уже были переданы разведке. Но еще недостаточно точные и полные. Разведка ждала более глубокой и квалифицированной информации.

— Хозяин доволен вашей работой. Но пора подниматься на новую ступень,— требовал Атлет.

— Каким образом? Что я еще могу сделать?

— Аристократ просил вам напомнить о вашем самом сильном оружии... Вы красивая женщина...

— Понимаю. В кого направить стрелы?

— В Петра Максимовича...

Наташа не подвела Аристократа. Все развивалось так, как было задумано. Она отлично вошла в роль...

И вдруг первая осечка. В назначенный день и час она должна ждать Атлета у метро «Сокол». Он редко прибегал к таким встречам, предпочитая связь через тайники. Но в последнее время «работа» стала напряженной, требовала оперативной связи и даже непосредственных встреч. Задания поступали срочные. В особенности после приезда из Сибири Константина Петровича. Вдруг Атлет потребовал от нее:

— Если узнаете, что в один из ближайших дней Алексея Михайловича с утра в институте не будет, что он, скажем, решил поехать в филиал, обязательно дайте мне знать накануне. Возвращаясь домой, держите одну перчатку в руках.

А потом еще более странное задание:

— В четверг Петр Максимович не должен после работы оставаться в лаборатории. Вместе с вами или один, как хотите, но он должен покинуть институт. Держите... Билеты в театр на этот вечер могут пригодиться.

Вот и сегодня, видимо, что-то срочное побудило Ат-

лета назначить ей свидание у метро «Сокол». «Стойте на троллейбусной остановке. Я сам подойду к вам».

Он действительно появился на остановке в точно назначенное время. Но к Наташе не подошел. Значит, что-то случилось... Несколько дней она провела в ожидании беды.

Нет, все в порядке! Атлет снова дал о себе знать. Он не подошел тогда к Наташе из осторожности: ему показалось, что кто-то следит за ним.

В тайнике шифровка: Аристократ обеспокоен неудачей туриста и требует энергичных действий. Надо достать более точные данные об «игрушке старика».

Турист — Карл. Старик — Круглов. Игрушка — новая установка, сконструированная в институте.

Венере повезло. Егоров, кажется, проболтался. Энергичных действий не потребовалось. И вот — Химки. Пляж. Заплыв. Пластмассовый мешочек...

Потом ее и Атлета арестовали.

Птицын перечитывает протоколы допросов Венеры и Атлета. Что касается состава их преступлений — ему все ясно. Он обеспокоен другим: Ландыш сообщает о какой-то новой затее Карла и Сержа. Кого-то опять снаряжают в «туристскую поездку» в Советский Союз. И в протоколах допроса его интересуют все детали, касающиеся Карла, методов его работы. Связи? С кем? Через кого? Атлет не единственный резидент. Может, довоенные друзья Сержа, Виолетты? Посольство? Кто? Аристократ? Нет. Противник не так уж глуп — после провала Атлета и хозяин его уйдет со сцены. На время, но уйдет. И еще вопрос, пожалуй, самый важный, — направление атаки. Профессора Круглова, пожалуй, больше не будут атаковать. Тогда кого? На что надеются?

Утром завершающий допрос Венеры.

— Когда вы в последний раз видели Аристократа?

— Полгода назад...

— Где?

— В театре.

— Вы поздоровались с ним? Беседовали?

— Нет. Это мне было строжайше запрещено.

— Он узнал вас?

— Мне кажется, что узнал...

— Кто из друзей Аристократа известен вам?

— Никто. Я никогда не видела его с кем-нибудь.

— А с Карлом вы встречались?

— Нет.

— Но вы были в курсе планов Карла?

— Да, меня посвятил в этот план Атлет. Нужно было провести первую разведку секретов лаборатории профессора Круглова. По плану, турист Карл должен был установить контакт с Петром Максимовичем, учитывая их давнее знакомство на симпозиуме.

— В чем заключалась ваша роль в этой, как вы говорите, первой разведке?

— Пожалуй, что ни в чем... Пассивный наблюдатель.

— Так ли?!

— Мне кажется, что так.

— Позвольте заметить, что, судя по установленным фактам, нам представляется несколько другим ход событий... Телефон? Кто передал Карлу телефон Петра Максимовича?

— Ну, это же мелочь. Не правда ли?

— Предположим...

Птицын встал из-за стола, подошел к окну, посмотрел на улицу, потом обернулся, тяжело вздохнул,— видимо, в ответ на какие-то раздумья, — и спросил:

— Скажите, вам действительно было безразлично, как обернется вся эта история с господином Карлом для Петра Максимовича?

— Мне кажется, что иногда я начинаю верить, будто действительно люблю его... И у него не было никаких сомнений в моей искренности... И тогда, когда перед поездкой в Химки я спрашивала его: «Не выболтал ли ты лишнего», и тогда, когда он подробно рассказал мне все то, что я передала потом Атлету в Химках... У Петра не было тайн от меня.

— Вы уверены в этом?— улыбнулся Птицын...

ДЕЛО „ДОБ-1“

Началась эта история с ареста инженера Кириллова, начальника лаборатории одного научно-исследовательского института. Он возвращался из длительной зарубежной командировки. Было известно, что инженера завербовала американская разведка, что в Берлине, в ресторане, состоялась заключительная встреча с ее представителем, от которого Кириллов получил последние наставления.

Таможенники более тщательно, чем обычно, осмотрели чемодан инженера, однако ничего, что могло привлечь их внимание, не нашли. Но с того часа, когда Кириллов вступил на советскую землю, он оказался в поле зрения подполковника Птицына и его помощника лейтенанта Бахарева.

На десятые сутки после приезда, ранним воскресным утром, инженер поехал на кладбище Донского монастыря. У ворот осмотрелся: вокруг тихо, безлюдно. Уверенно вошел во двор и направился к отлитой из чугуна скульптуре в нише монастырской стены. Все точно соответствовало инструкциям, полученным от вербовщика: пустотелый патрубок крепил к основанию скульптуры голову мифологического барана. Инженер нагнулся, пошарил в патрубке, там лежал пакет...

У ворот его ждали трое. Один из них — Птицын — прошел вперед, двое следовали сзади. Улица стала более

оживленной, и инженер не обратил на них внимания. Минут десять они неторопливо прогуливались. Птицын все еще надеялся: может, кто-то выйдет на связь с инженером.

Нет, видимо, придется довольствоваться программой минимум: брать инженера с пакетом, изъятым из тайника. Птицын громко закашлял. Сигнал был тут же принят. Бахарев резко повернулся навстречу инженеру и крепко взял его под руку.

— Вы арестованы! Вот постановление...

Тут же подкатила следовавшая в отдалении «Волга». Кириллова усадили в машину...

На этом мы, пожалуй, можем расстаться с инженером, имеющим лишь косвенное отношение к делу, о котором дальше пойдет речь. Все, что требовалось узнать и получить от него, было получено. В КГБ ему предъявили запись его переговоров в берлинском ресторане и киноленту, зафиксировавшую инженера с пакетом у тайника. Он все выложил: и как его завербовали и какое дали поручение. Что касается тайника, то еще там, в Берлине, Кириллов получил инструкцию: в начале сентября на Пушкинской площади должно появиться его объявление об обмене квартиры. Текст объявления за подписью А. П. Трепетова ему дали в Берлине. А во второе воскресенье сентября от восьми до девяти утра он должен отправиться на кладбище Донского монастыря, где в тайнике будут лежать предназначенные ему деньги, лупа, таблетки для проявления тайнописи. В случае неудачи — неожиданные обстоятельства могут помешать обеим сторонам — повторить визит на кладбище в третий понедельник сентября.

Когда арестованного увели, Птицын перечитал протокол допроса, потом посмотрел на Бахарева:

— А нам с тобой надлежит все же найти хозяина тайника.

— Легко сказать... Все, кажется, перепробовали...

Действительно, было уже предпринято немало мер в поисках человека, положившего в тайник деньги и таблетки. Кропотливое дактилоскопическое исследование показало, что отпечатков пальцев много, принадлежат они женщинам. Но трудно даже установить, сколько было женских рук, державших газету. Пытались протянуть какие-то нити от номеров денежных купюр — не вышло. К тайнику в Донском монастыре никто не подходил: видимо, связной имел основание считать, что тайник пуст. Птицын

поинтересовался у коллег, кто из иностранцев, причастных к разведке, бывал в последнее время в районе Донского монастыря. Но все попытки найти человека, заложившего в тайник деньги и таблетки, не увенчались успехом.

В то утро Бахарев, заглянув в кабинет Птицына, застал шефа в настроении весьма прескверном.

— Какие новости? Какие предложения? — И, не ожидая ответа, Птицын достал из сейфа газету, в которую были завернуты деньги, лупа, таблетки — все то, что лежало в тайнике.

Бахарев неопределенно пожал плечами и развел руками.

— Отправных данных маловато. Знаю. А попытаться надо. Газета такая могла быть только в доме медиков... Теперь смотри сюда. Видишь на белом поле стертую временем карандашную пометку. Надо полагать, что это адрес... Рукой почтальона... Что скажешь?

— Тут и обсуждать нечего, Александр Порфирьевич. Все ясно. Иду в лабораторию...

...На белом поле газетного листа явственно проступили буквы «ДОБ» и рядом цифра «1». Видимо, номер дома. Соседнюю цифру — номер квартиры — так и не удалось выявить. Да еще оттиски пальцев разных рук, когда-то державших газету. И все.

Александр Порфирьевич уже потерял было всякую надежду на успех. По улицам, названия которых начинались с «доб», никто не выписывал «Медицинскую газету». И вдруг телефонный звонок. Голос Бахарева.

— Докладываю. В одном доме сразу два подписчика.

Гражданин Гринбаум жил в двадцать пятой, достаточно населенной квартире. При угрюмой бухгалтерской внешности он оказался поэтом... филателии.

С утра старик отправился в парк, где проходил традиционный день коллекционеров. Удивительно интересно наблюдать, как встречаются люди разных возрастов и профессий, для которых нет, кажется, больше радости в жизни, чем пополнить свою коллекцию еще одним редкостным значком, диковинной монетой, уникальной спичечной коробкой или маркой. Вы можете называть этих людей как угодно: чудаками, фанатиками, одержимыми, но согласитесь, что это чертовски интересно — коллекционировать.

Из всех коллекционеров, собравшихся в то утро на аллеях парка, выделялись филателисты. Они по сущест-

ву оказались тут хозяевами. Недолго потолкавшись среди них, Бахарев без труда уловил приметы того высокого почтения, которое оказывали Гринбауму. Его окружали молодые ребята, что-то спрашивали, что-то показывали.

— Ефим Маркович, научите отличать поддельные марки.

— Милый мой мальчик! Научить этому очень трудно... Ты не раз попадешь впросак, пока каким-то особым чутьем не станешь улавливать подделку.

— Неужели это так трудно?

Старик улыбнулся, положил жилистую волосатую руку на плечо мальчишки и сказал:

— Я тебе расскажу одну историю, и это будет ответом на вопрос. Известный шведский филателист более двадцати лет коллекционировал... поддельные марки. Ты не удивляйся. Есть и такие странные люди. Специально собирал поддельные марки. Однажды он решил продать свою коллекцию. И нашел покупателя. И о цене договорились. Большую, хорошую цену давали. Но сделка не состоялась. При тщательной экспертизе выяснилось, что половина его коллекции — подлинники. А ведь швед был не простак среди филателистов.

Бахарев сперва вступил было в спор со стариком: «Простите, но это похоже на анекдот», потом задал несколько вопросов, свидетельствовавших о широте его филателистического кругозора, затем похвастался своей последней покупкой — весьма и весьма редкой маркой. Так они познакомились.

Бахарев отрекомендовался студентом литинститута, сказал, что у него две страсти — поэзия и марки. У него друзья за рубежом, и потому он смеет утверждать, что обладает действительно уникальными марками.

Гринбауму как-то с первого взгляда пришелся по душе этот молодой блондин с пышной шевелюрой и озорными серыми глазами. Он тут же пригласил его в гости: «Заходите, чайку попьем... Покажу вам мои марки. А вы вашу редкую захватите. Любопытно взглянуть».

Редкостную марку, принесенную Бахаревым, старик принял дрожащими руками. Он долго и пристально рассматривал ее — и на просвет и в лупу.

— Молодой человек, я могу предложить вам...

Гринбаум назвал цену и выжидающе посмотрел на гостя. Но тот только улыбнулся в ответ.

— Нет уж, увольте, Ефим Маркович, не продам.

Я пришел к вам как к знатоку... Хочется посмотреть вашу коллекцию... Да и вообще мне приятно познакомиться с вами.

Через полчаса они уже дружески чаевничали. Юрист по профессии, Гринбаум тоже оказался поклонником поэзии.

— И я вам покаюсь, молодой человек. Иногда даже мучаюсь рифмою. Идешь по улице, а она, проклятая, в голове сверлит и сверлит: «благородной» — «свободной», «славить» — «забавить»...

Старик долго распинался по поводу назойливых рифм, а потом робко спросил:

— Вы, наверное, много стихов знаете? Побалуйте старика.

— Стихи я могу читать хоть до утра.

В открытое окно лился свежий пронизанный осенним солнцем воздух.

Старик внимательно слушал. Время от времени он закрывал глаза — для него стихи звучали, как музыка. А когда Бахарев прочел что-то из Тютчева, Гринбаум тяжело вздохнул, понурил голову и сказал:

— Никогда не нужно задерживаться в отеле, именуемом жизнью. Наступает время, когда человек должен сказать сам себе: «Сударь, поспешите освободить номер...» Так вот-с, молодой человек...

— Что это вас, Ефим Маркович, на такую мрачность повело?

— Ничего не поделаешь, мой молодой друг. Умирать никому не хочется. А болезни атакуют и атакуют. Широким фронтом. Я сопротивляюсь сколько могу. Вот видите,— и он показал на книжный шкаф.— Даже медицинскую энциклопедию купил. Смеяться будете над стариком. А что делать? Я и «Медицинскую газету» выписываю. Аккуратно подшивку веду...

— Да нет, почему же? Все это очень любопытно. И даже то, что «Медицинскую газету» выписываете. Ее, вероятно, небезынтересно листать.

— Только при вашем здоровье да при вашей специальности они вам ни к чему. А если хотите, посмотрите...

Бахарев неторопливо перелистывал подшивку. Январь, февраль... На какую-то долю секунды задержался на знакомой полосе: на месте. Всё! Вариант Гринбаума рухнул. Бахарев подумал: «Надо сниматься с якоря и прокладывать курс к 38-й квартире, где тоже выписыва-

ют «Медицинскую газету». Но это уже для другого. Мне здесь больше появляться нельзя, долго ли столкнуться лицом к лицу с филателистом».

И все же перед уходом он решил провести легкую разведку. Коль скоро Гринбаум завел речь о болезнях и медицине, нетрудно переключить разговор на лечащих его врачей. И выяснилось, что Анна Михайловна из 38-й квартиры по долгу службы в районной поликлинике и по закону давней дружбы, восходящей еще к довоенным временам, и есть тот единственный врач, коему безгранично доверяет Гринбаум.

— Молодой человек, если вам когда-нибудь потребуется доктор в самом высоком смысле этого слова, позовите Анну Михайловну. Если она возьмется вас лечить, считайте, что вы уже здоровы. Это говорю вам я, Ефим Маркович Гринбаум, у которого столько болезней, что их хватит минимум на половину медицинской энциклопедии. Анна Михайловна — кудесник... Хотите, я вас сейчас познакомлю? Вам будет интересно, даже если вы сам Поддубный.

Старик на мгновение умолк. Но только на одно мгновение. Потом вскочил с места и схватился за голову, будто случилось что-то страшное:

— Дорогой мой, я забыл о самом главном, Аннушка ведь тоже филателист. Она никогда не простит мне, если я вас отпущу с этой маркой... Собирайтесь, сударь. И не сопротивляйтесь. Между прочим, у нее дочка. Очаровательное создание. Несколько, правда, взбалмошная. Но это смотря на чей вкус. Это я просто так, к слову. Один момент, я только позвоню ей. Женщины всегда хотят быть в форме, когда в доме появляются мужчины.

Старик вышел и быстро вернулся в комнату.

— Все в порядке! Через полчаса нас ждут. Между прочим, я вас должен предупредить: так, как варит кофе доктор Эрхард, никто не умеет варить.

— Эрхард? Странная фамилия...

— О, это я по старой памяти величаю ее. Теперь она Васильева. Девичья фамилия.

— А Эрхард?

— По мужу. Его уже нет. Простите, я не совсем точно выразился. Физически он существует, но для нее он труп — живой труп. Это большая трагедия. Бедная Аннушка!

Гринбаум тяжело вздохнул, потом взглянул на часы.

— Извольте-с! В нашем распоряжении полчаса, и я, пожалуй, успею кое-что рассказать вам об удивительной жизни этой женщины. Нет повести печальнее на свете. Литератору может пригодиться. Присаживайтесь и слушайте. Только, чур, с Аннушкой на эту тему ни слова.

На третий день войны доктор Эрхард получила повестку военкомата. Это не было неожиданностью — почти все коллеги уже стали военврачами. Она заранеее продумала все, что касается дома, семьи. Собственно, думать надо было только о Маришке. Фридрих Эрнестович, хотя это была не родная его дочь, души не чаял в девочке и категорически настаивал на немедленной эвакуации. В понедельник вечером ее отвезли к бабушке в одну из рязанских деревень. А что касается самого Фридриха Эрнестовича, учителя немецкого языка, то здесь все ясно — не сегодня, так завтра его призовут в армию. Переводчики сейчас очень нужны...

Прощались сурово, молча. К чему слова? Все уже было сказано еще до последних объятий. Как это ни странно, женщина оказалась крепче мужчины — ни одной слезинки, а Фридрих, высокий, широкоплечий богатырь, не выдержал — всхлипнул:

— Ты побереги себя, любимая! Ты же у меня совсем слабенькая... Как это случилось, что в стране, давшей человечеству Карла Маркса, Гете, Шиллера, хозяйничают эти выродки, звери, варвары... Аннушка, мне стыдно людям в глаза смотреть. Я принадлежу к той же нации, что и эти... — и он заплакал. Анна успокаивала его:

— Не терзай себя, лапонька,— так она называла человека, который был на десять лет старше ее.— Не надо заниматься самобичеванием. Ты сын немецкого рабочего класса. Я знаю тебя.

...Фридрих исчез на следующее утро. Не ушел, а исчез. Вроде бы отправился в школу, налегке. И больше в квартире его не видели.

Одна из соседок, Мария Григорьевна, та, что была поближе к семье Эрхардов, написала о случившемся в рязанскую деревню. А через три месяца получила письмо Аннушки — та уже знала обо всем от мамы. Военврач сообщила Марии Григорьевне свою полевую почту на случай, если вдруг объявится Эрхард. Она всегда была оптимисткой...

Военная судьба Анны Михайловны сложилась трудно. Кровопролитные бои. Окружение. Тщетная попытка вырваться из кольца. Последняя отчаянная схватка горстки обессилевших воинов, две недели скитания по лесам. Ранение. Плен. Гнусное предложение служить гитлеровцам. Дерзкий ответ. Лагерь. Попытка к бегству. Били резиновыми дубинками, пинали сапогами, скручивали веревками и снова бросали в барак — теперь это уже был барак строжайшего режима.

Она стойко встретила все испытания и быстро нашла единомышленников — бороться, бороться и бороться! Даже тут, где смерть может настигнуть тебя каждый час. Их была небольшая группа военнопленных, не терявших надежды на новый, более успешный побег.

Надежда эта как бальзам. Еще кровоточили следы побоев и ранения, еще свежи были в памяти все унижения, коим подвергали их на допросах. Теперь допросы позади, и они просто-напросто заключенные лагеря, погребенные во чреве этого мрачного барака со скудным светом, сочившимся из двух запыленных лампочек под потолком. Так прошла первая неделя. И вдруг ночью в бараки явилось высокое для здешнего лагеря начальство. Эсэсовец прошелся вдоль нар, пристально рассматривая всех.

На рассвете, когда заключенных погнали на особо трудные работы, ее одну почему-то вызвали к коменданту. Все, в том числе и она, решили, что это уже конец.

Долговязый лейтенант, царь и бог в этом бараке, передал ее по всей форме офицеру комендатуры.

Анну повезли к домишку с зарешеченными окнами. У входа часовые, державшие волкоподобных псов.

В комнате полумрак. Хозяин все предусмотрел: лица его не было видно, фигура оставалась в легком затемнении. Зато свет бил в лицо человека, переступившего порог. Но Анна и не старалась разглядеть коменданта лагеря. И только голос немца, восседавшего за массивным столом, заставил ее вздрогнуть. Он сказал лишь одно слово— «садитесь». И вздрогнула она совсем не потому, что само это приглашение в устах коменданта концлагеря прозвучало по меньшей мере неправдоподобно. Ее ошеломил голос, который она не слышала уже давно, но забыть который не могла. Нет, это не он. И вдруг:

— Садись, Анна!

И прежде чем она успела опомниться, фашист встал из-за стола, подошел к ней и обнял...

Анна очнулась в палате госпиталя. Глубокий обморок длился более часа. В палате она лежала одна. Открыла глаза, оглянулась и застонала.

Дежуривший около нее санитар тут же сорвался с места и куда-то помчался, а через несколько минут явился Фридрих. За эти несколько минут Анна все вспомнила, и первая мысль, что пришла ей в голову, была и радостной и тревожной: «Фридрих — наш разведчик в тылу врага. Только не выдать его, только сдержаться...» Она поначалу никак не могла уразуметь, почему Фридрих так рискованно ведет себя, называет Аннушкой, предлагает чашку куриного бульона. Что он — совсем голову потерял? Она приложила палец к губам, как бы напоминая, что и стены имеют уши. Он не сразу понял, за кого его принимает Анна. А сообразив, в чем дело, весело расхохотался...

— Ты что же решила: я советский разведчик?

Позже, когда придут советские войска и ее освободят из лагеря, она узнает, что Фридрих, ее Фридрих, которого она так боготворила, был действительно разведчиком, но только немецким. Все годы их дружной предвоенной жизни. Это уже скажут ей там, куда она придет, чтобы рассказать о всем случившемся с нею. Они, эти люди, внимательно слушавшие ее, знали о нем больше, чем она сама. Несколько лет скромный учитель немецкого языка никак не обнаруживал себя, чтобы в грозный час войны сбросить маску...

Аннушка, восстанавливая в памяти каждую минуту своего скорбного бытия в лагере, поведала чекистам во всех деталях о страшной встрече с Фридрихом. И как он ласково увещевал ее: «Пойми, судьба России решена. Гибель. Крах. Ты будешь рядом со мной, моей помощницей. А если хочешь, врачом в госпитале. А еще лучше, если бы...» Одно предложение гнуснее другого. Он хотел бы снова бросить ее в барак, но... в качестве своего агента. Худенькая, слабенькая, кажется, едва теплится жизнь в ней, а она кинулась на него с кулаками: «Подлец!» Глупая, она еще пыталась в чем-то убеждать его, взывая к совести, напоминая о прошлой жизни, о дочери... Потом он переменил тактику: угрожал, рисовал страшные картины будущего.

— Если ты даже снова попадешь к своим... Это невозможно. Но предположим. Ведь они тебя расстреляют. Кто поверит жене шпиона? В бараке уже все знают...

Нет, он не сломил ее воли. Анну каждый день вызыва-

ли к нему. И все о том же. И все те же увещевания и угрозы, ласки и побои. А потом ее снова уводили в карцер: «Посиди, подумай». Она не сдалась, и тогда ее повели на расстрел. Позже она поняла: это был последний козырь Фридриха, который, прожив с ней много лет, так и не узнал ее по-настоящему. Она стояла у стены, а пули ложились поверх головы и сбоку. И после каждого выстрела офицер спрашивал: «Не хочет ли русская женщина повидать шефа?»

В десятый барак, к своим, она так и не вернулась. Может, это и к лучшему. Ей было страшно от одной только мысли: «Что они думают сейчас обо мне?» Анну отправили в лагерь строжайшего режима, где она находилась под особым наблюдением. Первое время ее вызывали к какому-то рыжему оберштурмбаннфюреру, который хмуро спрашивал, не передумала ли русская и не имеет ли желания снова встретиться с мужем. Он получил на сей счет особые указания...

И она решительно отвечала: «Нет, не имею желания».

Свобода пришла за несколько дней до окончания войны. Кругом радуются, ликуют, обнимаются. На ее глазах какая-то женщина среди офицеров-освободителей встретила мужа. И она тоже радуется, тоже ликует, но... кто снимет тот тяжелый камень, что лег на ее истерзанную душу!

Гринбаум тяжко вздыхает.

— Увы, минуло немало времени, пока сей камень был снят, пока Аннушке не было сказано: «Мы вам верим. Спасибо за стойкость! Забудьте, что у вас когда-то был муж». Она расплакалась. Ибо камень-то все же на душе остался, и есть дочь, которая все знает. Знает и, может это только показалось Анне, надеется на возвращение отца, хотя и не родного.

Их встретили весьма приветливо. И мама, располневшая, но не утратившая следов былой красоты, и дочка Марина, стройненькая, русоголовая, с высокой белой шейкой и большими, как у мадонны, мягко светящимися зелеными глазами. Сдержанно и несколько сухо раскланялась находившаяся тут же молодая женщина, отрекомендовавшаяся Ольгой. Но сухость и сдержанность быстро исчезли. Милое лицо ее нет-нет да озарялось улыбкой. Она была удивительно похожа на свою подругу. И ростом, и спортивной фигурой, и цветом глаз, волос. Девушек легко было принять за латышек. Но, судя по акценту, Ольга — иностранка. А имя русское — странно.

Бахарев поддерживал оживленный разговор и с девушками и с хозяйкой дома — она действительно оказалась страстной филателисткой. Редкостная марка, принесенная Бахаревым, стала объектом тщательного исследования и подробного комментария. И неизвестно, сколь долго длился бы этот филателистический разговор, не вмешайся Марина, девушка весьма резкая в суждениях, кои она стала высказывать в количестве, явно непомерном.

Марина словно белка перескакивала с одной темы на другую — то о себе, то о подруге. И отличнейшим образом ответила на целый ряд вопросов, интересовавших Бахарева.

...Через день Птицын с утра заглянул в кабинет Бахарева.

— Какие вести?

— Пока весьма скромные, но кое-что для работы мозгового вещества уже имеется. Собирался сейчас к вам с докладом... Первая документация... — и он протянул Птицыну два листа бумаги.

Птицын опустился в кресло, стоявшее в углу кабинета, и погрузился в чтение. В докладе действительно оказалось немало материала для раздумий и некоторых, правда весьма противоречивых, выводов. Прежде всего — мама. Тут, кажется, ясно. Запрошенные из архива материалы подтвердили все, что сообщил Гринбаум.

Теперь — дочка. Экстравагантная девочка. На последнем курсе Института иностранных языков. Поздно поступила в институт. Зла. Все низвергает.

Бахарев обратил внимание, что Анна Михайловна следила за дочкой глазами полными упрека, какой-то настороженности и даже страха.

Ну и, наконец, Оля. Миловидная, деликатная. Восторженно говорит о Советском Союзе, советской молодежи. Третий год учится в мединституте. Родители жили когда-то в России, под Саратовом. Отец — немец, мать — русская. Незадолго до первой мировой войны судьба забросила их в Гамбург. Прожили они там лет десять. Потом кочевали по разным странам и континентам, пока торговые дела не заставили всерьез и надолго отдать якорь в столице маленького европейского государства. Там и родилась Оля. Нарекли ее именем бабушки со стороны мамы. Русский язык, русские обычаи, русская кухня всегда были в чести в этом доме.

Откуда пошла дружба Оли с семьей доктора Василь-

евой? Поначалу Бахарев решил: две студентки, подруги. Но вскоре понял, что истоки дружбы тянутся к Олиному дому. Когда Оля собиралась в Москву на учебу — в порядке обмена студентами — большой друг их семьи попросила передать привет и сувенир Анне Михайловне. И тут же сказала: «Нас сблизила горькая участь — были в одном лагере, в одной подпольной группе. С Анной мы изредка переписываемся. Большой души, светлого ума человек. У этой женщины тяжелая судьба и очень доброе сердце. Тебе, Оля, будет уютно в их доме...» Ей действительно было уютно в этом доме. Молодую женщину приняли тепло, радушно.

Что же, для первого сообщения — достаточно. Сложный четырехугольник: Фридрих, Анна, Марина, Ольга. Где перекрещиваются их дороги, от какого из этих четырех углов тянется нить к «Доб-1», к тайнику в Донском монастыре? И тянется ли эта нить? И еще один немаловажный вопрос: что представляет собой Эрхард сегодня? Птицыну кое-что известно о его послевоенной жизни. А Гринбаум не сказал, где и что делает сейчас бывший учитель немецкого языка? Почему филателист умолчал: по незнанию или умышленно уклонился? А мама и дочка знают?

Настораживало одно обстоятельство, документально установленное и зафиксированное в архивных материалах. Несколько лет назад в Москву приезжал иностранный турист Альберт Кох, состоявший, как и господин Эрхард, на службе у американской разведки. На второй же день своего пребывания в Москве гость встретился с Мариной в кафе «Метрополь», передал ей привет от папы и сувенир — две шерстяные кофточки: маме и дочке. Разговор у них был тогда недолгий. Турист сообщил дочке, что отец ее занимается литературной деятельностью, работает над большим исследованием, посвященным советской литературе.

Птицын перечитывает давнюю запись и по обыкновению начинает думать вслух. Бахарева это не очень устраивает, и он, воспользовавшись паузой, подает голос:

— Улика весьма серьезная. Думаю, что мы напали на след.

— А мама? Она знает об этой встрече с туристом?

— Как же иначе? Сувенир-то надо было как-то передать... Может быть, главное действующее лицо она и есть — мама?

— Какие у тебя основания?

Бахарев молчит. Есть только первые впечатления.

Сказать об этом подполковнику он не решается. Птицын знает его слабость. Из всех мыслей, что проносятся в голове, он спешит уцепиться именно за ту, что на поверхности. Может, поэтому Александр Порфирьевич, не ожидая ответа, ставит все новые и новые вопросы, незаметно очерчивая схему операции.

— А Ольга? Ее роль какова? Ты обратил внимание, Николай Андреевич, на одну деталь в архивных материалах: и Эрхард и его друг турист частенько наведываются в тот самый город, откуда прибыла Ольга. А в городе том, как тебе известно, действует филиал разведслужбы. Возможно, что...

— Но это тоже из области догадок.

— Да, пока догадки. Хотелось бы, в частности, иметь более подробные сведения о той семье, которая рекомендовала Ольгу.

— Мы уже знаем, что это за семья. Женщина сидела в концлагере вместе с доктором Васильевой. Ведь так можно тень бросить и на...

— Тень ни на кого не надо бросать. Нужны факты. А пока мы с тобой лишь гипотезы выдвигаем. И в этом наша слабость.

...Вот уже целый час сидят они друг против друга, взвешивая все «за» и «против». Послушаешь их и не поймешь, кто тут старший по званию. Идет разговор равных, диалог, в котором оба его участника, независимо от должности, что-то предлагают, отвергают, в чем-то сомневаются, спорят.

Для них ясно пока одно — есть основания серьезно разобраться с новыми знакомыми Бахарева. Птицын резюмирует:

— Будем считать так, Николай: вопрос первый и, пожалуй, главный для нас — существуют ли какие-то контакты у Эрхарда с его бывшей семьей? Вопрос второй — нет ли нитей от Эрхарда к Ольге? Вопрос третий — связь Ольги с семьей доктора: кто в ком и почему заинтересован.

Чтобы все это выяснить, Бахарев должен чаще бывать у Васильевых.

Это оказалось несложно, ибо Марине — она не скрывала ни от мамы, ни от друзей дома — было небезразлично, виделась она сегодня с Колей или нет.

Бахарев жил недалеко от Речного вокзала, и поздним вечером они частенько гуляли по здешнему парку, шага-

ли вдоль притихших причалов. Николай вполголоса читал стихи Тютчева и Есенина, Маяковского и Светлова. И очень редко, лишь после настойчивых требований — свои. Марина была ласкова и благодарна: считала, что ей посвящены эти вирши, это «она явилась, как неразгаданная тайна», это она и есть та самая, от которой «сердцу поэта стало теплее».

«Поэт» не кривил душой — она действительно оставалась для него «неразгаданной тайной». Все было куда сложнее, шло наперекор той схеме, которую он создал поначалу. При ближайшем знакомстве Марина казалась не такой уж взбалмошной. И круг ее интересов был куда шире, чем предполагал Бахарев. Много читала, многое знала, неплохо разбиралась в живописи, на многое имела свою особую, правда порой весьма спорную, но не легко опровергаемую точку зрения.

Как-то, возвращаясь из Театра Пушкина, они решили прогуляться по бульвару. На затененных аллеях, уютно устроившись на скамейках, щебетали парочки. Марина, озорства ради, потащила Колю на эти аллеи «вспугнуть птенчиков», а он запротестовал.

— Не надо, Марина. Я ведь тоже не всегда принадлежал к числу счастливых обладателей собственной комнаты. А тебе самой не приходилось вот так?..

— Нет, никогда...— она его резко оборвала.— Мой девиз — все или ничего. Причем желательно все. Я многого была лишена. Я тебе никогда не рассказывала про...

На мгновение она задумалась, затем мотнула головой, нахмурилась:

— Не буду. Потом как-нибудь...

— Почему?

— Не спрашивай.

Они шли молча. Каждый думал о своем.

«Вот тебе, Бахарев, еще одна загадка! Расскажет ли? А может, это ничего не значащая чепуха. Девичий всплеск. Нет, не похоже. Доверяет ли она ему? Как будто бы да...»

Они шли по Гоголевскому бульвару, навстречу ветру, тесно прижавшись друг к другу. Он первым прервал молчание, начав по обыкновению читать стихи. На память пришли строки Тютчева:

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас.

— Тебе понравились стихи? Не слушала? Ты о чем-то думала?

— Да... Об одном товарище по имени Николай.

— Любопытствую, какие мысли навевает фигура скромного литератора?

— Я не склонна к шуткам. Что я знаю о тебе, скромный литератор? Налетел вихрем, разметал все условности, кинул в какой-то омут. И все пошло ходуном.

Поворот был неожиданным для Бахарева. Ему казалось, что максимум необходимых сведений о себе он в разное время по разным поводам уже сообщил Марине. Студент заочного факультета литинститута. Сейчас пишет повесть. В Сибири, в альманахе, несколько лет назад опубликовавшем первые стихи молодого поэта, принят новый цикл. Так что теперь он при деньгах и может позволить себе заняться повестью. В этой версии была и доля правды. Пожалуй, он может поведать Марине кое-какие подробности, отнюдь не вымышленные.

— Ну что же, Марина, будем исповедоваться?

Она ничего не ответила, и вызов настроиться на шутливый лад не приняла. Наступило тягостное молчание, на сей раз его нарушила Марина.

— По-настоящему я испытала чувство любви только один раз, и оно было безжалостно растоптано...

— Кем? Как?

— Вадим был студентом Института международных отношений, а я... Для него я была переводчицей из «почтового ящика»... Я скрыла, что судьбе угодно было сделать меня няней детского сада. Хотя я тогда была благодарна и за эту милость. Мама находилась далеко, а отец...

Она умолкла. Бахарев напрягся.

Марина продолжала, но говорила так, будто взвешивала каждое слово.

— Ну что же, будем, как ты изволил выразиться, исповедоваться... «Ты слушать исповедь мою сюда пришел, благодарю. Все лучше перед кем-нибудь словами облегчить мне грудь».— Марина исподлобья посмотрела на Бахарева, потом иронически улыбнулась: — Видишь, меня тоже иногда заносит на поэтическую орбиту. Итак, про отца...

Она рассказывала долго, сбивчиво. Иногда умолкала, словно обдумывала что-то. Вздыхала и снова продолжала. И все о том, что уже известно Бахареву. Он с нетерпением ждал последней страницы этой тяжкой повести — скажет

ли всю правду? И мысленно подстегивал ее: «Ну говори же. Дальше, дальше. Уж все испытания позади. Мама работает. Ты учишься...» Бахареву стало как-то не по себе, когда Марина обронила: «Вот и все».

— Прошло уже много лет, а мне и сейчас стыдно смотреть в глаза людям, знавшим нашу семью, когда он был с нами... — Она так и сказала об отчиме: «он». — Но это так, между прочим. Я отвлеклась от главного. Впрочем, трудно сказать, что тут главное: отец или студент. А со студентом было так...

Они познакомились на танцах. Была любовь. Были цветы. Пылкие объяснения. Ресторан. Театры. Ее «ввели» в дом. Она с детских лет прекрасно знала немецкий, ставший для нее почти родным, и несколько хуже английский. И Вадим и его отец искренне верили в талант молодой переводчицы, блиставшей знанием немецкой литературы и искусства. Она говорила о Цвингере, о сокровищах Дрезденской галереи так, будто всю жизнь провела там в качестве экскурсовода, и так же легко, на память, цитировала дневники Гете о заслугах архитектора Георга Бера, творца купола знаменитой Фрауэнкирхе. Вадим принадлежал к числу тех нарциссов, для которых все эти обстоятельства играли немаловажную роль. Он недвусмысленно намекал девушке о своих далеко идущих намерениях. Просил Марину познакомить его с ее родителями. Она сочинила легенду об отце, погибшем на войне, о матери, вышедшей замуж за генерала и живущей на Колыме, где служит отчим,— насчет Колымы была правда. Кроме старухи тетки, опекавшей ее, у Марины никого не было.

Вадим оказался мальчиком весьма настойчивым и однажды поздним летним вечером повел Марину в укромный уголок ближайшего и не очень-то популярного парка «местного назначения». Он честно признался, что есть там скамейка, где... Вадим не успел закончить своего признания, ибо тут же получил звонкую пощечину. Молодой человек не растерялся, попытался всё повернуть на шутливый лад: «Нас не поняли». Потом извинялся, целовал ручки, клялся, лепетал что-то. А Марина сказала тогда лишь пять слов. Это были те же слова, которые услышал от нее Бахарев в тот холодный осенний вечер на бульваре: «Мой девиз: все или ничего». Роман, однако, продолжался. Но однажды в доме Вадима девушка лицом к лицу столкнулась с женщиной, ребенок которой ходил в детский садик, где она работала санитаркой. Тайное стало явным.

Марина призналась во всем. Рассказала и про мать и про отца. Как разыгрались события дальше, нетрудно догадаться. Вадим шарахнулся от нее, словно от прокаженной.

— Вот тебе и конец моей первой любви.

— А второй не было? — Бахарев ждал ответа, следя за малейшими изменениями ее лица.

Марина ничего не ответила, а Николай не допытывался.

— Теперь, кажется, моя очередь исповедоваться. Удивительное совпадение обстоятельств — я ведь тоже был отвергнут. Причина, правда, несколько иная. У меня действительно родители погибли во время войны — оба были на фронте. Меня воспитывала бабка. А потом я убежал от нее и попал в компанию, которую принято называть дурной. Поймали. Хотели отправить в колонию. Но при обыске бригадмилец изъял из моего кармана тетрадку со стихами. Листает тетрадку и спрашивает:

— Чьи?

— Мои.

— Скажи, пожалуйста. Давно ли, малый, стихами балуешься?

— Я не балуюсь, а пишу. Про красивую жизнь...

Бригадмилец улыбнулся:

— Пишешь про красивую жизнь, а сам...

— Так то ж стихи. А жрать-то хочется...

Слово за слово, и бригадмилец предложил лейтенанту милиции оставить парня на его попечении: «Я в газете работаю... Может, из парня толк выйдет». Посмеялись, пошутили и утром привели меня в редакцию газеты. Показали мой стих местному Есенину. Тот прочел, поморщился и сказал: «Стихи дрянь, но у парня, кажется, есть искра божья». Определили меня в типографию учеником линотиписта. Долго отливал я в свинцовые строки чужие стихи, пока не пришел праздник и на мою улицу — собственноручно набирал я свои вирши. Ту газету, где напечатали их, храню до сих пор.

Бахарев рассказывал, как всегда, с юмором. Была и любовь, принесшая ему много обид и разочарований. И была похожая ситуация. Выдавая себя за журналиста, поэта, он забыл что город-то небольшой, тут все и всё друг про друга знают. Когда любимой девушке стало известно, что он всего-навсего слесарь, да еще с сомнительным прошлым, она тут же отвернулась от него.

— Потом жалела. Судьба — индейка. Я в нашем городе в первой пятерке очеркистов оказался. Во! В Москву вызвали... Стихи мои напечатали. А поначалу мы с тобой на равных были — при пиковом интересе остались. Но я не горевал. А ты, Марина?

— Горевала. Я любила его. А потом обозлилась на всех. За что? Пока мама не вернулась, пока всю правду не установили. Пока ей орден не дали. Тот, к которому еще на войне представили...

— А сейчас тоже злишься?

— Иногда, когда вспомню. Или начнет кто-нибудь рану бередить. Ольга иногда меня допытывать начинает: почему я так поздно учиться пошла? Что ей сказать?

Разговор зашел об Ольге.

— Артистка. Неискренняя. Не люблю таких. На лице — любезность, добрая улыбка. А на душе...

— Почему же ты дружишь с ней?

— Не знаю. Тянется она к нашему дому. И мамина подруга просит — приголубьте. Вот и голубим. А она фальшивая. К ней муж приезжал, и я случайно их разговор услышала. Все наше, советское, ей не по душе. Я поспешила подать голос, и они оба растерялись, смутились, покраснели, что-то лепетали. А потом Ольга вдруг ни с того ни с сего стала рассказывать, как это здóрово, что у нас бесплатно лечат. Хотела я ее тогда, что называется, отхлестать, да раздумала. Неудобно. Может, раздражена чем-то была или обидел кто-нибудь. А в институте о ней говорят — душа общества, друг советской молодежи. Вот и разберись...

Так, разговаривая о том о сем, они дошли до Марининого дома. Было уже далеко за полночь, и обеспокоенная Анна Михайловна поджидала дочку у подъезда.

— Полуночники вы. Разве так можно. Позвонили бы. Кстати, тебя, Мариночка, весь вечер по телефону спрашивал кто-то. И в одиннадцать звонил. Извинился. Говорит, очень ты ему нужна.

— Кто это?

— Не назвался. Бархатистый голос.

— Странно. Завтра позвонит. Кто ищет, тот найдет. Да, Коля, не забудь, завтра у Ольги в институте вечер. Вся наша компания собирается. Придешь?

— Обязательно.

Студенческий джаз играл нечто такое, что в одинако-

вой мере устраивало любителей твиста и танго. Бахарев подошел к Марине и галантно раскланялся: «Разрешите пригласить». Какие-то неведомые течения оттеснили их в угол зала, подальше от молодых парней и девушек, добросовестно работавших ногами. Марина, тряхнув золотистой копной волос, сказала:

— Ты хорошо танцуешь твист.

И, словно ободренный похвалой, Бахарев тут же задал такой темп, что у Марины заколотилось сердце. С твиста переключились на рок-н-ролл.

После танца, взяв Марину под руку, он повел ее к Ольге. Она стояла у двери в окружении о чем-то спорящих юношей и девушек.

Бахарев как-то ловко, никого не обидев, примирил спорщиков, чем сразу снискал расположение всей женской части компании. Ольга тоже поддержала Бахарева — «ох, уж эти литературные дебаты» — и неожиданно предложила:

— Друзья, имею предложить всей компанией поехать к нам, в общежитие. У Герты такие пластинки...— И она со смаком поцеловала кончики пальцев.

Герта что-то шепнула подруге на ухо и выразительно посмотрела на двух юношей, стоявших в стороне от всей компании. Бахарев перехватил Гертин взгляд и понял: мальчики ждут. Он уже был посвящен в историю отношений Ольги и Герты с двумя студентами из МВТУ — Игорем и Владиком. «Я не уверена в том, что Ольга любит Владика,— рассказывала ему Марина.— А он, кажется, совсем потерял голову...»

Ольге пришлось перестраиваться.

— Прошу прощения, дорогие друзья, но сегодня ничего не получится. Перенесем на следующую субботу... Я совсем забыла — завтра уезжает домой мой родственник, и я хочу кое-что подготовить для посылки мужу. Нужно успеть купить кофе и бутылку армянского коньяка.

— Ваш супруг большой любитель этого нектара,— вступил в разговор рыжеволосый парень в бархатной куртке.

— О, вы знаток вкусов Германа.

— Приятное воспоминание о чудесно проведенном дне.

— Какой день вы имеете в виду?

— Воскресный... Когда вы с мужем приезжали к нам

домой... Нижайший поклон Герману. Кстати, он просил у меня путеводитель по Бородино. Все забываю передать вам. Завтра принесу в институт...

— Спасибо. Герман будет весьма признателен. Нам тогда все очень понравилось. Красивые места. Бородино. Голоса истории. Ну и, конечно, нектар...

— Пять звездочек. Божественный букет.

Пребывая в состоянии легкого опьянения, Жорик — Олин однокурсник и поклонник — продолжал вспоминать про тот воскресный день, когда Оля и Герман приезжали к нему в гости под Можайск. И, вероятно, юноша говорил бы еще долго, если бы его несколько резковато не прервала Ольга:

— Ну, хватит, Жорик. Довольно. Это все плюсквамперфектум. И никому не интересно. И вообще зарубите себе на носу: многословие не украшает мужчин. К тому же еще пьяненьких.

Ольга подошла к Владику, недолго о чем-то пошепталась с ним и снова вернулась к Марине.

— Мы собираемся домой. Вы с нами или остаетесь?

— Кто это «мы» и кто это «вы»?

— Мы — это Владик, Игорь, Герта и я. Вы... я имею в виду тебя и...

Она посмотрела в сторону Николая.

Бахарев с любопытством наблюдал за ссорой подруг. Что будет дальше, на чем порешат? Но решать предложили ему.

— Коля, ты решай.

— Как прикажет моя повелительница. Ее слово — для меня закон,— и, улыбнувшись, церемонно склонился перед Мариной.

— Повелительнице угодно покинуть этот дворец,— и Марина жеманно подала Бахареву руку.

Шли молча. Разговор не клеился. Николай попытался было восстановить дружескую атмосферу, стал рассказывать какую-то забавную историю, потом сел на любимого конька — читал стихи. Но никто не поддержал его.

И тогда Николай предпринял последнюю попытку.

— Хватит! Игра в молчанку отменяется...

— Мы слушаем вас,— откликнулась Ольга.— Вы имеете что-нибудь предложить?

— Да, имею. Ваш покорный слуга сегодня богат. Он получил аванс и приглашает всю честную компанию в

«Метрополь». Там отличнейший джаз. Так по крайней мере утверждает мой друг...

И он назвал имя популярного поэта, вызвав почтительное внимание студентов МВТУ.

— Итак, объявляю референдум: кто за?

Ольга демонстративно скрестила руки на груди, как бы подав тем самым сигнал мальчикам: «Делай, как я». И они тут же приняли ее команду. На ветру одиноко покачивалась рука Марины.

...В десять часов вечера заполучить столик в «Метрополе» — это почти подвиг. Вначале Марина решила, что Бахареву повезло. Оставив ее на несколько минут в вестибюле, он сумел договориться с метрдотелем. Но оказалось, что тут дело не в «везении».

— Я не могу сказать, что мы хорошо знакомы с ним. Но раза два он видел меня в компании Виктора. Этого достаточно, чтобы нам поставили дополнительный столик.

— О, какой ты важный, Коля... Видимо, вашего брата с Парнаса уважают здесь...

Бахарев усмехнулся:

— Люди гибнут за металл, дорогая моя... — И, озорно выставив грудь, зашагал, взяв под руку Марину.

Марина была в прекрасном настроении, безудержно болтала, злословила про Ольгу, рассказывала о Владике, который, находясь на практике в Севастополе, ежедневно присылал Ольге длиннющие письма до востребования, а вернувшись из Севастополя, с вокзала заехал не домой, а к ней в общежитие. Это было буквально через неделю после того, как из Москвы уехал муж Ольги.

— Он, кажется, причастен — или хочет быть причастным — к журналистике. Ольга рассказывала, что муж ее пишет какую-то монографию, а может быть, роман, посвященный спартаковцам двадцатых годов. И даже консультировался в Москве. Его почему-то очень интересует война двенадцатого года, Бородино. Они ездили туда... Я хотела вместе с ними, но Ольга... Герман был ко мне внимателен несколько больше, чем полагается в таких случаях.

К их столику подошел высокий сухопарый мужчина с черной холеной бородкой. Слегка склонив голову, он обратился к Николаю:

— Разрешите пригласить вашу даму?

Сказано было глуховатым, но приятным бархатным голосом, в котором едва-едва угадывался иностранный ак-

цент. Бахарев приметил этого человека: минут двадцать назад он заглянул в зал из-за тяжелых портьер, скрывавших дверь, что соединяла ресторан с гостиницей. Судя по тому, как к гостю сразу же бросился администратор, Бахарев догадался — это иностранец-турист.

Окидывая взором шумный зал, Бахарев на долю секунды задержался у стола иностранца. И ему показалось даже, что он перехватил взгляд гостя, устремленный к Марине. Николай подумал тогда: все понятно — русская красавица! И вот извольте, Бахарев, приглашают вашу даму.

— Пожалуйста,— любезно ответил он.

И тут произошло такое, что повергло гостя в полное замешательство. Марина резко, всем корпусом, повернулась в сторону Николая. Не глядя на склонившегося перед ней иностранца, она растерянно пролепетала:

— Простите, у меня болит голова. Я хочу пропустить этот танец. Извините...

— Я очень огорчен, мадемуазель,— видимо, он не сразу решил, как ему следует обратиться к ней.— Хочу надеяться, что к следующему танцу вы будете себя прекрасно чувствовать... Разрешите резервировать ваше согласие,— обратился он к Николаю.

— Да, конечно...— любезно улыбнулся Бахарев.

Иностранец вежливо раскланялся и вернулся к своему столу.

Бахарев недоумевал. Действительно ли у Марины болит голова? На раздумья времени не оставалось. Марина предложила, не дожидаясь кофе и мороженого, немедленно отправиться домой. Они уже собрались было уходить, когда подскочил официант, заверив, что все будет подано, как он выразился, «сей момент». Однако Марина продолжала капризно твердить: «Не хочу кофе, хочу домой...»

Бахарев попытался отшутиться:

— Ох, Марина, чует мое сердце — дело кончится дипломатическими осложнениями... Этот долговязый черт знает что подумает и черт знает что может сотворить. Я же в прошлом газетчик и знаю их брата: «Русская девушка боится танцевать с иностранцем». И готова шапка для буржуазной газетенки. Нет, уж прошу тебя...

Между тем принесли кофе с мороженым. Оркестр после небольшого перерыва снова «взял слово». Иностранец в тот же миг появился у их столика.

Выхода не было. Не отказывать же во второй раз. Она пошла танцевать.

Бахарев тут же пригласил даму, сидевшую за соседним столом. Это позволило ему наблюдать за иностранцем, а в какой-то момент даже оказаться почти рядом с ними.

Что случилось с Мариной? Побледнела, зло сжала губы. Гость что-то тихо и торопливо нашептывал ей, а на лице ее — то испуг, то гнев. Гремит музыка, гудит зал, и иностранец вынужден говорить громче. И тогда Бахареву — он чуть не столкнулся с гостем — удается уловить несколько слов: «Папа весьма сожалеет... Он просил...»

Танец кончился. Иностранец проводил Марину к столу, поцеловал руку, раскланялся с ней, с Николаем — тот уже был на месте,— процедил «благодарю вас» и твердым шагом промаршировал в угол зала.

Марина молча перекладывала с места на место вилку, ножик, салфетку...

— Как чувствуешь себя? Голова все еще болит?

— Спасибо... Мне лучше, но...

В это мгновение она перехватила взгляд Бахарева, разглядывавшего ее левую руку. Марина покраснела, тут же сунула руку под стол и растерянно пробормотала что-то невнятное. Она просит прощения, ей надо удалиться на несколько минут, и смущенно улыбнулась при этом...

— Господи, Марина! Прошу без всяких цирлих-манирлих. Кстати, я тоже спущусь вниз. Хочу позвонить другу, предупредить его, что завтра буду у него попозже...

Когда они вышли из ресторана, ее знобило. Бахарев спросил: «Что с тобой?». Она ответила: «Вероятно, простудилась». И всю дорогу молчала, односложно отвечая на вопросы: «да», «нет», «кажется», «вероятно».

Проводив Марину до дому, Бахарев из автомата позвонил дежурному по управлению. Хотел перепроверить, поняли ли его, когда он звонил из ресторана.

— Да, поняли, меры приняты.

С утра Бахарев позвонил Марине. К телефону подошла мама.

— Марина нездорова. Температуры нет, но слабость, озноб. Настроение? Скверное. Со мной не разговаривает.

Может, с вами? Приехать? Я сейчас спрошу у нее... Нет, сегодня просит не приезжать...

Бахарев повесил трубку: «Случай, когда даже не требуются мозговые извилины. Достаточно иметь глаза».

Где-то он это вычитал и повторял каждый раз, когда ситуация казалась ему предельно ясной. Мысленно Николай уже решил: «Доб-1» и эта девица находятся в прямой связи. Все колебания, сомнения на сей счет отброшены. С этим он и отправится сегодня к Птицыну.

Их встреча назначена на три часа. Значит, он еще успеет заглянуть в свое кафе. Была у него любимая «наршитовская точка», как он величал ее, на площади Пушкина. Лейтенант неторопливо, без аппетита проглотил сосиски, вновь и вновь возвращаясь к событиям в ресторане, пытаясь проникнуть в полный всяких сложностей Маринин мир. И тут же поймал себя на мысли, вызвавшей у него даже некоторую тревогу: она интересует его значительно больше, чем того требуют обстоятельства дела. И где-то там, в глубине души, пробиваются ростки каких-то смутных эмоций... И уже предупредительно гремит голос разума: «Нет, нет! Служба, служба, Николай...» И он полон решимости сегодня же заявить Птицыну: «Есть улики против Марины Эрхард-Васильевой».

А какие, собственно, улики? Она же сама ему обо всем рассказала, включая разговор с туристом, другом отчима. Встреча в ресторане? Но для нее она была неожиданна. Да, допускаю: возможно, что снова появился друг Эрхарда, хотя тот был без бороды. И, если Бахареву не изменяет зрительная память, они вовсе не похожи друг на друга — Альберт Кох, фотография которого хранится в архиве, и человек из ресторана.

Да, допускаю, иностранец охотится за Мариной. Танцуя с ней, надел ей на палец левой руки бриллиантовое кольцо — подарок отца. А что она должна была делать? И в ответ — вопросы, вопросы. Почему не рассказала ему, почему убежала вниз и сняла кольцо? Почему не хочет его видеть сегодня?

Так он готовился к разговору с Птицыным. Бахарев вышел на площадь и посмотрел на часы: времени в обрез. Хорошо бы такси поймать. О, ему, кажется, повезло. На противоположной стороне улицы, у памятника Пушкину, остановилось такси, и пассажир вышел. В чем дело? Почему машина не идет на стоянку? Бахарев перебежал дорогу и ринулся к шоферу.

— Свободен?

— Занят. Жду.

Лейтенант оглянулся по сторонам и чуть не остолбенел: на одной из скамеек сидела Марина. Нет, он не обознался. Нарядная, красивая, более бледная, чем обычно. С кем у нее тут свидание? Странно: Николая она не захотела видеть, сказалась больной, а сама побежала на свидание? Николай хотел было окликнуть Марину, но удержался — отошел в сторону.

Марина поднялась с места и направилась кому-то навстречу.

Ба! Это же человек из ресторана. Теперь он под руку вел ее к такси.

Машина лихо рванула с места, Бахарев посмотрел вслед удалившейся машине, и в то же мгновение взгляд его перехватил голубую «Волгу» с хорошо знакомым водителем.

...Бахарев во всех подробностях рассказал Птицыну и о событиях вчерашнего вечера в ресторане и о неожиданной встрече на Пушкинской площади.

— Нити тянутся к Марине. Я почти уверен в этом.

Птицын слушал Бахарева, не глядя на него.

— Как понимать твое почти?

— Остается уточнить некоторые детали, в частности роль мамы...

Бахарев отвечает быстро. А Птицын задает вопросы неторопливо, цедит каждое слово... И вдруг замечает:

— В нашем деле иногда требуется бесстрастность. Страсти мешают анализировать. Вот так. Кофе пить будешь?

— Если не было бы страстей, тогда мир перестал бы существовать, Александр Порфирьевич... Мысль неоригинальная, но проверенная жизнью.

— Не спорю, без страстей, конечно, нельзя. Но пересол вредно действует на пищеварение. Согласен? Вот так. Пофилософствовали мы с тобой немного — и хватит. Вернемся к делу. Еще рано делать выводы. Хотя допускаю и твой вариант: Эрхард — Марина. Более того, к твоим логическим заключениям можно добавить и некоторые вещественные: Я вновь просматривал архивные материалы. И нашел фотографию Марины — теперь уже с двумя иностранными туристами. Стоят у входа в гостиницу «Метрополь»; Альберт Кох, видимо, знакомит ее со своим

спутником. В деле имеется сообщение о второй беседе Марины с Кохом. Точнее, с двумя сразу. В том же кафе. Перед отъездом Альберт Кох снова повел разговор об отце. Его, мол, гложет тоска по семье. Он по-прежнему одинок. И все лелеет надежду увидеть дочь, жену. Среди тех камней, что лежат в фундаменте этих надежд,— его нынешняя работа, рассчитанное на западного читателя исследование русской литературы. Эрхард верит, что когда он закончит это исследование, то получит моральное право просить у Москвы разрешения приехать к семье. Турист обо всем этом говорил с многозначительными паузами и следил за реакцией Марины. И когда, по его разумению, настала самая пора, он будто невзначай сказал: «Дочь должна помочь отцу. В чем? Будущее покажет...»

Марина тогда ничего не ответила, ничего не обещала. А Кох, прощаясь, все же счел нужным напомнить девушке:

— Отец всегда остается отцом... Не забывайте его. И подумайте обо всем, что я вам сказал. У вас для этого будет достаточно времени...

И снова Марина промолчала. Даже привета отцу не передала.

...Птицын не комментирует этот документ. Он лишь излагает отчет оперативного сотрудника, написанный несколько лет назад.

— Что скажешь, Николай Андреевич?

— Веский аргумент. Однако не могу найти ответа на один вопрос: почему Марина, рассказав мне все об отце, умолчала об этих встречах и о странном подарке? Почему? Что тут — страх, недоверие или какой-то расчет, какое-то обязательство? И еще: знает ли об этих встречах доктор Васильева? Догадывается ли дочка, чем занимается сегодня ее отец? Или верит Коху?

— Ты, пожалуй, слишком много вопросов сразу поставил, Николай Андреевич.

Иностранец предложил Марине поехать за город погулять, пообедать...

— Я большой любитель русской природы, русской старины Подмосковья. Бородино... Архангельское... Кажется, Герцен писал: «Бывали ли вы в Архангельском? Ежели нет — поезжайте».

— У вас изумительная память.

— Не жалуюсь. Так как? Может, мы последуем совету Герцена и поедем в Архангельское?

Стоял теплый осенний день.

Иностранец остался в восторге от музея, картин, изумительных коллекций фарфора. Потом они долго гуляли по парку, любовались зубчатыми полосками лесов, синевших за излучиной Москвы-реки.

— Очаровательное единство архитектуры, пейзажа, скульптуры, живописи,— восторгался иностранец.— Кто бы мог подумать, что этот великолепно звучащий оркестр природы организован человеком. Князь Юсупов. Так, кажется?..

— Если вы имеете в виду фамилию последнего владельца этой усадьбы, то вы не ошиблись. А если интересуетесь истинными творцами красоты Архангельского, то речь пойдет о крепостных художниках, архитекторах...

— Да, гений народа...

Они спустились к пруду, а потом вышли на какую-то безлюдную аллею, где под сенью плакучей ивы стояла неприметная скамейка.

— Присядем отдохнем,— предложил спутник.— Вы не возражаете? — И, не дожидаясь ответа, сел на скамейку.

А потом он повел Марину туда, где гуляли обитатели военного санатория, расположенного на берегу Москвы-реки. Спустились на нижнюю террасу, полюбовались бескрайними далями.

— Я буду просить прощения... Мне надо купить сигареты. Я оставлю вас на несколько минут. Разрешите? — И быстро исчез.

Он вернулся минут через десять и снова извинялся.

— То есть сложная операция — покупка сигарет... Пока я нашел киоск...

Часов в пять небо насупилось, надвинулись темные тучи и зашумел ливень. Иностранец подхватил Марину под руку, и они побежали в ресторан.

День был воскресный. Народу набралось много — отдыхающие из санаториев и просто любители загородных прогулок. Метрдотель беспомощно развел руками.

— Прошу прощения. Все места заняты. Однако мы сейчас что-нибудь сообразим. И через минуту он уже провожал их к большому, на шесть персон, столу в углу зала.

Они сели у окна.

— Что будем пить? Коньяк? Русская водка? Шампанское?

Марина мотнула головой, что означало: «Не хочу!»

— Но вы же что-то будете пить... Кроме вашего знаменитого боржома.

— Наше знаменитое пиво. Жигулевское.

— Голос крови. Немцы обожают пиво.

— А я не считаю себя немкой. Я русская. Васильева. Дочь своей мамы.

Беседуя со своей спутницей, турист не заметил, как к их столику подошла пара: высокий молодой человек в сером костюме. Свободный и широкий жест, легкий акцент позволили без труда узнать в нем грузина. На вид ему, как и его подруге, было лет двадцать пять.

— Разрешите? — грузин склонился над стулом иностранца и приветливо улыбнулся.— Вы не будете возражать, если мы сядем за ваш стол? Понимаете, создалась безвыходная ситуация,— и он развел руками.— Все места заняты... И только за вашим столом...

Наступило неловкое молчание. Девушка со вздернутым носом упрекнула грузина:

— Я же тебе говорила, Серго, что это неудобно.

Но тут в разговор вмешалась Марина:

— Почему же неудобно? Вы нам вовсе не помешаете. Не так ли, Эрнст Карлович?

Но ответа не последовало.

— Пойдем, пойдем, Серго. Прошу тебя.

И вдруг в голосе Марины зазвенел металл:

— Я не очень понимаю ваше молчание, Эрнст Карлович. Молодые люди хотят...

— Что вы, я очень доволен. Великолепное общество.

Контакт наладился быстро, чему в немалой мере способствовал общительный характер грузина. Он тут же атаковал иностранца:

— Вам понравились женские головки Ротари? Не правда ли, изумительны? Мастерски выписаны, хотя и не очень глубоки по характеристике. Согласны? А Робер? А коллекция «антиков»? О, этот князь знал, что надо привозить из Италии. Какая картина произвела на вас самое большое впечатление?

Зильбер, не задумываясь, ответил:

— «Андромаха, защищающая Астианакса». А вам, Марина, понравилось это полотно?

Она подняла брови, усмехнулась и ничего не ответила.

— Так как же, Марина?..— продолжал допытываться гость.

— Вы не обижайтесь, господин Зильбер, но эта картина вызвала не очень приятные для вас ассоциации.

— Это есть неожиданный ответ. Для меня лично?.. Странно. В каком образе я представился фрейлейн? Астианакса?

— Нет, нет, господин Зильбер... Вы не младенец Астианакс... Вы полководец, разрушитель Трои. Я смотрела на Андромаху, на ее обезумевшие от горя и страха глаза и вспомнила рассказ мамы... Когда гитлеровцы пригнали колонну пленных в какую-то украинскую деревню, их повели на площадь перед церковью, чтобы показать новый порядок. В центре стояла виселица, приготовленная для молоденького паренька — связного партизан. Ему «гуманно» разрешили проститься с матерью. Моя мама — она была среди пленных — говорила, что на всю жизнь запомнила страшное лицо крестьянки, отбивавшей сына от эсэсовцев, ее истошный крик: «Не отдам сынку! Меня вешайте, его живым оставьте». И вот так же, как греческий полководец на картине, невозмутимо стоял гитлеровский офицер, ваш соотечественник, господин Зильбер... Он стоял и усмехался, глядя на несчастную женщину.

— Вы маленький зверек с очень острыми зубками,— резко огрызнулся турист.— Я буду вам напоминать, что Вильгельм Пик и Макс Рейман — тоже мои соотечественники. Я буду надеяться, что вы имеете хорошую память и на такой факт...

— Я ничего не забыла, господин Зильбер. Мне трудно забыть, если бы даже я захотела этого. Простите, я не хотела вас обидеть. Мрачные ассоциации приходят без спроса...

Наступило неловкое молчание и неизвестно как долго бы оно продолжалось, если бы не голос грузина:

— Вы меня извините, дорогие друзья, но этот разговор не для застолья. Я прошу полминуты внимания,— и Серго выдал длиннющий грузинский тост, смысл коего сводился к тому, что на свете есть много гостеприимных домов, но нет в мире более гостеприимных хозяев, чем в том большом советском доме, гостем которого милостью судьбы оказался уважаемый господин Зильбер.

Эрнст Карлович галантно заметил, что судьба была столь милостива к нему, что ниспослала ему такую очаровательную спутницу (поклон в сторону Марины), такую милую соседку по столу (поклон в сторону Елены) и такое приятное знакомство с сыном Грузии, о которой он много слыхал и читал (поклон в сторону Серго).

Молодые люди охотно рассказали о себе. Они — жених и невеста, аспиранты. Вчера был сдан очень трудный экзамен, и сегодня они «отмечают» это радостное событие.

Эрнст Карлович, отрекомендовавшись туристом, поспешил заметить:

— У русских весьма превратное представление о западных немцах. Они не есть одинаковы. Среди них имеются люди, которые очень болезненно реагируют на возрождение нацизма, на реваншистские тенденции в политике Бонна. Хотя сам я очень далек от политики. Моя специальность — физика плюс математика. Когда я есть гость Москвы, мои мысли не о политике, а о Ландау и Капице, Семенове и Келдыше. Эти люди принадлежат всем народам. Вы будете согласны со мной?..

— Когда я ем, я глух и нем. У русских есть такая поговорка,— ответила Елена.— Давайте пить и закусывать...

— Да, да,— подхватил Серго,— пить и закусывать. Я хотел бы поднять этот маленький бокал...

И он обрушил на иностранца целый каскад тостов. Один из них был за Германию Гете и Гейне, Маркса и Тельмана. Зильбер аплодировал.

— То есть прекрасный тост.

Разговор снова вернулся к Архангельскому.

Иностранец был достаточно осведомлен обо всем, что касалось истории Юсуповского дворца, событий, когда-то происходивших в этом живописном уголке Подмосковья.

— Вы так много знаете,— удивилась Елена.

— То есть маленькое преувеличение. Я имею скромный багаж знаний. Но я много читал о России, люблю ее писателей.

— Кто из них вам больше всего по душе?— спросила Елена.

— Из всех русских писателей, которых у вас называют классиками, я больше всего люблю Толстого. Океан мудрости.

От Толстого Эрнст Карлович как-то незаметно перешел к современной русской литературе, но аспиранты

разговора не поддержали. Они что-то нежно нашептывали друг другу. А Зильбер тихо сказал Марине:

— У нас очень популярны русские интеллигенты-правдолюбцы.

— Оригинально. Интеллигенты-правдолюбцы. Кто же у вас ходит в правдолюбцах?

Эрнст Карлович назвал несколько фамилий и, между прочим, фамилию того самого поэта, который, по словам Николая Бахарева, числился в его друзьях.

— Любопытное совпадение. Молодой человек, с которым я вчера была в ресторане, сам поэт и друг того поэта, которого вы назвали...

— То есть приятное совпадение. Я имею просьбу вашего папы, если это не затруднит вас, привезти ему для книги что-нибудь любопытное из жизни современных советских писателей. Господину Эрхарду будет очень приятно, если я смогу ему передать свои личные впечатления от встречи с русскими литераторами. Я буду иметь бесконечную благодарность вам, если вы познакомите меня со своим другом.

Марина пристально посмотрела на иностранца:

— Что же, пожалуй. Почему бы и нет,— однако голос ее звучал не очень уверенно. Уже поднимаясь из-за стола она сказала: — Я хочу напомнить вам, господин Зильбер, про обещанную газету. Мне будет интересно прочесть эту статью.

— Да, да. Конечно. Обязательно. Я буду просить прощения за свою забывчивость. Как видите, у меня не такая хорошая память. Приготовил для вас эту газету и в последний момент оставил ее в номере.

На улице уже темнело, когда Зильбер с Мариной поднялись из-за стола.

Сергей и Елена ушли несколько раньше...

Все, что докладывал подполковнику Николай Бахарев, все, что сообщали оперативные сотрудники, казалось, неопровержимо свидетельствовало: разгадка «Доб-1» — в семье доктора Васильевой-Эрхард. Надо лишь точно установить—мама или дочка? Или вместе? И все же подполковник Птицын волновался: не идет ли он по ложному следу?

Казалось, клубок начинает разматываться. Птицын внимательно слушает сообщение Серго и Елены. Иностранца интересует настроение студенчества, отношение мо-

лодежи к некоторым явлениям жизни и литературы. Зильбер как бы вскользь заметил, что в западной печати появилось сообщение о каких-то рукописных журналах. Марину просил познакомить с «литератором». И поручение отца. И эта, пока неизвестная им газета с какой-то неизвестной статьей, так заинтересовавшей девушку. И вообще сам факт вторичной встречи с Зильбером. Серго, резюмируя свои впечатления, говорит: «Зильбер пока еще прощупывает настроение Марины, но, кажется, намерен кое-что поручить ей». И Птицын, прослушав сообщение о беседе Зильбера с Мариной в Архангельском, склонен согласиться с Серго.

Бахарев в общем-то придерживается того же мнения. И все же он спрашивает:

— Неужели Зильбер только затем и приехал? Думаешь, что это основное его задание? Или, так сказать, попутно,— спрашивает Николай.

— Вот и меня это смущает...

Птицыну тоже неясно, зачем пожаловал гость? «И вообще, где доказательство того, что он имеет какое-то задание? Разве уже начисто исключена самая простая ситуация: физик Зильбер приехал в качестве туриста, встречался со своими коллегами в институте, занимающемся проблемами радиоэлектроники (это предусматривается программой пребывания гостя в СССР), и, выполняя просьбу друга, повидал его дочь, передал ей сувенир. История с кольцом? Ну и что же? Она не хотела афишировать подарок отца и тогда, в ресторане, сняла кольцо. Может, и от матери скрыла». Так Птицын вел трудный разговор с самим собой, будто не было в комнате его помощников.

И вдруг неожиданный вопрос.

— Серго, вы можете назвать какую-нибудь характерную примету этого физика?

— Конечно! Когда он фужер с вином поднимал, держал его двумя пальцами: большим и средним. На указательном заметен вывих последней фаланги. Ноготь чуть влево свернут...

Птицын вышел из-за стола.

— Это точно? На указательном?

— Точно.

— Отлично. Благодарю. Не угодно ли кофейку? Вон там, в углу, чашки и кофейник. Не хотите? Как угодно. А я побалуюсь.

Птицын налил чашку кофе, отхлебнул с удовольстви-

ем: этот напиток он принимал благоговейно и над кофеваркой буквально священнодействовал.

— Считайте себя свободными, товарищи. Впрочем нет, ты, Бахарев, подожди моего звонка у себя в кабинете. Скоро принесут последнее сообщение Ландыша.

Бахарев собрался уходить. Птицын посмотрел в его сторону и заметил недовольство на лице:

— Почему насупился? Какая трагедия свершилась?

— Никакой трагедии. Обычное многосложное сплетение обстоятельств.

— Туману не напускай. Вижу же, не слепой. В чем дело? Говори по совести: ты уверен, что это от Марины нить к тайнику тянется?

— Нет, не уверен.

— Почему?

— Послушал я Серго с Еленой, вспомнил свои беседы с Мариной, еще раз проанализировал все, что случилось в ресторане, и думаю, что поспешил я с выводами, когда докладывал вам. Улик много, а весомых нет.

— Ладно, иди, дай мне подумать.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как Катя-Ландыш помогла в раскрытии дела об утечке информации из секретного научно-исследовательского института.

С тех пор она связала свою трудную и полную опасностей жизнь с советскими органами государственной безопасности. Уже несколько раз обращалась Катя с просьбой разрешить ей и мужу вернуться в СССР. Нет, ей не приказывали. Ее просили. Взывали к ее разуму. К ее сердцу патриотки. «Ну, еще годик... Закончим дело...» Потом всплывало новое дело. А к тому времени Катя завоевала доверие «хозяев», стала в доме своим человеком. Она прошла жестокую проверку. Ей разрешили поехать в Белоруссию повидаться с родными, дали много денег, но поставили одно условие... Какое же это было страшное для нее условие, как хитро было все продумано! Она должна была выполнить поручение хозяев, используя служебное положение родного брата.

— В Москве он познакомит тебя с человеком, для которого главное в жизни деньги и красивые женщины,— сказали ей.— Мы его знаем. Подходящий мужчина.

— Деньги вы мне дали. А кто будет той красивой женщиной?— боязливо спросила Катя.

Служанку в ответ одарили снисходительно-насмешливой улыбкой.

— Ты! Ты будешь этой красивой женщиной. Не убудет тебя. А твой... Перемучается как-нибудь. Служба, дорогая моя, есть служба.

В Москве ей помогли «выполнить» это задание.

— Вы не волнуйтесь, Катя,— говорил ей Птицын.— Все будет в порядке. Отчет вы представите в наилучшем виде. И ни один волос с головы вашего брата не упадет.

«Хозяева» были довольны результатами ее поездки. Она стала уже домоправительницей, но тем не менее держали ее на известной дистанции. Не все доверяли, не все она знала. Но многое, что могло бы помочь Родине, ей удавалось узнать. И уже настала пора, когда хозяева и их «гости» не очень-то стеснялись говорить в присутствии Кати о делах сугубо секретных.

...И вот лежит перед Птицыным последнее сообщение Ландыша.

Подполковник отхлебнул кофе и, не опуская чашку, уставился на фотографию туриста Альберта Коха.

Бывают же такие совпадения. И дефект указательного пальца. И на студентку вышел. Все совпадает. А фотография не та. Задала ты нам задачу, Ландыш.

В третий раз перечитывает подполковник письмо Ландыша.

Год назад в доме Катиных хозяев появился гость — господин Альберт Кох, который прежде никогда здесь не бывал. Он приехал с письмом от господина Эрхарда, одного из специалистов по СССР. Господин Альберт Кох, инженер-физик, должен получить новое подданство, переехать в страну, где живет Катя, и стать сотрудником одного из институтов, поддерживающих научно-технические контакты с СССР. Ближайшая цель — через несколько месяцев отправить Коха в Москву. При этом, следует предусмотреть осложняющие обстоятельства: господин Альберт Кох уже бывал в СССР в качестве туриста и есть основания полагать, что он обратил на себя внимание контрразведки.

Через некоторое время Ландыш сообщила, что ее хозяева определили Коха в нужный институт. И сейчас идет подготовка к поездке в Москву. Ландыш передала его словесный портрет. Птицын восхищается: «Молодец! Надо же уметь так точно схватить. Полное совпадение с фотографией Коха, хранящейся в архиве». Среди других

примет — сломанный палец... Какой именно, Катя уточнить не смогла. Обратила внимание, что палец в повязке, а руку физик держал в кармане.

В Москве его свяжут с человеком, который будет полезен разведчику. Его стихия — уголовщина, спекуляция, контрабанда. Родом он из Одессы и за полвека успел познать, что такое тюрьма, исправительно-трудовой лагерь строгого режима, и как за большие деньги покупают фальшивые паспорта и души фальшивых людей. В Москве у него есть дама сердца, женщина, привыкшая жить широко. Дама очень перспективна: от нее могут потянуться нити к секретному подмосковному институту. Об одессите Катя много сообщить не может. Знает только, что даму свою он покорил необычной галантностью, солидностью, а главное — широтой натуры: о нем говорили, что он не любит вести счет деньгам и утверждает, будто Госбанк только для того и выпускает их, чтобы они снова вернулись туда...

На вопрос Коха, кто поможет ему установить контакт с одесситом, последовал ответ: «Пусть это вас не заботит, если надо будет, мы вам все это сообщим перед вылетом». А пока он должен запомнить следующее: через несколько дней после приезда Альберта Коха в Москву ему позвонит в гостиницу человек и попросит к телефону Сергея Николаевича. Турист должен переспросить: «Кого?» Ему ответят: Сергея Николаевича Пономарева... Из Ленинграда». Турист может положить телефонную трубку на место и поспешить к Никитским воротам, в кино повторного фильма. Он должен купить на завтра на первый сеанс — десятый ряд, первое место. Рядом с ним будет сидеть человек с журналом «Природа» в руках. Это и будет тот самый джентльмен из Одессы.

В Москве турист должен установить контакт с какой-то студенткой, с которой он однажды уже встречался. Точных координат ее Ландыш пока дать не может. Известно лишь, что студентка находится в какой-то связи с медициной. Но тут же Ландыш дважды оговаривается: все это сугубо предположительно. Она надеется, что ей все же удастся узнать поточнее и об уголовнике из Одессы, и о студентке, и о характере задания, с которым физик отправится в Москву. А главное, хотя бы ориентировочную дату выезда разведчика.

Надеется... Это хорошо, что она надеется. Но прошло уже не мало времени после этого достаточно подробного сообщения, а от Кати ни слуху ни духу. В чем дело?

Птицын сердито дует на чашку горячего кофе и приговаривает: «Черт те что... Кох ли это? Дефект указательного пальца подходит. Студентка — отлично. Все, кажется, совпадает. Но вот борода, усы да плюс медицина. Черт их побери, путают карты... Медицина? Мама — доктор? Может, это имелось в виду? А где одессит? Толстяк? Будем считать, что первую их встречу в кино мы проворонили. Но быть того не может, чтобы он вновь не появился на горизонте. Это, конечно, в том случае, если Кох есть Зильбер? А так ли это? Он, Птицын, сличал фотографии Коха и Зильбера, лишив туриста бороды и усов. Нет, не похожи. Кто же этот господин Зильбер?

...В коридоре Бахарев встретился с Серго.

— Генацвали! Дорогой мой! — Серго шел с распростертыми объятиями.

— А, Серго. Забыл спросить тебя. Не обратил внимания на руку Марины? Кольцо было? Золотое с маленьким бриллиантиком?

Серго ответил, не задумываясь:

— Не было.

— Ты уверен?

— Генацвали, если Серго говорит «не было», считай, что это на камне высечено. А про кольцо у них разговор был...— и тут же он хлопнул себя по лбу.— Склероз, настоящий склероз. Забыл доложить подполковнику. Иностранец спрашивал у Марины, понравилось ли ей кольцо и почему она его не носит? И сказал, что отец будет очень огорчен, если не угодил подарком.

— А она что?

— Ничего не ответила, только усмехнулась.

— Спасибо за информацию. Не забудь Птицыну доложить.

Бахарев распрощался с Серго и пошел звонить Марине. Звонил он ей в тот день несколько раз. Трубку не поднимали. Наконец часов в пять ответила мама: «Марина плохо себя чувствует. Просит прощения, но подойти к телефону не может».

Вечером Бахарев приехал в комитет к Птицыну.

— Что нового?

— Никаких новых вестей. Мать уверяет, что дочь больна и к телефону не подходит.

— Врет. С какой целью врет — не знаю. А то, что врет,— факт неоспоримый. Вот так.

— У вас есть какая-то информация?

— Садись, кофе пить будешь? Как угодно. Все равно садись. Есть важные вести. Три часа назад после долгого перерыва поступило сообщение Ландыша. Ей делали операцию. Наконец контакт с ней восстановлен.

Ландыш сообщает, что за несколько дней до того, как заболела, записала разговор хозяйки с Альбертом Кохом.

Она считает, что посылать Альберта, учитывая настороженность советской контрразведки, по меньшей мере рискованно. Даже если пустить в ход секреты лучших мастеров косметики, изменить фамилию. Тем более, как сказала хозяйка, и у них встретились серьезные затруднения с оформлением туристских документов. Вернувшись из больницы, Ландыш узнала, что вместо Альберта Коха в Москву снарядили разведчика под фамилией Зильбер. Характер заданий, условия его работы в Москве те же, что и у Коха. В свое время он вместе с ним в одной туристской группе выезжал в Москву и должен попытаться продолжить кое-какие дела, начатые Кохом. Ландыш не оставляет попыток точнее узнать, кто должен выйти на связь с разведчиком. И вновь подтверждает: в разговоре несколько раз упоминалась какая-то студентка и джентльмен из Одессы. Передала словесный портрет, и у этого тоже дефект указательного пальца. Бывает же так!

— Судя по тому, что Зильбер в Москве находится уже шестой день, первую его встречу с одесситом мы прозевали,— заключает Птицын. — А вторую не имеем права прозевать.

— Но из всего сказанного не могу уловить, почему мать Марины врет?

— Ты не торопись. Всему свой черед. Вот эту чашечку допью, и тогда...

— Александр Порфирьевич, вы же всю ночь спать не будете.

— Знаю. Давал слово: три чашки в день и ни единой больше. Постепенно снижаю норму.

Птицын пересел из кресла за столом на стул рядом с Бахаревым, положил руку на плечо Николая и ласково улыбнулся:

— Давно говорил тебе, Коля, время от времени голову свою прячь в холодильник. Чтобы остыла. На, читай...

Это было сообщение о Зильбере. Примерно через час

после того, как Бахарев разговаривал по телефону с Анной Михайловной, турист встретился с Мариной у Чистых прудов. Они заглянули в ближайшее кафе, и здесь Зильбер, передав Марине какую-то газету, сказал: «Как видите, я не забыл о своем обещании...»

Что это за газета, понять трудно. Но, судя по разговору Зильбера и Марины, это была та самая газета, которую турист обещал принести ей еще тогда, при первой встрече в ресторане «Метрополь». И, видимо, газета на немецком языке: Марина тут же углубилась в чтение статьи, которая, если верить комментариям туриста, принадлежала господину Эрхарду, уже давно примкнувшему к той плеяде прогрессивных людей Запада, что поддерживают советскую политику мирного сосуществования.

— Вы можете подарить мне эту газету?

— Конечно. Ваш отец будет безмерно счастлив, когда узнает, что среди читателей его статьи и дочь...

Потом они недолго прогуливались по бульвару. Турист проводил ее до станции метро «Кировская». И уже перед самым прощанием у них возник какой-то спор. Марина пыталась что-то всунуть в карман туристу, а тот сопротивлялся и в чем-то убеждал ее. Не попрощавшись, Марина скрылась в вестибюле метро.

Минут через десять и турист нырнул вслед за ней. Вышел он на станции Охотный ряд. Оглянулся кругом, посмотрел на часы. И отправился в Мосторг. Перед входом еще раз посмотрел на часы. Постоял несколько минут, снова оглянулся, вошел в магазин. Был час пик. Его подхватила толпа людей, поднимавшихся на второй этаж. Зильбер протиснулся к шедшей впереди молодой женщине и что-то положил ей в карман. К сожалению, никаких ее примет зафиксировать не удалось, попытка следовать за неизвестной успехом не увенчалась. Так заканчивалось оперативное сообщение.

— Шляпа! Не увенчалась! — кипятился Бахарев.— А тут, вероятно, и заключена разгадка...

— Опять эмоции. Что ты будешь делать! С любым может случиться. Ну вот и с нами случилось...

Бахарев смотрит на подполковника.

— Как это понять, Александр Порфирьевич? Что значит «с нами»?

— Вот так и надо понимать. Вдвоем мы сегодня действовали. Решил, что надо мне самому поближе к Зильберу присмотреться. И вот... Шляпы!

— Александр Порфирьевич, простите за резкость. Это я от огорчения.

— Зачем же. По справедливости сказано. Шляпы и есть. Но надо же реальную обстановку представлять. Ты был когда-нибудь в Мосторге в час пик? Тот-то и оно. Адово столпотворение. Теперь — по домам. Завтра с утра снова звони Марине.

— Александр Порфирьевич, может быть мне с Ольгой встретиться, попытаться у нее узнать, что там приключилось с Мариной: действительно ли она больна?

— Ну что же. В этом есть свой резон.

Утром Бахарев без особого труда узнал расписание занятий Ольги: в четырнадцать часов она выйдет из Института акушерства и гинекологии.

...Стоял сумрачный осенний день. Утром прошел дождь, и воздух все еще был пропитан сыростью. Николай медленно прогуливался по аллеям парка, что почти вплотную примыкал к институту. На душе, как на улице,— то лазурь, то сумрак.

Птицын в общем-то прав: «Ишь, как тебя заносит». Черт побери, неужели он окажется во власти эмоций, он, Колька Бахарев, уже побывавший в разных жизненных передрягах? Он снова вспомнил свой разговор с Птицыным о Марине, когда они возвращались домой.

«Нет, хитришь! Тебе ведь не безразлична эта ершистая девушка. Но лейтенант Бахарев поступит так, как повелевает высший нравственный закон советского чекиста: если объективная истина, неопровержимые улики будут против Марины, он сумеет подавить любые личные чувства. И никто как он обязан докопаться до этой объективной истины, никто как он будет денно и нощно распутывать клубок улик...»

Неожиданно в боковой безлюдной аллее показался Владик. Бахарев усмехнулся: «Ольгин поклонник заступил на вахту».

Впервые увидев Владика, он подумал: «Любовь зла, полюбишь и козла». Что нашла эта красивая женщина в щупленьком, невзрачном пареньке? Теперь ему вспомнился рассказ Марины. Она говорила о цинизме подруги и в лицах представила, как однажды на девичнике после нескольких рюмок коньяка Ольга, закинув ногу за ногу и попыхивая сигаретой, стала распевать:

Блаженства человек исполнен
И очень человек слабеет,
Когда, имея трех любовниц,
Он только две ноги имеет.

— Чертовски примитивный парень! — говорила Ольга о своем поклоннике.

Одна из девушек, хорошо знавшая Владика, спросила:

— Зачем тебе понадобился этот замухрышка? — Ольга испытующе посмотрела на нее, на мгновение задумалась и резко отрубила: «Тайна секса...»

Ольга вышла на улицу, окруженная ватагой юношей и девушек. Она сразу отделилась от студентов, помахала им рукой и свернула в сторону, где ждал Владик. И вдруг — Бахарев.

— О, какая приятная встреча, Николас,— она его так называла с первого дня знакомства.

Ольга без умолку что-то тараторила о том, как ей приятно было познакомиться с русским поэтом. Она настойчиво приглашала его зайти в общежитие. Не обошлось без шпильки: «Русские боятся встреч с иностранцами».

— В ближайший день нагряну к вам вместе с Мариной.

— А вы давно видели Марину?

— Мне кажется, что я не видел ее целую вечность. Звонил по телефону, и Анна Михайловна мне как-то неопределенно ответила. Говорит, что Марина все еще болеет, не ходит в институт.

Ольга усмехнулась:

— Дочь врача всегда, когда ей это потребуется, сможет представить в институт оправдательный документ. У вас его почему-то называют бюллетенем. Вчера я была у нее. Пили чай с клюквенным вареньем и слушали очень грустные пластинки. Настроение у нее скверное. И даже про ужин в ресторане, как пила, веселилась, танцевала, каким вы были милым кавалером, — про все это рассказывала с такой кислой физиономией, будто речь шла о визите к дантисту. Между прочим, она про вас часто вспоминала. И очень душевно. Видите, какая я благородная,— зову вас в гости и тут же рассказываю вам такое. Душа женщины — потемки. Это я не о Марине. О себе. Кстати, мне показалось, что она очень хочет видеть вас. Счастливый мужчина, которого рвут на части две молодые женщины!

— Вам это только показалось. Судя по телефонному разговору.

— Нет, нет. По-моему, у нее будет какое-то дело. Какое? Право, не знаю. Мы очень откровенны друг с другом, у меня от Марины нет секретов, и у нее — от меня. Но женщины всегда будут женщинами. Марина ничего не ответила мне, когда я спросила ее, какое у нее срочное дело к Николасу...

— Спасибо, Ольга, вы меня успокоили.

Бахарев раскланялся, поцеловал ручку и пошел к остановке троллейбуса.

В четыре часа дня, по расчетам Бахарева, Анна Михайловна уже возвращалась домой. И если Марина по каким-то причинам избегает даже телефонного разговора с ним, то уже по крайней мере с мамой можно объясниться.

К телефону подошла мама.

— Здравствуйте, Коля. Где вы пропали? Марина вспоминала вас. Спрашивала, не звонили ли вы.

— А разве она отлучалась из дому? Мне казалось, что она не поднимается с постели.

Замешательство мамы длилось не более секунды.

— Да, вообще-то режим, как говорят врачи, постельный. Но у нее было какое-то неотложное дело. С вами, молодыми, совладать не так легко. У вас...

Анна Михайловна не успела закончить фразы. Видимо, Марина вырвала у нее трубку и, не сказав даже «здравствуй», спросила:

— Хочешь меня видеть?

— Конечно. Был бы очень рад, Марина. Я тебе звонил...

— Ты можешь сейчас приехать? Жду.

Дом, где жили Васильевы, стоял в глубине большого двора-сада с детской площадкой, беседкой-читальней, с большим самодельным, наскоро сбитым столом — приютом домовых любителей «забить козла». По фасаду пять подъездов, смотрящих во двор. Дорога от дома к троллейбусной остановке петляла, огибая корпуса-близнецы.

Бахарев за сравнительно короткий срок хорошо изучил город, знал многие проходные дворы, парадные. У него был свой, профессиональный критерий в оценке домов. И с этой точки зрения дом Марины он оценил на пятерку.

Шагая от троллейбусной остановки, Бахарев встретил Анну Михайловну. Она первой окликнула его:

— Коля!

— Здравствуйте, давно я вас не видел.

— Вы нас совсем забыли...

— Творю, Анна Михайловна. Днем и ночью. А как здоровье Марины? Сегодня, наконец, получил высочайшее разрешение навестить ее. Она уже выходит на улицу?

Анна Михайловна покраснела. И, не отвечая на вопрос, попросила проводить ее до троллейбуса. Некоторое время шли молча. Первой заговорила Васильева.

— Все как-то очень странно, Коля, складывается. Разрешите один, может и не очень деликатный, вопрос.

Бахарев внутренне насторожился:

— Хоть десять вопросов...

— Вы ничем не обидели Марину в тот вечер, в ресторане?

— Боже упаси! Анна Михайловна, что вы!

— Это, конечно, мнительность матери. Но именно с тех пор она стала молчаливой, подверженной частой смене настроений, очень легко возбудимой. Я всегда была к ней снисходительна. Но есть предел и материнской снисходительности. Мы очень любим, уважаем, а главное,— хорошо понимаем друг друга. И вот все это сейчас куда-то рухнуло. Она рычит на меня по каждому поводу, ничто не радует ее. А тут как-то днем, будучи больной, вскочила с постели и исчезла, не сказав даже, куда идет.

Васильева говорила торопливо, и выражение ее лица непрерывно менялось — гнев, сострадание, мольба.

— Не сердитесь...

— За что же...

— Я набрала дежурств столько, что едва на ногах держусь. Марина хотела начать работать и пойти на вечерний факультет. А я и слушать не хочу. Сколько скандалов у нас было, пока отговорила. Но она девушка упрямая. Говорит, хочу одеваться модно, красиво. Пойду работать.

— Но все же она вас послушалась. Значит, голова способна приказывать сердцу...

— Вообще-то, пожалуй, вы правы. Но было однажды и такое. Приходит домой и достает из сумки две прекрасные кофточки. И говорит: «Это тебе, а это мне». Я испугалась. «Откуда? — спрашиваю ее,— где ты взяла деньги?» А она весело смеется: «Я, говорит, целый год тайком от тебя давала частные уроки. Вот и накопила...» Что ты с ней будешь делать!

— Когда это она вам такой подарок сделала?

— Давно, несколько лет назад.

«Значит, утаила от матери, не рассказала ей о встрече с туристом, о подарке отца, ловко придумала байку о своей работе. Утаила — почему? Один вопрос снят, другой возник...»

...Васильева пропустила уже три троллейбуса. Она то возносила Марину до небес, то низвергала в бездну. И, между прочим, словно вскользь, заметила, что не боится развенчивать Марину даже перед ним, Николаем, хотя знает, что он для ее дочери не просто знакомый.

— Буду с вами откровенной, Коля. Я врач, а значит, в какой-то мере и психолог. Не могу не заметить, в каком нервозном состоянии пребывает дочь, ожидая встречи с вами.

Потом задумалась, испуганно посмотрела на Бахарева:

— Мать не должна была бы говорить вам это. Вы, мужчины, по-разному можете истолковать такую откровенность. Но я верю вам, Коля. Дай-то бог не ошибиться. А теперь прощайте. Спешу на дежурство. Напомните Маришке — в шкафу ваши любимые пирожки с картошкой...

И побежала к троллейбусной остановке

Бахарев никогда не изменял своим профессиональным привычкам: к дому он направился боковой дорожкой и перед тем как зашагать вдоль фасада, на мгновение выглянул из-за торцевой стенки дома.

Из третьего подъезда выпорхнула Марина. Она была в кедах и лыжной куртке, небрежно накинутой на плечи. Под мышкой держала какой-то сверток.

Марина свернула в сторону Николая. Он уже подготовился к встрече. Но, когда девушка оказалась у первого подъезда, оттуда вышел высокий, элегантно одетый мужчина лет под шестьдесят. Массивное тело он нес уверенно и прямо. Бахарев успел заметить, что у него, видимо, покалечена левая рука, в которой он держал чемоданчик на «молнии». Марина поздоровалась и отдала ему пакет. Была их встреча заранее назначенной? Кто он и что за пакет передала ему Марина?

Случай помог узнать имя, отчество и даже фамилию незнакомца. Спрятав пакет в чемоданчик, он неторопливо зашагал по двору, туда, где за большим столом буйствовали «козлятники». Его окликнула, какая-то женщина.

— Аркадий Семенович! Товарищ Победоносенко, за вами задолженность.

Аркадий Семенович повернулся и с усмешкой отозвался:

— За мной? Простите, мадам, где, не вижу?

— Перестаньте, пожалуйста, паясничать. Во-первых, у вашей остроты длиннющая борода, а во-вторых, здесь не Одесса. Из-за таких, как вы, наш ЖЭК на черную доску попадет. За три месяца задолженность по квартплате...

— Боже мой, какая неприятность. Шутка ли сказать — черная доска. Какой позор, мадам! Слово джентльмена — завтра погашаю задолженность и плачу за месяц вперед.

И, послав воздушный поцелуй, он пошел приветствовать игроков в домино.

Вот таким, посылающим воздушный поцелуй, и запечатлел его Бахарев своей фотокамерой. Мысль сработала мгновенно, он тут же вспомнил сообщение Ландыша о человеке из Одессы...

Бахарев застал Марину за письменным столом: видимо, наверстывала пропущенное в институте.

— У тебя еще и сейчас нездоровый вид.

— Не жалуюсь. Я...

Она умолкла, опустила голову и стала исподлобья разглядывать Бахарева. А он сидел тихо, не сводя с нее глаз. «Неужели она и есть «Доб-1»? Сейчас поведет разговор о Зильбере. Нет, вероятно, будет действовать хитрее. Предоставим ей инициативу».

Поначалу разговор явно не клеился.

— Хозяйка ты никудышная, Марина,— весело и совсем неожиданно для собеседницы заявил Николай.— Еще несколько таких томительных минут, и к твоим стопам падет труп. Человек умрет от голодной смерти... Я не обедал, а ты скрываешь, что в кухонном шкафу любимые мои пирожки с картошкой...

И он рассказал о встрече с Анной Михайловной.

Впервые за вечер она улыбнулась. И ласково погладила Николая по плечу.

— Ты любимчик мамы. Не знаю только, за что.

— О, если бы мы знали, за что нас женщины любят. За мудрость или за глупость, богатство или красоту. Философу Зенону однажды кто-то сказал, что любовь — чувство недостойное мудреца. Он ответил: «Если это так, то сожалею о бедных красавицах, ибо они будут обречены наслаждаться любовью исключительно одних глупцов».

Марина расхохоталась, схватила Николая за руку и потащила на кухню.

— Пойдем, мой дорогой философ, есть пирожки. Там и выясним, кто кого и за что любит.

За кухонным столом разговор пошел более оживленный. Бахарев «выдал» несколько анекдотов. Марина ответила эпиграммой, передаваемой студентами из уст в уста. Вслед за эпиграммой была рассказана сплетня об именитом писателе, сплетня, попавшая в среду студентов «из самых достоверных источников». Бахарев мысленно отметил: «Месяц назад передавала Би-Би-Си». Потом стала расспрашивать о поэте, которого Бахарев как-то назвал «лучшим своим другом».

— Марина,— перебил ее Бахарев,— ты, вероятно, решила, что я по меньшей мере секретарь правления Союза писателей. А я всего-навсего скромный литератор, среди знакомых которого есть, правда, и звезды первой величины. Но если ты столь любознательна, то могу тебя познакомить с одним осведомленным товарищем: все обо всех...

— Это поэт, драматург, прозаик?

— К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос. По моим сведениям, он не обременен ни талантом, ни литературными трудами. Но в Доме литераторов — непременный гость.

Мирная беседа грозила вылиться в перепалку. Уже были скрещены шпаги на романах Кафки и двух модных зарубежных фильмах, уже было замечено, правда с улыбкой, что у собеседницы интерес к литературным сплетням преобладает над интересами к самой литературе. Нет, это никак не входило в планы Бахарева, и он мысленно даже ущипнул себя: «Опомнись, что ты делаешь?» Если исходить из предположения, что Марина по поручению Зильбера перед большой встречей прощупывает его литературные симпатии и антипатии, то он повел себя по меньшей мере глупо. Видимо, не для модных литературных диспутов о судьбе современного романа разведчик Зильбер жаждет встречи с русским литератором. Да, но это, если исходить из предположения... А где доказательства? Какие есть основания предполагать? Марина за вечер уже не раз могла подготовить почву для встречи Зильбера с Бахаревым, а она будто и забыла о просьбе иностранца.

— Мне кажется, что тебя вечно одолевает желание баламутить те миллиарды нервных клеток, что заложены в человеческом мозгу. Ты не перестаешь о чем-то размышлять. Это, вероятно, очень утомительно?

Бахарев даже вздрогнул. Ему казалось, что он уже в совершенстве владеет столь необходимым искусством слушать собеседника, вести с ним разговор на любую тему, в то время как мысль лихорадочно работает совсем в другом направлении. И вдруг такой вопрос.

— Так о чем же думает сейчас поэт?

— Мне стыдно признаться, что в минуты наших словесных баталий на весьма возвышенные темы я думал о делах прозаических и даже низменных.

— Эти дела имеют отношение и ко мне?

— Непосредственно. Я думал о том, что хорошо бы нам с тобой выпить.

— Ты с ума сошел, Коля!

— Вовсе нет. Я предлагаю отметить твое выздоровление и завтра или послезавтра снова пойти в «Метрополь». Кстати, я в долгу перед тем самым своим приятелем, всезнайкой. А он большой любитель выпить за чужой счет. Чудесно проведем вечер. Выпьем, потанцуем. Согласна?

Марина опустила голову, стала нервно теребить салфетку, потом пристально посмотрела на Бахарева. И тут же закрыла лицо ладонями.

— Что с тобой? Тебе нехорошо? Может, я предложил что-нибудь обидное?

— Нет, нет. Не обращай внимания.

— Так ты согласна?

— Ну что же, пожалуй, я...

И вдруг она вскочила со стула и с криком «нет, нет, не хочу», побежала к себе в комнату, упала на постель и зарыдала.

Среди многих передряг, в которые приходилось попадать Бахареву, такой еще не бывало. Поначалу он собрался вызвать неотложку. Но пока беспомощно метался в поисках домашней аптечки, охал и ахал, безуспешно взывая почему-то к благоразумию —«ну будь же умницей, Мариночка»,— слабонервное существо пришло в себя. Разглаживая заплаканное лицо, до боли сдавливая виски, Марина встала с постели, извинилась — «прости, пожалуйста, нервы...» — и тут же плюхнулась в любимое кресло около торшера. Он сел рядом и вопрошающе, участливо смотрел ей в глаза.

В мучительном молчании прошло минут пять. Наконец Марина вскинула голову и, не глядя на Бахарева, достала с полки книгу:

...Я не безумна,
Но разума хотела бы лишиться,
Чтоб ни себя, ни горя своего
Не сознавать!

— Что с тобой, Марина, успокойся... И объясни толком, что случилось?

— Не допытывайся. Тебе надо уйти, Коля. Так будет лучше. По крайней мере сегодня. Завтра придешь снова, хорошо?

Был поздний вечер. Подняв воротник пальто, Бахарев неторопливо шагал по притихшей, безлюдной улице.

Когда-то Птицын, любивший на досуге поговорить «за жизнь», наставлял ученика: «Запомни, Николай, мы всегда в бою, всегда в поиске, даже тогда, когда нужно доказать невиновность человека. Это не менее важно, чем найти виновного». А Марина? Виновата или не виновата? Может, сейчас перед ним один из самых трудных вариантов, когда нужно доказать, что на человека ошибочно брошена тень. Вроде бы именно к ней тянется нить от «Доб-1»? Но где-то в глубине души живет сомнение: нити то обрываются, то вновь возникают.

...В комитете, несмотря на поздний час, его ждал Птицын. Так они условились.

— Как же ты так опростоволосился! Марина встречается с явно подозрительным иностранцем, что-то получает от него, а затем передает пакет какому-то франтоватому одесситу. А ты упускаешь его из виду, хотя знаешь о сообщении Ландыша.

И вдруг неожиданный вопрос:

— Послушай, а почему ты решил, что он одессит?

Бахарев опешил от такого вопроса. Менее всего он был подготовлен к нему: в самом деле — почему? Только потому, что блюстительница финансовой дисциплины крикнула: «Это вам не Одесса!» Слабенький аргумент. Он посмотрел на Птицына — его лицо, как глухая дверь. Человеку постороннему трудно понять: гневается он сейчас или нет, спокоен или волнуется. Но Николай хорошо знает: когда у Птицына замкнутое лицо — значит, особо лихорадочно работает мысль, а глухая дверь — чтобы никто не мешал. Бахарев тоже счел за благо не отвечать: шеф часто задавал вопросы, на которые и не ждал от собеседника ответа. Он, видимо, сам отвечал на них.

— А вообще-то вариант возможный...— продолжал Птицын.— Удивительно знакомая фамилия По-бе-до-но-

сенко! Мы где-то с ним встречались. А если это он, то, значит, одессит.

И Птицын вполголоса стал мурлыкать про то, как с одесского кичмана бежали два уркана. Потом взглянул на часы.

— Поздновато. В архиве уже нет и дежурного. А в фотолаборатории? Там, пожалуй, кое-кто допоздна задерживается. Я предпочел бы словесному портрету фотографический.

Через полчаса Бахарев вернулся из лаборатории со снимками. На Птицына смотрел человек, в котором он, с трудом напрягая память, узнал того самого...

— Кажется, он и есть. Так ты говоришь, передала ему сверток? Туфли, завернутые в газету?

Бахарев удивленно посмотрел на Птицына:

— О каких туфлях вы говорите? Я понятия не имею, что было в том пакете. Может быть, и туфли...

— Если это именно тот, о ком я думаю, то, вероятнее всего, в пакете были туфли...

Стоявшие в углу старинные часы глухо пробили три раза.

— До утра осталось недолго. Часов через шесть все прояснится. А сейчас по домам. Спать, спать. Советую отменно выспаться. Дело требует свежей головы.

Легко советовать. И для Птицына и для Бахарева остаток ночи прошел в тревожных раздумьях. Бахарев вовсе не уснул, а Птицын долго вертелся с боку на бок и задремал лишь к рассвету. Оба, не сговариваясь, пришли в комитет спозаранку. Им не терпелось скорее узнать: куда потянет та тоненькая ниточка, что нащупана Александром Порфирьевичем.

С утра Птицын сообщил архиву кое-какие данные, а потом принялся за разбор почты. Бахарев сидел молча и ждал, когда Александр Порфирьевич, как обычно, протянет ему сводку о событиях минувшего дня и ночи. Так уж заведено: прислушиваться к эху этих событий, хотя на первый взгляд они не имеют никакого отношений к делу, которое ведут наши контрразведчики сейчас; какой бы нелепицей это ни показалось человеку неопытному, связывать воедино что-то случившееся вчера, ночью, что-то заинтересовавшее Комитет госбезопасности, с тем трудным поиском, который ведет определенная группа. Пусть все догадки окажутся мыльным пузырем, пусть кто-то из скептиков и улыбнется — «Эка, хватил!» — все равно надо про-

верить, проанализировать, нет ли тут какой-то затаенной связи, пока еще ничем не давшей знать о себе.

Птицын никогда не изменял этим правилам. И от Бахарева того же требовал. В очередной сводке сообщалось о событиях разных, ничем друг с другом не связанных.

...В научно-исследовательском институте неизвестным был оставлен у входа в лабораторию чемоданчик с взрывчатым веществом.

...На машиностроительном заводе ночью неизвестные лица сорвали замок с двери склада учебного оружия. Похищены два учебных пистолета.

...В студгородке в двадцати почтовых ящиках были разложены газеты «Футбол». На первой странице газеты — все то, к чему привык читатель «Футбола», а на остальных — контрреволюционные призывы, гнусные измышления. На целую полосу — воззвание, подписанное «Союзом молодых интеллектуалов». Опрошенный вахтер заявил, что никто из посторонних в корпус не проходил, если не считать гостя к студенту Владимиру Яковлеву. Он заявил, что идет к племяннику: низкорослый полный дядя, в серой шляпе, модном осеннем пальто цвета маренго, клетчатом кашне. Вахтер обратил внимание на походку: гость шел, как боцман, переваливаясь с боку на бок. Владимир Яковлев показал, что никакого дяди у него в Москве нет и никто в гости к нему не приходил. Трое студентов, оставшихся по болезни дома, подтвердили, что действительно встретили этого гражданина на лестнице. Одна из студенток добавила: «По-моему, он косоглазый... И нос мясистый».

Птицын откладывает в сторону информационное сообщение. Минуту-другую барабанит пальцами по столу. Потом поднимается с места, идет к сейфу, достает листок бумаги и протягивает его Бахареву.

— Вчера вечером получил. Не успел тебе показать. Сообщение нашего оперативного работника Снегирева. Читай.

Бахарев читает.

— Александр Порфирьевич, неужели тот самый? Низкорослый, полный, ходит покачиваясь...

Снегирев сообщал, что Бородач вчера утром долго плутал на такси, пока не выехал на шоссе, ведущее в Архангельское. В Архангельском он гулял по парку, а потом свернул на тихую, немноголюдную аллею и присел на скамейку под ивой. Как и предполагал Птицын, Зильбер, видимо, решил приладить именно к этой скамейке металли-

ческий намагниченный контейнер. Снегирев проверил: металлическая коробочка величиной со спичечную была пуста.

Снегирев направился за Зильбером. На полпути к выходу Бородач резко повернул назад к скамейке. Неизвестно, чем руководствовался разведчик, но он забрал контейнер.

К полудню Зильбер вернулся в гостиницу, поднялся в номер и через полчаса вышел на улицу с серым клетчатым чемоданчиком в руках. Непринужденно оглянулся кругом, посмотрел на часы и направился к метро. Из вагона он вышел на станции «Комсомольская» и уверенно, будто по давно знакомому маршруту, зашагал к электропоезду на Загорск. Он сел в пятый вагон от хвоста. Пассажиров было немного — выбирай любое место. Зильбер устроился поближе к выходу. Положил чемоданчик на полку и углубился в чтение журнала «Техника — молодежи». Минуты за две до отхода поезда в вагоне появился низкорослый, переваливающийся с боку на бок человек в серой шляпе, сером осеннем пальто, и уселся напротив Зильбера. И тут Снегирев заметил, что на полке для багажа рядом с чемоданчиком Бородача оказался почти такой же чемоданчик толстяка, который тоже углубился в чтение журнала. Не имея еще никаких оснований связывать одной цепочкой Зильбера и толстяка, подчиняясь лишь какому-то неведомому шестому чувству, Снегирев уловил то мгновение, когда из-за журнала выглянуло мясистое лицо с косым взглядом, и щелкнул фотокамерой.

На станции Мытищи толстяк вышел из поезда, и, когда он уже шагал по перрону, Снегирев увидел, что в руках у него чемоданчик Зильбера — тоже в серую клетку, но вперемежку с зеленой и с «молнией» вдоль всей крышки. Что было делать? Хозяин какого чемодана представляет наибольший интерес? Снегирев решил следовать за Зильбером — он ехал в Загорск, в излюбленную туристами лавру...

Птицын собрался было идти к генералу докладывать о сообщении Снегирева, которое, по его мнению, проливало свет и на события в студгородке, как раздался телефонный звонок. Это из архива — нашли дело одесских контрабандистов довоенных времен.

Бахарев внимательно наблюдал за Птицыным, перелистывающим пожелтевшие листы. Наблюдал, с трудом скры-

вая улыбку. Он подумал: кто сказал, что лицо — это зеркало души? Вот лицо человека, в душе которого сейчас, вероятно, клокочет такое, что ахнешь. А лицо? Непроницаемо-бесстрастное. Такова с годами выработавшаяся профессиональная манера. И только подмеченное Бахаревым легкое дрожание пальцев говорило об огромном усилии воли, которое требуется сейчас шефу, чтобы скрыть волнение. Ведь, кроме всего прочего, это его, Птицына, молодость,— одно из первых дел, которое поручили ему в органах государственной безопасности.

Уже просмотрено много страниц — протоколы, допросы обвиняемых, свидетелей, экспертов. И, наконец...

— Он самый!

Теперь уже сомнений быть не могло — достаточно сличить хранящуюся в деле фотографию одесского льва, молодого Аркашки с Дерибасовской, с фотографией старого франтоватого Аркадия Семеновича.

По делу одесских контрабандистов Победоносенко проходил поначалу как свидетель, а уж потом оказался соучастником. Первоклассный одесский сапожник Аркаша с Дерибасовской, он весьма искусно «работал», как он сам выразился на допросе, всякие «шуры-муры» в элегантных дамских и мужских туфлях контрабандистов. «Шуры-муры» — это тайники в каблучках, под стельками для царских золотых монет и зелененьких долларов...

Птицын перечитывает протокол допроса.

— Занятный человек... Любил пофилософствовать... Мендель Маранц с Дерибасовской! Нет, ты послушай, Бахарев, и оцени: сидит перед следователем, а разглагольствует, как с кафедры... Спрашиваю его: «А какие у вас были побуждения, когда вы пошли на первое свидание с Мишкой-аристократом? Только не виляйте, говорите всю правду». Отвечает: «Лучший способ скрыть свои побуждения — это говорить правду». Спрашиваю: «Что руководило вами, когда вы в самый канун провала банды выгнали Мишку-аристократа и, не страшась соседей, истошно вопили на весь коридор: «Чтобы ноги твоей не было в моем доме»? Отвечает: «Есть черта, где человек должен остановиться. Нельзя всем жертовать ради бизнеса». Спрашиваю: «Вас очень активно использовали люди Мишки-аристократа. Но чем вы объясните несколько странное отношение к вам: вас считали своим человеком, но никогда не приглашали на семейные торжества, где обычно собиралась вся банда, не пригласили к столу даже в тот вечер, когда

вы, заглянув в ресторан «Лондон», застали там ваших друзей?» Отвечает: «Вы когда-нибудь читали Амфитеатрова? Нет? Жаль... Старик понимал толк в человеческой психологии. Он дал ответ на ваш вопрос: «Грязь на высокой скале и грязь на болотистой дороге — всё грязь. Но если бы грязь чувствовала и умела выражать свои чувства, то грязь на скале, наверное, почитала бы себя грязью возвышенной и презирала бы ниже лежащие грязи». Я был нижележащая грязь.

Птицын покачал головой.

— Что скажешь, Бахарев, каков Спиноза? Черт те что! Вероятно, я потому и запомнил его. Да и фамилия такая — По-бе-до-носенко. А в общем-то вопрос проясняется. Похоже, что одесский сапожник взялся за старое дело, только теперь у него хозяева, видимо, классом повыше. Марина же выполняла...

Размышление вслух прервал стук в дверь.

— Войдите... Входи, входи, Алексей Петрович. С чем пожаловал?

— Дополнение к тому делу имеется.

И сотрудник архива положил на стол пухлую папку:

— Битый час искал. Это как чеховская лошадиная фамилия — не успокоишься, пока не вспомнишь. А помню — дело одесских контрабандистов имело продолжение, уже послевоенных лет. Прошу вас, Александр Порфирьевич.

Птицын открывает папку, читает длинное, страниц на десять, каллиграфическим почерком написанное заявление. Заявление, видимо, сочинялось еще дома, и в приемную КГБ автор явился, все обдумав, взвесив.

«Я, Аркадий Семенович Победоносенко, уроженец города Одессы, судимый по делу контрабандистов, ныне мастер сапожной мастерской, сообщаю нижеследующее: **вчера вечером** в пивном баре на Пушкинской площади имел откровенный разговор с самым отчаянным фраером Молдаванки, которого у нас в Одессе звали Косым и который просил сейчас называть его Ефимом Михайловичем. Судя по тому, как он с ходу атаковал меня, едва я заказал пару пива, я был уже давно у него на прицеле. Я сразу узнал в нем одного из шайки одесских контрабандистов, для которых когда-то работал всякие тайники в ботинках. Как и до войны, он был элегантно одет, те же усики, тот же мясистый нос, те же маленькие бегающие глазки, та же боцманская походка человека, у которого почти нет шеи.

У него наследственая одесская астма. Только волосы на макушке поредели и были, как говорят у нас в Одессе, зачесаны с разумной экономией... За несколько месяцев до того, как провалилась вся банда, упомянутый выше Косой был отправлен Мишкой-аристократом в центр готовить базу для «дочернего предприятия», что, полагаю, и спасло его от карающего меча ВЧК — ОГПУ. Я спросил подсевшего к столу Косого: «А что тебе собственно надо от Победоносенко?» Он обнял меня и сказал: «Милый мальчик, я еще сам точно не знаю. Поговорим просто так. За Одессу, да благословит ее господь бог. Одесса — это, как сказал наш Бабель, много моря, солнца и красивых женщин. Так выпьем за упокой души твоей супружницы-красавицы, да будет земля ей пухом...» И он тут же вытащил из заднего кармана плоскую флягу с водкой, разлил ее в два стакана и чокнулся: «Бывай здоров, мальчик». Это означало, что Косому уже все известно о послевоенном Аркашке. А откуда известно? Имею предположение, что это наши общие одесские дружки шепнули Косому про то, как после войны появился на Дерибасовской Аркашка Победоносенко с орденом Красной Звезды на груди, в выцветшей солдатской гимнастерке без погон и в сапогах, пошитых из трофейного шевро».

Далее следовало большое отступление — вопль души, из которого явствовало, что жизнь Аркадия Победоносенко развивалась по синусоиде — с взлетами и падениями. В сорок втором на пятом его рапорте начальнику лагеря с просьбой послать в штрафной батальон, на самый трудный участок фронта, появилась резолюция: «Удовлетворить. Отправить на Сталинградский фронт». Стоял декабрь 1942 года, когда на берегах Волги день и ночь гремели бои за каждую пядь земли, за каждое здание, лестничную клетку, когда огнем и кровью проверялись характеры, цементировались сплавы человеческого мужества и воли, любви к отчему дому и ненависти к его врагам. О том, как дрался солдат-штрафник Аркадий Победоносенко, автор заявления в КГБ счел нужным обронить лишь три слова: «Смотри прилагаемые характеристики». А там — они тоже в деле — сплошь превосходные степени.

После Сталинграда он перестал быть штрафником. Его перевели в саперы. Пятнадцать раз ходил в разведку, и на его счету было много разминированных полей, захваченных «языков». За штурм Берлина его наградили орденом Красной Звезды.

Когда кончилась война, Победоносенко решил вернуться в родную Одессу. В заявлении подробно рассказывается, как нелегко было принять это, казалось бы, простое и естественное решение. Нет, это было не так просто — после Колымы вернуться в город, где все тебя знают, как «Аркашку с Дерибасовской», жившего по принципу «деньги не пахнут», водившего знакомство со всякой мразью. Он нашел в себе силу воли порвать с прошлым, хотя оно долго преследовало демобилизованного сержанта. Первоклассного сапожника назначили заведующим большой мастерской, где трудилось много молодых ребят, и Победоносенко терпеливо учил их «работать элегантный ботинок, точь-в-точь, как в Париже». Но когда наступал воскресный день и Аркадий, посасывая трубку, гулял по бульвару, ему было тяжко. Он заглядывал в глаза прохожих, и ему казалось, что они странно посматривают на него.

Так прошло года два. Тени прошлого постепенно перестали тревожить директора обувного ателье, и вдруг на бульваре Аркадий Победоносенко лицом к лицу столкнулся с высоченным дядей в брюках синего шевиота и кремовом, прекрасно пошитом пиджаке, уверенно размахивавшим тростью с костяным набалдашником. Победоносенко попытался сделать вид, что не узнает, но Рваное Ухо был не из тех, кто упустит нужного ему человека.

В шайке Мишки-аристократа Рваное Ухо работал «на подхвате» и слыл деятелем цепким. Деваться было некуда. Поздоровались, поговорили о погоде, девушках на лимане, ценах на базаре, вспомнили друзей — иных уж нет, а те далече... Рваное Ухо пригласил поужинать. Победоносенко отказался: «Живот болит... Второй день манной кашкой пробавляюсь»,— на ходу придумал он. Рваное Ухо долго обхаживал Победоносенко: «Послушай, Аркаша, как ты считаешь: встретились на бульваре два кореша, которые в общем-то, отбросим частности, это не для деловых людей, неплохо относятся друг к другу. Ты имеешь что возразить? Нет? Отлично. Если эти два джентльмена, подчеркиваю, в общем-то неплохо относятся друг к другу и в общем-то могут быть взаимно, подчеркиваю, взаимно полезными,— почему бы им не пойти на союз, не держаться как братья-близнецы? Я что-нибудь неправильно сказал, Аркаша? Поправь меня... А теперь слушай: требуются золотые руки сапожника. Золотые руки за золотые десятки. Ты меня правильно понял, Аркадий? И забудь думать за комбинат бытового обслуживания».

Было сказано еще несколько ни к чему не обязывающих обе стороны фраз, и Победоносенко, извинившись,— «У меня тут встреча с девушкой»,— попрощался, попросив три дня на размышление.

Насчет свидания он не соврал. Дней двадцать назад Аркадий познакомился с московской работницей, лечившейся в одесском санатории. Легкое увлечение (сколько их было у Аркадия с Дерибасовской!), кажется, переросло в нечто более серьезное. Тяжело больная Таня, хлебнувшая в жизни много горя, была одинока. Он честно поведал Тане о своей жизни, и она поверила ему, когда он сказал, что с прошлым все покончено и нет такой силы, которая заставила бы его повернуть вспять. Она ему поверила, хотя и не скрыла, что ей трудно забыть его прошлое. В таких случаях он мрачнел и рассказывал легенду о грешнице, которую толпа хотела закидать камнями, и о Христе, который, обращаясь к толпе, говорил: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень...»

Таню покорила искренность Аркадия, сила его характера. И вот — Рваное Ухо с его предложением.

В тот вечер Таня вернулась в санаторий очень поздно; сперва он ее провожал, потом она его. Все было взвешено, все точки над «и» поставлены. На следующий день был взят расчет в сапожном ателье и билет до Москвы...

Через два года после свадьбы Таня умерла — тяжелейшая болезнь почек сделала свое дело. И, как пишет в своем заявлении А. Победоносенко, «свет стал мне не мил». Незадолго до смерти Таня, понимавшая, что дни ее сочтены, впервые за два года вновь повела с мужем разговор о его прошлом и сказала: «Клянись, Аркадий, что и после смерти моей... ни шагу назад...» И Аркадий поклялся.

Встреча с Косым в пивном баре произошла ровно через год после смерти Тани — утром он был у нее на могиле... Нетрудно представить, что было на душе Победоносенко в те минуты, когда Косой добирался до самой сути «золотого дела», о котором он говорил пока весьма туманно. Он дал понять, что о давней встрече Победоносенко с Рваным Ухом ему известно, так же как и о неожиданном исчезновении из Одессы Аркашки с Дерибасовской.

— Однако человек не песчинка. Разве он потеряется на нашей грешной земле? — улыбался Косой.— Мир тесен, Аркаша... Вот и пьем мы с тобой пиво за одним столом. Только этот напиток не для меня. Пойдем, друг, в

«Арагви», грузинского коньячку пососем. Там и разговор закончим. Ты только не говори мне, мальчик, что у тебя животик вава, что ты на манной кашке сидишь,— и он, снова дружески обняв Аркадия за плечи, еще раз дал понять, что ему все известно, но он никаких претензий не имеет.

Разговор был продолжен в «Арагви», в отдельном кабинете,— тут Косой чувствовал себя как дома.

— Деловым людям, среди которых не только одесские шмаровозы, но и птицы куда более важные, нужна твоя, Аркаша, помощь. Платить будут зелененькими. В Одессу перебираться не нужно. Заказ будешь получать в Москве. Тут и наш главный шеф...

И, видимо крепко выпив, с гордостью добавил:

— Это тебе не Мишка-аристократ... Так чтобы ты знал: иностранец. Ясно?

И сразу осекся, поняв, что болтнул лишнее. Косой подозрительно посмотрел на Аркашку, нахмурился и зло буркнул:

— Все, что сказал,— как в могилу. Ты ничего не слышал, мальчик, ничего не знаешь. Иначе...

И он резким движением полоснул ребром ладони по горлу.

— Так как? Снова три дня на размышление? Не пойдет.

Победоносенко лишь на какую-то долю секунды задумался, потом налил в два больших фужера коньяк, встал из-за стола и несколько торжественно провозгласил:

— Выпьем за успех...

— Так, значит, согласен? — обрадованно спросил Косой.

— Согласен.

Они условились о следующей встрече и разошлись в разные стороны.

Вернувшись домой, Аркадий Победоносенко долго стоял перед висевшей на стене большой фотографией Тани. Потом сел за стол, достал из секретера несколько листов меловой бумаги и каллиграфическим почерком вывел: «В Комитет государственной безопасности...»

Он не спал всю ночь. Вышел из дому на рассвете и долго-долго петлял по Москве, пока в девять утра, окончательно убедившись в том, что за ним нет слежки, нырнул в приемную КГБ.

...Птицын листает дело, по которому проходят Рвачев

Ухо, Косой, еще несколько одесских «деятелей» и человек с иностранным паспортом. О нем разговор на следствии шел уже заочно: почуяв недоброе, джентльмен вовремя ретировался. Птицын листает дело и размышляет вслух:

— И тут и в деле студгородка фигурирует Косой, косоглазый, толстый, мясистый нос, ходит, переваливаясь с боку на бок... Косой и человек с иностранным паспортом... Косой и Зильбер. И газета «Футбол» в студгородке. Что это, случайное совпадение? Или одна цепь?

А у Бахарева свой ход мыслей. Он понимает: в принятой шефом схеме — Марина передает Победоносенко туфли, чтобы сделать в них тайники, — появилась трещина. Но не более. Ведь не сбросишь со счетов и такую версию: плюнул Аркадий Семенович на все свои клятвы покойной супруге и вернулся к старому. Вместе с Косым.

Генерал Василий Михайлович Клементьев был в курсе новых обстоятельств, архивных материалов, неожиданного переплетения человеческих судеб: нити от двух на первый взгляд совершенно разноплановых дел — «Доб-1» и «Студгородок» — где-то вдруг сошлись в одном узле. Полковник Крылов уже докладывал Клементьеву об изысканиях Птицына, о Косом, об Аркашке с Дерибасовской, Бородаче — Зильбере, о Марине и прочих лицах, оказавшихся в сфере внимания тех, кто занят делом «Доб-1». И вдруг устанавливается — пусть в порядке гипотезы — их причастность и к студгородку. Генерал попросил Крылова зайти к нему вместе с Птицыным, а пока принести все материалы, всё что имеет отношение к «Доб-1», подчеркнув:

— Буквально всё. Сообщения оперативных работников, Ландыша, фотографии. И дело контрабандистов тоже...

Генерал слыл человеком гибкого ума. Он никогда не спешил с решениями, не поддавался настойчивому голосу чувств, но умел разбираться в сложном их переплетении, находить то доброе, что нужно поддержать, хотя не для всех еще было очевидно это доброе. Филолог по образованию, он незадолго до начала второй мировой войны пришел в органы государственной безопасности с партийной работы. За плечами его уже был некоторый опыт, но он считал для себя обязательным продолжать освоение всех тонкостей этой сложнейшей сферы деятельности. А осваи-

вать приходилось многое и разное, и порой, когда бывшему филологу казалось, что его подстерегает опасность стать дилетантом, он вспоминал слова университетского профессора: «Дело не в том, чтобы знать многое, а в том, чтобы знать из всего того, что можно знать, самое нужное».

Сейчас для него, по его собственному разумению, «самое нужное» — это уловить, проанализировать то новое, что появилось за последнее время в методах вражеской разведки, то новое, что дает ныне знать о себе.

Генералу интересна точка зрения коллег, помощников. Возникают ли у них вопросы широкого и дальнего, как он выражается, плана? Что скажут Крылов, Птицын, люди опытные, много видевшие в жизни и много знающие, но порой подвластные, как все смертные, опаснейшему роду недуга — безжалостной текучке...

Генерал внимательно слушает Птицына. Александр Порфирьевич, как всегда, говорит неторопливо, время от времени голосом выделяет то, что ему кажется важным. А иногда делает паузу и словно резюмирует: «Полагаю, что следовало бы принять такую схему...» Обратив внимание генерала на сообщение Снегирева, историю двух чемоданчиков в электропоезде, Птицын после очередной паузы продолжает:

— Полагаю, что следовало бы принять за вероятное следующее: Толстяк — один из зильберовских агентов — забрал в поезде чемоданчик с так называемыми газетами «Футбол». Выбор объекта — студгородок — возможно, идет от студентки Марины: ей лучше знать когда, где, каким образом сподручнее всего подбросить идеологическую бомбу. Тем более что в этом городке живут и ее товарищи по институту. В этой связи важно установить возможность еще одной схемы: Марина — Аркадий Семенович — Косоглазый. Да, несколько лет назад сообщник одесских контрабандистов приходил с повинной в КГБ. Допускаю, что сделано это было под настроением: годовщина со дня смерти жены, которой он поклялся, что к прошлому возврата нет. А оно зовет. И Победоносенко пошел старой дорогой. Встретив Косого — ему тогда за чистосердечное раскаяние только шесть лет дали, — сразу нашел с ним общий язык. Обращаю ваше внимание, Василий Михайлович, что по времени все это сходится. Поразительнейшим образом. Неужели случайность?

— Случайность? — переспросил генерал. — Конечно,

бывают и случайности, Александр Порфирьевич. Несомненно бывают. Но случай благосклонен лишь к достойным. В распоряжении каждого из нас в течение дня появляется не менее десяти возможностей изменить к лучшему свою жизнь. А успех приходит лишь к тому, кто эти возможности умеет использовать. Согласны? Ну, ну. Продолжайте, Александр Порфирьевич.

— Я хотел бы поставить несколько вопросов в развитие разговора о случайностях. Неужели случайно Зильбер встречался с толстяком и ловко передал ему чемоданчик? Неужели случайно в тот же день человек, удивительно похожий на толстяка из электропоезда, с тем же чемоданчиком в руках проникает в студенческое общежитие?

Генерал снова перебивает Птицына:

— Стоп! Неужели случайно сегодня утром в подмосковном городке в почтовых ящиках одиннадцати квартир лежали те же самые «газеты» «Футбол»? Мне сообщили об этом час назад...

В комнате наступила тишина. Для Крылова и Птицына сообщение генерала — полная неожиданность. И оба они смотрят на генерала с нескрываемым изумлением. Александр Порфирьевич пытается логически связать подмосковный городок и студенческое общежитие, установить связь с Зильбером. Мысль работает в быстром темпе. Архангельское? Нет, не то... Совсем в другой стороне. Он стал вспоминать все сообщения оперативных работников, не упускавших из своего поля зрения Зильбера.

— У вас есть по поводу Подмосковья какие-нибудь догадки, вопросы, Александр Порфирьевич? — генерал первым нарушает молчание.

— Догадок пока нет, а вопросы есть. Один и, пожалуй, самый главный. Это, так сказать, от нас двоих,— и Птицын кивает в сторону Крылова.

— Что же, давайте вместе разбираться.

Крылов стряхнул пепел с сигареты и аккуратно положил ее на край пепельницы.

— Зильбер — вражеский разведчик. Это бесспорно. Сообщения Ландыша не оставляют в том сомнения... Мы еще точно не знаем, кто его агенты и на какие объекты он нацелен. Но знаем, что это разведчик. Однако же разведчик не стал бы размениваться на подбрасывание листовок. Мы привыкли видеть в разведчике противника, подбирающегося к государственным тайнам. А тут, изволите видеть,

организуется подбрасывание идеологической макулатуры. Кто он — мастер по наведению мостов между Западом и Востоком? Специалист по фабрикации и распространению листовок среди тех наших молодых интеллектуалов, что одержимы зудом фронды? Или же его интересуют государственные секреты?

Генерал доволен.

Вопрос поставлен правильно. На него надо отвечать. Как? Он не может еще дать ответа абсолютно бесспорного. Он может только высказать некоторые соображения. Явление подмечено новое, его еще нужно осмыслить.

— Я тоже считаю, что это пока загадка. И меня и вас учили стратегии и тактике врага. Имеются здесь проверенные десятилетиями формулы. Разведчик, прибывший с заданием вражеского центра, не станет заниматься, ему не позволено заниматься таким делом, как подбрасывание листовок. Это — классика. Но мы можем предположить, что Зильбер — разведчик, которого начальство обязало включить в сферу своей деятельности то, что принято называть идеологической диверсией. И вот извольте,— и генерал ткнул пальцем в ловко закамуфлированные газетные листы.—А теперь перейдем от всяких теоретических изысканий к сугубо практическим. Я вас попрошу, Александр Порфирьевич, взять все материалы, относящиеся к фальсифицированной газете «Футбол»... И в студгородке и в Подмосковье. По почерку видно, что эта диверсия направлялась одной и той же рукой. В ближайшее же время я должен получить от вас план операции.

Мы обнаружили «газету» по одиннадцати адресам. Но у нас нет уверенности, что размах диверсии ограничивается этим. Может, следует опросить кого-нибудь из получателей «газеты». Кого? Установите... Опрос людей по этому делу проведите сами...

— Будет сделано. Я представлю вам подробный план операции. Разрешите идти?

— Это еще не все. Настораживают противоречивые сообщения Бахарева. Умный, образованный малый, но увлекающийся.

— Я ему, Василий Михайлович, не раз советовал — время от времени остужать свою голову.

— Шутки шутками, Александр Порфирьевич, а молодого человека, видимо, нет-нет да и, как вы правильно заметили, заносит из одной крайности в другую. Кстати, у

вас нет сомнений... как бы это деликатнее выразиться...— Крылов запнулся, но Птицын понял его.

— В его полной объективности? Вы это имели в виду?

— Ну хотя бы и это,— сказал генерал.

— Я ручаюсь за Бахарева,— резко отрубил Птицын.

— Не надо распаляться. Вашего поручительства не требуется. Но человеку свойственно человеческое. Силу чувств никогда не сбросишь со счетов. Согласны? То-то же. Теперь давайте разберемся в предложенных вами вариантах. Я позволю себе заметить, что они еще не подкреплены в достаточной мере фактами. Ваше мнение,— обратился он к Крылову.

— Да, пожалуй... Пока именно только предположения, хотя и весьма основательные. Бахарев старается со скрупулезной точностью определить: это — за, а это — против...

— А рисунок получился действительно сложный: мазками,— ни к кому не обращаясь, заметил Птицын.

— Вот именно,— продолжал Крылов.— Что касается Аркадия Семеновича — не спешим ли с выводами? А между тем одна персона осталась пока в тени. В деле фигурирует, а о ней мы мало что знаем.

— Вы имеете в виду Ольгу? — уточнил Птицын.

— Да.

— В институте о ней дают самые лестные отзывы. Активная общественница. Как-то на курсовом собрании резко выступила против группы крикунов. Выступила и дала такого жару, что крикуны сразу притихли... Хорошо зарекомендовала себя на практике, в коллективе поликлиники. Мать ее связана с участниками движения Сопротивления...

— Почему же вы считаете возможным подозревать ее? Только потому, что она иностранка? — спрашивает Клементьев, и губы его сжимаются в узкую полоску.

Птицын молчит. Его самого беспокоит этот вопрос.

— Так как же, Александр Порфирьевич? — продолжает допытываться генерал.

— По нашим данным, в катехизисе так называемых добродетелей этой иностранной студентки едва ли не главным пунктом является грим.

— Как прикажете понимать?

— Это женщина с искусным гримом на лице и на душе...

— Опять из сферы предположений. А факты?

— Есть и факты, над которыми нельзя не задуматься.

Мы с Бахаревым терялись в догадках: откуда Зильбер узнал, что Марина пошла со своим знакомым в ресторан «Метрополь»? Вряд ли это случайная встреча. Кто мог навести туриста на след? И вспомнили. Когда молодежь возвращалась со студенческого вечера и Бахарев предложил пойти в «Метрополь», только два человека слышали его слова — Ольга и Владик. Герта со своим кавалером ушла далеко вперед. Владика я исключаю. Остается Ольга.

— Довод не очень серьезный, но все же... Тем более важно увидеть эту девушку, как вы выразились, без грима.

— Но есть и другой довод: на пути к «Метрополю», оставшись вдвоем с Бахаревым, Марина сказала, что ей надо позвонить маме и предупредить ее, что она поздно вернется домой. В будке телефона-автомата девушка задержалась недолго.

— Ну и что же?

— По наведенным справкам, в этот вечер матери Марины дома не было, она дежурила в больнице. Очередное дежурство, о котором дочь не могла не знать.

— Ну и что же?

— Если мама на дежурстве и не знает, когда дочь вернется домой, к чему предупреждать ее по телефону? Судя по всему, Марину никак не отнесешь к числу дисциплинированных дочерей. Да и не так-то легко — мы и на этот счет наводили справки — дозвониться дежурному врачу, когда больные еще бодрствуют.

— Значит, снова Марина?

Птицын молча пожал плечами и развел руками.

— Нам не дано права разводить руками, Александр Порфирьевич. Я попрошу вас лично попытаться прояснить роль каждого из шести действующих лиц — доктор Васильева, Марина, Ольга, Победоносенко, Косой и Зильбер... Пора от гипотез переходить к фактам.

Из студгородка Птицын вернулся быстро. Вахтер среди пяти предъявленных ему фотографий толстяков сразу опознал «дядю» студента Володи Яковлева. Линия Зильбер — Косой на схеме может быть из разряда пунктирных переведена в разряд жирно подчеркнутых. А вот, что касается ее продолжения — Аркадий Семенович — Марина, тут дальше тонюсенького пунктира ничего нет. Снова, увы,

только догадки. Правда, в деле одесских контрабандистов тоже есть фотография Косого. И нетрудно было убедиться в том, что человек в электропоезде и человек, разговаривавший с Аркадием,— одна и та же персона. Но значит ли это, что и Аркадий Семенович замешан в истории с «газетами» «Футбол»? Что же передала ему Марина во дворе? Какая связь между этой передачей и студгородком? И еще один более серьезный вопрос: кто из них двоих — Косой или Аркадий — тот самый человек, с которым Зильбер должен был связаться? Оба из Одессы, оба в прошлом причастны к шайке контрабандистов. Кто же связной Зильбера?

Птицын поджидал Бахарева. Николай знал, что в одиннадцать Александр Порфирьевич вызван к генералу с докладом о ходе дела «Доб-1», знал, что он долго и старательно готовился к беседе с Клементьевым. И сейчас, едва переступив порог кабинета, по одному лишь выражению его лица понял, — разговор с генералом был трудным, хотя, как всегда, Птицын казался спокойным.

— Какие новости, Александр Порфирьевич? Что генерал?..

— А что генерал? Требует от гипотез к документированным фактам переходить. Правильно требует. Про студгородок ты уже знаешь. А теперь такую же пакость в Подмосковном городке сотворили...

Птицын рассказал про свою поездку в студенческое общежитие и про то немногое, что ему пока известно о подмосковном городке. Бахарев, услышав название городка, стукнул себя по лбу.

— Позвольте, позвольте, Александр Порфирьевич. Да ведь Марина там была...

Зильбер, Косой, листовки, студгородок... И Марина! Теперь все это сплелось в один узел. Опять она! Бахарев вспомнил, как Марина восторженно рассказывала ему про Дом культуры в этом городке, про чудесный воскресный день, проведенный на берегу пруда в веселой компании молодежи. Сейчас ему трудно восстановить в памяти, в какой связи зашел разговор о ее поездке. Мысль его тогда не задерживалась на этих мимолетно оброненных словах. А сейчас звено — к звену, факт — к факту, плотно, как патроны в обойме.

Зильбер, Косой, листовки в студгородке... И вот — Подмосковье. Почти в одно и то же время. И Марина...

Зачем она туда ездила? Где связь между первым, вторым, третьим? Мысль мечется как белка...

...Марина встречалась с Зильбером. Что-то передавала одесскому сапожнику, специалисту по тайникам в обуви, а на следующий день старый друг Победоносенко Косой встречается в электропоезде с Зильбером и через три часа подбрасывает листовки в студгородке. Ландыш сообщает: Зильберу поможет человек из Одессы. Не напрашивается ли сам собой общий знаменатель?

Птицын вместе с Бахаревым составляют детальнейший план дальнейших действий, в котором учтены все значительные и малозначащие факты.

Надо внимательно проанализировать адреса и выяснить, чем руководствовался человек, пославший «газеты» именно в эти квартиры. По какому принципу подбирал он их? Это, пожалуй, сейчас самое важное.

— Я мало верю в такой вариант, но ведь бывает, что адреса подбираются попросту из бюллетеней по обмену квартир,— говорит Птицын.— Отправляйся в бюро обмена — пусть срочно дадут справку: фигурировали ли эти адреса в последних бюллетенях?

Бахарев мчится в бюро обмена, а Птицын перечитывает несколько только что полученных оперативных сообщений. Увы, ни одно из них не вносит ясности.

С утра Птицын еще не терял веры в то, что Победоносенко навсегда порвал с прошлым, что его встреча с Мариной — случайное совпадение обстоятельств. И вдруг...

Сегодня Победоносенко поехал в... Архангельское. Купив путеводитель, о чем-то поговорив с киоскершей, Аркадий Семенович отправился в парк и исчез было из виду. Но вскоре обнаружился в музее. И — что особенно важно для Птицына: на безлюдной аллее со скамейкой под ивой, той самой, к которой прицеливался Зильбер, одессит не появлялся. И тут же рождается версия: «Зильбер потому и забрал тогда контейнер, что приспособил его к другой скамейке, в другом уголке парка. Куда исчез Победоносенко? Где он рыскал?»

С Зильбером все ясно. Вместе с группой туристов он был в МГУ, в Дубне, Третьяковке, ЦУМе, ужинал в обществе группы советских ученых, смотрел «Лебединое озеро». Однако несколько раз ему удавалось «отрываться» от группы. Вчера он заглянул в антикварный магазин, потом

поехал на Ленинские горы. Со смотровой площадки любовался величественной панорамой Москвы. Задержался в сквере. Присел на скамейку рядом с двумя юношами, о чем-то спорившими. Вытащил из кармана газеты и минут пять читал или делал вид, что читает. Встал, пошел дальше. Вернулся к стоянке такси и отправился в ЦУМ. Протискиваясь к прилавку, сунул какой-то маленький пакетик в карман пальто рыжеволосой молодой женщины.

Зильбер — в гостиницу, а рыжеволосая долго плутала по центру Москвы, пока не зашла в кино «Метрополь», в синий зал. Но когда кончился сеанс, в зале ее не оказалось.

Птицын, когда его что-то озадачивает, почему-то усиленно теребит пальцем нос, будто ждет от него ответа. И сейчас так. Теребит нос и про себя чертыхается, воздавая должное ловкости неизвестной — уже второй раз она искусно исчезает из поля зрения. Думается, что и тогда в Мосторге и сегодня действовало одно и то же лицо. Правда, та была блондинка. Но это просто — парик, грим. Мадам, надо полагать, маскируется, хотя действует нахально — один и тот же прием использует вторично.

И еще одно сообщение. Снова о Победоносенко.

Возвращаясь из Архангельского, Аркадий Семенович недалеко от дома заглянул в пивную, где встретился, судя по фуражке, с шофером такси. Видимо, давние приятели. Выпили шесть бутылок пива и по стакану столичной. Долго объяснялись друг другу в любви и дружбе. На прощанье шофер достал из кармана заморскую коробку сигарет и, облобызав одессита, сказал:

— Вот тебе, приятель, подарочек. Для твоей коллекции. Знаю, что собираешь эту дрянь. Давно приготовил для тебя, да все как-то забывал прихватить из дома...

Победоносенко бережно принял коробку и стал внимательно разглядывать ее.

— Что глаза пялишь? Экстра-класс! — И выразительно поднял большой палец.

— Спасибо, друг. Сколько с меня, Ефим Палыч?

Шофер рассвирепел.

— Ты меня за кого принимаешь, Аркадий Семенович?

— Гражданин таксист! Не надо делать столько шуму из ничего. Я вас умоляю...

Победоносенко уже хотел было сунуть коробку в карман, потом что-то вспомнил, открыл крышку, достал лежавшие там несколько сигарет и бережно положил на стол.

— Аркадий Семенович сигареты не уважает. Он признает только трубку. Ба! А это что за цифирь? Может, записывал что на память и забыл?— и протянул коробку шоферу.

На внутренней стороне крышки было написано: ВК-68-75.

— Кто его знает, что за цифирь. Я лично не записывал. Похоже, что пассажир, тот, что обронил сигареты, цифирь писал... Ты плюнь на эту цифирь. Плюнь да разотри. Коллекцию не портит.

— А что за пассажир такой? Рассеянный с улицы Бассейной?

— Это я тебя все хотел спросить, да недосуг было. Забывал. Странная, друг Аркадий, история приключилась... Вез я парочку за город. Симпатичные. Вроде как из Прибалтики. Так вот, понимаешь... — и шофер быстро невнятно затараторил, глотая слова, а там, где их не хватало, начинал вдруг «разговаривать» языком жестов...

— Подожди, подожди! Аркадий Семенович не любит, когда говорят так много и так быстро. У нас на Дерибасовской в таких случаях кричали: «Гражданин! Соблаговолите заткнуть фонтан!» Давай выпьем еще по сто, понюхаем пробочку и пойдем ко мне закусывать — имею предложить отличнейший пирог с капустой. Там мы с тобой примем еще по сто и уж в точности выясним — кто, куда, зачем ехал и что ты хотел спросить у гражданина Победоносенко.

Друзья обнялись, расцеловались и, слегка покачиваясь, вышли из пивной.

...Как и следовало ожидать, ни один из одиннадцати адресов подмосковного городка в бюро обмена не регистрировался и в бюллетенях не значился. Вариант бюро обмена отпал начисто. Более близкое знакомство с материалами дела, в частности с беглой характеристикой жителей тех квартир, в адрес которых были отправлены газеты-листовки, мало чем обогатило Птицына. Однако

некоторые выводы, которые могут пригодиться в будущем, были сделаны. Квартиры эти, как правило, отдельные. Много студентов вузов и техникумов. Есть и врач — молодой человек, работающий в местной поликлинике, и педагог — преподает литературу в здешней школе. Идеологический снаряд выпущен с каким-то определенным расчетом. Каким?

...Птицын включил транзистор и в ожидании Бахарева занялся кофеваркой. Ждать пришлось долго, и не одна чашка кофе была выпита, пока около пяти вечера Бахарев объявился. И сразу же попросил вызвать Снегирева.

— Хочу показать ему вот эту фотографию,— и он положил на стол фотоснимок.

— Кто это?

— Ольга.

— А при чем тут Снегирев? Думаешь, что это она и выпорхнула из «Метрополя»?

— Может случиться, что и так. Но вот факт абсолютно достоверный: в подмосковном городке Ольга проходила практику в поликлинике. У нее там широкий круг знакомых — врач, учитель, студенты...— И Бахарев подробно рассказал о своем сегодняшнем визите к Марине.

...На сей раз Марина встретила Бахарева приветливо: чувствует себя лучше, была уже в институте. Придется подналечь, чтобы наверстать пропущенные лекции, семинары. И тем не менее она не прочь в воскресенье отправиться куда-нибудь в лес, за город. На дворе стоит чудесная осенняя пора. И если Николай составит компанию, она будет очень рада. Николай тут же откликнулся шуткой:

— С вами хоть на край света. Но у вас, кажется, есть излюбленные места в Подмосковье. Помнишь, ты мне рассказывала о веселом загородном пикнике. Восторгалась живописными перелесками... И компания, кажется, была милая.

— Да, да, вспоминаю. Это меня Ольга затащила туда. Она проходила практику в поликлинике и подружилась с тамошней молодежью. Чудесные ребята. Компания оказалась действительно милой. Жаль, что мы еще не были с тобой знакомы тогда. Тебе было бы там очень уютно. Между прочим, у костра с печеной картошкой шли жаркие литературные споры. Страсти — до белого каления...

— О, я люблю такое общество. О чем спор шел?

Марина на мгновение задумалась.

— Если мне память не изменяет, началось с того, что один из студентов заявил, будто настоящее искусство независимо от жизни. Оно как бы интуитивно и отрешено от бренного мира.

— Любопытная точка зрения. Нечто в этом роде я читал у австрийского психолога Зигмунда Фрейда. А что утверждали оппоненты?

— Главным оппонентом, конечно, был учитель литературы. Тот так и сыпал цитатами. Стендаль, Белинский, Толстой... Тебя не хватало у костра, ты у меня умненький, Коля, страшной силы эрудит!

— А ты уверена, что я поддержал бы учителя?

— Я как-то не задумывалась над этим, Коля. Но мне казалось, что ты...

Она запнулась, недоумевающе посмотрела на Бахарева.

— Конечно, равнодушного искусства я не признаю, Марина. Но, как говорится, не для печати исповедуюсь: когда учился в литинституте, идеи Зигмунда Фрейда были мне не безразличны. Таинственные подсознательные импульсы в творчестве художника... Их не так-то просто сбросить со счета. И вопрос этот не такой уж простой... А вообще-то отрадно, что ребята спорят. Я предпочитаю спорящих отмалчивающимся. Не терплю молчаливых и равнодушных.

— Но тогда спор зашел слишком далеко. Студента поддержал врач, а Ольга — учителя. Точнее так: то студента, то учителя. А потом объявила: если не прекратят спор, она немедленно уйдет. И представь, подействовало. Врач был влюблен в Ольгу. Она, кажется, и сейчас встречается с ним. Мы можем легко договориться и снова туда же махнуть... Меня что-то потянуло на природу. Ты поедешь?

— Как видишь, я куда более сговорчив, чем ты.

Она поняла намек на последнее бурное объяснение и тут же нахмурилась.

— Не надо кукситься. Это случается. У одних идиосинкразия к помидорам, у других — к ресторанам. Отныне и во веки веков будем ходить только в чайные или молочные — пить кофе и кушать кефир с миндальными пирожными. Договорились?

Она иронически улыбнулась:

— Как хочешь: женский каприз, идиосинкразия. Но в «Метрополь» я не пойду.

— Именно в «Метрополь»?

— Пожалуй, что так — именно в «Метрополь».

— Ну, а в «Националь», «Арагви», «Софию»? Я не буду скрывать от тебя,— возможно, это и порок,— но, когда у меня есть деньги, я смотрю на них весьма снисходительно. Какая-то неведомая сила влечет к ресторанному столику. Дьявольское наваждение — люблю эти злачные места, что поделаешь. А деньги у меня сейчас есть. Вот и тянет. А тут еще и подходящий повод — Марина выздоровела. Не пойдешь со мной, пойду один...

Он говорил так искренне, что сам поверил в сочиненную на ходу легенду.

— Нет, один ты не пойдешь. Мы пойдем вместе. Только не в «Метрополь».— И добавила со смущенной улыбкой: — Тебе этого не понять. Я ведь суеверная. После нашего «культпохода» в «Метрополь» все и началось с моими нервами...

— Высокие договаривающиеся стороны пришли к согласию. Отлично!

— Скорей, скорей,— Птицын поторапливает шофера. Надо успеть попасть в подмосковный городок еще до закрытия поликлиники. К тому же в пути он принял новое решение: ему самому в поликлинике появляться не следует. Пришлось делать круг, чтобы заскочить к начальнику районного отдела милиции. Птицын ввел его в курс дела и отправил к главврачу. Причину визита придумали тут же: «Ищем преступника, который не то в июле, не то в августе долго бюллетенил».

Начальник райотдела милиции терпеливо, с бесстрастным лицом перелистал около двухсот историй болезней жителей городка, побывавших в поликлинике в июле. Против каждой фамилии ставил никому не нужную цифру — на сколько дней был выдан бюллетень, записывал адрес больного, фамилию лечащего врача. С длинным списком он вернулся к Птицыну поздно вечером.

Птицын быстро отыскал среди адресов больных десять, интересовавших его. Одиннадцатый он нашел в списке врачей. И сразу вспомнил рассказ Марины о молодом хи-

рурге — том самом, что тихо вздыхал об Ольге. Несколько озадачил ответ на другой вопрос — к кому на прием ходили эти больные. Только пять из них лечились у Ольги. Тут все ясно. Адреса списаны с истории болезней. А остальные? Все они были на приеме у старого, заслуженного врача. Кто же тогда дал Ольге их адреса? Птицын посмотрел на часы. Звонить к главврачу домой, чтобы попытаться найти ответ на вопрос? Поздно, да и к чему тревожить человека, который, вероятно, и без того основательно переполошился. Оставив необходимые инструкции милиции, он помчался в Москву, где его терпеливо ожидал Бахарев.

Итак новый вариант: Ольга! Завтра с утра явится Снегирев, и Птицын надеется, что тот опознает по фотографии Ольги девушку в ЦУМе и кино «Метрополь». А пока — по домам. Они вышли на улицу. Холодный ветер гудел на разные голоса. Вызванные из гаража машины еще не подошли к подъезду. Стояли молча. Поеживались. Каждый думал о своем. И вдруг Птицын простодушно спросил:

— Жениться не собираешься?

Бахарев привык к неожиданным вопросам Александра Порфирьевича и не удивлялся им, но этот вопрос насторожил.

— С чего бы это вдруг...

— С чего, с чего! Просто так. Интересуюсь. Вот и спрашиваю...

— Сложный вопрос задаете,— и сразу переключился на шутливый тон: — Днями выяснится. А пока — туман, сплошной туман.

— Странный ты. Ну давай, давай. Плыви в тумане. Вот и машины наши подошли...

И они разъехались в разные края Москвы.

Всякое с Птицыным бывало — как-то целый месяц плутал по ложному следу. Но уже после того как нащупал правильную дорогу, тут уж никто не мог сбить его с курса. А с «Доб-1», как он выражался, черт те что получается. Вчера вечером, кажется, все неоспоримо свидетельствовало: иностранная студентка Ольга... И вот с утра...

Снегирев не подтвердил.

— Нет, не похожа! Фигура вроде бы та же, а лицо?

Есть что-то общее... Но скорее нет. И прическа у той, в ЦУМе, была совсем другая.

Значит, цепочка, связывавшая Ольгу, врача-практиканта в подмосковном городке с Зильбером, с девушкой из кинотеатра «Метрополь» рвется. Что же остается на чаше весов Ольги? У нее на приеме в поликлинике были пять молодых горожан из одиннадцати, получивших по почте вражеские газеты-листовки...

И снова раздумья — Ольга или Марина? И вдруг звонит Михеев.

— Он в приемной...

— Кто он, откуда вы звоните?

— Из приемной. Сюда явился Победоносенко.

...Птицын поднялся из-за стола навстречу Победоносенко, протянул руку, поздоровался, пригласил сесть, а сам занял свое любимое место на подлокотнике большого мягкого кресла в углу комнаты.

— Будете курить?

— Благодарствую. Воздержусь.

— Кофейку?

— Благодарствую. Предпочел бы перейти к делу.

Птицын улыбнулся.

— Не торопитесь. Я ведь ждал вас, Аркадий Семенович. Никому не говорил об этом, даже ближайшему помощнику, но был почему-то уверен, что придете.

— Странно. Почему вы меня могли ждать?

— Мы с вами знакомы...

— Не имею чести. Правда, как поется в песне: «Одесса очень велика...»

— Нет, мы не в Одессе встречались с вами, а в этом же доме. Хотя и не без посредничества Одессы. По делу шайки одесских контрабандистов.

— А-а-а, вспоминаю, вспоминаю. У вас, чекистов, плохая привычка — извините за резкость. Вы всегда изволите усаживаться таким образом, что ваше лицо с трудом разглядишь, а собеседник — как на ладони. Теперь я вижу, что лицо знакомое. Да, встречались. Грехи молодости. Но я, кажется, искупил свою вину. Ведь в этом доме я бывал и после войны. Вам известно это?

— Да, известно. Поэтому я и ждал вас. Верил в вас. Хотя тут недавно дрогнула моя вера. И все же ждал.

— Спасибо...

Минуту-другую гость молчал. Упершись локтями в стол, обхватил лицо ладонями.

— Ну что же. Слушаю вас, Аркадий Семенович.

Вместо ответа одессит достал из маленького чемоданчика изящные дамские туфли и положил их на стол.

— Как понимать прикажете?

Победоносенко все так же молча взял в руки левую туфлю, недолго повозился с ней, отвинтил четыре маленьких, тщательно замаскированных шурупа, легко отделил каблук.

— Вот полюбуйтесь. Отлично сработанный тайничок. Хотите — кладите золотые, хотите — зелененькие. А может, и что-то более ценное.

— И что же? — невозмутимо спросил Птицын, окинув беглым взглядом тайник.— Вернулись к старому, а потом совесть заговорила? Бывает...

— Не надо так говорить, товарищ начальник. Зачем обижать старого человека.

— Я бы вас еще не зачислил в старики...

— Слышать комплименты в таком доме очень приятно. Но, увы, мне за шестьдесят. Это уже возраст, когда человек должен быть таким, каков он есть. Без камуфляжа...

— И что же? — тем же невозмутимым тоном спросил Птицын.— Какой вы?

— Победоносенко давным-давно сказал себе: «Забудьте думать, Аркаша, про старое. Вы не найдете там счастья». Я пришел к вам с открытой душой. Поверьте, что эти туфли с тайником попали ко мне случайно. Соседка по дому знала, что я иногда...

Он запнулся.

— Не буду таить от вас. Готов понести наказание. Иногда Победоносенко тряхнет стариной и берет в руки изящный туфель, чтобы омолодить его. Я знаю, что этот вираж карается законом. Каюсь. Но не могу удержаться. Поверьте: меньше всего для заработка. Больше для души. Узкий круг клиентов... Принимаю только экстрамодельные. И всегда предупреждаю хозяйку: «Вы мне не объясняйте, что надо делать. Победоносенко знает это лучше вас. Туфель должен вернуться к хозяйке, как новый. И все, что нужно для этого, Победоносенко сделает. Рубчики, набойки — это не моя стихия». Я и ее предупредил...

— Кого ее?

— Соседку. Дочку докторши. Марину. Ту, что эти туфли дала в починку.

— Что вы о ней знаете?

— Слухи ходят разные.

И он долго рассказывал о семье Марины. Рассказал все, что Птицыну и без того было известно. Потом снова о туфлях, которые он, согласно своему кредо, должен был вернуть в наилучшем виде и потому тщательно проверил каблук, стельки, подметки.

— А глаз у Аркадия Победоносенко, слава богу, как рентген. Это знала вся Одесса. И вы тоже. Вы мне это сказали тогда, на допросе. Я не забыл...

— И что же увидел глаз-рентген?

— Гм. Странный вопрос. Разбудите Аркадия Победоносенко ночью, покажите ему новенький туфель, в котором какой-то прохвост смастерил тайник. И я его сразу же найду вам. Школа одесских контрабандистов, товарищ начальник,— это академия...

— Итак, вы нашли в туфлях Марины Васильевой тайник. Кто еще знает об этом?

— Почему вы задаете такие странные вопросы Аркадию Победоносенко? Кто приходил в этот дом, чтобы рассказать о встрече с Косоглазым? Кто, спрашиваю я вас? Кому одесские шмаровозы чуть не устроили в Измайлове темную за этот визит? Кому, спрашиваю я вас? У кого на спине рубец от ножевой раны и левая рука пошаливает? У кого, спрашиваю я вас?

И он поднялся с места, скинул пиджак, задрал рубашку:

— Вот он, рубец. Били и кричали: «Лягавый. Живым не быть тебе». Смотрите, товарищ начальник. И не задавайте Аркадию Победоносенко странных вопросов.

Птицын подал стакан воды.

— Выпейте, успокойтесь... Всѐ это нам известно. Я знакомился с вашим делом. Потому и сказал, что ждал вас и верил вам. Вы, видимо, превратно поняли мой вопрос. Ведь могло случиться, что в комнате, где вы, по вашему выражению даете левый вираж, находился еще кто-то.

— Никого. Я живу один и работаю ночью. Повторяю — для души. Это как у алкоголика. Обнаружив тайник, я сразу понял: «Аркаша, дело жареным пахнет. Это тебе не контрабанда». И еще, товарищ начальник, хотел бы обратить ваше внимание на одно удивительное совпадение.

Победоносенко достал из кармана подаренную ему шофером заморскую коробку от сигарет, раскрыл ее и протянул Птицыну.

— Смотрите. Вам что-нибудь говорит эта цифра?

— Давайте с вами условимся, Аркадий Семенович: в этой комнате вопросы задаю я, а вы отвечаете на них.

— Простите, память короткая. Вы меня уже однажды предупреждали...— Победоносенко смутился и стал барабанить пальцами по столу.— Я вас слушаю, товарищ начальник, какие будут вопросы?

— Откуда к вам попала эта коробка?

— Подарок дружка, шофера такси. Он знает, что я коллекционирую папиросные коробки. Так вот...

И Победоносенко рассказал Птицыну все, что узнал от дружка-таксиста.

— И вот извольте — бывают же такие совпадения. Однажды шофер увидел эту женщину во дворе дома, где живет Победоносенко. Он поджидал друга на скамеечке. И вдруг замечает, как из подъезда выходят две стройненькие девушки и одна из них — та самая, что на такси с милым своим под Можайск катила. А навстречу им Аркадий Семенович шествует и галантно раскланивается с ними. Таксист не помнит, как это случилось, но в тот день он забыл спросить про девушку. Да и ни к чему она ему. А вчера, когда коробку дарил, вспомнил, хотя и был в состоянии крепкого подпития.

— Бывает же так, товарищ начальник. Говорят, алкоголь обостряет умственную деятельность...

— Возможно... Правда, мне самому не приходилось проверять сию мудрость.— Птицын сдержал насмешливую улыбку.

— Пойдем дальше. Много лет назад вы расстались с Косым. Помните, конечно, такого?

— Ефима Михайловича Плешакова?

— Это его настоящая фамилия?

— Кто его знает, как в метриках записали. На Дерибасовской Косым звали...

— Так вот, вернемся к первому моему вопросу: когда вы в последний раз видели Косого?

Победоносенко насупился, даже скис как-то.

— Видел несколько лет назад. На очной ставке. А слышал о нем не далее как на прошлой неделе. Есть у нас общий знакомый по Одессе. Заходил ко мне и говорил, будто на ВДНХ видел Косого в толпе гуляющих. При-

скорбно, но факт. Не могу знать, как занесло его сюда — то ли срок кончился, то ли в бегах. Замечу, однако, товарищ начальник, что побаиваюсь, как бы этот тип со мной чего не сотворил,— и у сапожника слегка задрожал голос.— Мужчина он хоть и вальяжный, но темпераменту перебор имеет. Второй раз,— скажу вам по совести,— встретиться с ним очень неприятно...

— Вы можете не беспокоиться, Аркадий Семенович. Соответствующие меры будут приняты. А теперь еще один вопрос: где работает ваш приятель таксист?

Победоносенко назвал номер парка.

— Ну, что же, Аркадий Семенович, спасибо и до свидания. Договариваемся вот о чем: вы подождите в приемной, вам принесут туда туфли, и вы должны привести их в первородное состояние. Чтобы никаких следов. Туфли не спешите возвращать хозяйке. У вас есть телефон? Отлично. Вам позвонят. Тогда вы тотчас же отнесете туфли. И, конечно, ни гугу. Ясно? Можете идти. Впрочем, последний вопрос.

— Слушаю.

Птицын испытующе смотрит на Победоносенко, словно заранее сомневается в правильности его ответа.

— Знаю, что, возможно, и обижу вас своим вопросом, но не задать его не могу: зачем вы ездили вчера в Архангельское?

Победоносенко тяжело вздохнул:

— А говорите, что верили мне, ждали меня...

— Можете не отвечать на этот вопрос, если он вам неприятен. Итак, мы с вами договорились.

— Нет, нет, мы еще не договорились. Вы будете слушать Аркадия или что? Победоносенко будет рассказывать вам про Архангельское, про тетю Фросю, которая была для моей покойной супруги больше, чем сестра ее мамы. Если бы вы видели, как эта старая женщина боролась с костлявой, стоявшей у изголовья моей Тани. Разве может Аркадий Победоносенко забыть такое! И он регулярно раз в неделю ездит в Архангельское к тете Фросе, которая торгует путеводителями, открытками всякими. Раз в неделю он привозит тете Фросе ее любимые конфеты. Есть еще вопросы к Аркадию Семеновичу?

— Нет... Вы не сердитесь. У нас служба такая. Бывайте здоровы.

...В ожидании туфель сапожнику пришлось задержаться в приемной.

Птицына интересует — в какой стране, какой фирмой сделаны эти элегантные туфли. Но эксперт, исследуя сохранившиеся на стельке три (из скольких?) золотистые буквы и стертые очертания какого-то фирменного знака, сразу ответа дать не может. И только перелистав множество каталогов, альбомов зарубежных обувных фирм, смог, наконец, назвать и страну и фирму. И указал при этом в заключении: «В СССР обувь не поставляет».

...Так, ясно,— значит, Марина не могла купить эти туфли в Москве, значит, кто-то привез ей. Подарок от Эрхарда? Или купила у кого-то? А может?..

А если Марина отдавала в починку чужие туфли? Чьи? И еще.

Тогда во дворе сапожник раскланивался с Мариной. Но таксист в равной мере мог решить, что поклон адресован Ольге... И снова — Ольга или Марина?

...Из Подмосковья Птицын вернулся к вечеру. Ему без особого труда удалось установить «биографии» и остальных адресатов: все они были на приеме у старого, заслуженного врача Веры Павловны в те дни, когда Ольга проходила у нее практику. Они обе вели прием, и студентка могла, конечно, запросто списать адреса приглянувшихся ей пациентов.

Значит, Ольга? А как быть с злополучными туфлями? И еще одно обстоятельство: сообщение Серго, разыскавшего таксиста. Ко всему тому, что уже было известно из рассказа Победоносенко, шофер добавил некоторые детали. «Прибалты» ехали в гости в каким-то знакомым. По дороге несколько раз останавливались, любовались природой, фотографировали друг друга, у речки задержались. Шофер не может утверждать с абсолютной точностью, но ему показалось, что мужчина набрал в бутылку воду. Папиросную коробку он нашел вечером, вернувшись в парк. Она забилась в угол заднего сиденья. Когда была сделана запись, на каком участке пути,— сказать не может. Не заметил. Что касается существа самой записи, то ее легко удалось расшифровать — номер военной машины. Есть основание считать, что она встретилась «прибалтам» в пути.

Серго попытался с помощью таксиста нарисовать словесный портрет женщины, и получалось что-то похожее на Марину — нос, глаза и...

Его прервал Бахарев — он находился здесь же, в кабинете Птицына.

— Это была не Марина. Я решительно утверждаю...

Сказано это было Бахаревым тоном категорическим, что случалось с ним не так часто. Птицын даже несколько удивился.

— Что с тобой?.. «Утверждаю», «решительно утверждаю»?

— И тем не менее я утверждаю.

— Только учти, что есть такая опасность: оставаясь при своем мнении, можно остаться в одиночестве...

— Постараюсь избежать такой опасности. Так вот... Видимо, наш друг Серго, собирая материал для словесного портрета, был одержим навязчивой идеей: Марина, та самая, с которой он сидел за одним столом в ресторане. А я выдвигаю другую и, на мой взгляд, весьма основательную версию — Ольга, та самая Ольга, которая на студенческом вечере постаралась замять явно нежелательный для нее разговор о поездке с мужем в Можайск в гости к однокурснику. Почитайте мой соответствующий рапорт. Я вам докладывал, Александр Порфирьевич, как рыжеволосый парень говорил Ольге о ее супруге Германе, который попросил у него путеводитель по Бородино. Вспомнили? Так вот, разрешите провести вторичный опрос шофера...

Через час Бахарев вернулся от таксиста. Из пяти предъявленных шоферу фотографий, в том числе и Марины, таксист сразу выбрал карточку Ольги. Более того. Сравнительный анализ почерка иностранной студентки — Бахарев уже давно заполучил фотокопии институтских работ Ольги и Марины — и человека, сделавшего запись на папиросной коробке, подтвердил полную их идентичность.

Поздно вечером на квартире у Птицына раздался телефонный звонок. Звонил Бахарев.

— Прошу прощения за беспокойство в поздний час. Не удержался, Александр Порфирьевич! Спешу доложить,— у него даже задрожал голос,— туфли с тайником принадлежат Ольге. Подробности завтра утром. Спокойной ночи.

Для Николая она, однако, была не спокойной. И чем ближе развязка дела «Доб-1», тем острее ощущалось, как к приятному чувству примешивалась неясная тревога. Марина! Она оставалась загадкой даже после того, как се-

годня снята была столь тяжелая гиря с чаши ее весов — злополучные туфли с тайником. Однако не все гири сняты. А встречи с туристом, Кох, Зильбер? А приветы и подарки отца? Почему она, так много рассказавшая ему о своей жизни, утаивает эти страницы биографии? Что тут — страх, малодушие или нечто посерьезнее? Эта девушка хлебнула в жизни много горя — его хватило бы на пятерых. Но горести не подавили в ней ни ума, ни силы характера. И того и другого природа отпустила ей вдоволь. Так в чем же дело? Складывалась весьма сложная и запутанная схема взаимоотношений Марины со всеми теми, кто оказался в кругу причастных к «Доб-1», к листовкам в студгородке и Подмосковье. Схема эта находилась в состоянии неустойчивого равновесия, и каждый день появлялись новые обстоятельства, тянувшие то в одну, то в другую сторону...

Бахарев вышел из будки телефона-автомата, подошел поближе к дому Марины, глянул вверх. Как светлячок, мелькнуло в темноте Маринино окно. Не спит. Что делает, ершистая?

Вспомнил их сегодняшний спор. Начался он с тем литературных, с обмена мнениями об одной из новинок в толстом журнале, а кончился дискуссией на темы политические — что такое демократия? В разгар словесной перепалки Марина совершенно неожиданно дала «залп» афоризмом: «Мало иметь убеждения, нужно еще и уметь убеждать». И тут же весело рассмеялась.

Николай насмешливо спросил:

— Как прикажете понимать вас, сударыня,— полное согласие с убеждениями Бахарева, который, однако, не мастак убеждать других? Вы жестоко ошибаетесь, сударыня.

Потом они болтали о всяких разностях. Бахарев принес Марине польский журнал мод и, когда зашел спор о модах и модницах, Николай Андреевич решил: теперь самое время сделать тот самый ход, что подготовлен и разработан им был вчера вместе с Птицыным.

— Я глубоко убежден, Марина, что с модой бороться бесполезно. Она всесильна и покоряет всех... Представь, не далее, как полчаса назад у вас во дворе встречаю знакомую, Анну Петровну, из издательства... Пожилая, скромно одетая женщина, которую никак не причислишь к модницам. И что же оказывается: буквально помешана на модных туфлях... И в починку отдает их только какому-то своему, особому частному мастеру... Он в вашем доме жи-

вет... Анна Петровна уверяет, что это художник, маг...

Что скажет сейчас Марина? Как будет реагировать? Отмолчится и, возможно, потом попытается проверить Бахарева? На этот случай Птицын предупредил сапожника: «Если кто-то поинтересуется — «есть ли среди ваших клиентов Анна Петровна?» — Отвечайте: «Да, есть такая...» Но она не отмолчалась.

— Твоя знакомая права. Это действительно маг. Прекрасный мастер. Кстати, хорошо, что ты напомнил о нем. Чуть не забыла. Я отдала ему в починку Олины туфли...

У Бахарева перехватило дыханье. А Марина продолжала, но теперь уже с раздражением:

— Недавно звонила, просила забрать их у сапожника... Экая барыня! Говорит: «Если ты не занята, привези их мне, пожалуйста». У нее, видите ли, семинар, а туфли срочно понадобились. Я ей говорю, что не могу, жду тебя, а она: «Очень приятно видеть тебя вместе с Николас».

Радость распирает его, хочется немедленно позвонить Птицыну, сообщить, что туфли с тайником принадлежат вовсе не Марине, а Ольге... Но лицо его должно выражать полное безразличие ко всему, что только что было услышано. А Марина куксится.

— Придумала барыня — семинар у нее. Ты поедешь со мной? Я не настаиваю. Ну, если ты ничем не занят, тогда другое дело. На, почитай «Литературку», а я спущусь вниз к сапожнику за туфлями.

...Ольга встретила их радушно. Держалась легко, непринужденно, все время щебетала, расточала улыбки, говорила, что очень рада видеть вместе с Мариной Николаса. На столе появились кофе, печенье, конфеты.

Вскоре пришла Герта, чуть позже — Владик. Он чувствовал себя здесь как дома. Приехал прямо из института. И оживленно рассказывал про какого-то крупного ученого математика. В «студенческих кулуарах» о нем говорят, как о «ниспровергателе основ, бунтаре».

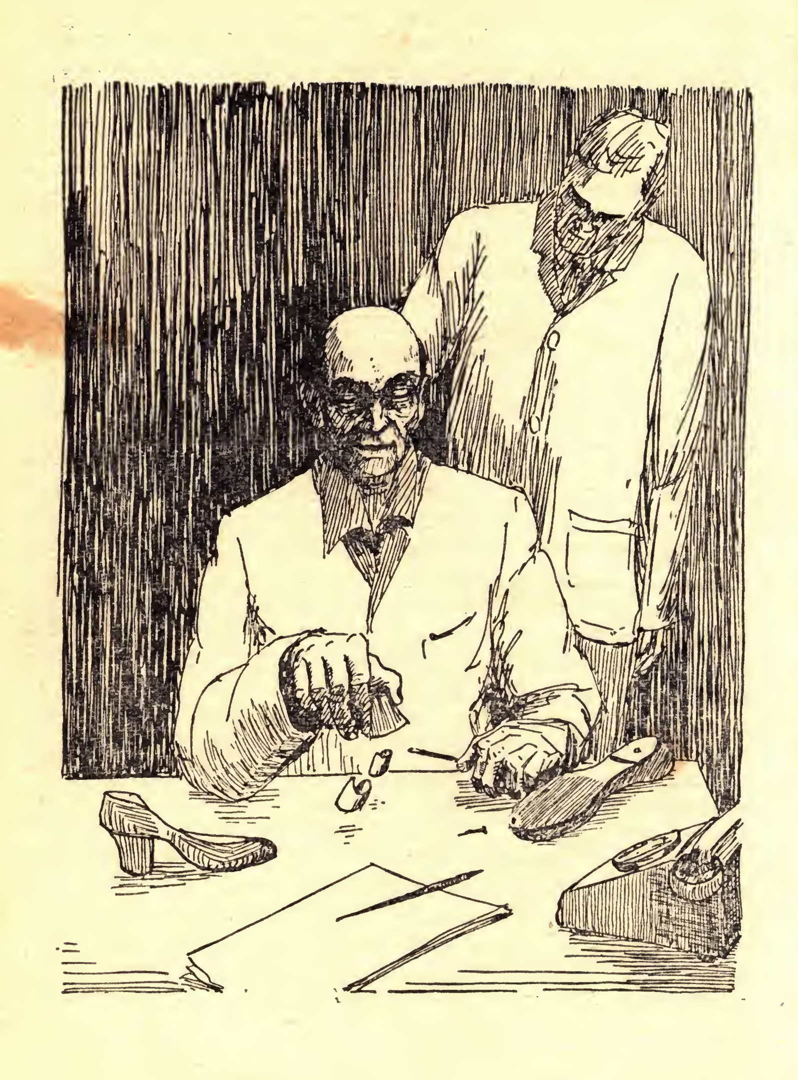
— Чем же он недоволен? — спросил Бахарев.

Владик удивленно посмотрел на Николая, словно тот задал очень глупый вопрос.

— Сопротивлением материалов...

— Простите, не понял. Это каламбур?

— Нет. Профессор считает, что гайка завинчена чрезмерно туго, без учета предела прочности. Профессор — сторонник некоторой демократизации жизни... Надо ослабить гайку.

— А-а-а. Бывает, бывает. Возможно, у профессора есть для этого основания. Говорят, что у летающей мыши тоже есть своя особая точка зрения на проблемы реактивной авиации.

— О, не надо политики, умоляю вас, друзья,— Ольга подняла руки.— И поменьше дебатов. Надо находить общий язык. Владик, ну что ты со своим профессором носишься? Кому это интересно?

— Тебе. Ты же сама спрашивала меня, не знаю ли я такого ученого...

Владик не слышит, как Ольга ворчит — «Несусветный бред. Он меня спутал с кем-то»,— и продолжает:

— Так вот, недавно я подружился с математическим отпрыском. Сынок очень гордится смелостью отца. Говорит, что отец любит правду-матку резать и никого не боится. А кого, собственно, ему бояться? Ивана Петровича уважают крупнейшие ученые мира. Через неделю он едет за границу на какой-то большой симпозиум. Не то в Австрию, не то в ФРГ.

— Владик, я прошу тебя, оставь нас в покое с этим математиком. Поставь лучше какую-нибудь хорошую пластинку. Давайте потанцуем, мальчики...

Владик ставит свою любимую пластинку и подхватывает Герту. А Бахарев в обществе Ольги и Марины ведет разговор о том о сем, а по существу ни о чем. Девушки жалуются на большую учебную нагрузку: почти не остается времени для развлечений.

— Это никуда не годится. Так нельзя. Кстати, что вы собираетесь делать в воскресенье?

— Студентам трудно далеко заглядывать,— ответила Ольга.

— Я за вас решил. В воскресенье мы едем на ВДНХ. Гарун аль Рашид дает обед. Согласны?

Первой откликнулась Ольга:

— Конечно, согласны. Марина, а почему ты молчишь? Гарун аль Рашид может и раздумать. Не так ли?

— Да, он такой. На него это похоже,— Бахарев подошел к Марине поближе:— Так как, Марина? Договорились?

— Если это тебе доставит удовольствие, то считай, что договорились.

...Пластинка продолжала крутиться и вместе с ней Владик с Гертой. Ольга погасила верхний свет, включила торшер, бросивший мягкий свет на журнальный столик.

Тут лежали журналы «Смена», «Здоровье», «Наука и жизнь». И два-три номера «Медицинской газеты».

— Вы все это выписываете, Ольга?

— Нет, не все. Не хватает времени проглатывать так много информации. Я выписываю «Здоровье», Герта — «Науку и жизнь». А «Медицинскую газету» просматриваем в институтской библиотеке. Если заинтересуюсь какой-нибудь статьей, прошу этот номер газеты у тети Ани, Марининой мамы...

Бахарев бросил беглый взгляд на газету. На белом поле — знакомое «Доб-1—38».

Легко представить, как учащенно забилось в это мгновение сердце Бахарева и как трудно ему было сохранить все то же приветливое выражение лица, не потерять дара речи. Все, кажется, становится на свои места...

К своему дому он приближался уже в полночь, многое передумав, взвесив, оценив каждый из сотен фактов, каждую из бесед, встреч, мимолетно оброненных фраз. Круг начинает замыкаться.

И снова все та же тревожная мысль:

«А что, если и Ольга и Марина? А что, если они действуют вдвоем? Как быть с ничем и никем не опровергнутой уликой: встречи с туристами, гонцами Эрхарда, хранятся в тайне».

Бахарев докладывал сразу Клементьеву, Крылову и Птицыну. Докладывал со всеми подробностями. Сообщал только факты, не комментируя, не делая выводов и, против обыкновения, старался говорить бесстрастно.

В заключение он положил на стол протокол повторного дактилоскопического исследования газеты, хранившейся в сейфе Птицына. Криминалисты сличили оттиски пальцев на газете и в разное время собранные Бахаревым оттиски пальцев Ольги, Марины, доктора Васильевой. Полное совпадение.

— Это все? — спросил генерал, когда в комнате наступила тишина.— А выводы? Предложения?

Бахарев волновался. Он не ожидал, что именно ему генерал задаст эти вопросы. Но он быстро овладел собой.

— Вывод таков: студентка Ольга — агент иностранной разведки. Прибыла в СССР с заранее подготовленным тайником в туфлях — надо полагать для хранения и пе-

ревоза через границу собираемых ею данных, интересующих вражескую разведку. В частности, ее интересовали номера военных машин, их маршруты.

Кроме того, занималась изучением настроений молодежи, главным образом студенческой. Есть основание считать, что она причастна к распространению антисоветских фальшивок в подмосковном городке. В поле ее зрения — ученый, крупный математик, который, видимо, по разным причинам интересует иностранную разведку. Что касается Зильбера, то направление его деятельности очевидно. Остается неясной роль той женщины, с которой он контактируется в Москве.

— Кого вы имеете в виду?

Бахарев слегка покраснел.

— Студентку Марину. Но при этом нельзя не учитывать и такой вариант: две подруги, Ольга и Марина, выполняя задания вражеской разведки, действуют совместно.

— Итак, что будем делать дальше? — спросил генерал.

Первым подал голос Крылов:

— Полагаю, что наступила пора арестовать Ольгу. А она уж прольет свет.

— Ваше мнение, Птицын?

— Пора такая, может, уже и наступила. Но я бы пока от ареста воздержался.

— И я тоже. Излишняя поспешность. Хочу обратить ваше внимание на следующие обстоятельства,— и генерал, взяв лист бумаги, вывел на нем жирную единицу.— Первое. Как могла Ольга, будучи разведчицей, отдать в ремонт туфли с тайником? Действие, лишенное всякого разумения. И далее. Ольге зачем-то срочно понадобились эти туфли. Зачем? Интересно было бы это узнать. По нашим сведениям, уезжать домой она пока не собирается. А Зильбер уедет через несколько дней. В чем тут дело? К сожалению, мы пока не можем ответить на эти вопросы. Второе обстоятельство,— и генерал вывел на листе бумаги двойку.— Зильбер присмотрел место тайника в Архангельском. Даже «прилепил» контейнер, а потом снял. Ружье должно выстрелить. Зильбер — человек весьма рассудительный. И третье обстоятельство: встреча Зильбера и Бахарева. Кто-то должен сообщить разведчику, что в воскресенье Бахарев будет на ВДНХ. Кто это сделает? Марина? Ольга? Мы должны знать, кто подаст Зильберу сигнал. И четвертое. Не по степени важности. Связной Зильбера —

толстый косоглазый человек, подбросивший газеты «Футбол» в студенческом общежитии. У нас есть его фотография, мы знаем и его биографию, а найти не можем. Между тем очевидно, что он должен выйти на связь с Зильбером. А возможно, и с Ольгой.

Генерал отложил в сторону белый лист бумаги с четырьмя цифрами.

— И если это так, то можно согласиться с Александром Порфирьевичем: не следует спешить с арестом Ольги. А что касается Зильбера, то вопрос о нем будет решен позже. Есть ли другие соображения? Вы продолжаете настаивать на аресте? — обратился он к Крылову.

— Нет.

— А вы, Николай Андреевич?

Бахарев ответил неопределенно.

— Пожалуй, не стоило бы...

— Значит, полное единодушие «большого совета». Отлично! Надеюсь, что в ближайшую неделю события начнут развиваться в более быстром темпе.

«Большой совет» еще не закончился, как раздался телефонный звонок.

— Слушаю. Так, так. Уже расшифровали? Молодцы,— генерал быстро перелистывает груду бумаг, находит нужную ему и бегло читает.— Одну секунду. Да, Ландыш. С нетерпением ждем. Несите немедленно.

В жизни Ландыша произошли серьезные перемены. Прежняя, молодая, хозяйка дома вышла замуж за коммерсанта и отбыла в недалекие края, продолжая, однако, свою деятельность на поприще разведки.

В особняк прибыла молодящаяся дама, далеко перешагнувшая за пятьдесят. Карл представил ее как свою тетушку Элизабет. Она с успехом заменила племянницу — и как хозяйку дома и как разведчицу. Тут-то и появились неожиданные осложнения в работе Кати. В прошлом красавица, Элизабет и сейчас привлекала нужных ей людей былым своим искусством кружить головы. С годами потускнела, поблекла красота ее тела, но — увы (увы прежде всего для Кати) — в ней сохранилось любовное неистовство. Страшно взбалмошная, она начала побаиваться Ландыша: соперница! Бывавшие в доме гости — заморские и местные — все чаще заглядывались на миловидную Катрин, что приводило в бешенство мадам Элизабет.

Избалованная вниманием мужчин, тяжело переживающая неумолимую кару времени, она жестоко мстила всем, кто хоть как-то подчеркивал увядание ее красоты. Стоило Кате показаться в гостиной, когда там были гости, взгляд глубоко запавших серых глаз Элизабет обшаривал «домоправительницу» с ног до головы. И если бы она не побаивалась племянника — хозяином-то все же был он, и все связи с резидентами шли через него,— то совсем худо было бы Ландышу. А Карл доверял «домоправительнице», активно привлекал ее к разным операциям, не обращая внимания на причуды тетушки. Катя чувствовала неприязнь Элизабет, догадывалась, в чем дело, но надеялась, что разум этой умной, волевой разведчицы возьмет все же верх над неистовством чувств. Но, увы, когда бушуют женские страсти, разум частенько меркнет. Элизабет казалось, что даже застенчивая улыбка Кати — западня для мужчин.

Все эти обстоятельства поставили Ландыша в условия чрезвычайно сложные. Карл привлекал ее «к делу», а Элизабет под любым предлогом оттесняла. Так продолжалось до тех пор, пока хозяйке не пришла блестящая, по ее мнению, идея. Как-то она сказала племяннику, что пора предоставить Кате работу с более широким полем деятельности. Она должна поступить переводчицей в организацию, обслуживающую иностранных туристов.

— А почему бы не поручать ей время от времени,— предложила Элизабет,— сопровождать группы наших туристов, отправляющихся в СССР? Не считаешь ли ты, что здесь будет больше смысла?

Карл согласился. «Резонно, тетушка...» Но тут же оговорил право на использование Кати и для других поручений. Элизабет презрительно усмехнулась.

— У тебя дурной вкус, племянник...

Карл вспылил. Они два дня не разговаривали друг с другом. И Катя со страхом наблюдала, чем все это кончится. Кончилось, однако, победой Карла, ибо в мире бизнеса — последнее слово за тем, кто платит.

Катя с семьей переехала в квартиру — в центре города, недалеко от особняка Карла. Она стала гидом-переводчиком, не очень-то обремененным трудовыми заботами. Но по-прежнему часто бывала в доме Карла. Предлог был найден самим Карлом и вполне подходящий: хозяин хочет в совершенстве изучить русский язык.

И вот первое задание Кате. О нем речь идет в гостиной, где собрались Карл, Катя, Эрхард. А в центре всеобщего внимания — лысый сухощавый джентльмен с протезом вместо левой руки. Собственно, сейчас хозяин уже не Карл, а этот джентльмен, хотя он не очень стремится быть в центре внимания, предпочитает оставаться в тени и оттуда командовать теми, кто будет таскать для него каштаны из огня. Ландыш впервые присутствует в гостиной в качестве человека, которого готовят к серьезному заданию. Карл представил Катю. Разговор зашел о русском ученом — математике, весьма интересовавшем лысого.

— Да, очень перспективный человек,— заметила тут же Катя, встречавшая фамилию ученого в русском научно-популярном журнале.— Это один из одаренных математиков, работающий в области радиоэлектроники.

Джентльмен многозначительно посмотрел на Катю, одобрительно улыбнулся Карлу: «У вас смышленая помощница». А Катя, словно не заметив, продолжала:

— С какой точки зрения вас интересует этот ученый, господа? Его исследования?

— На сей раз нас интересуют не только его исследования, но и его идеи. Так сказать, мировоззрение. Прошу прощения, что прервал вас,— и человек с протезом почтительно склонил голову в сторону Кати.— Наше внимание несомненно привлекут его исследования военно-прикладного характера. В данный момент нас весьма интересуют его политические настроения, необычные для советского ученого взгляды на устройство общества... Будем трезво оценивать обстоятельства, господа: вся эта философская эквилибристика наших достопочтенных кремлеведов — «единое индустриальное общество», «конвергенция», «эволюция равновесия сил», «деидеологизация»,— увы, пока не дает ожидаемых дивидендов... Вы согласны, господа? — И, не ожидая ответа, жестко отрезал: — Итак, к делу.

План операции обсуждался тщательно, с разными вариантами, с разными действующими лицами, с учетом условий, сложившихся в Москве. И тут Катя впервые услышала об иностранной студентке, которая учится в советском медицинском институте. Медичкой — такова ее кличка — подготовлены важные для разведки материалы, которые она должна была доставить сюда лично. Среди этих материалов — данные об интересующем разведку ученом: его сын дружит с любовником Медички. Находя-

щийся сейчас в Москве Зильбер действует в тесном контакте с Медичкой. Она помогла ему связаться с весьма полезным человеком по кличке Толстый — он проживает в маленьком городке центра России и в столице появляется с командировочным удостоверением коммерческого директора какого-то учреждения, занятого сбором утильсырья.

Зильбер отправлен в Москву со свободной и широкой программой действий, нацеленной в первую очередь на молодежь. Многое зависит от беседы с Медичкой, исподволь изучающей настроения своих сверстников. Возможный вариант: установление контакта, желательно как можно более тесного, с советской студенткой, мать которой в свое время была репрессирована. Зовут студентку Марина,— и тут Ландыш не скрывает своего изумления,— Марина, дочь Эрхарда! Ландыш, полагая, что это сообщение вызовет особенный интерес, передает некоторые подробности психологического порядка.

Эрхард был несколько обескуражен, когда человек с протезом повел разговор о Марине. Самодовольный, полный сознания значимости своей персоны в штаб-квартире разведчиков, он как-то сразу сник, едва зашел разговор о его дочери. Немец уныло смотрел на человека с протезом, когда тот, обращаясь к Ландышу, наставлял:

— Если упомянутого советского ученого русские, несмотря на его вольнодумство, все же отправят в заграничный вояж, вам надлежит поработать с ним в качестве переводчицы и...— на лице джентльмена появилась похотливая улыбка.— Вы сами знаете свое оружие, мисс Катрин. Но возможен и такой вариант: русские не пошлют математика на симпозиум. И тогда мы отправим вас в Москву вместе с туристской группой студентов-математиков. Вам надлежит, мисс Катрин, найти ход к профессору, действуя в контакте с Медичкой, используя собственные возможности и связи. Кажется, ваш дядюшка что-то преподает в университете?

Человек с протезом, не ожидая ответа, поднялся с места, окинул взглядом сидевших за столом.

— Я хотел бы, господа, обратить ваше внимание на одну категорию советских людей, имевших родственников за рубежом или связанных родственными узами с репрессированными. Как вы знаете, теперь наступила «оттепель» — так, кажется, принято сейчас писать о России. Повышенная подозрительность уже не в моде. Ее пуб-

лично осудили. И мы не можем не воспользоваться этим обстоятельством.— И он снова повторил:— Я имею в виду эту самую Марину, дочь врача...

И тут Эрхард взмолился. Кто знает, какая струна зазвенела в его душе.

— Сэр, я буду иметь честь убедительно просить вас оставить мою дочь вне поля вашего... Простите, вне поля нашего зрения...

Сэр иронически улыбнулся:

— Вы слишком сентиментальны, господин Эрхард. Нас не интересует, кто является отцом девушки, которая сможет помочь человечеству. И не надо больше напоминать мне об этом.

И тоном, не терпящим возражений, объявил:

— Итак, господа, вариант первый: профессор приезжает на симпозиум. Мисс Катрин знает, как ей в этом случае действовать. Об организации дела позаботится Карл. Вариант второй: профессора не послали за границу на симпозиум. Госпожа Катрин с группой туристов — студентов-математиков едет в Москву. За организацию дела отвечает господин Карл. Более детальные инструкции, пароль, явку мисс Катрин получит накануне отъезда...

— Все?

— Все, Василий Михайлович.

— Сообщения весьма полезные. Главные действующие лица находятся под нашим наблюдением. Вот только Толстый... Надеюсь, Александр Порфирьевич, что ваша группа сумеет найти его след. Прошу вас сегодня же разработать план действий оперативных сотрудников. Ну что же, все, кажется, ясно...

— За исключением одного темного пятна,— заметил Бахарев.

— Что вы имеете в виду, Николай Андреевич? — спросил генерал, хотя отлично знал, о чем пойдет речь.

— Марина... Нам до сих пор неизвестно, чем закончилась беседа Зильбера с ней...

— А ваше мнение каково? Нам важно знать вашу личную оценку линии Зильбер — Марина,— генерал нажал на слово «личную».

Бахарев молчал. Он сидел в углу комнаты, упершись взглядом в карту, что висела на стене, словно искал там ответа.

— Так что же, товарищ Бахарев,— настаивал генерал.— Я повторяю — нам важно знать вашу оценку линии Зильбер — Марина. Смог «турист» одолеть этот барьер или нет?

Бахарев перевел взгляд с карты на генерала:

— Я лично допускаю такое... Может, и смог,— Бахарев говорил непривычно медленно, словно каждое слово процеживал сквозь сито.— У девушки сумбур в голове. И к тому же до сих пор, хотя прошло уже немало времени, она продолжает пребывать в состоянии некоторой озлобленности. От озлобленности до преступления — один шаг.

— Насчет одного шага это вы правильно изволили заметить. На такой шаг противник тоже рассчитывает. Не знаю, сделан ли уже этот шаг. Нам не следует забывать, что отчим Марины был и есть агент иностранной разведки. Через лиц весьма подозрительных шлет дочери подарки. Дочь не может не догадываться, чем занимаются все они и чего добиваются от нее. И не считает нужным заявить об этом кому следует... Тут, знаете ли, есть над чем призадуматься.

Василий Михайлович насупился, словно именно в этот момент он как раз и призадумался.

— Теперь о сумбуре в голове девушки. Лично я стою тут за абсолютную монархию, за царя в голове...— улыбка тронула его губы.— А Зильбер и рад этому сумбуру. Между тем нам до сих пор неизвестно, сумел ли Зильбер воспользоваться обстоятельствами, которые облегчают его работу, сумел ли выполнить задание центра относительно Марины?

В разговор вступил Птицын.

— Я не спешил бы с категорическим ответом на такой трудный вопрос. Картина складывается противоречивая, порой запутанная...

— Согласен... Ваши предложения?

— Усилить наблюдение за Зильбером — Ольгой, настойчиво продолжать выяснение линии Зильбер — Марина... Со всеми ее ответвлениями.

— Согласен. Однако позволю высказать пожелание. Это не требование... Пожелание... Думается, что нам небезынтересно узнать степень стойкости сумбура в голове девушки, в какой мере она поддается влиянию человека, который захочет навести там небольшой порядок. Попытайтесь, Бахарев; задание, конечно, не главное, но немаловажное.

...Задание генерала — для Бахарева повод к серьезным раздумьям. Бахарев мысленно ведет разговор с Клементьевым. «Вы уверены, что расчеты Зильбера и иже с ним строятся лишь на таком фундаменте, как политические настроения Марины, как незарубцевавшаяся ее рана?» «Нет, не уверен,— отвечает генерал.— Но думаю, что среди других факторов и этот взят противником на вооружение. И занимает не последнее место в расчете. Значит, надо проверить: правилен ли их расчет? Ясно?»

Генерал был близок к истине, когда говорил о хаосе в Марининой голове. Поди разберись... Но ведь всякий раз, если кто-то смел атаковать, как говорится, основу основ, Марина, словно коршун, обрушивалась: «Не тронь!» Бахарев однажды с наслаждением наблюдал ее в такой яростной контратаке против Владика.

— Это ты уж не тронь, пожалуйста, Владик. То, что моя мама, дочь санитарки из захудалой сельской больницы, могла только благодаря Советской власти стать врачом,— неоспоримый факт. И то, что мамина сестра, в прошлом батрачка и кухарка, при Советской власти председателем райисполкома была,— это тоже факт. И тоже неоспоримый. И ты полегче насчет коллективизации. С моей мамой поговори, она тебе расскажет, как жила их деревня до колхоза. Тут, Владик, мы с тобой драться будем...

А через несколько минут она столь же яростно спорила с Бахаревым по поводу статьи, объективно анализирующей события первых месяцев войны.

На следующий день Марина пригласила Николая на концерт: «У мамы абонемент в зал Чайковского. А сегодня у нее неожиданное дежурство».

В программе концерта любимый Бахаревым Шопен. И, возвращаясь домой, он восторженно говорил Марине о шопеновской музыке, о полонезе, пробуждающем в душе его что-то трепетное, не передаваемое словами. Каждая нота звучит, будто зов сердца композитора, высекая огонь из души.

С этого, кажется, и начался их спор. Они сошлись на том, что симфоническая музыка в программах радио и телевидения, увы, все еще пребывает на положении падчерицы, а за попытки создать джазовые варианты фортепианного концерта Чайковского надо ссылать на необитаемый остров без права переписки... Но когда речь зашла о пошлости в эстрадной музыке, о примитиве во

многих, к сожалению, ставших популярными, туристских и студенческих песнях, Марина вдруг взвилась.

— Почему молодежи отказывают в праве самой решать, что хорошо, а что плохо. И в поэзии, и в живописи, и в танцах, и в музыке... Почему нельзя спорить о вкусах? Когда же, наконец, исчезнет перст указующий?

Разговор переключился в сферу отнюдь не музыкальную. Марина бушевала.

— Весной нынешнего года наш старшекурсник написал туристскую студенческую песню. И слова и музыку. Я допускаю, что песня эта не без пошловатого налета. Есть в ней куплеты с подтекстом, с гнильцой... Но ведь автора на всех собраниях прорабатывали. Фамилия его стала нарицательной. Кто-то потребовал исключить парня из института. Но это уже... Слов не нахожу... Не нравится песня? Не пойте. Запретите ее петь на студенческих вечерах. Но шум такой к чему? Об авторе и его песне мало кто и слышал. А тут по всему институту слухи пошли... Да и не только по институту. Ну, что молчишь?

— Как эта песня называется?

— «Заря».

— А-а-а! «Заря»! Я кое-что слышал о ней. Как-то в одной компании профессор рассказывал про ту песню. Она, кажется, стала гимном клуба «Заря».

— Коля, прости меня, но ты какую-то ахинею несешь. Что за клуб?

— Самый настоящий клуб. Автор песни и еще девять молодых балбесов из других институтов решили создать клуб «Заря». Со своим уставом. Главное в этом уставе: «Наше кредо — свобода мнений и вкусов». Фокусники слова... Жонглеры... Между прочим, эти «борцы за свободу мнений» выпустили рукописный журнал, в котором есть вирши, принадлежащие автору «Зари». Я слышал твой разговор с Владиком о маме и колхозах. Так вот, Мариночка, в тех виршах коллективизация поэтическими образами дана в сравнении с реформой 1861 года...

— Ты разговариваешь со мной, как с глупой девчонкой... Речь шла о музыке, о легком жанре, о праве молодежи на свои песни, а ты привел ни к селу ни к городу какой-то клуб, коллективизацию. Меньше всего я ожидала этого от литератора Бахарева.

— Ты не сердись. И клуб и коллективизация — все это и к селу и к городу. Началось с туристской пошловатой песенки, а кончилось виршами против Советской власти...

— Мой собеседник не отдает себе отчета в том, что он говорит.

— Отдаю... Ты, Мариночка, не то чтобы уж совсем невежественна в некоторых вопросах нашего бытия, но, как говорится, не совсем, что ли, разбираешься в сложных деталях архимудрой социальной науки. Между прочим, Чайковский писал, что ни музыка, ни литература, ни какое бы то ни было искусство в настоящем смысле этого слова не существуют просто для забавы. Они отвечают куда более серьезным потребностям человеческого общества. Гендель мечтал о том, чтобы его музыка делала людей лучше. Но это так, к слову. Мы отвлеклись от истории с песней «Заря», точнее — от продолжения этой истории... Так вот, этот самый клуб молодых свободолюбов...

— Я впервые слышу о нем. Неужели все так было?

— У меня нет оснований не верить рассказу профессора. Солидный дядя... Девяносто килограммов,— и он улыбнулся, вспомнив Птицына, в свое время беседовавшего со взбалмошными юнцами из несостоявшегося клуба «Заря».

— Ну и прохвост,— в сердцах воскликнула Марина.

— Кто, профессор?

— Да нет же, автор «Зари». И вообще вся эта гоп-компания.

Бахарев мысленно отметил, что первая «разведка боем», пожалуй, дала кое-какие результаты.

Птицын получил одновременно несколько сообщений оперативных работников, действовавших под его началом в группе «Доб-1». Ни одно из этих сообщений не привлекло внимания полковника — ничего нового к тому, что уже известно. Есть детали, подтверждающие и без того бесспорные выводы.

И вдруг — черепашка вылезает из-под панциря!

...Она долго прогуливалась в Архангельском, свернула на уединенную зет-аллею — так она обозначалась в деле «Доб-1», села на скамейку под ивой, оглянулась и, убедившись, что кругом безлюдно, стала прилаживать контейнер: видимо, Зильбер лучшей скамейки так и не нашел.

Доставленная Птицыну фотография девушки и фотокопия шифровки, которую она положила в контейнер, не оставляли сомнений: Ольга!

С ключом к шифру пришлось основательно повозиться. И все же ключ удалось найти. Записка предназначалась Зильберу — девушка явно побаивалась личных встреч.

Разведчица сообщала, что в воскресенье Марина и Бахарев отправляются на ВДНХ. Там же, вероятно, они будут обедать в одном из ресторанов. Ольга в понедельник снова приедет в Архангельское, чтобы получить инструкции Зильбера после его встречи с Бахаревым на ВДНХ. Желательно уточнить: следует ли собранные ею и хранимые в разных местах материалы передать шефу через Зильбера или ждать ближайших зимних каникул, когда она сама поедет домой. Лично она считает более надежным второй вариант.

...С наступлением сумерек на той же аллее появился элегантно одетый толстяк. Раза два он неторопливо прошелся по аллее, а потом сел отдохнуть на скамью под ивой. Операцию изъятия контейнера он провел ловко и незаметно, так по крайней мере ему казалось...

К вечеру Птицын получил лаконичное сообщение: улица, номер дома и квартиры, куда толстяк проследовал из Архангельского. Хозяйка этой квартиры — Н. В. Вакулова. А через час пришло еще одно сообщение: более года назад по ходатайству одного из ученых Надежда Васильевна Вакулова была направлена на работу в научно-техническую библиотеку подмосковного филиала научного института. Покойный муж ее был научным сотрудником этого института.

Птицын тут же пошел к генералу. Надо было решать — арестовать Косого или повременить?

— Не будем спешить, Александр Порфирьевич. Арестовать Косого — значит подать Зильберу сигнал: «Спасайся, провалились!» Подождем... Согласны?

— Я того же мнения. Никуда он от нас не уйдет. Вот только с Вакуловой как быть. Она ведь черт те что натворить может...

— И все же подождем. Есть в этом резон.

Между тем турист продолжал атаковать Марину. Сегодня после обеда она виделась с Зильбером в Сокольниках, в парке.

В пять часов в кабинете Бахарева раздался телефонный звонок.

— Слушаю. Где вы находитесь? Вас понял. Будет сделано. Постараюсь.

Звонил Птицын из Сокольников.

О характере разговора Зильбера и Марины можно было догадываться лишь по выражению их лиц — невозмутимо спокойное, несколько ироническое у Зильбера, злое, испуганное, полное негодования — у Марины. Беседа длилась около получаса. Только что Марина ушла из парка. Бахарев обязательно должен повидать ее сегодня.

В пять тридцать Николай позвонил Марине. Дома он не застал ее. К телефону подошла мама, она была очень взволнована.

— Не знаю, что и думать, Марина снова в каком-то страшном трансе. Звонил ей все тот же бархатный голос. Спрашиваю Марину: «Кто это?» Отвечает раздраженно: «Знакомый». Тут же собралась и ушла. Недавно звонила и сказала, что работает в библиотеке. Обещала к восьми вернуться.

Поздно вечером Николай позвонил Александру Порфирьевичу домой. Позвонил только для того, чтобы сообщить: «Виделся. Разговор был недолгий. Она снова в состоянии нервного потрясения. Подробности при встрече».

Около девяти вечера Бахарев перехватил Марину на пути к дому и предложил погулять в ближайшем сквере. Стоял темный ненастный ноябрьский вечер. Шуршали опавшими листьями безлюдные аллеи. Но и тусклого света было достаточно, чтобы заметить бледность Марины. Такой она была и в тот вечер, когда он навестил ее после болезни. Теперь во взгляде мелькала тревога, желание что-то рассказать и боязнь не проговориться. И видно, как трудно дается ей это молчание. Попытки завести разговор не увенчались успехом.

— Мы так и будем молчать весь вечер? — спросил Бахарев.

— Если это тебе неприятно, мы можем разойтись по домам,— ощетинилась она.

И широким шагом направилась к выходу из сквера. Бахарев догнал ее, взял за руку.

— Не надо, Марина. Не сердись. Да будет вам известно, сударыня, что даже классическая школа Цицеронов признает право на существование такой разновидности красноречия, как... молчание. Вот я и пытаюсь «услышать» твое мнение. И «слышится» мне, как что-то невыносимо тяжкое легло на хрупкие плечи сударыни и сбросить это тяжкое не хватает у нее силы воли. Не так ли? Или у меня плохой «слух»?

— Ты о чем?

— О том, что на твоем хмуром челе начертано. Я ошибся?

Она ничего не ответила, подняла воротник пальто, взяла Бахарева под руку, и вот так, снова молча, они шагали по укрытому золотом осени асфальту. Вдруг она резко повернулась к Бахареву и сказала:

— Ты как-то похвалил меня, сказал, что я сильная. Это неправда, неправда. Безвольное существо, испугалась шантажа какого-то негодяя...

— Ничего не понимаю, Марина. Объясни, пожалуйста, что случилось?

Страх, смятение метнулись в ее глазах, она вдруг сникла, сгорбилась и, не поднимая головы, прошептала:

— Так, просто так. Разыгравшиеся нервы. Пустое все это. Пошли домой. Уже поздно...

Они направились к дому. Больше он не услышал от нее ни слова. Уже прощаясь, Бахарев напомнил о ВДНХ.

— Ты не забыла?

— Может быть, отложим на другое воскресенье?

— Но мы уже договорились с Ольгой, а она с Владиком. Нет, это неприлично.

— Неприлично. Гм! Неужели в мире, где столько подлости, еще существует такое старомодное понятие? Ну ладно. Договорились. Завтра на ВДНХ. Ты заедешь за мной? Буду ждать...

Они оба тщательно готовились к этой встрече — разведчик и контрразведчик — Зильбер и Бахарев. Стороны продумали все детали. Даже количество мест за столом.

В тот вечер, когда Николай был у Ольги, прощаясь с гостями, она спросила: «В воскресенье на ВДНХ — это твердо? Я надеюсь, что Гарун аль Рашид заранее позаботится о столике на четыре персоны?» «Конечно, Гарун аль Рашид хорошо знает свое дело». Так же хорошо он знает, что Ольга на ВДНХ не приедет: разговор должен быть в присутствии одной Марины. А столик — на четыре персоны. Все ясно: Зильбер попросит разрешения присесть за стол к «старым знакомым». Ну что же, здесь их планы не расходятся. Бахарев тоже не случайно приглашал Ольгу с Владиком. Ему тоже нужен повод заказать стол на четверых.

...Сервированный на четыре персоны столик стоит в углу большого зала. С полудня на белой скатерти лежит

серая картонка с магическим словом: «Занято». А над нею уже возвышается ваза с фруктами.

Все шло так, как и предполагал Бахарев. Часика полтора они гуляли по выставке. Воскресный день для конца ноября выдался ясный, теплый. В павильонах многолюдно, и Марина, по-прежнему хмурая, неразговорчивая, сказала, что ей надоела эта толчея, что она предпочитает быть на воздухе. Да и вообще пора идти к Большому фонтану, условленному месту встречи с Ольгой и Владиком. У фонтана их не оказалось. Ждали десять, двадцать минут, полчаса. Николай предложил позвонить из автомата в общежитие и спросить у Герты, давно ли уехала Ольга. Нашли автомат. Позвонили и выяснили: «Тысяча извинений. Страшно болит голова. Лежу в постели и глотаю какие-то пакостные таблетки. К тому же и у Владика неожиданное задание по институту».

Марина, не скрывая своей радости, передает Николаю телефонный разговор с Ольгой. «А чему, собственно говоря, она радуется,— тому, что будут только вдвоем, или тому, что задуманная ею (или ею и Ольгой) операция развивается успешно?» Мысль эта не дает покоя Бахареву-контрразведчику, а Бахарев-литератор весело откликается:

— Ну что же, раз так, шагаем в ресторан. Я чертовски голоден...

Столик на четыре персоны к их услугам. Официант, узнав, что второй пары не будет, так поставил два свободных стула, что каждому ясно — без согласия хозяев не подсаживайся.

Закуска, коньяк уже на столе, и постепенно хмурь исчезает с лица Марины. Ресторанное многоголосье, суетня официантов — народу полным-полно. Первая рюмочка коньяка, ласковая улыбка собеседника, рассказывающего что-то интересное и смешное, делают свое дело. Лед, кажется, тронулся. Марина уже смеется. Коля пересаживается поближе к ней, поднимает рюмку и предлагает тост:

— Я хочу выпить за свою проницательность и за твою силу воли. Я хочу быть правым. Ты — сильная, ты должна быть сильной...

— Раз должна — значит, буду. Хотеть — это быть. Так, кажется, говорили древние?

Они выпили, закусили, оба чмокнули от удовольствия, и вдруг рядом с их столиком, словно поднявшиеся откуда-

то из подземелья, появились двое сухопарых изысканно одетых мужчин. В одном из них Бахарев сразу узнал Зильбера. Турист мастерски изобразил на лице своем крайнее изумление.

— О, майн готт! Русские говорят — мир есть тесен. Я имел честь быть познакомлен с вами в «Метрополе». Мадемуазель есть сама грация в танце...

Лицо Марины перекосилось от бешенства. Николай мельком взглянул на нее и тут же подумал: вот, пожалуй, и ответ на твой вопрос, товарищ Бахарев: чему радовалась Марина? Он никогда не видел ее в таком состоянии — сейчас Марина, кажется, готова на любую акцию, ничто и никто ее не удержит, надо поспешить как-то самортизировать «удар». Он поднялся со своего места и, улыбаясь, продолжал разговор стоя.

— Ты узнаешь, Марина, своего партнера? У господина... Не имею чести...

Он запнулся.

— Зильбера, Эрнста Зильбера...— И турист склонил голову в сторону Бахарева.

— Так вот, у господина Зильбера бархатный голос и очень приятная, легко запоминающаяся внешность. Будем знакомы — Николай...

— Очень приятно. Это есть мой коллега и друг, Ганс Рихтер. Мы есть туристы. Мы будем иметь много впечатлений. О, это чудесный городок. Я инженер-физик и имею возможность быть ценителем того, что демонстрируют русские. Это изумительно. Я видел в павильоне радиоэлектроники не только то, что есть сегодняшний день мировой техники, но и то, что есть завтрашний. Потом я есть немного голодный и делал предложение Гансу искать ресторан. Но, к сожалению, как говорят коммерсанты, спрос выше предложения. Все места заняты, и будем искать другой ресторан.

После такого заявления гостей продолжать разговор стоя было уже невозможно — есть нормы приличия, долг хозяев, традиционное русское гостеприимство. В общем, все складывалось наилучшим образом. Пора приглашать гостей к столу, хотя Бахарев и догадывается, какая ярость клокочет сейчас в груди Марины. И тут же ловит себя все на той же мысли: неужели перекосившееся в злобе лицо, нескрываемое раздражение — лишь отлично сработанная маска? А под ней — полное удовлетворение: события развиваются так, как потребовал от нее Бородач,

все идет по ею же разработанному и ею же твердо осуществляемому плану. Ведь может быть и такой вариант? Он, Бахарев, еще не уверен, что...

Но на раздумье нет времени. Бахарев любезно приглашает туристов к столу и по-немецки говорит им:

— Мы сможем объясняться и по-немецки. Если это устраивает гостей...

— О да, конечно. В России многие отлично разговаривают и читают по-немецки,— и уже по-русски Зильбер добавляет:— Это есть очень приятно.

Рихтер сердечно благодарит за приглашение, но у него деловое свидание, и он должен спешить. Бахарев, соблюдая «протокол», увещевает гостя, хотя знает, что по замыслу Зильбера Рихтер должен удалиться — он тут был лишь для «фона». И Рихтер удаляется — Бахарев обратил внимание на то, как тот пошел на негнущихся ногах, но еще пружинистой походкой кадрового вояки: турист!

На столе появляется третий прибор. Обед продолжается. Идет оживленный разговор мужчин, в котором Марина не принимает участия, лишь изредка подавая какие-то реплики или односложно отвечая на вопросы Зильбера: «да», «нет». А тот заливается соловьем, расхваливая Москву, размах строительства, потом переключается на выставку. Гость, между прочим, не оставил без внимания павильон печати. О нем он тоже говорит восторженно. Блестящий взлет культуры, гигантские тиражи газет, журналов, книг, проникающих в самые глухие уголки России. Гость изумлен, восхищен. Но он не может не заметить...

— Я не литератор... Вы больше меня есть специалист по этим делам.— Он уже знает, что его собеседник литератор, поэт, что у него широкий круг знакомых среди писателей разных возрастов, что его собеседник на короткой ноге с поэтами, о которых господин Зильбер премного был наслышан у себя дома: «Таланты, увы, не всегда признанные и поддержанные». Так вот, гость не может не заметить, что, по мнению прогрессивных людей Запада, советская литература достигла бы куда больших вершин, если бы не...— Тут турист запнулся и попросил прощения за то, что должен сделать небольшое критическое замечание. Он, конечно, понимает, что неприлично в доме хозяев говорить вещи неприятные им, но, поверьте, — от души.— У вас это называют партийное руководство литературой... У нас это называют антигуманной, антидемократичной

акцией. Я не есть политик. Я есть физик. Но я есть демократ и горячий поклонник свободы творчества. Мой большой друг, господин Эрхард,— он мельком глянул в сторону Марины,— крупный специалист по новейшей русской литературе, немного просвещает меня...

— Разрешите и мне немного просветить вас,— сказал Бахарев.— Я тоже сторонник свободы творчества, но...

— О, это очень приятно. Я имею просьбу моего друга Эрхарда познакомиться с такими литераторами, которые есть свободное творчество. Мой друг имеет большой интерес к произведениям молодых литераторов. Это есть будущее человечества. Молодые легко увлекаются, иногда впадают в крайности, но мы благодарны им за свежесть мысли. А это есть индивидуум, который имеет свой особый взгляд на общество, нестандартный. У вас их называют нигилистами. Мой друг пишет монографию и будет рад узнать, что есть нового у таких литераторов, что есть предмет их споров с официозной позицией. Я буду благодарен...

Но Марина не дала ему закончить монолог. Она резко поднялась и, обращаясь к Бахареву, сказала:

— Я себя очень плохо чувствую, Коля. Пойдем домой. Вы простите нас, господин Зильбер...

Турист тоже встал и несколько растерянно смотрит то на Марину, то на Бахарева.

— Это есть очень неприятно...— заговорил он.— Ресторан не имеет кондишен. Я хочу предложить госпоже небольшую прогулку в парке... Или кафе «Метрополь», где есть очень уютно...

— Нет, нет! Благодарю вас. Я иду домой,— и, не попрощавшись, пошла к выходу.

Николай догнал ее:

— Подожди, пожалуйста, меня в парке. Я рассчитаюсь. А гость? Право, не знаю, как с ним быть.

— Я тоже не знаю. И знать не хочу.

Бахарев вернулся к столу и позвал официанта: «Прошу общий счет». Зильбер понял, что сие значит, и благодарно улыбнулся: «То есть русское гостеприимство... Я буду иметь предложение выпить за это радушие. И буду просить разрешить мне ответить вам, господин Бахарев. Мы будем провожать даму домой, а потом поедем ко мне, в гостиницу. Я буду иметь удовольствие предложить вам французский коньяк. Мы можем продолжить наш интересный разговор».

Бахарев согласился. Они оба вышли из ресторана, и Николай торжественно объявил поджидавшей его Марине:

— Синьорита проследует до своего палаццо под интернациональным эскортом, после чего мужчины отправятся пить коктейль и продолжат свою беседу.

Марина с тревогой и удивлением посмотрела на Бахарева, снисходительно улыбнулась Зильберу, и они молча зашагали по аллеям выставки. Надсадно гудел ветер, небо заволокло тучами, и первые капли надвигающегося дождя окропили землю. Зильбер раскрыл зонт, протянул его Марине, она поблагодарила и отказалась. Бахарев, наблюдавший эту сцену, не мог не обратить внимания на то, каким ледяным холодом повеяло от дочери Эрхарда.

Они сели в такси и через двадцать минут были у дома Марины. В пути она не проронила ни слова и так же молча вышла из машины, на прощанье буркнув Зильберу что-то похожее на «ауфвидерзеен». Зильбер остался сидеть в такси, а Бахарев выскочил, чтобы проводить Марину к подъезду. Николай попытался как-то отшутиться, шаркнул ногой, поцеловал ручку, но, когда их взгляды встретились, он понял: не место для шуток. Она стояла перед ним серьезная и печальная. Сейчас она не могла ничего сказать Николаю. Она могла только вполголоса попросить: «Коля, я хочу, чтобы ты оставил гостя и пришел ко мне. Мамы нет дома, мне грустно и тяжко...»

— Мы недолго задержимся, Марина. Мужской разговор. Ваш покорный слуга через час-другой будет у ваших ног...

Марина скорее прошептала, чем сказала:

— Не уходи, умоляю тебя. Попрощайся с ним. Не надо...

Он ничего не ответил. Повернулся и шагнул в темноту, туда, где стояла машина с господином Зильбером.

В тот вечер Марина не дождалась Николая. «Мужской разговор» затянулся до полуночи.

Птицын тщательно изучал отчет об этом «разговоре». Для него было все важно — и интонация Зильбера, и то, как быстро турист реагировал на ответы Бахарева... Николай с тревогой вглядывался в лицо Александра Порфирьевича: «Ну как, справился?» Судя по выражению лица шефа, тот был доволен: разговор получился именно таким, каким замышлял его Птицын. Бахарев с честью вышел из трудного положения, блестяще выполнил все полученные им инструкции.

Есть основания полагать, что Зильбер проявляет большой интерес к Бахареву, его «возможностям», «литературным связям», «взглядам». В споры на самые разные темы — социалистический реализм, критерии литературы и кинематографа, молодежь и демократия, отцы и дети, гуманизм и диктатура,— споры, в которых Бахарев предстал перед разведчиком эрудированным литератором, нет-нет да и вплетались какие-то недомолвки, неопределенные замечания Николая: «Об этом стоит подумать... Возможно, в сказанном вами есть зерно истины...» Птицын понимал: разведчика должны были устроить даже те маленькие лазейки, которые оставлял литератор с налетом идейного тумана в голове...

— Над чем вы сейчас работаете, что пишете?— поинтересовался Зильбер.

— Заканчиваю повесть о молодежи. Думаю, что получится острая вещь. Конфликт отцов и детей. В семье советского работника растут эгоисты, себялюбцы. Любимые их слова — «дай», «мое», «хочу», «не хочу». Растут домашние идолы, которым все поклоняются. Включая отца. Он бессилен. Он пытался урезонить старшего сына, а тот ему отрезал: «Ты не лучше нас...»

Бахарев развивает на ходу придуманный сюжет и видит, с каким вниманием слушает его турист. Зильбер попыхивает сигарой и спрашивает:

— То есть ситуация, взятая из жизни?

— Да, и в нашей жизни такое бывает.

— Вы думаете, что вашу повесть опубликуют?

— Хочу надеяться. Возможно, что придется потратить не мало энергии в поисках снисходительного редактора.

— В этих поисках вы можете рассчитывать на помощь прогрессивных людей, где бы они ни жили...

Бахарев сделал вид, что не понял, на что намекает гость, и снова повел разговор о молодежи, о студентах. Зильбер охотно подхватил эстафету:

— О, это отчаянные бунтари.

— Я читал об одном таком лидере молодых бунтарей. Он, кажется, ваш соотечественник. У него есть очень оригинальное кредо: «Насилие — это есть радость». Его программа — коктейль из идей Сен-Симона и Бакунина,— заметил Бахарев.— Но, если говорить о главном в его кредо,— то это антикоммунизм.

— Вы есть слишком прямолинейный, господин Баха-

рев... Вы есть немного резкий в своих суждениях. Антикоммунизм — это есть формула пропаганды.

— Зачем же такие тривиальные слова! Вы умный, образованный человек, господин Зильбер. Это не комплимент. Вы в нем не нуждаетесь. Вы отлично знаете, что на нашей грешной земле два полярных полюса: капитализм и социализм. Третьего, как говорится, не дано...

— Дано...— резко оборвал Зильбер.— Дальновидные люди — у нас, на Западе, и у вас, на Востоке, имеют другую точку зрения. В наш век космоса и атома мир делится не по социально-политическим системам, а по уровню экономического, научно-технического и, если хотите, военного потенциала. Капитализм и социализм трансформируются в единое индустриальное общество...

— Общество не может существовать без идеи.

— Единое индустриальное общество может. Оно деидеологизировано. Оно питается идеями не социальными, а куда более возвышенными и многозначащими — техническими...

Бахарев улыбнулся и тоном, по которому трудно понять, шутит ли он, сказал:

— Это позиция прожженного физика. Если бы я был физиком, то может быть...

— Вы — молодой человек острого ума. Если бы мы имели возможность продолжить наш откровенный диалог завтра, послезавтра... Я верю в конвергенцию наших точек зрения...

— Кто же мешает нам продолжить диалог?

— О, я приветствую такую постановку вопроса, хотя несколько затрудняюсь сейчас ответить вам. Время покажет. Я верю в дальновидность советских литераторов и хотел бы выпить за их творческие успехи, за то, чтобы они всегда без страха высоко держали знамя гуманизма...

Разговор пошел о литературе, именитых писателях. И гость пришел в восторг, когда узнал, что есть у Бахарева друг, знакомый с очень популярным на Западе советским писателем, повесть которого отвергнута толстым журналом. И что друг этот обещает Бахареву дать почитать повесть в рукописи, которая сейчас ходит по рукам...

На пятнадцать часов был назначен разговор с генералом. Должна была собраться та же четверка: пора завершать операцию. Уравнение со многими неизвестными пе-

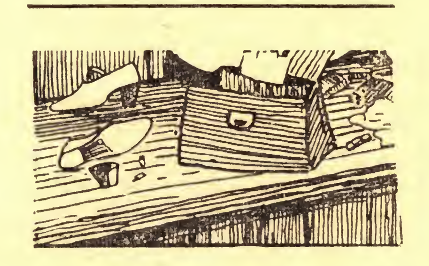
рестало существовать. Почти все известно. Утверждены постановления на арест Ольги и Косого... Если потребуется взять Зильбера — и тут соблюдены соответствующие нормы. А вот брать ли Зильбера, когда и где арестовать Ольгу, Косого? Тем более что обстоятельства на первый план выдвинули соображения, выходящие за пределы «Доб-1». Беседа Зильбера с Бахаревым позволяет повести дело дальше, глубже, с расчетом на более отдаленные времена...

У Птицына на сей счет есть некоторые соображения. Но он пока ничего не говорит о них Бахареву. Он хочет доложить генералу, выслушать его мнение, вернее — его оценку встречи Бахарева с Зильбером — доклад об этой встрече уже давно передан Клементьеву. И сейчас, в ожидании разговора с ним, Александр Порфирьевич неторопливыми глотками пьет горячий кофе.

Тишину разорвал телефонный звонок. Птицын прижимает плечом трубку к уху.

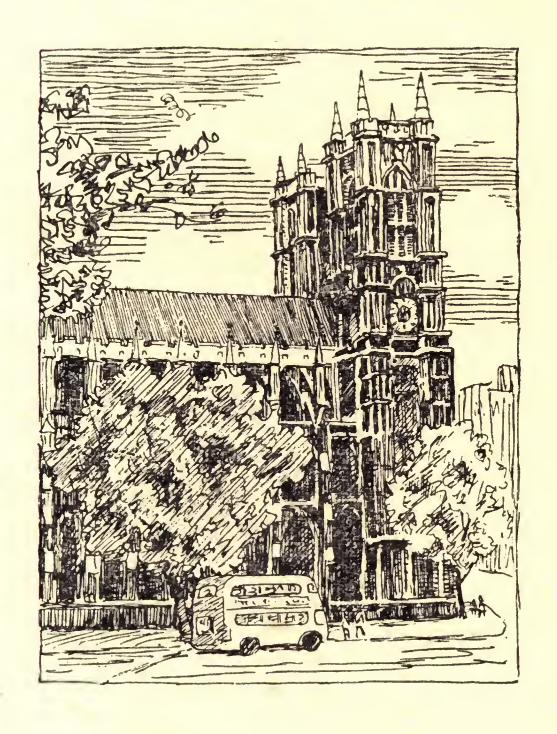
И вдруг он, человек степенный, весь преображается. Можно подумать, что лавры Марселя Марсо не дают ему покоя. Бахарев ничего не понимает. Птицын бросает в трубку односложные «да», «нет», «он самый», «ясно». Николай безуспешно пытается расшифровать смысл его мимических упражнений. Наконец трубка положена на место, и Птицын, стараясь быть максимально сдержанным, объявляет:

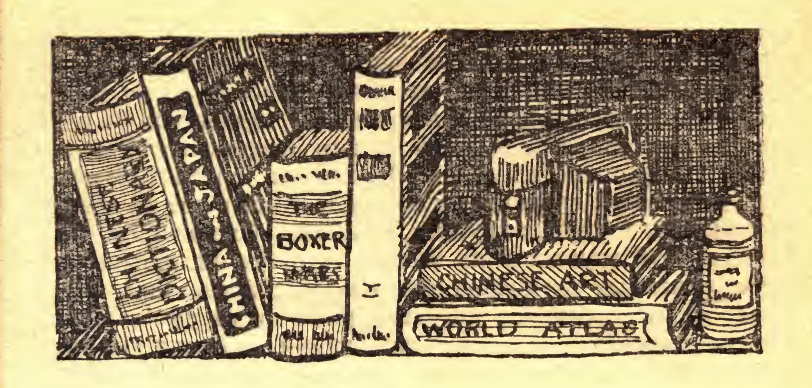
— Звонили из приемной... Марина пришла.

Г. Л.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В РОЛИ РАЗВЕДЧИКА

В центре Лондона, рядом со всемирно знаменитым Британским музеем, стоит здание Лондонского университета, которое своими очертаниями напоминает огромную, потемневшую от копоти, серую глыбу, похожую на египетский обелиск. Возможно, на архитектора этого сооружения повлияла богатая египетская коллекция музея. Факультеты, или, как их там называют, колледжи и школы, расположены рядом с основным зданием. Бок о бок стоят два современных здания послевоенной постройки: школа славяноведения и школа африканистики и востоковедения.

Занятия осенью 1955 года, как всегда, начались в первую среду октября. Собственно говоря, в первый день занятий не было. Сначала состоялось общее собрание, на котором директор школы поздравил студентов и преподавателей с началом учебного года и пожелал успехов в учебе. Затем было объявлено, где должны собраться студенты различных кафедр. Вскоре будущие китаисты собрались в кабинете заведующего кафедрой китайского языка профессора Саймонса и был зачитан состав учебных групп и расписание занятий. Оказалось, что лекционных часов будет, как правило, два в день и лишь иногда четыре часа в день. По субботам занятий не будет. Семестр длится 10 недель, в учебном году три семестра. Итак, 22 недели в году

отводилось для отдыха и самостоятельной работы.

На следующий день начались занятия. Можно было сразу заметить, что одна из академических групп резко отличается от остального контингента студентов. Во-первых, в ее составе не было ни одного представителя азиатских и африканских стран. Во-вторых, средний возраст студентов этой группы был по крайней мере лет на десять выше, чем в других группах. Наконец, большинство студентов этой группы было одето в «форму» английских государственных служащих или старших банковских клерков: черные пиджаки, черные брюки в серую полоску, белые сорочки с темными галстуками, котелки и туго скрученные черные зонтики, которые почти никогда не используются по своему прямому назначению, а скорее служат тростью.

В состав этой группы попал и автор этих строк. И попал не случайно. Примерно за неделю до начала учебы я посетил университет и зашел на кафедру. Вопрос о моем приеме в университет уже был решен, и оставалось лишь узнать, в какую группу меня определили.

Было известно, что эта школа субсидируется министерством обороны Англии и что в ней обучаются редким языкам сотрудники специальных служб. Можно было легко предположить, что эти сотрудники будут старше большинства студентов. Для выполнения поставленной передо мной задачи по выявлению разведчиков и контрразведчиков — наших противников — мне было бы лучше всего попасть в одну с ними группу. Как выяснилось из беседы с техническим секретарем кафедры, заведующий кафедрой профессор Саймонс намеревался зачислить меня в группу молодых студентов. Поскольку, как я сказал профессору, я уже немного знал китайский язык (что соответствовало действительности), он решил, что мне будет интереснее заниматься вместе с молодежью, программа занятийкоторой была более интенсивной. Однако мне довольно легко удалось убедить Джин (так звали секретаря), с которой я познакомился еще при первом посещении университета, что мне будет неудобно заниматься в одной группе с молодыми ребятами. Она тут же перенесла меня в список «переростков». Возможно, ее сговорчивости способствовало то, что я запомнил ее имя, а также и то, что я преподнес ей небольшой флакончик французских духов, приобретенных мною днем раньше в Париже. Скорее всего — и то и другое.

В первый же день занятий между студентами нашей группы зашел разговор о том, почему тот или иной из нас решил изучать китайский язык. Были высказаны самые разнообразные причины. Трое заявили, что после окончания Оксфордского университета они были приняты на работу в Форейн Оффис и их послали изучать китайский язык «с отрывом от производства». Один или два человека сказали, что они являются сотрудниками министерства колоний и их тоже направили изучать язык. Двое якобы служили в полиции в Малайе, и им было необходимо знать китайский язык для более успешного продвижения по службе. Один был служащим администрации Гонконга. Услышав это, я едва удержался, чтобы не сказать, что в Малайе и Гонконге проживают выходцы из Южного Китая, говорящие на совершенно ином наречии, чем так называемый «государственный язык», который должны были изучать мы. Другой мой «однокашник» представился канадским дипломатом. Второй иностранный дипломат был из Израиля. Среди нас был и американец, который, по его словам, приехал изучать китайский язык в Англию потому, что плата за обучение здесь была в несколько раз меньше, чем в США. (Это было действительно так: годичное обучение стоило около 40 фунтов стерлингов, то есть немногим более ста долларов, тогда как в США это стоило бы более тысячи долларов в год.) К тому же, сказал американец, жизнь в Англии значительно дешевле. И, кроме того, во время длительных каникул за три года он сумеет попутешествовать по всей Европе. Что касается меня, то я говорил, что изучаю язык с целью получения перспективной работы в одной из канадских фирм, торгующих с Китаем.

Помимо языка мы должны были изучать современную историю Китая и китайскую философию. Последняя была факультативной, и было достаточно сдать по этому предмету зачет без оценки. Все экзамены, кроме разговорного языка, сдавались письменно, с оценкой по стопроцентной системе. Иначе говоря, максимальным и практически недостижимым баллом было 100%, а переходным баллом — 65%. Впоследствии мне удалось выяснить, что для сотрудников военной разведки и контрразведки было достаточным получать 65%, а сотрудники Интеллидженс Сервис отчислялись и возвращались на службу в случае получения среднего балла ниже 85%.

В мою задачу, помимо некоторых других вопросов,

входило выявить, кто из студентов школы является сотрудником специальной службы, по возможности установить — какой именно, получить их анкетные данные, изучить их личные качества и т. д. Сделать это было трудно, так как англичане редко идут на сближение с людьми из непривычного для них круга, особенно с иностранцами. На первый случай я разбил своих «однокашников» на три категории: иностранцы — канадский дипломат Томас Поуп, израильский дипломат Цвий Кедар, американец Клейтон Бредт и я; сотрудники военной разведки и контрразведки — лицо в чиновничьей форме (мне было известно, что английские офицеры именно в таком виде появляются в штатском); возможные сотрудники политической разведки — лица, выдающие себя за сотрудников Форейн Оффис (это была также известная мне традиция сотрудников Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС), как официально именуется английская политическая разведка).

Первое время мне никак не удавалось завязать личные отношения ни с кем из англичан. Все аккуратно являлись на занятия, а после занятий моментально исчезали. В жизни студентов школы они совершенно не участвовали. Здесь сказывались как разница в возрасте, так и пренебрежительное отношение к «студентикам». Все они считали себя людьми солидными, сделавшими определенную карьеру. К тому же почти все они были семейными. Свободное время большинство из них привыкло проводить в «своих», как говорят в Англии, клубах.

Вообще говоря, общественное положение англичан довольно часто можно определить по тому клубу или клубам, в которых они состоят членами. Попасть в фешенебельный клуб нелегко, и богатство в данном случае часто не играет решающей роли. Определенная категория клубов называется «клубами для рабочих», весьма точно отражая социальный состав их членов. В эти клубы может записаться каждый.

Примерно через месяц после начала занятий нам было предложено заниматься не менее часа в день в лингафонном кабинете (магнитофонов школа не имела). Это вынудило всех задерживаться после занятий, посещать «трапезную» — так по традиции называют столовые в английских университетах, что отражает историю возникновения учебных заведений при монастырях,— и вообще больше общаться с однокурсниками.

В этот период мне удалось установить неплохие отно-

шения с иностранцами в моей группе и со студентами, выдающими себя за сотрудников Форейн Оффис. Видимо, этому способствовало отсутствие у нас «чиновничьей» формы и кастовой замкнутости, присущей английским офицерам.

Затем, как это часто бывает в жизни при проявлении достаточного терпения, помог случай. Один из преподавателей, сын профессора Саймонса, заметил некоторую отчужденность в группе и решил исправить это ненормальное, на его взгляд, положение. На одном из занятий он как бы вскользь заметил, что, поскольку мы люди взрослые, нам мало учить язык и историю. Настоящий китаист должен быть также в курсе текущих событий в Китае и в Юго-Восточной Азии, а также быть знаком с китайским искусством, традициями, бытом и т. д. С этой целью он предложил организовать факультативный семинар: раз в неделю после занятий мы могли бы собираться, организовать чай с печеньем и слушать часовую беседу приглашенного Саймонсом-младшим специалиста по какому-либо из интересующих нас вопросов, а затем обсуждать эту беседу. Идея эта всем понравилась, и вскоре состоялся наш первый семинар.

Собрались мы в «старшей трапезной», то есть в столовой для преподавательского состава. Один длинный стол был заранее накрыт для чая, для чего было собрано по два с половиной шиллинга с каждого участника семинара. Рядом стоял ненакрытый стол, за который все мы уселись. Саймонс и приглашенный лектор заняли места во главе стола. Сейчас я уже не помню, кто именно проводил первый семинар и на какую тему была беседа. Но можно сказать, что эти беседы, как правило, были очень интересными, а наши лекторы — специалистами своего дела. Особенно интересными были обсуждения бесед, во всяком случае для меня, так как они позволяли узнавать политические взгляды моих однокурсников. К сожалению, наши «чиновники» обычно отмалчивались: либо потому, что среди них было так принято, либо из-за того, что им было нечего сказать. Подозреваю, что превалировала вторая причина.

Среди наших докладчиков были сотрудники Форейн Оффис, Государственного департамента США, известные специалисты по странам Юго-Восточной Азии и т. п. Однажды перед нами выступал английский разведчик Форд, в свое время арестованный в Тибете за шпионаж. Правда, на семинаре его представили как специалиста по радио-

связи, бывшего сержанта войск связи, который после окончания войны поступил на работу к Далай-ламе. К разведке, по его словам, он не имел никакого отношения, а признался в шпионаже в результате «промывания мозгов» в китайской тюрьме.

Форд вернулся в Англию незадолго до встречи с нами, и в тот период газеты еще продолжали много писать о нем, полностью отрицая его принадлежность к английской разведке. Помнится, в конце беседы, когда, как обычно, мы задавали вопросы докладчику, я спросил его:

— А где вы работаете сейчас?

Форд, не задумываясь, ответил:

— Как где? Конечно, в Форейн Оффис!

При этом на лицах многих из нас невольно пробежала ироническая улыбка — с каких это пор стали работать в Форейн Оффис бывшие сержанты войск связи?

После дискуссии (все на семинаре шло по строгому регламенту) мы переходили за накрытый стол и продолжали беседовать за чаем, в более непринужденной обстановке. Однако самое главное для меня было после семинара, когда большая часть его соучастников дружно отправлялась в одну из расположенных поблизости пивных. Возглавлял это шествие Саймонс-младший.

Надо сказать, что в Англии, особенно в Лондоне, невероятное количество пивных. Часто встречаются две, три, а то и четыре пивные на одном перекрестке, точно так, как это бывает с бензоколонками в США. Что касается пивных, то и в США и в Канаде их ничтожное количество по сравнению с Англией. Почти у каждого англичанина есть пивная, которую он считает «своей», причем зачастую эта пивная может быть расположена на значительном расстоянии от его дома. В «своей» пивной англичанин знает большинство завсегдатаев и чувствует себя как дома. По сути дела, такая пивная заменяет рядовому англичанину клубы аристократов. В данном случае мы посещали любимую пивную нашего руководителя семинаров, расположенную метрах в ста от университета.

Обычно в пивную шло человек десять, причем каждый раз состав частично менялся, так как несколько человек всегда оказывались занятыми какими-то делами. Я тоже иногда пропускал эти посещения, дабы не прослыть их завсегдатаем, хотя мне было полезно и интересно бывать там. Как только мы подходили к стойке, один из нас (всегда разные люди, и трудно сказать, каким интуитив-

ным способом устанавливалась эта очередность) обращался ко всем остальным с вопросом: «Что будете пить, джентльмены?» Каждый заказывал, что хотел.

Как правило, мы пили пиво разных сортов или даже смесь из светлого и темного пива. Дело в том, что в Англии, как и в большинстве западных стран, пиво заметно дешевле в переводе на градусы, чем крепкие напитки. Таким образом, англичанин может провести весь вечер в пивной, заказав две-три кружки пива. Что называется — и дешево и сердито! Разные напитки наливаются в посуду разной формы, и это помогает барменам запоминать, кто что заказывал, и при словах «повторите всем то же самое» мгновенно подать новый «круг». Число кругов определяется числом участников. Если нас было, скажем, восемь человек, а один из нас заказывал девятый круг, то это означает, что нам предстоит еще семь кругов!

Для человека, не расположенного к пиву, например для меня, это довольно неприятная процедура. К счастью, пиво можно было заказывать и по полкружки, и это несколько облегчало мою участь. Однако это означало, что за других я платил за полную кружку, а мне покупали по полкружки. Это явно невыгодно, и большинство предпочитало пить полными кружками.

Мне это было на руку, и я мог легко убедиться в справедливости поговорки: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

В процессе еженедельных посещений пивной я многое узнал о своих однокурсниках и сумел завязать неплохие отношения почти со всеми. Хорошо помню такой инцидент. После 10 или 12 кружек один из типичных «чиновников» по фамилии Ватсон неожиданно утратил обычную для английских офицеров манеру растягивать, или «тянуть», слова и заговорил с явным простонародным лондонским акцентом «кокни». Стоявший рядом со мной некий Венаблс (позднее я установил, что сам Венаблс был капитаном) повернулся ко мне и с презрительной усмешкой шепнул: «И эта серость недавно получила «майора»!». Нужно сказать, что в английских вооруженных силах в различных родах войск установлены различные наименования воинских званий. Этих слов Венаблса было достаточно для того, чтобы узнать, что Ватсон служит в армейской разведке или контрразведке.

В результате дружеских встреч в пивной между большинством из нас установились неплохие отношения, и мы

стали встречаться помимо занятий. Однажды канадский дипломат Томас Поуп решил устроить «мальчишник» и пригласил к себе всю группу и некоторых преподавателей. Жил он на широкую ногу, снимал нижний этаж шикарного особняка в одном из самых фешенебельных районов города. Будучи дипломатом, он мог покупать вино и другие напитки с большой скидкой.

Когда мы прибыли к нему, то все мы были поражены огромным количеством спиртного — бутылки стояли не только в баре, но и на полу. Кроме того, на специальной подставке стоял бочонок крепкого сидра. Закуска, если не считать хрустящего картофеля и орехов, отсутствовала. Я, конечно, знал об обычае пить, не закусывая, и плотно поужинал перед тем, как идти к Тому.

Между прочим, в то время Поуп высказывал некоторые прогрессивные взгляды. В частности, он резко осуждал государственный переворот в Гватемале, организованный незадолго до этого американцами. Однажды он даже вступил в спор по этому поводу с одним американским дипломатом, который проводил у нас очередной семинар. Он также очень гордился своим отцом, который во время войны подал в отставку с государственной службы в знак протеста против заключения в концлагеря всех канадцев японского происхождения без суда и следствия.

Мои однокурсники знали, что фотографирование является моим страстным хобби, и никто не удивился, увидев у меня фотоаппарат и электронную вспышку. За этот весьма веселый и далеко не последний подобный вечер я сделал несколько десятков снимков и пообещал всем прислать фотографии. Поскольку это было в последний день семестра, я записал адреса присутствующих.

С течением времени мои однокурсники все меньше и меньше придерживались своих легенд, и постепенно удалось узнать их звания, специальные службы, к которым они принадлежали, и даже их предыдущую карьеру. Надо признаться, что этому во многом способствовал, сам того не подозревая, Том Поуп, который регулярно устраивал вечеринки и приглашал всю группу. Иногда он устраивал «мальчишники», а иногда приглашал всех с женами. Таким образом, в моем альбоме (и, разумеется, в Центре) появились и фотографии некоторых из жен.

Среди регулярных посетителей вечеринок у Поупа был и некий капитан ВВС Харпер. Однажды он рассказал о том, что в начале 50-х годов работал помощником военно-

воздушного атташе в Москве. Большинство из присутствовавших на вечеринке заинтересовались этим и стали задавать Харперу многочисленные вопросы о Советском Союзе. Я, естественно, с большим интересом слушал его ответы. Его невежество было поразительным — он не знал толком даже центра Москвы. То, что он рассказывал о повседневной жизни советских людей, было такой чепухой, что я усомнился в самом факте его пребывания в Советском Союзе и запросил об этом Центр. Оказалось, что я ошибся: Харпер действительно проработал несколько лет в Москве.

Он любил хвастаться своим знанием русского языка и часто на переменах с важным видом читал русские книги. Я пригляделся к одной из них и с удивлением увидел, что это были адаптированные рассказы Чехова для начинающих изучать русский язык. А ведь до прихода в университет Харпер преподавал русский язык в разведывательной школе ВВС!

Китайский шел у него исключительно туго. Он часто ругался и жаловался во время занятий.

— Зачем же ты пошел изучать китайский, если он тебе не нравится? — как-то спросил я у Харпера.

— Нужно было, иначе я умер бы капитаном!

Как оказалось, работая преподавателем в разведшколе, Харпер не мог получить очередного воинского звания, хотя по сроку службы он давно уже должен был стать майором. Вот тогда он и решил пойти учиться — неважно чему — и стать майором, так как во время учебы очередное звание присваивается независимо от должности. Я охотно помогал Харперу на контрольных работах в надежде, что помогаю английской армии разбогатеть на такого майора.

У меня установились хорошие отношения с израильским дипломатом Цвием Кедаром. Жил он недалеко от меня, и мы часто заходили друг к другу в гости и иногда вместе готовились к занятиям. Кедару было уже под сорок, и китайский язык давался ему с трудом. Поэтому он старался как можно больше тренироваться в разговорной речи со мной. Постепенно я узнал от него его биографию. Родился и вырос он в Палестине. С детства говорил по-арабски, учился в английской школе и, кроме того, изучал немецкий и древнееврейский языки. Китайский язык, по его словам, его послало изучать министерство иностранных дел. После окончания учебы и стажировки он должен ехать на дипломатическую работу в Китай. Он как-то

рассказал мне, что во время арабско-израильской войны в 1948 году его забрасывали в Египет и в Сирию, и он вел там разведывательную работу. Вполне понятно, что это очень заинтересовало меня и, играя на его тщеславии, я попытался выяснить у него как можно больше деталей. С другой стороны, про себя я крайне удивлялся, что он рассказывает такие вещи малознакомому человеку.

Однажды мы договорились, что я зайду к Кедару вечером. В то время он снимал небольшую меблированную квартиру, очень похожую на мою, но несколько дальше от университета. Встретил он меня, как всегда, очень радушно и предложил выпить. При этом он сказал, что хочет угостить не виски или джином, а замечательным, но неизвестным мне напитком. Тут он открыл холодильник и достал бутылку... «Столичной»!

— Что это такое?— спросил я.

— Самый лучший напиток в мире — русская водка,— ответил он.— При этом это не какая-нибудь подделка, а «Штолышна» из России!

Он налил мне небольшой фужер водки, поставил на стол блюдечко с хрустящим картофелем и усадил меня в кресло. Пили мы, как это там принято, малюсенькими глотками, и я невольно поморщился.

— Это ты с непривычки,— сказал Кедар, увидев мою гримасу.— Привыкнешь — увидишь, что это за прелесть.

Оставалось только согласиться.

В конце учебы мы устроили прощальный вечер в одном из китайских ресторанов. Вечер прошел отлично, особенно для меня, так как на прощанье мои бывшие однокурсники рассказали друг другу, куда их направили на работу, и все мы обменялись адресами.

Несколько человек направлялись в Пекин, многие ехали в Гонконг и так далее. Наш единственный американец Клейтон Бредт возвращался в США.

О нем я вспомнил много лет спустя. На занятиях он обычно сидел рядом со мной у самой стены. Он знал, что в группе недолюбливали его как американца и поэтому он общался главным образом с Томом Поупом и мною. Ведь мы как канадцы были как бы двоюродными братьями и англичанам и американцам. Он долго не понимал, что за «чиновники» и «дипломаты» учатся с нами. Но в конце концов и он разобрался в наших однокашниках. И вот как-то на очень скучной лекции по китайской философии он толкнул меня локтем и сказал:

— Послушай, да ведь тут все, кроме нас с тобою,— шпионы!

Он стал приводить мне различные доводы, но я продолжал настаивать, что это не так.

Бредт, разумеется, ошибался, однако я не мог сказать ему, в чем заключалась его ошибка (он сам узнал об этом много лет спустя из газет после моего ареста), тем не менее я не мог не быть довольным тем, что этот, как оказалось, весьма наблюдательный человек, который сумел расшифровать подлинное лицо наших «однокашников», ни в чем не подозревал меня. И уж если американец, который часто сталкивался с канадцами, принимал меня за канадского коммерсанта, прожившего много лет в США, то англичан мне можно было не опасаться.

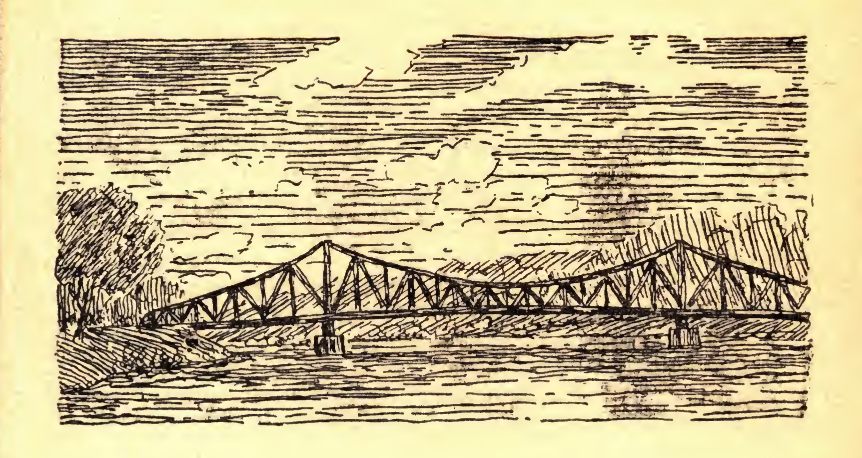
Лекция продолжалась, но мои мысли невольно унеслись в прошлое, и я весь отдался воспоминаниям о том долгом и трудном пути, который привел меня в Лондонский университет в одну академическую группу с сотрудниками специальных служб противника.

Р. АБЕЛЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ. РАЗГОВОР С РАЗВЕДЧИКОМ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Приближался конец пятого года моего заключения. Встретили мы новый, 62-й год. На улице типичная южная зима. Мороза нет, но одежда плохо защищает от пронизывающего ветра, от дождя. Плохое питание также сказывается...

Был вечер 6 февраля, мы уже сидели запертые в камере. Подошел надзиратель и сказал:

— Абель, возьмите вещи. Идите вниз.

Он подождал, пока я кончил сборы. Много времени они не заняли. Папка с рисунками, тетради с математическими выкладками, письма родных и адвоката, несколько книг, бритва, платок, мыло, еще кое-что из мелочей. Последние распоряжения соседям по камере — кому что передать, что сделать с другими вещами.

Внизу, когда мы вышли из блока камер, меня отвели в комнату дежурного. Там был начальник тюрьмы.

— Вам надо поехать в Нью-Йорк. Сейчас вам выдадут костюм,— объявил он.

Повели меня в каптерку, затем к парикмахеру и снова в дежурку. Там меня встретил уже заместитель начальника тюрьмы и предложил вместе просмотреть вещи. Папку с рисунками и моими математическими выкладками он отложил в сторону.

«Мы должны их просмотреть»,— заявил он.

Когда я возразил, что они являются оригиналами работ, выполненных мною, и что в тюрьме остались копии, он мне ответил: «Не волнуйтесь — мы все вам пришлем».

Около двух часов ночи я уже был в самолете, а в пять утра меня принимал дежурный по тюрьме в Нью-Йорке. Через день, 8 февраля, в 15 часов, меня снова одели и вывели из тюрьмы. На улице, у входа в тюрьму, меня встретил Уилкинсон, бывший начальник тюрьмы в Атланте во время моего пребывания там.

Мы сели в машину — там оказалось еще несколько человек — и в сопровождении второй машины направились к югу. У Канал-стрит мы въехали в тоннель под рекой Гудзон и переехали в штат Нью-Джерси, по направлению к Вашингтону. Но скоро мы свернули с этой дороги. Я спрашиваю Уилкинсона: «Куда едем?» Он отвечает: «Сам не знаю».

Отъехав от Нью-Йорка примерно километров сто, мы подъехали к аэродрому, по всем признакам военному. У ворот произошла небольшая заминка — Уилкинсон позвонил кому-то по телефону, а затем наши машины подъехали к четырехмоторному самолету.

Уже темнело, и, когда мы поднялись в воздух и легли на курс, появились звезды. Я выглянул из окна, нашел Большую и Малую Медведицу, Полярную звезду и определил курс: мы летели примерно на 17 градусов к востоку от севера — следовательно, на Европу!

Я знал, что большая дуга из Нью-Йорка на Северную Европу проходит в этом направлении, и, когда Уилкинсон спросил меня, имею ли я представление о цели полета, я ему так и ответил: «На Европу».

Он был несколько удивлен, но, когда я ему показал на звезды, он понял, откуда мне это было известно. Летели долго — всю ночь и значительную часть дня — с длительной остановкой где-то около Висбадена в ФРГ для заправки и какого-то ремонта.

В Берлине мы приземлились на аэродроме Темпелгоф, где нас ждали какие-то люди с машинами. Проехав довольно долго по городу, мы подъехали к зданию оккупационных войск США. Меня повели в подвальное помещение, где я увидел две стоящие рядом клетки.

Именно клетки! Они имели в длину метра два с половиной, два в высоту и несколько меньше двух в ширину. Прутья были изготовлены из круглой стали диаметром примерно 25 миллиметров, которые перехватывались по-

перечными полосками стали 60 на 12 миллиметров. Так как пол клетки был приподнят над полом подвала на 15 сантиметров, можно было догадаться, что стальное сооружение продолжается и там. Внутри клетки была койка.

Мне предложили раздеться и выдали нечто вроде пижамы, затем заперли в одной из клеток. Через некоторое время принесли удивительно неприглядную еду, которая по вкусу вполне соответствовала внешнему виду. Есть я не стал и лег на койку.

Меня сторожили два человека. «Чего они боялись?» — подумал я.

Было совершенно ясно, что дело шло к обмену. «Удирать» было ни к чему, а эти американцы, видимо, опасались, что я попытаюсь покончить самоубийством! Дураки!

Глядя на решетку, составлявшую «потолок» моей клетки, я вспоминал свою жизнь за последние тюремные годы, камеры в Техасе, Нью-Йорке, Атланте и в других тюрьмах, где мне приходилось побывать после ареста и суда. Вспоминал я людей, которых видел за это время. Преступники всяких мастей, надзиратели, которые их охраняли... Скоро все это будет позади!

Вспомнил я и некоторых заключенных, с которыми пришлось жить в неволе. Среди них были «знаменитости» вроде главарей мафии Дженовезе и Костелло; Робинсона, первого осужденного по «закону Линдберга» за похищение дочери богача на выкуп; грабителей банков, жуликов всех мастей, фальшивомонетчиков и прочих. Сколько их было! Каждый год состав населения тюрьмы обновлялся примерно на 50 процентов. За четыре года, что я провел в Атланте, там перебывало свыше семи тысяч человек. Мелкие воришки и жулики быстро исчезали, но ненадолго. Часто бывало, что не успеешь привыкнуть к мысли, что такой-то на воле, как снова видишь его в числе вновь прибывших!

Вспомнил я одного пожилого хромого человека с поврежденной рукою. Выпустили его. Родных не было. Устроился он где-то ночным сторожем. Жить на жалование было трудно, и он решил, что лучше вернуться обратно. Он украл почтовую машину, для верности перегнал ее в другой штат. Оба преступления были подсудны федеральному суду. На суде он объяснил, почему он совершил преступления, и просил судью, чтобы его снова направили в Атланту, где его знают и где он всех знает и где порядки ему хорошо знакомы...

А Костелло! Ходил по тюрьме царьком, охраняла его

стража из подчиненных ему итальянцев, членов мафии, и сопровождала его свита из «советников», прислужников, всегда в чистой одежде, в отполированных до блеска ботинках. Дженовезе также имел свою свиту и охрану, но он держался более демократично — ходил в середине кучки, в то время как у Костелло можно было заметить известную субординацию.

Робинсон, или «Робби», как все его звали, был старым жителем тюрьмы с личным номером в 46-й тысяче, в то время как «молодые» имели номера в 80-й тысяче и выше. Двадцать шесть лет просидел он в тюрьме, дважды его приговаривали к высшей мере наказания и дважды заменяли приговор пожизненным заключением, и все же он не терял надежды выбраться на волю.

Среди заключенных были и талантливые люди, умелые и умные, но испорченные системой, в которой все доступно богачам и ничего не достается беднякам. Эти люди с детства были вынуждены воровать, чтобы иметь булочку на завтрак, апельсин или яблоко, которых родители не могли им дать. Они видели шикарно одетых богачей в дорогих машинах, живущих в богатых домах или роскошных гостиницах, и они рано поняли: тем живется хорошо, потому что у них деньги, а ему плохо, потому что их нет. Они много раз видели безнаказанные жульничества власть имущих и богачей, и разве можно удивляться их выводу, что разбогатеть можно только грабежом и жульничеством?

Преступники — в подавляющем большинстве выходцы из бедноты, из обездоленных слоев населения, из эмигрантов, приехавших в надежде найти работу,— ведь Америка самая богатая страна в мире, с самым высоким уровнем жизни. Продолжающаяся нищета, отсутствие всякой надежды заработать достаточно денег честным трудом вынуждают многих идти на преступление...

Нельзя сказать, что легко достаются деньги и преступникам. Грабители банка тратят много времени на изучение намеченного объекта, месяцами следят за обстановкой вокруг, за порядками в самом банке, за поступлениями крупных сумм и вкладов. Фальшивомонетчики тратят еще больше времени и усилий. Один из последних больше года подготовлял свою «продукцию», да так и не успел насладиться результатами своих трудов. Во время суда над ним эксперты из департамента финансов уверяли суд, что «счастливая» случайность избавила государство от круп-

ных убытков, настолько хорошо были изготовлены фальшивые банкноты. Действительно, этому человеку не повезло!

Дело было так. Потратив немало времени и труда на подготовку и изготовление своей «продукции», он с женою отправился из Калифорнии, где «трудился», на восток, во Флориду, для реализации товара. Он не знал, что на этом же поприще «работали» другие, не столь усердные и не столь умелые. Они выехали чуть раньше его по той же дороге и успели сбыть несколько банкнот. Это было установлено, и всем лавочникам, рестораторам и прочим хозяевам заведений по шоссе было дано предупреждение — указание записывать номера машин всех лиц, предъявивших двадцатидолларовую купюру в уплату за услуги или покупки. По дороге жена фальшивомонетчика купила продукты и уплатила за них настоящими, не фальшивыми, деньгами. Номер их машины был записан, и некоторое время спустя полиция задержала их и произвела обыск. Чемодан с «продукцией» был обнаружен, и парочка, «проработавшая» так долго и упорно, оказалась на скамье подсудимых. Жена получила 10 лет, а муж 30 лет тюремного заключения!

Вспомнил я и всю предысторию этой поездки в Берлин 9 февраля 1962 года...

Шел 1960 год. В марте ожидали решения верховного суда по моему процессу. Наконец оно пришло: отказать, пятью голосами против четырех. Вероятно, заседание девяти судей было бурным — очень уж сильно отличались мнения большинства от меньшинства. Любопытно, что судья Франкфуртер, в свое время вызвавший на себя нарекания консервативной печати за свои либеральные взгляды, теперь сам стал реакционером и написал решение, в результате которого несомненно могли быть серьезно нарушены права граждан страны.

Но об этом будет отдельный разговор.

Адвокат Донован обратился к тюремным властям в Вашингтоне с просьбой временно перевести меня в Нью-Йорк для обсуждения создавшегося положения. Были сделаны попытки скрыть эту поездку от внимания прессы, но уже ночью, еще до моего прибытия в Нью-Йорк, газетчики звонили Доновану, спрашивая о причинах моего вызова. В газетах появились фантастические измышления об «обмене», «освобождении», «сногсшибательных новостях» и т. д. в соответствии с традициями желтой прессы.

Разумеется, никаких «разоблачений», «переговоров» и тому подобного не произошло.

При переезде из Атланты в Нью-Йорк были две остановки. Самая длительная, с вечера пятницы до утра понедельника, была в Вашингтоне. В тюрьмах, где я ночевал, меня содержали в отделениях, предназначенных для лиц, совершивших особо тяжкие преступления, поэтому в соседних камерах находились преимущественно убийцы. Веселого было мало.

Добрались до Нью-Йорка. По пути двое служак — «маршалы», не стесняясь меня, обсуждали свои служебные дела, разбирая по косточкам своих сослуживцев и начальство. Оба они были молодые ребята, стремившиеся подняться вверх по служебной лестнице, и жаждущие побольше заработать. В своих стремлениях они не отличались от обычных американцев, включая и тех, которые пытались осуществить американскую мечту о личном благополучии незаконными путями.

На Вест-стрит[1] меня встретили в соответствии с правилами — осмотрели, обыскали, переодели и повезли в отделение для опасных преступников. Моя старая камера была занята молодыми преступниками, которых нужно было содержать отдельно от взрослых.

Камеры строгой изоляции отличались от обычных рядом особенностей. Они были рассчитаны на восемь человек и разделялись решеткой на дневную часть и ночную. В дневной части заключенные ели и развлекались, как умели, с побудки до отбоя. Ночью они занимали заднюю половину камеры, в которой были перегородки, образующие четыре небольших отделения на два человека. Койки располагались одна над другой. Каждый вечер после отбоя заключенные перебирались в «спальню», и надзиратель хитрыми рычажными устройствами запирал каждую клетку во всем ряду.

Общие камеры были рассчитаны на большое количество «жителей». У каждого была отдельная койка.

Между общими камерами и режимными был прямой коридор, одним концом упиравшийся в дверь, ведущую в контору тюрьмы, а другим — в дверь, ведущую в приемный и больничный отсеки.

Встречи с Донованом закончились. Надо было возвра-

---

[1] Вест-стрит — улица, на которой помещалась тюрьма федерального правительства в Нью-Йорке.

щаться в Атланту. В конце апреля 1960 года собралась очередная группа отправляемых в другие тюрьмы. Мы прошли обычную в таких случаях процедуру, нас посадили в тюремный автобус и повезли на юг. Первая остановка была в Люисберге в штате Пенсильвания. Тут выяснилось, что мы должны будем остаться в тюрьме по крайней мере на неделю, а то и больше. Не было транспорта на юг.

Перспектива была не из приятных. Во-первых, всех нас держали по одиночным камерам, не давали книг или газет, не было и прогулок. Нас водили гуртом в столовую, и только там мы могли увидеть «постоянное» население тюрьмы и обменяться с ними несколькими словами.

Дни проходили в однообразной, тяжелой скуке. Во время случайных встреч в столовой знакомый заключенный передал мне карандаш и бумагу, и я смог хоть как-нибудь развлечься.

Так прошло несколько дней. Только в пятницу 6 мая пронесся слух, что мы выедем на юг либо в субботу, либо в понедельник.

В субботу утром ничего не случилось. Как обычно, в этот день нас вывели группами в душевую рядом с камерами, и мы вымылись. Возвратившись в камеру, я занялся своими математическими развлечениями. Вдруг — через маленькое окошечко кто-то просунул свернутую в трубку газету. Я ее схватил — ведь больше недели я не имел никаких новостей о событиях в мире. Быстро разворачиваю и читаю заголовок, напечатанный огромными буквами: над Свердловском, СССР, сбит самолет У-2. Ниже, помельче, было напечатано: «Гари Пауэрс, пилот, схвачен русскими. Ему грозит суд как шпиону».

Вот это была новость!

На внутренней странице газеты было краткое сообщение о том, что метеорологический самолет США типа У-2, очевидно заблудившись, летел над СССР и был сбит.

Моя реакция была вполне понятной. Мои надежды на скорое освобождение из тюрьмы — надежды, которые меня не покидали все время,— теперь обрели под собой реальную почву!

Полет самолета У-2 серьезно повлиял на международное положение. Произошел он 1 мая 1960 года, а через 15 дней должно было состояться совещание «на высшем уровне» — глав четырех держав: СССР, США, Франции и Великобритании. Совещание было по сути дела заранее потоплено.

В самих Соединенных Штатах истинное назначение самолетов У-2 никогда не было обнародовано, и лишь небольшая группа людей из руководителей страны знала о шпионском характере полетов. Как только этим людям стало известно об исчезновении самолета — он не долетел до Буде в Норвегии, в назначенное время, было созвано совещание руководителей операции.

В США еще не знали, что именно случилось с У-2 и летчиком. Было известно лишь, что самолет пропал.

1 мая пало на воскресенье, и большинство людей, знавших об У-2 и его полетах, отсутствовало. Сотрудник ЦРУ тщетно искал кого-нибудь, кому можно было сообщить о случившемся. Наконец он нашел Кэмминга, главу разведывательного отдела госдепартамента. Кэмминг передал новость Диллону, заместителю министра иностранных дел (госдепартамента). Даллес — глава Центрального разведывательного управления, узнал о случившемся еще позже, после возвращения из Нью-Йорка. Тем временем об этом узнали в Пентагоне и сообщили президенту.

Для каждого полета была разработана «легенда» для печати на тот случай, если что-нибудь случится с самолетом. Появилось первое сообщение — пропал самолет во время метеорологического полета у границ СССР.

Создатели программы полетов У-2 знали, что рано или поздно станет известно о шпионском характере этой деятельности, но время шло, и все как будто проходило без аварий. «Легенды» составлялись, складывались в архив, и всем казалось, что положение блестящее. Летчики привозили ценные фотографии, записи на магнитофоне всяких электронных и других сведений — всё безнаказанно. И вдруг! Пропал самолет, и когда? Накануне встречи глав правительств четырех великих держав!

В Турции 2 мая местный журналист в городе Адане, где базировались самолеты У-2 в этой части мира, был первым, кому передали придуманную в Вашингтоне «легенду». Журналист добавил свои предположения,— что самолет был сбит советскими истребителями.

Сведения об исчезновении У-2 просочились в прессу. Все шло относительно гладко. «Легенда» успокоила прессу — на время. Что случилось с самолетом, еще никто на Западе не знал, а в Москве молчали.

Президент Эйзенхауер, который знал о полетах и одобрил план их поведения в целом, все же был озабочен

полетами. Он часто спрашивал у представителя ЦРУ: «Что будет, если нас поймают?» И неизменно следовал ответ: «Этого еще не случилось».

5 мая в Кремлевском дворце заседал Верховный Совет СССР. Председатель Совета Министров СССР докладывал делегатам. В конце речи он сообщил о шпионском полете самолета У-2 и его бесславном конце.

Теперь в США началось нечто вроде паники среди «знающих». Газеты напечатали сообщения о гибели У-2, основываясь на сообщении из СССР, и теперь вопросы репортеров посыпались как из рога изобилия. Снова появилась легенда о метеорологическом полете, но несколько более украшенная. Пока что не было известно, где был сбит самолет — около границы или в глубине страны.

На следующий день Громыко и Гречко дополнили первые сообщения о сбитом самолете У-2. Была напечатана фотография разбитого самолета в «Труде». Наконец, 7 мая в Москве стало известно, что американский летчик Пауэрс жив и здоров, что он многое рассказал о шпионских целях полета и что он был сбит в районе Свердловска.

В Вашингтоне паника уже достигла апогея. Припертый к стене Вашингтон должен был признаться в шпионаже при помощи У-2.

«Другого способа сбора сведений у нас не было».

Сперва не упоминалось, что президент одобрил шпионские полеты. Затем появилось новое коммюнике за подписью государственного секретаря Гертера, в котором прямо говорилось, что президент дал указания о сборе сведений всеми доступными способами, в том числе и путем полетов над территорией СССР. Однако из коммюнике нельзя было узнать, будут ли в дальнейшем проводиться подобные полеты.

Шумиха продолжалась. Напряженность в международных отношениях росла, и вполне понятно, что совещание глав правительств было сорвано.

Прошел суд над Пауэрсом, и в США газетчики проливали крокодиловы слезы насчет «бесправия», «отсутствия объективности советского суда», «беспринципности защитника, назначенного судом» и тому подобного.

В своей книге мой защитник Донован также злопыхает по этому поводу. Однако, когда я задал ему вопрос — каким был бы приговор суда США в случае появления советского летчика над городом в центре США, в обстоя-

тельствах, аналогичных полету Пауэрса,— он мне не ответил.

Писали, что Пауэрс не шпион, а лишь солдат, исполняющий приказ, и какое может быть сравнение с матерым разведчиком вроде полковника Абеля, забывая, что Пауэрс не раз пролетал над территорией СССР, проходил специальную подготовку и знал, на что он идет.

Вся эта газетная шумиха была типична для буржуазной прессы и имела целью усугубить напряженность международной обстановки.

Все это время я был лишен прав переписки с семьей, и лишь после того как были напечатаны письма американского летчика его семье и тем самым подорваны какие-либо «правовые» основания для отказа, мне наконец снова разрешили вести переписку.

Кончился 1960 год, наступил новый, а жизнь в тюрьме шла своим чередом. Шла моя переписка с семьей и семьи с адвокатом Донованом.

В Вашингтоне тем временем шли споры — пойти на обмен или нет. Одни — по всей вероятности сотрудники Федерального бюро расследований — надеялись на то, что мне наконец надоест сидеть в тюрьме и я расскажу им о своей деятельности в США, и противились обмену, а другие — видимо Центральное разведывательное управление — хотели заполучить своего летчика обратно, чтобы узнать, что именно произошло 1 мая 1960 года недалеко от Свердловска.

Время шло, наступил декабрь 1961 года. Неожиданно меня вызвал начальник тюрьмы. День был обычным в том смысле, что по этим дням недели он принимал заключенных по их личным делам. Однако я к нему ни с какими просьбами не обращался.

Кстати говоря, за время моего пребывания в тюрьме первый начальник тюрьмы, Уилкинсон, получил повышение и переехал в Вашингтон. На его место был назначен другой.

Я сидел в приемной и ждал очереди. Наконец я вошел, и начальник вежливо предложил мне сесть. Он протянул мне конверт, в верхнем правом углу которого было написано: «Вскрыть в присутствии Абеля Р. И.». Я возвратил ему конверт, он его вскрыл и вынул второй; посмотрев на него, он передал его мне. На втором было написано: «После прочтения уничтожить». Я снова вернул конверт, и

начальник вскрыл его. Он вынул сложенный лист бумаги, взглянул на него и передал мне.

Письмо было от адвоката Донована. Он писал, что собирается поехать в восточный Берлин в качестве неофициального представителя правительства США для ведения переговоров об обмене и просил меня написать письмо жене, объясняющее цель его поездки, с просьбой обеспечить ему соответствующий прием со стороны представителей советского посольства.

Я сказал начальнику, что напишу соответствующее письмо, и мы договорились, что в обеденный перерыв я ему передам свое послание. Это письмо было доставлено жене в рекордно короткое время — два-три дня против обычных тридцати дней. Вскоре я получил ответ, что жена предпримет нужные меры.

Машина закрутилась!

Я хотя и был голоден, но спал в берлинской тюрьме относительно хорошо. Это было понятно, потому что в самолете спать не пришлось. Утром, в шесть часов, меня разбудили, принесли одежду и «завтрак», вполне соответствующий по своим качествам ужину. Я его тоже не стал есть.

Пришел Донован. Он мне рассказал, что находится в Берлине уже несколько дней, что он вел переговоры с представителями советского посольства в восточном Берлине и в результате этого через час или около того будет произведен обмен.

— Это произойдет на стыке зон США и СССР около Потсдама. Я поеду вперед, а вас привезут следом.

Он мне рассказал о своем намерении написать книгу о моем процессе и последующих событиях.

Вид у него был утомленный, но он был очень доволен результатом своей деятельности.

Подошли другие американцы, в том числе Уилкинсон. Донован ушел вместе с ним, а меня вывели под конвоем двух гигантов. В машине со мной сидели мои «телохранители» и еще один человек из числа прилетевших вместе со мною из США.

Ехали сперва по городу, затем за городом.

Приехавший со мною из США чиновник повторил вопрос, который он задавал мне раньше в самолете:

— Вы не опасаетесь, полковник, что вас сошлют в Сибирь?

Я рассмеялся.

— Зачем? — ответил я. — Моя совесть чиста. Мне нечего бояться.

— Подумайте, еще не поздно! — продолжал он.

Я улыбнулся опять и отвернулся.

Машина замедлила скорость. Дорога спускалась. С левой стороны появилась ограда из колючей проволоки.

— Стена, — заметил один из американцев.

За оградой стояли двое военных в незнакомой мне форме и рассматривали нас в бинокли.

— Смотри! Они обзавелись биноклями, — сказал другой американец и добавил несколько ругательств по адресу охраны ГДР.

Мне стало смешно, и я решил над ними подшутить:

— Совсем как в пригородах Нью-Йорка за соседями подглядывают.

Стрела попала в цель, и они смущенно улыбнулись.

— Язык у вас острый, — сказал американец из Нью-Йорка.

Дорога шла под уклон, впереди была видна вода и большой железный мост. Недалеко от шлагбаума машина остановилась. У входа на мост большая доска оповещала на английском, немецком и русском языках: «Вы выезжаете из американской зоны».

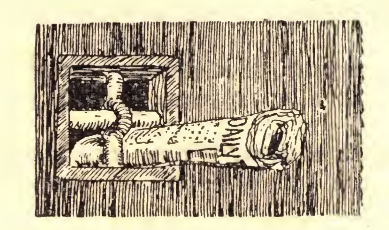
Приехали!

Мы постояли несколько минут. Кто-то из американцев вышел, подошел к барьеру и обменялся несколькими словами с человеком, стоявшим там. Еще несколько минут ожидания. Нам дали сигнал приблизиться. Мы вышли из машины, и тут обнаружилось, что вместо двух небольших сумок с моими вещами захватили только одну — с бритвенными принадлежностями. Вторая, с письмами и судебными делами, осталась у американцев. Я запротестовал. Мне обещали их передать. Я их получил месяц спустя!

Неторопливыми шагами мы прошли шлагбаум и по легкому подъему моста приблизились к середине. Там уже стояло несколько человек. Я узнал Уилкинсона и Донована. С другой стороны также стояло несколько человек. Одного я узнал — старый товарищ по работе. Между двумя мужчинами стоял молодой высокий мужчина — Пауэрс.

Представитель СССР громко произнес по-русски и по-английски — «Обмен!». Уилкинсон вынул из портфеля какой-то документ, подписал его и передал мне. Быстро прочел — он свидетельствовал о моем освобождении и был подписан президентом Джоном Ф. Кеннеди! Я пожал руку Уилкинсону, попрощался с Донованом и пошел к своим товарищам. Перешел белую черту границы двух зон, и меня обняли товарищи. Вместе мы пошли к советскому концу моста, сели в машины и спустя некоторое время подъехали к небольшому дому, где меня ожидали жена и дочь.

Кончилась четырнадцатилетняя командировка!

РАЗГОВОР С РАЗВЕДЧИКОМ

Полковник Р. И. Абель отвечает на вопросы корреспондента журнала «Смена» А. Лаврова

Вопрос. Рудольф Иванович! Какие черты характера современной молодежи вам больше всего нравятся? Не приведете ли вы примеры из своих повседневных наблюдений?

Ответ. По роду своей работы и в связи с возрастом — недавно мне исполнилось 65 лет — мне не часто приходится общаться близко с молодыми людьми. Кроме того, многие годы я был вдали от Родины и вообще не имел личного общения с нашим молодым поколением. Поэтому я не берусь судить о всей молодежи в целом.

Мне приходится чаще сталкиваться с молодыми людьми родственных профессий. Конечно, это несколько специфичная группа лиц. Но мне кажется, что она является выразителем тех качеств, которые характерны и для всей нашей молодежи. Особенно мне нравится в этих молодых людях их настойчивость в достижении поставленной цели, целеустремленность в работе, их высокий культурный и общеобразовательный уровень и преданность своему делу. Нравятся мне и их личные качества: уверенность в себе в сочетании со скромностью (правда, не у всех), выдержанность и уравновешенность.

Я не правомочен подкрепить свои суждения конкретными примерами. Могу лишь сказать, что многие из молодых работников, которых я хорошо знаю, уже добились серьезных успехов.

Вопрос. Что вы думаете о возможностях самовоспитания человека? Считаете ли вы, что такие черты, как храбрость, самоотверженность, самовоспитуемы? Есть ли, на ваш взгляд, в повседневной жизни возможности для их проявления и тренировки?

Ответ. Храбрость и самоотверженность обычно присущи волевым, решительным и преданным своему делу людям. Это есть проявление воли, решительности и целеустремленности человека в конкретных условиях. А эти качества вполне воспитуемы.

Самоотверженность предполагает высокую сознательность человека, чувство долга и ответственности перед обществом за свои действия.

Храбрость — это способность преодолевать страх. Страх перед чем?

Во время войны я знал одну разведчицу, которая проявила образцы мужества за линией фронта, была награждена несколькими правительственными наградами, но считала себя трусихой, так как ужасно боялась мышей и лягушек. Как нам считать ее храброй или нет?

Храбрость бывает разная. Бывает безрассудная храбрость, показная, то есть храбрость ради бахвальства. Но есть храбрость и отвага, основанные на чувстве долга, на трезвом учете обстановки и возможного риска. Чувство долга, умение правильно оценивать обстановку — качества, которые также воспитуемы, и каждый человек может в повседневной жизни найти возможности проявлять эти качества и закалять их в себе.

Храбрость и отвага требуются от работников самых различных профессий. Эти качества необходимы и верхолазу и альпинисту, летчикам, космонавтам, цирковым артистам, пожарным, охотникам и многим, многим другим.

Никто из людей, работающих в отрасли, связанной с определенной опасностью, нарочно не идет на риск, если в этом нет необходимости. Это было бы безрассудством, бахвальством, а иногда даже преступлением. Для этих профессий опасность является «нормальным компонентом» работы, и каждый профессионал приучает себя к разумному

поведению и принимает нужные меры, чтобы свести риск до минимума.

Усилием воли можно подавить в себе страх, приучить себя выполнять работу, связанную с определенной опасностью. Развить и укрепить свою волю может каждый человек путем настойчивой работы над собой.

Вопрос. Есть ли у вас увлечения, или, как принято сейчас говорить, хобби?

Ответ. Я увлекаюсь и интересуюсь многим: рисованием, изготовлением эстампов, фотографией, музыкой, точными науками (в особенности астрофизикой), техникой, радиоэлектроникой. Конечно, одновременно всем сразу я заниматься не в состоянии. Но так или иначе ухитряюсь заниматься тем и другим. И должен сказать, что занимаюсь основательно. Об этом вы можете судить хотя бы по тому, что в различные периоды времени, помимо своей основной чекистской работы, мои увлечения позволяли мне работать чертежником, радиоинженером, переводчиком, фотографом и художником. Я уже не говорю о том, что в моей работе разведчика знание фотографии и радиотехники, умение рисовать и т. п. сослужили мне хорошую службу.

Несколько подробнее о некоторых из моих хобби. Фотографией я занимаюсь с детства, и сейчас, отправляясь в поездки, я беру с собой фотоаппарат. Одно время я увлекался цветной фотографией. Некоторые из моих цветных снимков экспонировались на фотовыставках. Цветная художественная фотография требует, к сожалению, очень много времени, и последнее время я ограничиваюсь съемкой на цветную обратимую пленку.

Очень люблю музыку. Сам играю на классической (шестиструнной) гитаре. Играю Баха, музыку лютнистов, люблю испанские народные мелодии. К сожалению, года два назад я случайно повредил себе левую кисть. Как у нас говорят, «бытовая травма». И теперь я уже не владею инструментом так, как прежде.

После тяжелого трудового дня лучший способ снять нервное напряжение, отрешиться от забот и тревог — это отдаться какому-нибудь хобби. Особенно помогли мне мои увлечения после моего ареста, во время суда и затем тюремного заключения. Они помогли мне сохранить присутствие духа, душевное равновесие, помогли спокойно переносить тяготы и неудобства тюремной жизни. В первое время после ареста я использовал увлечения школьных лет и занялся решением задач из области занимательной ма-

тематики — составлял «магические квадраты» и решал так называемые диофантовы уравнения.

Примером такой задачи может служить следующее: три взрослых и один мальчик пошли в лес собирать орехи. Орехов было мало, и люди задержались и решили там заночевать. Все собранные орехи были в общем мешке. Ночью один из мужчин проснулся, почувствовав голод. Он взял орехи, разделил на три части, при этом остался один лишний орех, который он отдал мальчику. Свою часть он съел, а остальные положил обратно в мешок. Некоторое время спустя второй мужчина проснулся, разделил орехи на три части, обнаружив опять лишний орех. Наутро они снова разделили остатки, нашли лишний орех, отдали мальчику. Спрашивается, каково минимальное количество орехов, с которыми можно проделать указанную дележку? Сколько их нужно, если мужчин было четверо, пятеро и больше?

Подобных задач очень много, и я ими развлекался. Помню, для решения одной задачи мне потребовались таблицы квадратов и кубов целых чисел. Тюремное начальство отказалось мне их дать, и мне пришлось заняться расчетами. Это труд механический, но требует внимательности, точности. И много времени, которого в тюрьме у меня хватало. Кстати говоря, этими моими занятиями очень интересовались представители ФБР, поскольку мои расчеты казались им чем-то вроде криптограмм.

Несколько позже в тюрьме я занялся рисованием. Интересна такая деталь. Как-то по газетным фотографиям я нарисовал портрет Джона Кеннеди — в то время президента США. Портрет очень понравился его брату — Роберту Кеннеди, который в то время был министром юстиции, и он попросил подарить ему этот портрет. Результатом моего подарка явилось то, что тюремная администрация не только не препятствовала моим художественным увлечениям, но и всячески поощряла их, снабжая меня красками, бумагой и другими необходимыми принадлежностями.

В тюрьме я изучил новый для меня метод изготовления эстампов путем шелкографии, которым продолжаю увлекаться и поныне.

Вопрос. Рудольф Иванович, не разрешите ли вы поместить в нашем журнале репродукции некоторых ваших работ?

Ответ. Это работы любителя, а не профессионала. Покажутся ли они интересными вашим читателям? Впрочем, смотрите сами. Я не возражаю.

Вопрос. Если можно, расскажите, как вы строите, планируете свой день, чтобы время не уходило сквозь пальцы? Есть ли какой-то жесткий режим, которого вы стараетесь придерживаться?

Ответ. Мой распорядок дня определяется служебными делами. Когда мне приходилось работать вне нашего коллектива и самому составлять распорядок дня, то в этих условиях, тем более, служебные дела всегда стояли на первом месте. Затем следовали занятия, оправдывающие в глазах окружающих источники моего существования. Остававшееся время шло на домашние дела и отдых.

Естественно, распрядок одного дня мог совершенно отличаться от другого. Все зависело от имеющихся у меня заданий, требований нашей работы, окружающей обстановки и многих других факторов.

В этих условиях умение выделить в своей работе главное, не размениваться на мелочи, на второстепенные задачи приобретает принципиальное значение. Это несколько профессиональный подход, но думаю, что умение выделить в своей работе основное необходимо и работникам многих других профессий.

Вопрос. Что вы сейчас читаете и, хотя бы кратко, что думаете об этом?

Ответ. В основном я читаю литературу, связанную с моими увлечениями. Выписываю много научных и научно-популярных журналов, которые вместе с книгами на родственные темы составляют основной материал для чтения.

Беллетристике, должен признаться, я в последнее время уделяю мало времени.

Из писателей люблю Толстого, Достоевского, Гюго, Диккенса, Паустовского, Фадеева...

Вопрос. Существует ли какой-либо литературный персонаж или конкретный человек, который в свое время был для вас жизненным идеалом?

Ответ. Можно сказать, что мне повезло в детстве. Я родился в семье рабочего-металлиста, старого революционера, и все мои воспоминания детства так или иначе связаны со старыми большевиками, революционерами. Они были жизнерадостными, развитыми, образованными, дея-

тельными. В особенности мне нравился ореол таинственности и подвига, окружавший их. Они были идейными, бескорыстными и честными. Большое влияние оказала на меня личность Василия Андреевича Шелгунова — старого соратника отца, с которым он вместе работал еще в 90-х годах прошлого столетия и учился в кружке, руководимом Владимиром Ильичем. Несмотря на утрату зрения, Шелгунов всегда был жизнерадостным, энергичным, интересовался всем, что происходило вокруг. Все эти люди своим примером воспитали во мне уважение к старшим, опытным товарищам, любовь к труду, честность. Немалое значение имела также служба в армии по призыву в 1925 году. Наконец, можно отметить влияние старых чекистов, с которыми я начал свою работу в ВЧК—ОГПУ—КГБ. Среди них были старые большевики, участники гражданской войны, соратники Ф. Э. Дзержинского.

Вопрос. Молодежь знает вас как известного советского разведчика. Не расскажете ли вы о каком-либо эпизоде, который учил бы молодежь бдительности?

Ответ. Работа разведчика изобилует моментами, когда ему приходится проявлять находчивость, инициативу, смекалку. Под бдительностью мы понимаем довольно сложный комплекс. Он включает в себя постоянное изучение обстановки, в которой работаешь, наблюдательность, самокритичность по отношению к своим поступкам и словам, продумывание всех своих действий, относящихся не только к работе, но и ко всему, что связано с окружением, обычаями и нравами людей.

Однажды в США я навестил одного знакомого художника. Был он очень беден и, хотя художник был неплохой, никак не мог продать свои картины. В момент моего прихода у него оказалось несколько его друзей, а сам хозяин с повязанным вокруг головы шарфом маялся от зубной боли. Выяснилось, что у него несколько дней болит зуб, а к врачу он пойти не может: нет денег. Я тут же вытащил бумажник и вручил ему 20 долларов, посоветовав немедленно идти к врачу.

Казалось бы, что в этом поступке особенного? Но в действительности он вызвал большое недоумение у друзей моего знакомого, да и у него самого. Среди большинства американцев не принято предлагать деньги, если тебя прямо об этом не просят, да еще без расписки и не оговорив срока возврата. Такая, казалось бы, мелочь может кончиться для разведчика плачевно. К счастью, в данном

случае все обошлось благополучно, если не считать, что в дальнейшем мне пришлось немало потрудиться, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление от своего промаха.

Или вот другой случай, происшедший со мной в самом начале войны. Дело было в конце августа 1941 года. Я выезжал за город и на пригородной электричке возвращался в Москву. Вагоны были переполнены, и на каждой остановке вливались новые пассажиры. После очередной станции меня оттеснили к двум ничем не примечательным молодым людям. До Москвы оставалось остановки три-четыре. И вдруг я услышал, как один из этих молодых людей сказал другому: «Давай выйдем на следующей станции, а то как бы не проехать Москву». Выражение очень странное. Через Москву электропоезда не ходили. А вот в Берлине, и я это хорошо знал, пригородные поезда проходят через весь город и следуют дальше в другом направлении. Все-таки эти молодые люди доехали до Ярославского вокзала... Там комендантский патруль проверил у них документы и задержал обоих. Впоследствии я узнал, что они оказались немецкими лазутчиками, сыновьями белых эмигрантов, заброшенными самолетом в наш тыл.

Оба эти случая — лишь отдельные штрихи. В целом наша работа имеет мало общего с представлениями, которые складываются у читателей детективной литературы о разведчиках. Наша работа чаще бывает однообразной, она слагается из целой цепочки мелких, прозаических, малоинтересных, но требующих зачастую кропотливого труда элементов, которые только в совокупности дают нужный результат. Отдельными примерами иллюстрировать это невозможно. Тем, кто интересуется, как планируются и осуществляются большие операции, я бы посоветовал прочитать книги Л. Никулина «Мертвая зыбь» и В. Ардаматского «Возмездие»... В этих книгах хорошо показано, с каким терпением, знанием обстановки и пониманием психологии противника работали чекисты.

Вопрос. Известно, что по роду службы вы многие годы находились за рубежом. Как помогало вам чувство Родины в выполнении своего долга?

Ответ. Прежде всего, находясь далеко от Родины, я никогда не чувствовал себя оторванным от нее. Моя повседневная работа, выполнение моего долга были служением Родине и в моральном, да и прямом смысле постоянно связывали меня с нею.

Даже в самое тяжелое время, когда я находился в тюрьме, чувство Родины, какой-то внутренний контакт с нею не оставляли меня ни на минуту. Я был совершенно уверен, что у меня на Родине делается все, что возможно, чтобы помочь мне. Эта уверенность помогла преодолеть все выпавшие на мою долю испытания и не обманула меня. Я вернулся домой гораздо раньше, чем мог предполагать[1].

---

[1] «Смена», 1968, № 20.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

Редактор И. В. Стабникова
Художественный редактор Н. Л. Юсфина
Технический редактор Ю. С. Бельчикова
Корректор З. А. Росаткевич

Сдано в набор 29/I-70 г. Подписано к печати 26/V-70 г. Формат бум. 84×108 1/32. Физ. печ. л. 15,5. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 25,76 Изд. инд. ХД-228. А03142. Тираж 200 000 экз. Цена 91 коп. в переплете. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ 1066.

НЕВЕСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...